«Издательский дом «Юр-ВАК», Национальный исследовательский МГУ им. Н. П. Огарева»

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том / Vol. 10. № 3. 2020

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

Publishing house «Yur-VAK», Ogarev Mordovia State University

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научно-практический журнал

Том 10. № 3. 2020 г.

Концепция журнала

Научный рецензируемый журнал «Социально-политические науки» публикует материалы по актуальным вопросам социально-политической стабильности в обществе; политической социализации в современной России и в мире; формированию национально-государственной идентичности в России; истории социально-политических учений; правовой социализации; правам и свободам человека и гражданина и гарантиям их обеспечения.

Миссия журнала – содействие развитию гражданского демократического общества в России, системы социально-политических ценностей, свободы, прав человека, законности и сильного государства.

В соответствии с решением **Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 28.12.2018 г. журнал «Социально-политические науки» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. (http://vak.ed.gov.ru/). Журнал входит в Перечень ВАК с 01.12.2015 г.

Журнал публикует научные рецензируемые статьи по следующим научным специальностям:

23.00.00 – Политология
12.00.00 – Юридические науки
09.00.00 – Философские науки

Научное цитирование журнала: Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных в Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Рецензирование

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят двойное рецензирование, а также проверяются программой Антиплагиат по базам РИНЦ, РГБ. Подробные правила рецензирования представлены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» www.urvak.ru.

Главный редактор – *Ястребова Елена Владимировна*, канд. физ.-мат. наук, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Заместитель главного редактора – *Чистяков Владимир Всеволодович*, профессор, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Ответственный редактор – *Сушкова Юлия Николаевна*, докт. истор. наук, доцент; декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Компьютерная верстка номера – *Попова Н.А.*

Дизайн обложки – *Бородин П.А.*

Переводчик *Кожалиева А.Е.*

Журнал выпускается при участии: Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Мордовского Государственного университета им. Н.П. Огарева, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Московского Государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-46782 от 30. 09.2011
ISSN	2223-0092 (print) 2310-7065 (online)
Периодичность	6 раз в год
Учредитель и издатель	«Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация
Типография	ТИРАЖИ.RU г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5, тел. (495) 585-08-95
Сайт	http://www.urvak.ru
Адрес учредителя и издателя	121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 23А/21
E-Mail	urvak@urvak.ru
Телефон редакции	8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06
Подписка и распространение	Журнал распространяется только по подписке. Индекс по каталогу агентства «Роспечать»: **83200** «Социально-политические науки». Свободная цена
Тираж	Агентство «Урал-Пресс», http://www.ural-press.ru 500 экз. (1 завод 140 экз.) Формат 60×84 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 13,375
Подписано к печати	28.06.2020

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

Peer-reviewed journal of research and practice

Vol. 10, № 3, 2020

Journal concept

The peer-reviewed scientific journal "Sociopolitical Sciences" publishes materials on relevant issues of socio-political stability in society; political socialization in modern Russia and in the world; the formation of national-state identity in Russia; history of socio-political teachings; legal socialization; rights and freedoms of man and citizen and guarantees for their provision.

The mission of the journal is to promote the development of a civil democratic society in Russia, a system of socio-political values, freedom, human rights, the rule of law and a strong state.

In accordance with the decision of **the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia dated 12.28.2018, the journal "Sociopolitical Sciences" is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications** in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences should be published (http://vak.ed.gov.ru/).

The journal publishes peer-reviewed scientific articles on the following scientific specialties

23.00.00 – Political science
12.00.00 – Juridical sciences
09.00.00 – Philosophic sciences

Scientific citation of the journal: Russian Science Citation Index (RSCI), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

The editorial policy of the "Yur-VAK" Publishing House is based on the principles formulated by the Association of Science Editors and Publishers (ASEP) Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications".

Peer review

All articles published in the journal undergo double peer review, and are also checked by the Anti-Plagiarism program at the RSCI and RSL bases. Detailed review rules are presented on the website of the "Yur-VAK" Publishing House www.urvak.ru

Editor-in-chief – *Elena Vl. Yastrebova*, Cand. of Sci. (Phys.-Math.), "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief – *Vladimir Vs. Chistyakov*, professor, "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Executive Editor – *Julia N. Sushkova*, Dr. of Sci. (Hist.), associate professor; Dean of the Faculty of Law in Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Computer layout of the number – *Popova N.A.*

Translator – *Kozhalieva A.E.*

Cover Design – *Borodin P.A.*

The journal is published with the participation of: Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Ogarev Mordovia State University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Name of the authority that registered the publication	The publication is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Media Registration Certificate: PI No. FS77-46782 dated 09.30.2011
ISSN	2223-0092 (print) 2310-7065 (online)
Publication Frequency	6 times a year
Founder	"Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation
Printing House	ТИРАЖИ.RU Moscow, Pravda str., 24, bld.5, phone: (495) 585-08-95
Web-site	http://www.urvak.ru
Postal adress	23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
E-Mail	urvak@urvak.ru
Tel.	8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06
Subscription	The magazine is distributed by subscription only. Index according to the catalog of the "Rospechat" agency: **83200** "Sociopolitical sciences". Free price
Cicrulation	500 copies (1 plant 140 copies.) Format 60×84 1/8. Offset printing. Offset paper No. 1 Pr. sh. 13,375
Signed for printing	28.06.2020

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДСОВЕТА ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Председатель редакционного совета журнала «Социально-политические науки»

Грязнова Алла Георгиевна – д-р экон. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; Президент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Сопредседатели редакционной коллегии журнала «Социально-политические науки»

Сушкова Юлия Николаевна – д-р ист. наук, доцент; заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Чистяков Владимир Всеволодович – профессор; главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии журнала «Социально-политические науки»

РОССИЯ

Андреев Валерий Витальевич – д-р ист. наук, профессор; ректор Чебоксарского кооперативного института (филиал Российского университета кооперации), г. Чебоксары

Аринин Евгений Игоревич – д-р филос. наук, профессор; заведующий кафедрой философии и религиоведения, Владимирский государственный университет, г. Владимир

Бахлов Игорь Владимирович – д-р полит. наук, доцент; ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения; профессор кафедры государственного и административного права, руководитель Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем», г. Саранск

Буянова Марина Олеговна – д-р юрид. наук, профессор; профессор кафедры Трудового права и права социального обеспечения НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

Бельский Виталий Юрьевич – д-р филос. наук, профессор; начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Володина Нина Витальевна – д-р филос. наук, д-р юрид. наук; профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и информационно-правовых дисциплин Университет прокуратуры РФ, г. Москва

Гиззатулин Равиль Хасанович – д-р юрид. наук; профессор кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета, г. Уфа

Гладилин Алексей Петрович – д-р филос. наук, профессор; профессор Академии управления МВД РФ, г. Москва

Грачев Михаил Николаевич – д-р полит. наук, профессор; профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, действительный член Академии политической науки, г. Москва

Гришнова Елена Евгеньевна – д-р полит. наук, профессор; и.о. зав. кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва

Головнев Андрей Владимирович (*ORCID*) – член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнологии исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

THE EDITORIAL BOARD AND THE EDITORIAL COUNCIL OF "SOCIOPOLITICAL SCIENCES" JOURNAL

Chairman of the journal editorial council "Sociopolitical Sciences"

Alla G. Gryaznova – Dr. Sci. (Econ.), Professor; Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Co-chairs of the editorial board of "Sociopolitical Sciences" journal

Julia N. Sushkova – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor; Head of the Faculty of International and European Law, Dean of the Law Faculty of Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Vladimir V. Chistyakov – Professor; Editor-in-Chief of the "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Members of the editorial board of "Sociopolitical Sciences" journal:

RUSSIA

Valery V. Andreev – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Rector of the Cheboksary Cooperative Institute (branch of the Russian University of Cooperation), Cheboksary

Evgeny I. Arinin – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University, Vladimir

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor; FSBEI HE "Ogarev National Research Mordovia State University", Head of the Department of World History, Political Science and Regional Studies; Professor of the Department of State and Administrative Law, Head of the Scientific and Educational Center "Political Analysis of Territorial Systems", Saransk

Marina O. Buyanova – Dr. Sci. (Law), Professor; Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the National Research University "Higher School of Economics", Moscow

Vitaliy Yu. Belsky – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow

Nina V. Volodina – Dr. Sci. (Philos.), Dr. Sci. (Law); Professor of the Department of Humanitarian, Social, Economic and Information-Legal Disciplines, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow

Ravil Kh. Gizzatulin – Dr. Sci. (Law); Professor of the Department of Financial and Environmental Law, Bashkir State University, Ufa

Alexey P. Gladilin – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Mikhail N. Grachev – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Faculty of Humanitarian and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia, Full Member of the Academy of Political Science, Moscow

Elena E. Grishnova – Dr. Sci. (Polit.), Professor; acting Head of the Department of Political Science, Bauman MSTU, Moscow

Andrey V. Golovnev (*ORCID*) – Corr. Member, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Hist.); Chief Researcher of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology and Ethnology of the Faculty of History, Ural Federal University, Yekaterinburg

Доленко Дмитрий Владимирович – д-р полит. наук, профессор; зав. кафедрой регионоведения и политологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Жаворонкова Наталья Григорьевна – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва

Женетль Светлана Закошуовна – д-р юрид. наук, профессор; Российский государственный университет правосудия, кафедра гражданского и административного судопроизводства, г. Москва

Залысин Игорь Юрьевич – д-р полит. наук, профессор; зав.. каф. политологии РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

Забияко Андрей Павлович – д-р филос. наук, профессор; заведующий кафедрой религиоведения и истории факультета международных отношений, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Исмуков Николай Аверкиевич – д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры философии, истории и педагогики Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, Чебоксары

Капинус Оксана Сергеевна – д-р юрид. наук, профессор; ректор Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 2 класса, профессор РАН, г. Москва

Калинина Галина Викторовна – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки Чуваш. Респ.; декан торгово-технологического факультета Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары

Калинкина Любовь Даниловна – канд. юрид. наук, доцент; зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна – д-р соц. наук, канд. экон. наук; зав. сектором эволюции социально-экономических систем ФГБУН Института экономики РАН, г. Москва

Ковлер Анатолий Иванович – д-р юрид. наук, профессор; зав. центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва

Ксенофонтов Владимир Николаевич – д-р филос. наук, профессор; профессор МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва

Курюкин Андрей Николаевич – канд. полит. наук, профессор РАЕ; ст. науч. сотр. отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, г. Москва

Лабин Дмитрий Константинович – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой публичного права, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, г. Москва

Лебедева Маргарита Леонидовна – канд. полит. наук, доцент; доцент кафедры политологии Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

Летова Наталья Валерьевна – д-р юрид. наук, профессор; ведущий научный сотрудник секции гражданского права, арбитражного и гражданского процесса ИГП РАН, г. Москва

Личман Борис Васильевич – д-р ист. наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы РФ; зав. кафедрой исторических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, член Научно-методического совета по истории министерства образования и науки РФ, г. Екатеринбург

Dmitry V. Dolenko – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Head of the Department of Regional Studies and Political Science, Ogarev Mordovia State University, Saransk

Natalya G. Zhavoronkova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Svetlana Z. Zhenetl – Dr. Sci. (Law), Professor; Russian State University of Justice, Department of Civil and Administrative Procedure, Moscow

Igor Yu. Zalysin – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Head of the Department of Political Science of RSAU-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Andrey P. Zabiyako – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Religious Studies and History of the Faculty of International Relations, Amur State University, Blagoveshchensk

Nikolay A. Ismukov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Department of Philosophy, History and Pedagogy, Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary

Oksana S. Kapinus – Dr. Sci. (Law), Professor; Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, State Counselor of Justice of 2nd category, Professor of Russian Academy of Sciences, Moscow

Galina V. Kalinina – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honored Science Worker of the Chuvash Republic; Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Dean of the Faculty of Trade and Technology, Cheboksary

Lyubov D. Kalinkina – Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision of Ogarev Mordovia State University, Saransk

Svetlana G. Kirdina-Chandler – Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.); Head of the Sector of Evolution of Social and Economic Systems, Federal State Budgetary Institution, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

Anatoly I. Kovler – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Center for Foreign Legislation and Comparative Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

Vladimir N. Ksenofontov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Andrey N. Kuryukin – Cand. Sci. (Polit.) Professor of RANH; Senior Researcher of the Department of Analysis of Socio-Political Processes, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow

Dmitry K. Labin – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Public Law, Professor of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Margarita L. Lebedeva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Political Science of RSAU-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Natalya V. Letova – Dr. Sci. (Law), Professor; Leading Researcher of Civil Law, Arbitration and Civil Procedure Section in ISL RAS, Moscow

Boris V. Lichman – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Head of the Department of Historical Disciplines of the Ural Institute of Economics, Management and Law, Member of the Scientific and Methodological Council on the History of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Yekaterinburg

Лопашенко Наталия Александровна – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции руководитель научной социальной сети Crimpravo.ru, г. Саратов

Машекуашева Маргарита Хасанбиевна (*редактор журнала*) – канд. психол. наук, доцент, профессор РАЕ; ст. преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации филиала Краснодарского университета МВД России

Мокшин Николай Федорович – д-р ист. наук, профессор; зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Нефедов Борис Иванович – д-р юрид. наук, доцент; зам. зав. кафедрой международного права МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва

Плаксий Сергей Иванович – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; ректор Национального института бизнеса, г. Москва

Петрий Петр Владимирович – д-р филос. наук, профессор; зав. кафедрой философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

Пихоя Рудольф Германович – д-р ист. наук, профессор; заведующий Историческим отделением ФГУ РАНХиГС, профессор, главный государственный архивист России, г. Москва

Серебренникова Анна Валерьевна – д-р юрид. наук; профессор юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Сильвестрова Тамара Яковлевна – д-р филос. наук, профессор; зав. кафедрой мировой экономики и налоговых систем Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары

Скачкова Галина Семеновна – д-р юрид. наук, профессор; зав. сектром ИГП РАН, г. Москва

Сундиев Игорь Юрьевич – д-р филос. наук, профессор; вице-президент Российской криминологической ассоциации, гл. научный сотрудник ВНИИ МВД, г. Москва

Тимофеева Лидия Николаевна – д-р полит. наук, профессор; зам. зав. кафедрой политологии и политического управления по научной работе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Тульчинский Григорий Львович – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; профессор НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург

Умнова-Конюхова Ирина Антольевна – д-р юрид. наук, профессор; зав. отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, г. Москва

Хмелевская Светлана Анатольевна – д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры философии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Худойкина Татьяна Викторовна – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Чернякин Владимир Геннадьевич – канд. филос. наук; доцент Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Москва

Шабров Олег Федорович – д-р полит. наук, профессор; Президент Академии политической науки, зав. каф. политологии и политического управления ФГУ РАНХи ГС, г. Москва

Шульженко Юрий Леонидович – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; зав. кафедрой Конституционного права ИГП РАН, г. Москва

Natalia A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy, Director of the Saratov Center for the Study of the Problems of Organized Crime and Corruption, Head of the scientific social network Crimpravo.ru, Saratov

Margarita Kh. Mashekusheva (*editor-in-chief of the magazine*) – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Professor RANH; Senior Lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines of the North Caucasus Institute for Advanced Studies of the Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik

Nikolay F. Mokshin – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of the Department of Pre-revolutionary Russian History, Archeology and Ethnography of Ogareva Mordovia State University, Saransk

Boris I. Nefedov – Dr. Sci. (Law.), Associate Professor; Deputy Head of the Department of International Law, MSIIR (U), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Sergey I. Plaksiy – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation; rector of the National Institute of Business, Moscow

Petr V. Petriy – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Rudolf G. Pihoya – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of the Historical Department of the FSI RANEPA, Professor, Chief State Archivist of Russia, Moscow

Anna V. Serebrennikova – Dr. Sci. (Law); Professor of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Tamara Ya. Silvestrova – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of the World Economy and Tax Systems of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary

Galina S. Skachkova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Sector of ISL RAS, Moscow

Igor Yu. Sundiev – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Vice-President of the Russian Criminological Association, Senior Researcher of the All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, Moscow

Lidia N. Timofeeva – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Deputy Head Chair of Political Science and Political Management for Scientific Work of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow

Grigory L. Tulchinsky – Honored Science Worker the Russian Federation, Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the NRU Higher School of Economics (St. Petersburg), St. Petersburg,

Irina A. Umnova-Konyukhova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Constitutional Legal Studies of the Russian State University of Justice, Moscow

Svetlana A. Khmelevskaya – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Department of Philosophy of Natural Faculties,Lomonosov Moscow State University, Moscow,

Tatyana V. Khudoykina – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Ogarev Mordovia State University, Saransk

Vladimir G. Chernyakin – Cand. Sci. (Philos.); Associate Professor of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow

Oleg F. Shabrov – Dr. Sci. (Polit.), Professor; President of the Academy of Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Administration of the FSI RANEP, Moscow

Yuri L. Shulzhenko – Dr. Sci. (Law); Head of the Department of Constitutional Law, ISL RAS, Lawyer of the Russian Federation, Moscow

Яблоков Игорь Николаевич – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; кафедра философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, академик Российской Академии Естественных Наук, г. Москва

Якушева Ирина Петровна – канд. полит. наук, доцент; кафедра правоведения Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А.Тимирязева, г. Москва

Зарубежные члены редколлегии журнала

ГЕРМАНИЯ

Зигмунт Ольга – PhD по праву, доцент; Университет Фехта, г. Фехта, Германия

ВЬЕТНАМ

Cao Ngoc Anh – PhD, преподаватель, вице-декан факультета консультирования по вопросам безопасности и лидерства Академии народной безопасности, г. Ханой, Вьетнам

ИРАК

Hunar Ameen Hasan – PhD, канд. юрид. наук; декан факультета государственного управления и рационального использования природных ресурсов, Университет Чармо, Sulaimani Kurdistan region, Ирак

ИТАЛИЯ

Марино Иван – канд. юрид. наук; доцент Департамента Восточной Европы Государственного Университета Università degli studi di Napoli l'Orientale, член Союза журналистов России,корреспондент журнала «Представительная власть XXI век», руководитель Фонда Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa, координатор проекта «Школа российского конституционализма на Капри», эксперт Фонда конституционных реформ, г. Милан, Италия

КИТАЙ

Wang Zan – Ph.D., доцент; Юридический факультет Далянского морского университета, провиция Ляонин,г.Далянь, Китай

Yue Qiang – PhD; Шанхайский политико-юридический университет; Комиссия по юридическим услугам для ШОС (Китай); Восточно-китайский политико-юридический университет, старший преподаватель; заместитель начальника Центра обмена и сотрудничества; научный сотрудник пост-докторской станции, г. Шанхай, Китай

ЛИТВА

Edita Gruodyte – PhD, профессор; Заместитель декана по научным исследованиям Университета Витаутаса Магнуса, юридический факультет, г. Каунас, Литва

ПОЛЬША

Rafal Adamus – д-р юрид. наук, профессор; Опольский университет, руководитель факультета экономики и коммерческого права, г. Ополе, Польша

Jarosław Turłukowski – PhD; доцент Института гражданского права, юридический и административный факультет Варшавского университета, юридический и и административный факультет Варшавского университета, г. Варшава, Польша

СЛОВЕНИЯ

Kraljić Suzana – PhD (Law), доцент; Мариборский университет, юридический факультет, г. Марибор, Словения

США

Louise Shelley – PhD, профессор; Университет Джорджа Мейсона, г. Арлингтон, Вирджиния, США

ФИНЛЯНДИЯ

Тойдыбекова-Мустонен Лидия Семеновна – доктор философии; Университет г. Хельсинки, Финляндия

Igor N. Yablokov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow

Irina P. Yakusheva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor; the Department of jurisprudence of the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Foreign members of the editorial board of the journal

GERMANY

Olga Zigmunt – PhD (Law), Associate Professor; University of Vechta, Vechta, Germany

VIETNAM

Cao Ngoc Anh – PhD (Law); Lecturer, Vice Dean of the Security and Leadership Advisory Department, People's Security Academy, Hanoi, Vietnam

IRAQ

Hunar Ameen Hasan – PhD (Law); Dean of the Faculty of Public Administration and Rational Use of Natural Resources, Charmo University, Sulaimani Kurdistan region, Iraq

ITALY

Ivan Marino – PhD (Law), Associate Professor; Department of Eastern Europe, State University Università degli studi di Napoli l'Orientale, member of the Union of Journalists of Russia, Correspondent of the journal "Representative Power of the 21st Century", Head of the Foundation "Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa", coordinator project "School of Russian Constitutionalism on Capri", expert of the Fund for Constitutional Reforms, Milan, Italy

CHINA

Wang Zan – PhD (Law), Associate Professor; Faculty of Law, Dalian Maritime University, Liaoning Province, Dalian, China

Yue Qiang – PhD, Shanghai Political and Law University; SCO Legal Services Commission (China); East China Political and Law University, Senior Lecturer; Deputy Head of the Center for Exchange and Cooperation; Postdoctoral Research Fellow, Shanghai, China

LITHUANIA

Edita Gruodyte – PhD (Econ.), Professor; Deputy Dean for Research, Vytautas Magnus University, Faculty of Law, Kaunas, Lithuania

POLAND

Rafal Adamus – Dr.Sci (Law), Professor; University of Opole, Head of the Faculty of Economics and Commercial Law, Opole, Poland

Jarosław Turłukowski – PhD (Law), Associate Professor; Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration of the University of Warsaw, Law and Administrative Department of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

SLOVENIA

Suzana Kraljić – PhD (Law), Associate Professor; University of Maribor, Faculty of Law, Maribor, Slovenia

USA

Louise Shelley – PhD (Law), Professor; George Mason University, Arlington, Virginia, USA

FINLAND

Lidia S. Toydybekova-Mustonen – Doc. (Phil.); University of Helsinki, Finland

ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пророк Владимир – PhD, доцент; Университет Яна Амоса Коменского Прага (УЯК), Чешская республика, г. Прага, Чехия

РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН

Алиев Айдын Джамиль оглы – д-р философии по праву (Ph.D), доцент; старший научный сотрудник отдела «Уголовное право и уголовный процесс» Института Права и Прав человека НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Гурбанов Рамин Афад оглы – д-р юрид. наук, профессор; Вице-президент, Европейская Комиссия по эффективности правосудия Совета Европы (CEPEJ), г. Баку, Азербайджан

Касумов Алыш Мамиш оглы – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой Гражданского процесса, трудового и экологического права Бакинского Государственного Университета, г. Баку, Азербайджан

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Макарова Тамара Ивановна – д-р юрид. наук; профессор юридического факультета Белорусского государственного Университета, г. Минск, Беларусь

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Жалыбин Сергей Михайлович – д-р юрид. наук, профессор; академик Международной академии информатизации, директор НИИ института экономики и права Костанайского социально-технического университета им. акад. З. Алдамжара, г. Костанай, Казахстан

РЕСПУБЛИКА КИРГИЗИЯ

Осмоналиев Кайрат Медербекович – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Кыргызской Республики; внештатный профессор Шанхайского университета политических наук и права, адъюнкт-профессор Чженжанского университета (КНР), член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор факультета переподготовки и повышения квалификации кадров Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Член ЦИК КР, г. Бишкек, Киргизия

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН

Насурдинов Эмом Сайфидинович – канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета Таджикского национального университета, член Российской Академии Естествознания, г. Душанбе, Таджикистан

CZECH REPUBLIC

Vladimir Prorok – PhD (Phil), Associate Professor; Jan Amos Komenský University of Prague (UYAK), Prague, Czech Republic

REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Aydin Jamil oglu Aliyev – Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Senior Researcher of the Criminal Law and Criminal Procedure Department of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Ramin Afad ogly Gurbanov – Dr. Sci. (Law), Professor; Vice-President, European Commission for the Efficiency of Justice of the Council of Europe (CEPEJ), Baku, Azerbaijan

Alysh Mamish ogly Kasumov – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Civil Process, Labor and Environmental Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

REPUBLIC OF BELARUS

Tamara I. Makarova – Dr. Sci. (Law); Professor of the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus

REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Sergey M. Zhalybin – Dr. Sci. (Law), Professor; Academician of the International Academy of Informatization, Director of the Research Institute of the Institute of Economics and Law of Kostanai Social-Technical University named after academician Z. Aldamzhar, Kostanay, Kazakhstan

REPUBLIC OF KYRGYZSTAN

Kairat M. Osmonaliev – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic; non-tenured professor at Shanghai University of Political Science and Law, Adjunct professor at the University of Zhenzhen (PRC), corresponding member of the Russian Academy of Natural History, professor at the faculty of retraining and advanced training of personnel of Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the CEC of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Emom S. Nasurdinov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Dean of the Law Faculty of the Tajik National University, Member of the Russian Academy of Natural History, Dushanbe, Tajikistan

Редакционный совет журнала:

Агафонов В.Б., Андриановская И.И., Бахлова О.В., Беликова К.М., Ботнев В.К., Бринчук М.М., Букалерова Л.А., Винокуров А.Ю., Воронов А.Ф., Воронин Е.Р., Воскобитова Л.А., Выпханова Г.В., Горбунова О.Н., Гошуляк В.В., Гречкина О.В., Джафаров А.М.о, Доленко Д.В., Ершова И.В., Журавлев Д.А., Занковский С.С., Зиядова Д.З., Кудрявцева Е.В., Кулешов Р.В., Курбанов Р.А., Лесников Г.Ю., Лепешко Б.М., Мархгейм М.В., Мещерякова О.Н., Мокшина Е.Н., Морозова Е.Г., Мулукаев Р.С., Павельева Т.Ю., Петрова Г.В., Рассолов И.М., Северин В.А., Трунцевский Ю.В., Уздимаева Н.И, Хатунцев О.А., Чупрова А.Ю., Шмалий О.В., Шашкова А.В.

Journal Editorial Council:

Agafonov V.B., Andrianovskaya I.I., Bakhlova O.V., Belikova K.M., Botnev V.K., Brinchuk M.M., Bukalerova L.A., Vinokurov A.Yu., Voronov A.F., Voronin E.R., Voskobitova L.A., Vyphkhanova G.V., Gorbunova O.N., Goshulyak V.V., Grechkina O.V., Dzhafarov A.M., Dolenko D.V., Ershova I.V., Zhuravlev D.A., Zankovsky S.S., Ziyadova D.Z., Kudryavtseva E.V., Kuleshov R.V., Kurbanov R.A., Lesnikov G. Yu., Lepeshko B.M., Markheim M.V., Mescheryakova O.N., Mokshina E.N., Morozova E.G., Mulukaev R.S., Pavelieva T.Yu., Petrova G.V., Rassolov I.M., Severin V.A., Truntsevsky Yu.V., Uzdimaeva N.I., Khatuntsev O.A., Chuprova A.Yu., Shmaly O.V., Shashkova A.V.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

июнь 2020 **214 страницы** **Том 10** **№ 3** **ISSN 2223-0092 (print)**
ISSN 2310-7065 (online)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

В.В. Ксенофонтов, канд. филос. наук
ПРОДВИЖЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ, КАК ГЛАВНОГО СУБЪЕКТА РУССКОГО МИРА. 15

А.М. Шуварин, ***А.М. Фетисов***, канд. пед. наук
ПЕРСПЕКТИВА НОВОЙ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ КАК НОВАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ. 21

С.В. Воробьева, канд. юрид. наук, доцент, ***О.Н. Козодаева***, канд. юрид. наук
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ 26

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

А.А. Попова, канд. полит. наук
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ 32

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.А. Блинова, канд. истор. наук,
В.В. Олейников, канд. юрид. наук
ФИЛОФЕЙ ПСКОВСКИЙ И ИВАН ВИШЕНСКИЙ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЛЕМИКИ ИОСИФЛЯН И НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ. 40

В.В. Булгаков, канд. юрид. наук, ***Д.В. Булгакова***
ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ПРАВЕ. 49

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М.В. Мархгейм, д-р юрид. наук, профессор
КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ПЕРСПЕКТИВ 56

М.А. Тульнев
ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ФОРМА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. 62

В.А. Кочев, д-р юрид. наук, профессор,
П.А. Ромашов, канд. юрид. наук, доцент,
А.В. Бурылов, канд. юрид. наук
ПОНЯТИЕ ПРАВА НА ТАЙНУ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ 67

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

И.В. Логвинова, канд. юрид. наук, доцент
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВИЗОВОГО РЕЖИМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 78

М.Ю. Тарасов, канд. юрид. наук
ПРЕДМЕТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРИ НАПРАВЛЕНИИ В ИНТЕРПОЛ ЗАПРОСА О МЕЖДУНАРОДНОМ РОЗЫСКЕ 85

Ю.А. Смирнова
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РОЗЫСКА ОБВИНЯЕМЫХ 91

ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

S. Ferenčíková (Словакия)
АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВОПРОСЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 95

А.В. Серебренникова, д-р юрид. наук
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОТРИЦАНИЯ ХОЛОКОСТА В ФРГ 115

В.К. Андрианов, канд. юрид. наук
ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЗАПРЕТИТЕЛЬНО-КАРАТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТ ТАБУ К УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 121

М.И. Кольцов, канд. юрид. наук, ***Е.А. Попова***, канд. юрид. наук
К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ЧЕЛОВЕКА К ЖИВОТНЫМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ 128

С.А. Потапов, канд. юрид. наук, ***Н.А. Попова***, канд. юрид. наук,
ЛИДЕРЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ 133

Л.Ю. Таова, канд. юрид. наук, полковник полиции,
Л.А. Геляхова, канд. юрид. наук, ст. лейтенант полиции
К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА 138

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

К.А. Лебедь, канд. юрид. наук
ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТМЕНЫ НЕЗАКОННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ 143

Ю.В. Францифоров, д-р юрид. наук, профессор,
М.А. Баранова, канд. юрид. наук, доцент
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19) 149

А.Н. Петрушенков, канд. юрид. наук, доцент
КОДИФИКАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЮ 155

Е.В. Павлова
МЕТОДОЛОГИЯ И ОБЪЕКТЫ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПРОКУРОРОМ – ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ 164

КИБЕРПРОСТРАНСТВО

Д.В. Шепелев, канд. юрид. наук
ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 170

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

В.А. Шуняева, канд. юрид. наук, доцент
МОЛОДЕЖНАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА 177

Н.А. Придворов, д-р юрид. наук, профессор,
Н.А. Иванова, канд. юрид. наук, доцент
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 181

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Ren Yanyan (Китай)
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВУЮ ЭПОХУ 186

Ж.В. Андриевская, канд. юрид. наук
ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО МЫШЛЕНИЯ 194

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В БИОТЕХНОЛОГИЯХ

М.А. Ахмадова, канд. юрид. наук
НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРИЛОЖЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ БИОТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО КЛОНИРОВАНИЯ И РЕДАКТИРОВАНИЯ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА) И ИХ ПАТЕНТНАЯ ОХРАНА 199

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ», ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АВТОРОВ 210

СВЕДЕНИЯ О РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ / РЕДАКЦИОННОМ СОВЕТЕ РЕЦЕНЗИРУЕМОГО НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» (КОЛИЧЕСТВО АКАДЕМИКОВ, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТОВ, ДОКТОРОВ НАУК, КАНДИДАТОВ НАУК, ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ) 213

CONTENT

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

June 2020 **214 pages** **Vol. 10** **No. 3** **ISSN 2223-0092 (print)**
ISSN 2310-7065 (online)

NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

V.V. Ksenofontov
NATO'S EASTWARD ADVANCE IS A THREAT TO RUSSIA'S SECURITY
AS THE MAIN SUBJECT OF THE RUSSIAN WORLD. 15

A.M. Shuvarin, A.M. Fetisov
PROSPECTS OF A NEW ARMS RACE AS A NEW THREAT
TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION 21

S.V. Vorobeva, O.N. Kozodaeva
LEGAL PROVISION OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE LIGHT OF MODERN CRIMINAL POLICY 26

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

A.A. Popova
PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF POLITICAL PARTIES 32

RUSSIAN GOVERNMENT: PAGES OF HISTORY AND MODERNITY

M.A. Blinova, V.V. Oleinikov
PHILOTHEUS OF PSKOV AND IVAN VYSHENSKY: COMPARATIVE ANALYSIS
OF STATE-LEGAL VIEWS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT DEBATE
OF THE JOSEPHITES AND NON-POSSESSORS 40

V.V. Bulgakov, D.V. Bulgakova
THE IDEA OF JUSTICE IN PHILOSOPHY AND ITS MANIFESTATION IN LAW 49

CONSTITUTIONAL REFORM IN THE MODERN WORLD

M.V. Markheim
THE CONSTITUTIONAL MODEL OF THE FEDERAL TERRITORIES:
FOREIGN EXPERIENCE FOR RUSSIA'S PROSPECTS 56

M.A. Tulnev
RESTRICTIVE FORM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEE
OF MASS MEDIA FREEDOM 62

V.A. Kochev, P.A. Romashov, A.V. Burylov
THE RIGHT TO PRIVATE CORRESPONDENCE 67

INTERNATIONAL LAW

I.V. Logvinova
IMPROVEMENT OF THE VISA REGIME IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT
OF THE INTERNATIONAL COOPERATION 78

M.Yu. Tarasov

SUBJECT OF PROSECUTOR'S SUPERVISION DURING DIRECTION OF INTERNATIONAL REQUEST TO INTERPOL 85

Ju.A. Smirnova

PROBLEMS OF INTERNATIONAL FUGITIVES 91

LEGAL EXPERIENCE IN COMBATING CRIME

S. Ferenčíková (Slovakia)

ANALYSIS AND EVALUATION OF THE LEGAL REGULATION, DE LEGE LATA, CONCERNING THE IMPOSITION OF A CUSTODIAL SENTENCE IN THE SLOVAK REPUBLIC 95

A.V. Serebrennikova

CRIMINAL PROSECUTION OF HOLOCAUST DENIAL IN GERMANY..... 115

V.K. Andrianov

PATTERNS OF DEVELOPMENT OF PROHIBITIVE-PUNITIVE INSTITUTIONS OF SOCIAL REGULATION: FROM TABOO TO CRIMINAL LAW 121

M.I. Koltsov, E.A. Popova

TO THE QUESTION OF THE RELATION OF MAN TO ANIMALS IN MODERN RUSSIA: THE CRIMINAL, LEGAL AND MORAL ASPECT..... 128

S.A. Potapov, N.A. Popova

LEADERS OF ORGANIZED CRIME AS AN OBJECT OF CRIMINALISTIC RESEARCH 133

L.Yu. Taova, L.A. Gelyakhova

TO THE QUESTION OF COUNTERING CRIMES IN THE SPHERE OF TRANSPLANTATION OF HUMAN BODIES AND TISSUES 138

PROCEDURAL FEATURES OF QUALIFICATION OF VIOLATIONS OF LAW

K.A. Lebed

GROUNDS FOR CANCELING ILLEGAL JUDICIAL DECISIONS 143

Yu.V. Franciforov, M.A. Baranova

SOME FEATURES OF CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA IN CONNECTION WITH THE SPREAD OF CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19) 149

A.N. Petrushenkov

CODIFICATION PROBLEMS OF NECESSARY DEFENSE AFFECTING ITS IMPLEMENTATION 155

E.V. Pavlova

METHODOLOGY AND OBJECTS OF ASSESSMENT OF THE EXPERT'S OPINION BY THE STATE PROSECUTOR..... 164

CYBERSPACE

D.V. Shepelev

DIGITALIZATION IN THE TRENDS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT AT THE PRESENT STAGE..... 170

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

CHILD PROTECTION ISSUES

V.A. Shunyaeva

YOUTH CRIMINAL SUBCULTURE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A MINOR CRIMINAL 177

N.A. Pridvorov, N.A. Ivanova

LEGAL STATUS OF ILLEGITIMATE CHILDREN IN THE RUSSIAN EMPIRE 181

SOCIOCULTURAL SPACE OF RUSSIA

Ren Yanyan (China)

INTERPRETATION OF SINO-RUSSIAN CULTURE AND HUMANITIES COOPERATION IN THE NEW ERA. 186

Zh.V. Andrievskaya

ABOUT ETHNIC FEATURES OF RUSSIAN THINKING 194

LEGAL REGULATION IN BIOTECHNOLOGY

M.A. Akhmadova

RULES OF INTERNATIONAL LAW REGARDING APPLICATION OF THE RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCHES IN THE FIELD OF BIOTECHNOLOGY (ON THE EXAMPLE OF THERAPEUTIC AND REPRODUCTIVE CLONING AND HUMAN GENE EDITING) AND THEIR PATENT PROTECTION 199

09.00.11

Социальная философия

Social Philosophy

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-15-20

Продвижение НАТО на Восток – угроза безопасности России, как главного субъекта русского мира

В.В. Ксенофонтов ©

Военный университет МО РФ,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: kvvmvoky173@mail.ru

Аннотация. В статье на основе системного подхода рассмотрена социально-философская проблема военно-политической деятельности НАТО, вскрывается ее направленность на дестабилизацию международных отношений и представляющую угрозу России как главного субъекта русского мира. Автор обосновал и проанализировал основные подходы к оценке деятельности НАТО. Конкретно – исторический подход генетически вскрывает несостоятельности создания Североатлантического альянса в 1949 г., когда странам Запада, СССР не представлял никакой угрозы в военном отношении. Военно-стратегический подход обосновывает опасность современной военной стратегии НАТО, связанной с вхождением в него различных стран Восточной Европы, а также Литвы, Латвии и Эстонии, размещение на их территории современных средств вооруженной борьбы и созданием военных баз. Военно-политический подход обосновывает ложность декларируемых альянсом заявлений об успешном проведении миротворческих, в том числе, контр террористических операций в различных регионах планеты. Автором доказывается опасность для мира и России идеологической концепции НАТО, опирающейся на теорию «Глобального удара» и возможность применения ядерного оружия. ***Цель исследования*** сводится к вскрытию несостоятельности наращивании НАТО своего военного потенциала и обосновании продвижений Северо-Атлантического альянса на Восток, как угрозу безопасности России, как главного субъекта русского мира. ***Выводы***. 1. В статье доказывается, что в конце 40-х гг. XX-го в., объективной необходимости в создании военного блока НАТО не было. 2. Наша страна, как в историческом прошлом, так и ныне, проводит в мире предсказуемую внешнюю политику, направленную на стабилизацию международных отношений. 3. В современных условиях продвижение НАТО на Восток, представляет собой угрозу России как главного субъекта русского мира.

Ключевые слова: Россия, НАТО, угроза, стабильность, русский мир

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ксенофонтов В.В. Продвижение НАТО НА Восток – угроза безопасности России, как главного субъекта русского мира // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 15–20. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-15-20

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-15-20

NATO's Eastward advance is a threat to Russia's security as the main subject of the Russian world

V.V. Ksenofontov ©

Military University of the Ministry of Defence of Russia,
Moscow, Russian Federation

E-mail: kvvmvoky173@mail.ru

Abstract. Based on a systematic approach, the article considers the socio-philosophical problem of NATO's military and political activities. The author justified and analyzed the main approaches to assessing the activities of NATO. Specifically, the historical approach genetically reveals the failure of the creation of the North Atlantic Alliance in 1949, when the Western countries, the USSR did not pose any threat in military terms. The military-strategic approach justifies the danger of the modern military strategy of NATO, associated with the entry into it of various countries of Eastern Europe, as well as Lithuania, Latvia and Estonia, the deployment of modern means of armed struggle on their territory and the creation of military bases. The military-political approach justifies the falseness of the statements declared by the Alliance about the successful conduct of peacekeeping, including counter-terrorist operations in various regions of the world. The author proves the danger to the world and Russia of the ideological concept of NATO, based on the theory of "Global strike" and the possibility of using nuclear weapons. ***The purpose*** of the study is to reveal the fact of NATO's military potential building up and substantiate the North Atlantic Alliance's eastward advances as a threat to Russia's security, as the main subject of the Russian world. ***Conclusions***. 1. The article proves that in the late 40s of the twentieth century, there was no objective need to create a military bloc of NATO. 2. Our country, both in the historical past and now, conducts a predictable foreign policy in the world aimed at stabilizing international relations. 3. In modern conditions, the advance of NATO to the East is a threat to Russia as the main subject of the Russian world.

Keywords: Russia, NATO, threat, stability, Russian world

FOR CITATION: Ksenofontov V.V. NATO's Eastward advance is a threat to Russia's security as the main subject of the Russian world. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 15–20. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-15-20

ВВЕДЕНИЕ

Состояние современных политических отношений между США и Россией складываются достаточно напряженно. И этот процесс происходит не по вине нашей страны. Дело в том, что США и их партнеры по НАТО, опираясь на военную силу, стремятся обеспечить свое гегемонистское положение на планете, активно продвигают войска Североатлантического альянса на Восток, приблизив к границам России и Беларуси. При этом, подчеркнем, что Россия, исходя из своего экономического, политического и духовного компонента представляет собой главный субъект русского мира.

С учетом состояния современных международных отношений логика военно-политического развития мира выдвинула на передний рубеж актуальную для России и ее союзников проблему – реагирование на расширение НАТО на Восток, ее взвешенную оценку.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОЗНИКНОВЕНИЮ НАТО И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В этой связи приведем и охарактеризуем следующие положения. *Первое*: ***конкретно-историческое***. Оно связано с процессом возникновения Североатлантического альянса в период 40-х гг. XX в. Это время характеризуется тем, что после окончания Второй мировой войны страны Запада во главе с США, отойдя от прежних мирных соглашений с СССР, начали постепенно наращивать гонку вооружений.

В свою очередь в противоположной политике США и ее союзников СССР направлял материально-экономические средства на мирный созидательный труд, преодоление последствий войны. А они были весьма ощутимы. Достаточно сказать, что в СССР было разрушено1710 городов и рабочих поселков, сожжено более 70 тыс. деревень, уничтожено 32 тыс. промышленных предприятий, погибло 28 млн человек. Руководство страны и народ все делали для преодоления тяжелых последствий войны

в короткие сроки. Вместе с тем отметим, что в военном отношении в этих условиях СССР не представлял никакой угрозы странам Западной Европы и США. Советское правительство взвешенно оценивало международную обстановку, учитывало наращивание США средств вооруженной борьбы, осознавало негативные последствия для мира в Европе. Более того, в тот период СССР выступил с двумя важными миролюбивыми предложениями, причем еще до создания НАТО.

Так, уже 31 января 1949 г. Председатель Совета министров Советского Союза И.В. Сталин в печати отметил готовность рассмотреть и опубликовать совместно с правительством США декларацию о том, что ни то, ни другое правительство не имеет никаких намерений прибегнуть к войне против друг друга. Однако президент США Г. Трумэн это позитивное обращение нашей страны проигнорировал.

Далее, несколько позже, И.В. Сталин в середине марта 1949 г. на совещании ряда глав европейских стран подчеркнул, что наша страна не будет создавать свой собственный военно-политический блок, ибо этот шаг приведет к расколу Европы [5: 11].

Тем самым декларировалась мирная политика советского государства, стремящегося обеспечить безопасность в области международных отношений в Европе.

Несмотря на конструктивные предложения советского Союза по обеспечению безопасности в Европе 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне по инициативе США был подписан документ об организации Северо-Атлантического Союза (НАТО). Он вступил в силу 24 августа 1949 г. Сначала в НАТО входили 12 государств: США, Великобритания, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Канада, Италия, Португалия, Нидерланды, Дания и Исландия.

И только в 1955 г. СССР, учитывая со стороны НАТО угрозы для нашей страны и ее союзников, в сложившейся военно-политической ситуации, создал в противовес этому альянсу Организацию Варшавского договора. В нее вошли СССР, Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия. Организация имела оборонительный характер.

Важно отметить, что уже более четверти века на политическом поле Европы не существует объединение государств Варшавского договора. Кроме того, в условиях современного состояния международных отношений Россия не выступает субъектом, находящимся в конфронтации в таких отношениях к государствам НАТО.

В этом плане она вправе рассчитывать на адекватные ответные меры со стороны Североатлантического альянса. Однако такой процесс со стороны США и НАТО не происходит. Напротив, число членов в этой военно-политической организации выросло уже до 29 стран, а военный бюджет только США возрос до 750 млрд долларов. Кроме того, на Западе, спустя много лет миролюбивые предложения конца 40-х гг. XX в. нашего государства истолковываются в кривом зеркале истины, по существу оправдывая создание НАТО. Вот как трактует то историческое время Справочник НАТО: «Столкнувшись с насущной необходимостью экономического восстановления в период с 1945 по 1949 г., западноевропейские страны и их северо-американские союзники с беспокойством следили за экспансионистскими устремлениями и методами СССР» [7: 25].

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАТО – ОПАСНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Второе: ***военно-стратегическое положение***. Оно проявилось достаточно наглядно в реализации двух взаимосвязанных военно-политических стратегических решений Североатлантического альянса.

Во-первых, принятие в свой союз (находящихся вблизи границ России и Беларуси) таких государств, как Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия.

В июне на их территории разместились Североатлантического альянса войсковые части, различного предназначения боевая техника, средства вооружения, связи и управления.

На опасность последствий для дела мира развертывание военных средств в Европе, включая ракеты средней дальности в Польше и станцию противоракетной обороны в Румынии, указывал Президент РФ В.В. Путин: «Люди, которые принимают соответствующие решения, должны знать, что жили они до сих пор спокойно, безбедно и в безопасности. Теперь, после размещения элементов ПРО, мы вынуждены будем подумать и о том, чтобы купировать угрозы, возникающие и в отношении безопасности Российской Федерации. Это первое. Второе – это явно нарушение договора о ракетах средней и малой дальности, потому что пусковые установки, которые будут размещаться в Польше после введения в строй РЛС в Румынии, могут быть легко использованы для размещения ракет средней и меньшей дальности» [6: 2].

Во-вторых, вхождение в НАТО Литвы, Латвии и Эстонии, непосредственно граничащих с Россией в акватории балтийского моря и на сухопутной части в районах Калининградской, Псковской, Новгородской и Ленинградской областей, приблизило альянс к жизненно важным индустриальным, политическим и социокультурным центрам, как России (Санкт-Петербург, Псков, Новгород и др.), так и Беларуси (Брест, Гродно, Витебск, Минск).

Следует обратить внимание на состояние и перспективу наращивания вооружения и боевой техники в странах Балтии с помощью НАТО [8: 1]. Так, в настоящее время, согласно военно-стратегическим целям североатлантического альянса, в Литве, Латвии и Эстонии наращивается развертывание передовой группы сил быстрого реагирования. Она организационно включает: наземную бригаду, а также воздушный и морской компоненты. Общую численность группировки планируется довести до 30 тыс. человек.

Наряду с таким процессом в странах Балтии под эгидой НАТО активно совершенствуется инфраструктура важных пунктов передового базирования для аэродромов, соответствующих объектов управления. При этом НАТО стремится использовать и совершенствовать аэродромы, оставшиеся после выхода из стран Балтии советских войск. Так, в городе Шауляе, находящемся на территории Литвы, где раньше размещалась база советских летчиков, ныне активно используется в качестве аэродрома НАТО. Именно с этого

аэродрома взлетают самолеты альянса, которые патрулируют воздушное пространство на границе с Россией и Беларусью.

Вместе с тем характерным для НАТО является также усиление своего военно-морского присутствия в Литве. С этой целью руководство Североатлантического альянса использует литовский порт Клайпеду для вхождения в него кораблей НАТО и их барражирования в водах Балтийского моря, вблизи морских границ с Россией.

В военно-стратегической деятельности НАТО появились новые аспекты, характеризующие усиление этого альянса в глобальном масштабе, в том числе против России и ее союзников. Так, главы военных ведомств Болгарии, Венгрии, Словении, Хорватии приняли меморандум о намерении по развертыванию многонациональной специальной авиационной программы. Ее сущность сводится к предусмотрению мер, направленных на усиление стратегического присутствия в «дуге нестабильности» регионах: северо-западная Африка через Средний и Ближний Восток, Закавказье до Центральной Азии. Не трудно заметить, что такое контролируемое пространство авиацией НАТО находится в непосредственной близости от южных границ России и ее союзников.

Наряду с этим при штабе НАТО в Европе развертывается новый центр проведения кибернетических операций. Он представляет собой перспективную структуру усиления системы командных органов Североатлантического блока, одной из главных задач которой считается защита всех киберсетей альянса [1: 348–352].

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАТО – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Третье: ***военно-политическое положение***. Североатлантический альянс в настоящее время активно декларирует свою военную миссию исключительно как миротворческую в международных отношениях. Примечательно одно из таких заявлений НАТО. «Самым значительным и необходимым из сдвигов, затронувших деятельность НАТО со времени окончания «холодной» войны, является ее участие в прекращении конфликтов, восстановлении мира и упрочении стабильности в районах кризисов». [7: 1].

Между тем в районах кризисов, как в недалеком прошлом, так и в современных международных отношениях военная деятельность альянса характеризуется не только малой результативностью в решении миротворческих задач, но и убедительно свидетельствует об опасных ее последствиях для жизни народов.

С особой очевидностью такой процесс проявился в наведении порядка, стабильности и мира на Балканах. Так, ради обеспечения стабильности в Югославии авиацией НАТО наносились бомбовые удары по мирным кварталам городов, уничтожались памятники истории и культуры, религиозные сооружения. В процессе таких варварских авианалетов на бомбах цинично провозглашалось: «Это вам на Пасху».

В свою очередь отделение Косово от Сербии, осуществленное под вывеской миротворческих сил НАТО (в нарушении норм и принципов международного права), генерировало в последующем напряженность в этой части Балкан.

Так, в результате албанских экстремистами этнических чисток в Косово в марте 2004 г. погибли 31 и ранены более 700 человек, разрушено 117 православных храмов и монастырей сербов. Кроме того, разрушено свыше 900 домов сербов-христиан, сожжено более 220 автомобилей миссии ООН [3: 10].

Наряду с проведением под дымовой завесой миротворческой миссии войсками НАТО в Европе нельзя не заметить их вооруженное вмешательство в другие государства планеты[2: 250–262]. Так, 20 марта 2003 г. вооруженные силы НАТО во главе с США вошли на территорию Ирака с целью свержения руководителя государства Саддама Хусейна. Предлогом выступало для ведения вооруженной операции наличие химического оружия в этом государстве. Однако в действительности в стране, как выяснилось, никакого химического оружия не оказалось, а американское утверждение о нем оказалось вымыслом. В наше время такую реальность вынужден был признать даже президент США Д. Трамп.

Ложность и лицемерие миротворческих идей США и их союзников по НАТО убедительно показала вооруженная операция в Ливии. Так, 19 марта 2011 г. западные государства с подачи США под надуманным предлогом незаконно вторглись на территорию этого государства. Результатом вторжения явилось свержение легитимного правительства Ливии, а лидер этого государства М. Каддафи был подвержен изуверским пыткам и казнен. В настоящее время в стране превалирует хаос и нестабильность, а различного рода кланы ведут вооруженное противоборство.

Следует также отметить, что проводимые НАТО под вывеской мира так называемые контртеррористические операции США на самом деле были далеки от решения провозглашаемых мирных целей. Это наглядно проявилось в деятельности сил НАТО в так называемой контртеррористической операции в Афганистане. Заметим, что результаты присутствия в Афганистане войск НАТО оказались весьма драматичны и тревожны по своим последствиям. Дело в том, что в стране идет процесс возвращения талибов, отличающихся своей воинственностью и жестоким обращением с мирными гражданами, а большинство афганских провинций находится под их контролем.

В свою очередь в политике США и их союзников по НАТО в Афганистане не предпринимали действенных мер против производства наркотиков на территории страны, не пресекали преступных деяний афганских оппозиционных группировок.

В этой связи нельзя не замечать крайне тревожную для России сложившуюся политическую ситуацию в Афганистане и вокруг него. Она чревата тем, что создают угрозы нестабильности и возникновение вооруженных столкновений вблизи южных границ российского государства, а также его союзников – Таджикистана, Туркменистана, Казахстана.

ВОЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО – УГРОЗА МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Четвертое положение – ***военно-идеологическое***. Необходимо отметить, что военно-идеологическая составляющая международной политики США активно внедряется в сознание вооруженных сил НАТО. При

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

этом идеологическая сущность и содержание военно-идеологических положений концентрируются вокруг доминирующих идей: «Глобальный удар», «Многосферное сражение», «Единая сила 2020».

Проявление идеологической составляющей в военной политике США в складывающихся международных отношениях и их перспектив с Россией выражается в ряде ключевых положений.

Их сущность сводится к следующему. США выдвигают требование идеологического характера для своих партнеров в системе сотрудничества в международных отношениях. Взаимодействие с Россией, по мнению Вашингтона, в области международной безопасности зависит от того, насколько правильно наше государство проводит и намерено в перспективе проводить как международную, так и свою внутреннюю политику. Иными словами, внутренняя политика России должна соответствовать исключительно американской модели развития.

НАТО вопреки реалиям в своей идеологической направленности активно тиражирует тезис о том, что политика России в сфере международных отношений выступает агрессором по отношению к Североатлантическому альянсу. На это ложное положение в политике НАТО указал Министр обороны РФ генерал армии С.К. Шойгу. «Стремление представить Россию, – подчеркнул он, – в качестве угрозы Западу стало доминантной политики Североатлантического альянса» [11: 6].

Следует отметить, что в условиях противоречивых и жестко складывающихся отношений между США и Россией именно наше государство открыто провозглашает уход от идеологического стереотипа «образа врага», настойчиво предлагает конструктивные пути снятия военно-политической напряженности через переговорный процесс. К этому открыто призывают страны Запада. Президент РФ В.В. Путин: «Последние события говорят, что ситуация не становится лучше. Мы уже много раз говорили о нашей озабоченности, предлагали сотрудничество. Все это, по сути, отвергнуто» [6: 2].

В современных складывающихся и эволюционизирующихся международных отношений США провозглашают опасную для судеб цивилизации идеологию ядерного устрашения. При этом руководство США считает, что современные международные отношения характеризуются тем, что эпоха ядерного соперничества сверхдержав вернулась. В этой связи, исходя из новой стратегии, США ключевыми к своим соперникам относят Россию и Китай. Руководство США, опираясь на такую концепцию, планируют возможность нанесения противнику предварительно спланированного ущерба. Характерно, что ее важной спецификой выступает признание допустимости использования наступательных средств стратегического типа, в сочетании ядерного и неядерного оснащения. Масштабы возможности способны реализоваться как в региональных вооруженных конфликтах, так и в применении превентивных ядерных ударов в отношении государств, обладающих ядерным оружием, и не обладающих им.

Важно подчеркнуть, что в идеолога-пропагандистской деятельности новых членов НАТО, а именно стран Балтии, расширяется сфера их идеологического воздействия [4: 127–129][1]. Она с очевидностью проявляется в инсинуациях исторического и современного характера. Во-первых, грубо искажаются исторические события и факты средствами массовой информации Литвы, Латвии и Эстонии. С этой целью в массовое сознание насаждается «образ врага» в лице Советского Союза. Идеологическая сущность СМИ сводится к тому, что после окончания Великой Отечественной войны на территории этих стран СССР создал несовместимый с демократией оккупационный политический режим.

Во-вторых, в сознание населения стран Балтии внедряется идея о полезности и необходимости в прошлом сотрудничать с фашистской Германией против Советского Союза в годы войны.

В-третьих, в Литве, Латвии и Эстонии средства массовой информации, а также правовые учреждения активно поддерживают тех своих граждан, кто в рядах немецко-фашистских войск, в том числе карательных частях, воевал против Красной Армии, при этом отличаясь зверствами и злодеяниями против мирного населения. Более того, ныне оставшимся в живых пособникам нацизма руководство стран Балтии воздает различного рода почести и награды, разрешает шествия с атрибутами фашистской униформы, строит памятники. Одновременно уничтожают памятники и обелиски воинам Красной Армии, ее полководцам, обеспечившим освобождение стран Балтии от фашистских оккупантов. При этом руководство НАТО не осуждает государства Балтии.

В этой связи необходимо отметить, что ООН в резолюции, которая была принята еще в ноябре 2014 г. осудила государства, пропагандирующие фашизм в различных формах. При этом лишь три страны, воевавшие против фашистской Германии в период Второй мировой войны, выступили против резолюции ООН, а именно – США, Канада и Украина.

Таким образом, в условиях продвижения НАТО на Восток возрастает необходимость вскрытия опасности для судеб мира такого процесса, активному ему противостояния через усиление деятельности России и ее союзников по укреплению своей безопасности и обеспечению стабильности и мира в системе состояния и эволюции международных отношений.

[1] Анализ этой проблемы развернуто, раскрыт в нашей статье: *Ксенофонтов В.В.* Русский мир как социокультурный феномен в условиях эволюции международных отношений // Военно-академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 127–129.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анненков В.И.*, *Баранов С.Н.*, *Волохов В.И. и* др. Международная безопасность: геополитические и военно-политические аспекты современности: учебник / под общ. ред. проф. В.И. Анненкова. М.: РУСАВИА, 2015. С. 348–352.

REFERENCES

1. *Annenkov V.I.*, *Baranov S.N.*, *Volokhov V.I.* et al. International security: geopolitical and military-political aspects of modernity. Ed. by Prof. V.I. Annenkov. Textbook. Moscow: RUSAVIA, 2015. Pp. 348–352.

2. Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: монография / А.С. Брычков [и др.]. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2019. С. 250–262.
3. *Григорьев Г.Н.* Миссия невыполнима // Военно-промышленный курьер. 2005. № 49. С. 10.
4. *Ксенофонтов В.В.* Русский мир как социокультурный феномен в условиях эволюции международных отношений // Военно-академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 127–129.
5. *Леонов А.* Сталин против НАТО / ВПК. Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. 2–8 апреля 2019. № 12 (775). С. 11.
6. *Смирнов Д.* Россия ответит на ядерные угрозы // Комсомольская правда. 2016. № 52-с. С. 2.
7. Справочник НАТО. Юбилейное издание к пятидесятой годовщине НАТО. Брюссель, 1988. С. 25.
8. Суверенитет России и проблемы его сохранения в меняющемся мире: монография / А.С. Брычков [и др.] Смоленск: ВА ВПВО РФ, 2016. С. 156–159.
9. Укрепление мира и стабильности в районах кризисов / Брифинг НАТО. Октябрь 2003. С. 1.
10. *Шойгу С.К.* Коалиция против нестабильности // Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. 30 апреля – 6 мая 2019 г. № 6 (779). С. 6.

2. Hybrid wars of the XXI century: origin, essence and place in the civilization process: monograph. A.S. Brychkov [et al.]. Smolensk: VA ERW of the Armed Forces of the Russian Federation, 2019. Pp. 250–262.
3. *Grigoriev G.N.* Mission impossible. *Military-industrial Courier*. 2005. No. 49. P. 10. (In Russ.)
4. *Ksenofontov V.V.* Russian world as a socio-cultural phenomenon in the context of the evolution of international relations. *Military-academic Journal*. 2018. No. 2 (18). Pp. 127–129.
5. *Leonov A.* Stalin vs. NATO. *Military-industrial Complex. Military-industrial Courier. All-Russian Weekly Newspaper*. April 2–8, 2019. No. 12 (775). P. 11. (In Russ.)
6. *Smirnov D.* Russia will respond to nuclear threats. *Komsomolskaya Pravda*. 2016. No. 52. P. 2. (In Russ.)
7. NATO reference Guide. Anniversary edition for the fiftieth anniversary of NATO. Brussels, 1988. P. 25.
8. Russian Sovereignty and problems of its preservation in the changing world: monograph. A.S. Brychkov [et al.]. Smolensk: VA ERW RF, 2016. Pp. 156–159.
9. Strengthening peace and stability in crisis areas. *NATO Briefing*. Oct. 2003. P. 1.
10. *Shoigu S.K.* Coalition against instability. *Military-industrial Courier. All-Russian Weekly Newspaper*. April 30 – May 6, 2019. No. 6 (779). P. 6. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.05.2020, принята к публикации 25.06.2020
The article was received on 10.05.2020, accepted for publication 25.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксенофонтов Владимир Владимирович, кандидат философских наук; преподаватель кафедры философии и религиоведения Военного университета МО РФ. Москва, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1587-3173. SPIN-код: 5181-6419. E-mail: kvvmvoky173@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Ksenofontov, Cand. Sci. (Philos.); lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defence of Russia. Moscow, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1587-3173. SPIN-код: 5181-6419. E-mail: kvvmvoky173@mail.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-21-25

УДК: 340

Перспектива новой гонки вооружений как новая угроза национальной безопасности РФ

А.М. Шуварин[a] ©, А.М. Фетисов[b] ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

[a] E-mail: shuvarinkudo@mail.ru

[b] E-mail: fetisovsport@mail.ru

Аннотация. Ввиду выхода США из ДРСМД в конце 2019 г. мир столкнулся с новой возможной «гонкой вооружения». С данным процессом мировое сообщество уже сталкивалось в XX в. в рамках противостояния двуполярного мира США и СССР. Как показывает исторический опыт, наращивание потенциала вооружения опасно не только для безопасности отдельных государств, но и представляет собой явную угрозу для международной системы безопасности. В статье рассмотрены психологические аспекты развития «гонки вооружения» и ее влияния на другие государства; ракеты средней и малой дальности могут использоваться для доставки более эффективного оружия – ядерного. А активизация развития данного вооружения в странах, имеющих ядерное вооружение активизируют и традиционную угрозу для современной безопасности – угроза применения ядерного оружия. В настоявшее время массового присутствие НАТО в Европе, а также резкий пересмотр систем политических ценностей некоторых стран-членов СНГ (Украина) позволят размещать данные ракеты средней и малой дальности на их территории. Такая близость размещения к границам РФ позволяет их использовать на территории России, что представляет собой актуальную угрозу. Также «гонка вооружений» может быть связана с некоторыми экономическими трудностями для бюджета РФ, что в свою очередь приведет к его пересмотру и уменьшению финансированию социальной сферы.

Ключевые слова: гонка вооружений, система международной безопасности, новые угрозы, национальная безопасность РФ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шуварин А.М., Фетисов А.М. Перспектива новой гонки вооружений как новая угроза национальной безопасности РФ // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 21–25. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-21-25

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-21-25

Prospects of a new arms race as a new threat to the national security of the Russian Federation

A.M. Shuvarin[a] ©, A.M. Fetisov[b] ©

Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin",
Tambov, Russian Federation

[a] E-mail: shuvarinkudo@mail.ru

[b] E-mail: fetisovsport@mail.ru

Abstract. In view of the US withdrawal from the INF Treaty at the end of 2019, the world was faced with a new possible "arms race". The world community already faced this process in the 20th century as part of the confrontation between the bipolar world of the USA and the USSR. As historical experience shows, building up weapons capabilities is dangerous not only for the security of individual states, but also represents a clear threat to the international security system. The article also considers the psychological aspects

of the development of the "arms race" and its impact on other states. Medium and short-range missiles can be used to deliver a more effective weapon – nuclear. And the intensification of the development of these weapons in countries with nuclear weapons also activate the traditional threat to modern security – the threat of using nuclear weapons. At the present time, the massive presence of NATO in Europe, as well as a sharp revision of the political value systems of some CIS countries (Ukraine) will allow these medium and short-range missiles to be deployed on their territory. Such proximity of the location to the borders of the Russian Federation allows them to be used on the territory of Russia, which is an actual threat. Also, the "arms race" may be associated with some economic difficulties for the budget of the Russian Federation, which in turn will lead to its review and decrease in financing of the social sphere.

Keywords: arms race, international security system, new threats, national security of the Russian Federation

FOR CITATION: Shuvarin A.M., Fetisov A.M. Prospects of a new arms race as a new threat to the national security of the Russian Federation. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 21–25. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-21-25

ВВЕДЕНИЕ

Противостояние двух сверхдержав в XX в. в рамках «холодной войны» привели к наращиванию военного потенциала СССР и США и как следствие привели к «гонке вооружений». Вооруженное противостояние закончилось в прошлом веке после распада одного из участников – СССР. Однако в современных реалиях мы можем наблюдать «вторую волну» вооруженного усиления государств, которая была спровоцирована выходом США из Договора о ликвидации ракета малой и средней дальности.

1. ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ «ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ»

«Гонка вооружений» представляет собой политическое противостояние двух держав и их союзников в сфере вооруженных сил. В рамках данного процесс наращивается производство вооружения, активно модифицируется оружие. Стоит отметить, что в XX в. основное направлении развитие вооружения было направленно на улучшение и модернизацию ядерного оружия. Так, в 1952 г. власти США впервые разработали и испытали термоядерную бомбу, а уже в 1953 г. в СССР была создана и испытана первая в мире водородная бомба.

«Гонка вооружений» направлена, в первую очередь, на психологическое давление в рамках геополитической арены. Реализуя «политику силы» государство, которое обладает наиболее большим количеством вооружения и наиболее современным, воспринимается на международной арене как сильный игрок, лидер. Это позволяет ему реализовывать политику более успешно, склонять к себе соратников. При возникновении международных спорных ситуаций такое государство также имеет определенные преимущества, т.к. противник, опасаясь военной агрессии и использования всего массива вооружения, идет на уступки [Пулян, 2019].

Не стоит забывать, что при наличии большого количества вооружения и осмысления правительством государство своего «лжепревосходства» высок риск необдуманного применения оружия в целях как собственного удостоверение могущества, так и демонстрация «своей силы» мировому сообществу. Однако, как уже было сказано, такие необдуманные действия приводят к негативным последствиям. В истории данный факт был подтвержден действиями США в Хиросиме и Нагасаки. Это привело к огромным жертвам: общее количество погибших варьируются от 150 до 250 тыс. человек (многие японцы умерли уже после взрывов от онкологических заболеваний, которые были вызваны радиацией), было разрушено до 80% городов, а остальной мир увидел все роковые последствия применения ядерного оружия.

Помимо этого, в течение второй половины XX в., на фоне военного преимущества каждое государство искало момента доказать и применить вооружение, что в свою очередь приводило к новым конфликтам. Так, в 1958 г. США, реализовывая «доктрину Эйзенхауэра», и пытаясь взять на себя функции «мирового жандарма» пыталась усмирить серию революционных восстаний в странах Ближнего Востока. Но это привело лишь к втягиванию США в длительную и бессмысленную войну в Индокитае. Далее, в рамках противостояния США и СССР, последовали Берлинский кризис (1961) и Карибский кризис с угрозой применения ядерных ракет (1962). Таким образом, можно заметить, что гонка вооружений приводит к накаливанию взаимоотношений между государствами и служит катализатором новых вооруженных конфликтов и кризисов, которые в свою очередь направлены не для достижения определенных геополитических целей отдельными народами и странами, а возникают как столкновения интересов стран-лидеров в попытках доказать свое превосходство.

Своеобразным отступом от «гонки вооружений» стал договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, который был подписан между США И СССР в 1987 г. в Вашингтоне. Этот договор является своего рода осмыслением ведущих стран негативного последствия своих действий в рамках наращивания вооружений. Мировое сообщество восприняло данный договор как «своеобразны предохранитель» новых витков военного противостояния между СССР и США.

2. ДЕМОНТАЖ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАНСОТИ И ДРУГИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫХОДА США ИЗ ДРСМД

В настоявшее время большинство стран стремятся к созданию и поддержанию системы международной безопасности, в том числе данную политику поддерживает РФ. Система международной безопасности позволяет рационально и эффективно решать международные конфликтные ситуации, а также сдерживать такие

негативные для международного сообщества явления, как развитие оружия массового поражения, сдерживания «гонки вооружений», развитие и расширение международного терроризма и т.д. Некоторые эксперты утверждают, что система международной безопасности в настоящее время наиболее рациональна для существования и развития государств в условиях международной глобализации и интеграции.

Своеобразным шагом к демонтажу сложившейся системы международной безопасности послужил выход в 2019 г. США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Помимо этого, кризисные аспект сложившейся ситуации подогревали новости об испытании новых модификаций ранее запрещенных ракет Вашингтоном. Таким образом, власти США дискредитировали положение международного права и международные договоренности и разрушили действующий с 1987 г. договор, который между прочем был направлен на разрядку политических взаимоотношений с США и являлся практической реализации отказа СССР от дальнейшего участия в «гонке вооружений» [Выход США из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности…].

Фактическим основанием выхода из договора, по версии США, является регулярное нарушение международных договоренностей со стороны России. В качестве аргумента США приводила факты проведения испытаний в 2017–2018 гг. в России ракеты «9М729» на базе артиллерийского комплекса «Искандер». Согласно аналитическим данным внешних ведомств США дальность полета данной ракеты намного превышает допустимые 500 м. Она неоднократно заявляла о систематических нарушениях РФ. В ответ на это Россия пошла на беспрецедентные меры с целью опровержения своих нарушений и сохранения международных договоренностей, а как следствие обеспечения международной безопасности: в 2019 г. Министерство обороны РФ организовало международный брифинг, куда пригласило огромное количество представителей иностранных государств, в том числе и США. В рамках этого мероприятия была представлена новая ракета «9М729» и публично раскрыта часть ее тактико-технических характеристик (в частности, дальность полета ракеты составляет всего 480 км, что укладывается в регламент ДРСМД).

Но США данное положение не устроило, и под предлогом фактического применения данных ракет террористами против США, она довольно быстро вышла из договора. Ответные меры последовали незамедлительно – 2 февраля 2019 г. В.В. Путин подписал документ о приостановление участия РФ в ДРСМД [Россия дала силовой ответ на выход США из ракетного договора…]. Таким образом, наша страна также вышла из договора и тем самым включилась в новую «гонку вооружений».

Через 2 недели после выхода в США состоялись первые испытания новой модификации крылатых ракет наземного базирования [Крайне опасный шаг…]. Данный факт отражает целенаправленность выхода США из договора, т.к. в довольно короткий промежуток времени они начали испытание и запустили механизм наращивания потенциала данного вооружения. Россия же в ответ на меры США заявила о разработке новой ракеты средней дальности «Калибр».

Также о целенаправленности выхода из договора говорят те обстоятельства, что на протяжении 2017–2018 гг. США неоднократно угрожала и предупреждала западные государства и Россию о намерении выйти. Некоторые специалисты утверждают, что в то время у Правительства США не было «крайних необходимостей» выхода, а также обоснованной модели «лжедоказательств».

Стоит отметить, что перспектива развития ракет средней и малой дальности США для России представляет потенциальную угрозу. Массовое присутствие НАТО в Европе, а также резкий пересмотр систем политических ценностей некоторых стран-членов СНГ (Украина) позволят размещать данные ракеты на их территории. Такая близость размещения к границам РФ позволяет их использовать на территории России. Данный аспект представляет собой актуальную угрозу для национальной безопасности нашего государства.

Однако в рамках мирового сообщества эскалация конфликта в виде «гонки вооружений» порождает более глобальную угрозу. Так, активно развиваются ракеты средней и малой дальности ив Китае. Некоторые специалисты утверждают, что истиной причиной выхода США из договора было как раз не «нарушение договоренностей Россией», а активное увеличение военного потенциала азиатского противника – Китая [Ветров, 2019: 36].

Не будем и забывать, что ракеты средней и малой дальности могут использоваться для доставки более эффективного оружия – ядерного. А активизация развития данного вооружения в странах, имеющих ядерное вооружение (Индия, Пакистан, Израиль и КНДР) активизируют и традиционную угрозу для современной безопасности – угроза применения ядерного оружия.

3. РЕАКЦИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ РФ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ «ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ»

Согласно заявлениям В.В. Путина, РФ готова подписать новый договор о разоружении, при обязательном его выполнении зарубежными коллегами [Россия готова рассмотреть новый договор по разоружению]. Также правительство РФ направляло индивидуальные соглашения и прошения о запрете размещения НАТОвских ракет на территории своих государств. В частности, такие обращения были направлены правительствам Германии и Польши, но они ответили отказом. Таким образом, на лицо мы видим дискредитацию мирного подхода России к решению этой проблемы и возможности восстановления баланса в рамках международной безопасности.

Актуальным остается вопрос экономических возможностей РФ потянуть новую «гонку вооружений». В СССР данная проблема не была так ярко выражена, т.к. плановая централизованная экономика и ориентированность большого сектора промышленного производства была направлена именно на военные цели. В современных условиях экономических кризисов и рыночной экономики РФ данный вопрос актуален. За 2019 г. Россия затратила на оборонные цели около 70 миллионов. Но в США данный показатель в 10 раз больше, что является негативным для РФ фактов и обстоятельством понижающим конкурентоспособность РФ.

В связи с этим, можно предположить, что в условиях «гонки вооружения» Правительство нашего государства будет увеличивать финансирование оборонной сферы за счет пересмотра статей расходов бюджета государства и сокращения финансирования социальной сферы (классическая модель оптимизации бюджета государства).

Согласно п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ национальная безопасность РФ представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. А в условиях сокращения финансирования социальной сферы качество и уровень жизни снизится, что также можно трактовать как угроза национальной безопасности РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно говорить о глобальном изменение системы международной безопасности в контексте выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности. Перспектива новой гонки вооружений, в рамках четвертой промышленной революции, будет сопровождаться внедрением новых и более разрушительных технологий в ракетно-ядерное вооружение. Стоит также подчеркнуть, что столкновение вооружений будем сопровождаться не противостоянием двух держав, как это было в XX в., а международным противостоянием ряда субъектов, что в свою очередь порождает более высокие риски применения оружия, т.к. спрогнозировать модели поведения и возможные реакции каждого субъекта очень сложно. Также сложным является и процесс мирного урегулирования возможных конфликтов, поиск и реализация компромиссов, т.к. учесть часто противоположные интересы каждого участника гонки является проблемным аспектом.

Выход США из ДРСМД спровоцировал ответную реакцию России по выходу из данного договора, тем самым РФ была вынуждена втянуться в «гонку вооружений» в рамках обеспечения своей национальной безопасности и противостоянию возможной угрозе со стороны США. Бездействие в данном случае было чревато ослаблением международного статуса и уровня обеспечения безопасности государства. Оценивая международной статус, экономический и оборонный потенциал РФ, можно предположить, что на первых порах Россия будет активно развивать оборонную сферу и является международным лидером. Однако «обслуживание гонки вооружений» для нашей экономики является негативным последствием: это прямой путь подчинения экономики милитаристским фантазиям, и, как следствие, прямой путь к экономической катастрофе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ветров А.А.* Выход США из договора РСМД // Общественные и экономические науки. 2019. № 2. С. 35–42.
2. Выход США из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности [Электронный ресурс] // Информационное агентство «ТАСС». URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6069375 (дата обращения: 04.05.2020).
3. Крайне опасный шаг [Электронный ресурс] // Информационный портал «RT». URL: https://russian.rt.com/world/article/566170-ssha-vyhod-dogovor-rsmd-posledstviya (дата обращения: 04.05.2020).
4. *Полуян В.В.* Гонка вооружений [Электронный ресурс]. URL: https://www.wikipedia.org.ru (дата обращения: 04.05.2020).
5. Россия готова рассмотреть новый договор по разоружению [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РИА Новости». URL: https://ria.ru/20191209/1562159085.html(дата обращения: 04.05.2020).
6. Россия дала силовой ответ на выход США из ракетного договора [Электронный ресурс] // Информационный портал «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/03/793125-rossiya-vihod-iz-raketnogo-dogovora (дата обращения: 04.05.2020).

REFERENCES

1. *Vetrov A.A.* US withdrawal from the INF Treaty. *Social and Economic Sciences*. 2019. No. 2. Pp. 35–42.
2. US withdrawal from the Treaty on the Elimination of Medium and Short Range Missiles [Electronic resource]. *TASS News Agency*. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6069375 (date accessed: 05.04.2020).
3. Extremely dangerous step [Electronic resource]. *Information Portal* "*RT*". URL: https://russian.rt.com/world/article/566170-ssha-vyhod-dogovor-rsmd-posledstviya (accessed 04.05.2020).
4. *Poluyan V.V.* Arms Race [Electronic resource]. URL: www wikipedia.org.ru (date accessed: 05.04.2020).
5. Russia is ready to consider a new disarmament treaty [Electronic resource]. *News Agency* "*RIA Novosti*". URL: https://ria.ru/20191209/1562159085.html (accessed date: 05/04/2020).
6. Russia gave a forceful response to the US withdrawal from the missile agreement [Electronic resource]. "*Vedomosti*" *Information Portal*. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/03/793125-rossiya-vihod-iz-raketnogo-dogovora (date accessed: 04.05.2020).

Статья поступила в редакцию 07.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 07.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шуварин Алексей Михайлович, старший преподаватель кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-6111-2856. E-mail: shuvarinkudo@mail.ru

Фетисов Александр Михайлович, кандидат педагогических наук; доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-4426-1432. E-mail: fetisovsport@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexey M. Shuvarin, senior lecturer at the Department of Special Training and National Security of the Institute of Law and National Security, Institute of Law and National Security FSBEI HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6111-2856. E-mail: shuvarinkudo @mail.ru

Alexander M. Fetisov, Cand. Sci. (Ped.); associate professor at the Department of Special Training and National Security of the Institute of Law and National Security, Institute of Law and National Security FSBEI HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4426-1432. E-mail: fetisovsport@mail.ru

12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Theory and history of law and state; History of law and state teachings

12.00.07 Корпоративное право; энергетическое право

Corporate law; Energy law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-26-31
УДК: 343.2

Правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в свете современной уголовной политики

С.В. Воробьева[a] ©, О.Н. Козодаева[b] ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

[a] E-mail: vorob-sveta.yandex.ru

[b] E-mail: tam_fon@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что суверенитету государства в настоящее время противостоит большое количество внешних и внутренних угроз. Наблюдается отсутствие комплексных теоретических исследований, посвященных проблемам, связанным с правовой регламентации национальной безопасности, эволюции видов безопасности и другим вопросам. Большинство государств приняло комплекс нормативных правовых актов, регулирующих сферу регулирования и обеспечения национальной безопасности, так как данное направление является приоритетной задачей любого государства. Правовая регламентация национальной безопасности является системой правовых предписаний**,** организующих деятельность государственного аппарата и гражданского общества по обеспечению с национальной безопасности. Правовому обеспечению национальной безопасности РФ отведена ведущая роль в современной государственной политике. Совершенствуя нормативное правовое регулирование сферы национальной безопасности, отметим высокий уровень динамизма данного правового явления, поэтому систематически необходимо вносить изменения и дополнения в целый массив нормативных правовых актов как в их содержательный аспект, так и с позиций юридической техники. В рамках правового обеспечения национальной безопасности РФ, которая рассматривается как система юридических норм и принципов, реализующих политику по защите граждан государства, общества и страны в целом от воздействий, представляющих внешние и внутренние угрозы. Уголовное право играет ведущую роль в комплексе мер по правовому обеспечению национальной безопасности РФ. Приоритетными направлениями по противодействию ведущим современным угрозам национальным интересам государства комплексом уголовно-правовых средств отметим такие, как совершенствование уголовно-правового механизма по противодействию актам терроризма и экстремизма; уголовно-правовые меры по обеспечению снижения и профилактики преступлений в сфере экономики; координация уголовно-правовой политики по обеспечению противодействия организованной преступности, коррупционных проявлений и др. Современная концепция и задачи российской уголовной политики предполагает выявление основных проблемных аспектов в правовой регламентации национальной безопасности РФ, обоснование и формирование механизма, где будут выработаны направления, формы, способы, механизмы координации и контроля, руководства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы, преступные воздействия, правовая регламентация, национальные интересы, правовой механизм по обеспечению национальной безопасности, юридическая техника, уголовная политика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воробьева С.В., Козодаева О.Н. Правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в свете современной уголовной политики // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 26–31. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-26-31

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-26-31

Legal provision of national security of the Russian Federation in the light of modern criminal policy

S.V. Vorobeva[a] ©, O.N. Kozodaeva[b] ©

Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", Tambov, Russian Federation

[a] E-mail: vorob-sveta.yandex.ru

[b] E-mail: tam_fon@mail.ru

Abstract. The relevance of the investigated problem lies in the fact that the sovereignty of the state is currently confronted by a large number of external and internal threats. There is a lack of comprehensive theoretical research on problems related to the legal regulation of national security, the evolution of security types and other issues. Most states have adopted a set of regulatory legal acts regulating the sphere of regulation and ensuring national security, since this area is a priority for any state. The legal regulation of national security is a system of legal requirements that organize the activities of the state apparatus and civil society to ensure national security. The legal support of the national security of the Russian Federation has been assigned a leading role in modern state policy. Improving the normative legal regulation of the sphere of national security, we note the high level of dynamism of this legal phenomenon, therefore, it is systematically necessary to make changes and additions to a whole array of regulatory legal acts both in their substantive aspect and from the standpoint of legal technique. Within the framework of legal support for the national security of the Russian Federation, which is considered as a system of legal norms and principles that implement policies to protect citizens of the state, society and the country as a whole from influences that pose external and internal threats. Criminal law plays a leading role in a package of measures to ensure the national security of the Russian Federation. The priority areas for counteracting the leading contemporary threats to the national interests of the state with a range of criminal law remedies are such as improving the criminal law mechanism to counter acts of terrorism and extremism; criminal law measures to ensure the reduction and prevention of crimes in the economic sphere; coordination of the criminal law policy to ensure combating organized crime, corruption, etc. The modern concept and objectives of the Russian criminal policy involves identifying the main problematic aspects in the legal regulation of the national security of the Russian Federation, justification and formation of a mechanism where directions, forms, methods, coordination and control mechanisms, and leadership in the field will be developed.

Keywords: national security, threats, criminal influences, legal regulation, national interests, legal mechanism to ensure national security, legal technique, criminal policy

FOR CITATION: Vorobeva S.V., Kozodaeva O.N. Legal provision of national security of the Russian Federation in the light of modern criminal policy. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 26–31. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-26-31

ВВЕДЕНИЕ

В рамках теоретического и практического исследования заявленной темы, считаем целесообразным во вводной части проблемы рассмотреть правовую основу национальной безопасности. Она представляет собой систему законодательства, которая содержат комплекс юридических принципов и норм, осуществляющих правовую регламентацию сферы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Современное государство воспринимает безопасность одной из приоритетных целей в своей политике, поэтому принимается система необходимых нормативно правовых актов, обеспечивающих правовую систему для реализации механизма обеспечения национальной безопасности, а также мер уголовно-правового характера, так как данная сфера наиболее сопряжена с механизмом по обеспечению безопасности интересов общества и государственного аппарата.

Нельзя отрицать того, что акты терроризма, экстремизма, коррупции представляют серьезную опасность базовым устоям государства и его безопасности, поэтому очевиден факт того, что данные негативные явления должны быть отражены в нормативных актах стратегического характера как важнейшие угрозы. Уголовная политика, в свою очередь, также посредством механизма своего воздействия на общественные отношения должна поставить направления воздействия на подобные негативные явления в ряд первоочередных и наиболее опасных.

1. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Государством должен быть принят комплекс нормативно-правовых актов, который урегулирует систему отношений с области безопасности, разграничит базовые направления функционирования аппарата государства, сформируют или преобразуют систему органов по обеспечению безопасности и реализуют контроль и надзор за его деятельностью.

К правовой основе национальной безопасности относят систему внутренне согласованных основополагающих нормативных правовых актов, которые содержат комплекс юридических принципов и норм, осуществляющих правовую регламентацию сферы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Систему правового обеспечения национальной безопасности осуществляют положения Конституции РФ, федеральные законы, нормативно правовых акты Президента РФ, Правительства РФ и федеральных исполнительных органов.

Конституцией РФ закреплена компетенция президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы и других органов федерального уровня по обеспечению национальной безопасности. Федеральное конституционное законодательство содержит комплекс полномочий Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ в данной сфере. В государстве в настоящее время создан комплекс система нормативных правовых актов по обеспечению безопасности РФ в различных сферах, принятых высшим законодательным органом РФ (федеральные конституционные законы, федеральные законы), Президентом РФ, Правительством РФ (указы Президента, постановления Правительства и т.д.).

В ближайшее время предстоит дальнейшая работа по систематизации правовых основ в обеспечении национальных интересов и безопасности страны; обосновании выводов о видах закономерностей, тенденций эволюции системы нормативных актов в сфере обеспечения национальной безопасности и ее соотношением с принципом законности; выработать предложения, направленные на оптимизацию организации системы обеспечения национальной безопасности РФ, а также правовую регламентацию поведения субъектов общественных отношений в сфере безопасности.

Система правового обеспечения национальной безопасности включает в себя положения Конституции РФ, федеральные законы, указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ и иные нормативно – правовые акты федеральных органов исполнительной власти. Вопросами обеспечения национальной безопасности занимается и судебная система. Комплекс полномочий Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ в данной сфере содержится в федеральном конституционном законодательстве. Кроме, выше перечисленных нормативно – правовую базу составляют: Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. от 12.05.2009 г. № 537; Военная доктрина РФ от 5.02.2010 г. № 146; Морская доктрина РФ на период до 2020 г. от 27.07.2001 г. Пр-1387; Экологическая доктрина РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г., № Пр-1895); Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации от 30.01.2010 г. № 120; Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу от 13.10.2018 г. № 585 и многие другие.

Считаем, что рассмотренная система не совершенна, безусловно, в ближайшее время будет продолжаться работа по систематизации правовых основ обеспечения безопасности страны, будут разрабатываться предложения, направленные на оптимизацию организации системы обеспечения национальной безопасности РФ, а также правовую регламентацию поведения субъектов общественных отношений в данной сфере. Государством должен быть принят комплекс нормативно-правовых актов для разграничения базовых направлений функционирования аппарата государства, формирования единой системы органов по обеспечению безопасности, а так же реализации контроля и надзора за их деятельностью.

В качестве социально-экономических предпосылок Стратегией отмечается и нестабильная ситуация в международной экономической сфере. Санкционная политика в отношении России и другие факторы, говорящие о том, что современные международные взаимоотношения проходят сложный этап и это серьезным образом отражается на уровне защищенности государства от внутренних и внешних угроз.

На фоне постоянных динамичных изменений в государстве и за рубежом, при условии осуществляемого реформирования и увеличения функции административно-политического и правоохранительного воздействия государства также вступил в силу модернизированный Закон «О Безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ[1], который устанавливает базовые позиции по обеспечению безопасности страны, общества и личности. Чтобы достичь и поддерживать должный уровень защиты и безопасности человека, общества и государства от внутреннего и внешнего негативного воздействия, необходимо создать гарантирующий устойчивый вектор развития государственных институтов

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 «О безопасности» № 390-ФЗ (с изм. и доп. от 6 февраля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

и воплощения национальных идей. В рамках обеспечения национальной безопасности необходимо уделять внимание: разработке и реализации государственного политического курса по обеспечению национальной безопасности; определению и поддержанию необходимых балансов интересов таких субъектов как личность, общество и государство; нейтрализации внутреннего отрицательного воздействия и внешних угроз национальной безопасности; обеспечению условий, способствующих национальным интересам и устойчивому развитию, а так же созданию механизма по организации эффективной работы субъектов обеспечения национальной безопасности.

Рассматривая нормативно-правой аспект в обеспечении безопасности общества, государства, личности нельзя не отдавать ведущее предпочтение современным направлениям уголовной политики.

В настоящее время в государстве повышается интерес к выработке форм и методов воздействия на криминальные явления. Обеспечение национальной безопасности уголовно-правовыми, процессуальными, криминологическими, уголовно-исполнительными средствами – приоритетное направление деятельности органов государственной власти, ее субъектов РФ и институтов гражданского общества. Уголовная политика это комплексный межотраслевой институт, в рамках которого разрабатывается и реализуется на различных уровнях система политических, организационных, правовых, информационных и иных мер воздействия на борьбу с преступностью, и как никогда, является востребованным инструментом.

Формирование и развитие уголовной политики в области обеспечения национальной безопасности осуществляется на различных уровнях. Например, используя уровень «научных концепций», за счет теоретико-правовых исследований формируется концептуальное представление о доктринальных основах обеспечения безопасности. Стратегия и развитие стратегических мер по борьбе с преступностью разрабатываются на директивно-политическом и организационном уровнях. Нельзя не отметить, подробно рассмотренный выше, уровень «создание нормативно-правовой базы», представляющий собой законодательный процесс, который определяет основные цели, задачи и принципы обеспечения национальной безопасности. На наш взгляд, наиболее действенный метод реализации уголовной политики в целях обеспечения национальной безопасности – «управленческий» и «правоприменительный».

Важнейшая задача уголовной политики – это повышение эффективности современных правовых, организационных, информационных и др. мер борьбы с преступными деяниями, ставящими под угрозу общественную, экологическую, информационную, экономическую и иные виды безопасности; разработка общих начал назначения наказания и иных мер уголовно – правового характера; пропаганда уголовного законодательства с целью предупреждения совершения преступлений, а также с целью склонения виновных лиц к деятельному раскаянью или с целью побуждения виновного лица добровольно отказаться от намерения совершить общественно опасное деяние; выявление участников организованных преступных групп – «профессиональных криминалов», привлечение их к ответственности, перекрытие «каналов финансирования» преступных организационных структур. Так, в 2019 г, более 16,3 тыс. посягательств было выявлено, которые совершались организованными группами либо преступными сообществами[2].

Следует отметить, что на повышение уровня обеспечения национальной безопасности влияет процесс криминализации и декриминализации уголовного законодательства. Уголовная политика любого государства должна основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие институты и нормы. В ином случае не исключена возможность того, что законодатель примет комплекс норм, которые могут привести к осложнению криминологической обстановки в стране, росту рецидива преступлений и негативно влиять на состояние общественного порядка. Противодействие коррупции, терроризму, экстремизму, распространению наркотиков остаются приоритетными направлениями в деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности России. Реализация ими прогностической функции, суть которой заключается в выявлении возникших криминальных угроз, является для них первоочередной. Не представляется возможным запустить такой механизм без активного участия в нем граждан и институтов гражданского общества. Кроме выше указанных субъектов обеспечения безопасности противостоять криминальным угрозам помогают различные технологии общественного контроля.

Исследования показали, что зачастую к ослаблению качества работы органов государственной власти, ее субъектов РФ и институтов гражданского общества приводят такие причины как: нестабильность уголовного закона, а иногда и внесенные полностью не продуманные изменения в законодательство, что впоследствии на практике ведет к сложности установления криминообразующих признаков составов преступлений. Все это дезориентирует сотрудников правоохранительных органов правильно квалифицировать деяние.

Криминогенные факторы и их последствия создают потенциальную опасность в различных сферах жизнедеятельности общества. Появление и совершенствование новых информационных технологий и компьютерных программ имеют не только положительные, но и негативные тенденции, поскольку личность, общество и государство все чаще сталкиваются с информационными угрозами. Уголовно-правовой механизм обеспечения безопасности в информационной сфере содержит специальные нормы уголовного закона об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации глава 28 УК РФ. Кроме этой группы преступлений, в сети Интернет зачастую совершаются и иные преступные посягательства. Используется информация для достижения террористических, экстремистских и иных криминальных целей. Так, размещенная негативная информация в сети Интернет на практике во многих случаях побуждала

[2] URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 26.04.2020).

несовершеннолетних к совершению самоубийств. Подростки, все чаще становятся жертвами сексуальных преступлений, обнародованы случаи, когда их вовлекали в совершение насильственных противоправных действий, представляющих опасность для их жизни и здоровья. В целях нейтрализации попыток вовлечения несовершеннолетних в деструктивную (в том числе экстремистскую и террористическую) деятельность на федеральном уровне реализовано оперативно-профилактическое мероприятие «Твой выбор». В результате было исследовано 87,8 тыс. мест концентрации подростков (включая объекты транспортной инфраструктуры). В приоритете, безусловно, ставится задача обеспечить информационной безопасностью детей.

Анализ и результативность мер, направленных на обеспечение национальной безопасности России, отражен в статистических данных, опубликованные Министерством внутренних дел Росси. В открытом доступе опубликованы результаты по реализации мероприятий Государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности» от апреля 2020 г.[3]

Например, количество регистрируемых преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составило 294,4 тыс. Безусловно, такие показатели свидетельствуют об угрозе информационной безопасности. Каждое второе (53,3%) высокотехнологичное посягательство с использованием сети Интернет (157 тыс.), каждое третье – с использованием средств мобильной связи (116,2 тыс.). В структуре киберпреступности совершены мошенничества (136,7 тыс.) и кражи (98,8 тыс.). Тревожными становятся факты деяний, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ (24,7 тыс.). Учитывая актуальность проблемы распространения наркотиков с использованием информационных технологий, в структурах ГУНК МВД России созданы спецподразделения, на которые возложена задача проведения комплекса мер по противодействию наркоугрозе в сети Интернет.

Органами внутренних дел были зарегистрированы преступные посягательства, ставящие под угрозу общественную безопасность. На учете у правоохранительных органов 585 преступлений экстремистской направленности (–53,8%). Незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ не прекращают представлять серьезную угрозу государственной и общественной безопасности России. За 2019 г. выявлено 26,6 тыс. преступлений указанной категории, раскрыто более 19,0 тысяч.

Сегодня как никогда актуально создание ОВД комплексного действенного механизма по предупреждению и урегулированию конфликтных ситуаций на межнациональной и межконфессиональной почве. Правоохранительные органы должны находится в конструктивном диалоге с лицами, представляющими национальные диаспоры, этнокультурные общественные, молодежные религиозных организации. Быть участниками и организаторами общественно-политических мероприятий, форумов и конференций, направленных на развитие институтов гражданского общества и правового государства.

Усиливаются меры по обеспечению экономической безопасности. За 2019 г. завершено расследование по 64 тыс. экономических преступлений. Выявлено 5,7 тыс. преступлений экономической направленности, совершенных организованными группами и преступными сообществами. Кроме этого, зарегистрировано 28 фактов (+12%), квалифицируемых по статье 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем).

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 реализуется комплекс мероприятий по защите бюджетных средств, выделяемых на финансирование национальных проектов, государственных и федеральных программ. Обеспечивались меры превентивного характера, направленные на минимизацию и исключение посягательств на бюджетные средства и средства внебюджетных источников, а также проводились оперативно-розыскные мероприятия, направленные на декриминализацию данной сферы. Таким образом, государство, охраняя национальные интересы, является гарантом личной, общественной, экономической, информационной, военной и др. видов безопасности России.

Подводя итог выше сказанному, отметим, чтобы создать качественный и эффективный механизм реализации уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности необходимо иметь «комфортную» для правоприменителя нормативно-правовую базу. К сожалению, нормативные правовые акты, регулирующие сферу национальной безопасности, часто страдают противоречивостью и декларативностью, поэтому их дальнейшее совершенствование должно осуществляться в направлении создания целостной системы. Особая значимость законодательного обеспечения национальной безопасности России исходит из ряда важнейших обстоятельств:

- во-первых, для общественных структур это одна из самых закрытых сфер деятельности государства и здесь возможны проявления крайних форм субъективизма;
- во-вторых, реализация проблем национальной безопасности связана с большими материальными и людскими потерями;
- в-третьих, результаты политики, уголовно-правовой, в частности, в области безопасности касаются всех граждан государства, остро затрагивают их гражданские права и свободы, а также вызывают наибольший резонанс в обществе.

На наш взгляд, в области совершенствования законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации необходимо:

- переосмыслить степень опасности угроз безопасности различным жизненным сферам государства, разработать комплексную стратегию действенных мер с их надлежащим правовым регулированием. В рамках уголовной политики предусмотреть подготовку, комплектование, материальное и техническое обеспечение, правовой статус силовых правоохранительных структур;

[3] URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma (дата обращения: 26.04.2020).

- произвести экспертную оценку имеющейся правовой базы и определить приоритеты законодательного обеспечения проблем национальной безопасности;
- разработать модернизированную стратегию с актуальными задачами национальной уголовной политики, которая поможет устранить существующие проблемы в правовой регламентации национальной безопасности РФ, произведет обоснование и формирование механизма, где будут выработаны направления, формы, способы, механизмы координации и контроля, руководства в исследуемой сфере;
- продолжить оснащение Вооруженных Сил России техническими военными разработками, средствами связи и вооружения, основанными на инновационных технологиях;
- активизировать сотрудничество со странами СНГ и дружественными государствами с целью новых форм российского взаимодействия с правительствами этих стран для усиления «пояса безопасности» в регионах ближнего зарубежья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим, что приоритеты и перспективы закрепленные в законодательном обеспечении национальной безопасности и в мерах уголовной политики должны преследовать единую цель – борьба с внешними и внутренними угрозами основ конституционного строя РФ.

Основным механизмом в нормативной регламентации системы национальной безопасности стал комплекс правовых мер, устанавливающий и закрепляющий партнерство, где взаимодействуют общественные организации и государственные органы, полномочия должностных лиц и граждан в тех сферах, которые связанны с обеспечением национальной безопасности, особенно в уголовно-правовой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 г. «О безопасности» № 390-ФЗ (с изм. и доп. от 6 февраля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
2. Общие сведения о состоянии преступности // Сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 26.04.2020).
3. Общие сведения о состоянии преступности // Сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma (дата обращения: 26.04.2020).

REFERENCES

1. Federal Law of the Russian Federation dated December 28, 2010 “On Security” No. 390-ФЗ (as amended and additional. Dated February 6, 2020). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 1. Art. 2.
2. General information on the state of crime. *The website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics (date accessed: 04.26.2020).
3. General information about the state of crime. *The website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: https://mvd.rf/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma (date accessed: 04.26.2020).

Статья поступила в редакцию 12.05.2020, принята к публикации 23.06.2020
The article was received on 12.05.2020, accepted for publication 23.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. AuthorID: 626796. E-mail: vorob-sveta.yandex.ru

Козодаева Олеся Николаевна, кандидат юридических наук; доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. AuthorID: 626950. E-mail: tam_fon@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Vorobeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; associate professor, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law and National Security FSBEI HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. AuthorID: 626796. E-mail: vorob-sveta.yandex.ru

Olesya N. Kozodaeva, Cand. Sci. (Law); associate professor, Department of Criminal Law and Process, Institute of Law and National Security Federal State Budgetary Educational, Institution of Higher Education “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. AuthorID: 626950. E-mail: tam_fon@mail.ru

23.00.02

Политические институты,
процессы и технологии

Political institutions,
processes and technologies

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-32-39

Проблемы правового статуса политических партий

А.А. Попова ©

Волжский государственный университет водного транспорта,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

E-mail: kipkn@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы о политических партиях, главным предназначением которых является выдвижение кандидатов на любые выборные должности и в любые представительные органы, а также исключительным правом выдвигать списки кандидатов при проведении выборов в Государственную Думу. Целью представленного исследования является выявление системных связей норм, содержащихся в Конституции Российской Федерации, позволяющие выявить основные элементы правового статуса политических партий, которые могут быть конкретизированы в текущем законодательстве при условии полного соответствия его норм вышеназванным конституционным положениям. Об этом свидетельствует и тот факт, что соответствующие конституционные положения, определяющие этот статус, не могут быть изменены обычным способом, а только в порядке усложненной процедуры. На основании исследования автор приходит к выводу, что политическая партия уникальна тем, что, будучи институтом гражданского общества, одновременно является и субъектом, участвующим в формировании и деятельности органов государственной власти. По своей социальной природе партия является отделенным от государства общественным институтом, призванным представлять и отстаивать в политическом процессе интересы различных социальных слоев гражданского общества, обеспечивать контроль общества за деятельностью государства. Однако, не будучи носителем государственной власти, партия является важнейшим элементом механизма воспроизводства политической власти. Партия обеспечивает организованное участие граждан в политической жизни путем выдвижения своих кандидатов на выборах, прямо или косвенно участвует в деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Европейский суд по правам человека, Верховный Суд Российской Федерации, закон о политических партиях

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова А.А. Проблемы правового статуса политических партий // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 32–39. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-32-39

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-32-39

Problems of the legal status of political parties

A.A. Popova ©

Volga State University of Water Transport,
Nizhniy Novgorod, Russian Federation

E-mail: kipkn@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of political parties, the main purpose of which is to nominate candidates for any elected posts and any representative bodies, as well as the exclusive right to nominate lists of candidates during the elections to the State Duma. The purpose of the present study is to identify systemic relationships of the norms contained in the Constitution of the Russian Federation, allowing to identify the main elements of the legal status of political parties that can be specified in current legislation provided that its norms are fully consistent with the above constitutional provisions. This is also evidenced by the fact that the relevant constitutional provisions defining this status cannot be changed in the usual way, but only in a complicated procedure. Based on the research, the author comes to the conclusion that a political party is unique in that, being an institution of civil society, it is also an entity participating in the formation and activities of public authorities. By its social nature, the party is a public institution separated from the state, designed to represent and defend the interests of various social sectors of civil society in the political process, to ensure public control over the activities of the state. However, not being the bearer of state power, the party is an essential element of the mechanism of reproduction of political power. The party ensures the organized participation of citizens in political life by nominating its candidates in elections, directly or indirectly participating in the activities of public authorities.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, European Court of Human Rights, Supreme Court of the Russian Federation, law on political parties

FOR CITATION: Popova A.A. Problems of the legal status of political parties. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 32–39. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-32-39

ВВЕДЕНИЕ

В разных странах существуют разные подходы к организации работы политических партий. В России и многих других странах существует фиксированное членство, в то же время в США фиксированного членства в партиях нет. В России структура партии строится по примерно одинаковой системе на трех уровнях: партия – региональные отделения – местные отделения. На уровне самой партии высшим органом является съезд, формирующий постоянно руководящие органы, на уровне региона – собрание (конференция) и руководящие органы регионального отделения. Таким образом, политическая партия является разновидностью общественных объединений, основанной на индивидуальном членстве граждан, добровольно выразивших свою волю всесторонне поддерживать ее, принимать участие в реализации ее целей и задач. Каждая партия избирает для себя внутреннюю организационную структуру таким образом, чтобы, во-первых, сплотить своих активных единомышленников на базе определенной идеологической концепции, во-вторых, реализовать право граждан на участие в политической жизни страны, и прежде всего в выборах и референдумах, и, в-третьих, соответствовать установленным законом рамкам под страхом лишения правового статуса и отказа в регистрации в качестве юридического лица. Законодательство Российской Федерации предписывает партиям определенный порядок организации, вводит ограничения на создание и деятельность политических партий в целях общественной безопасности и соблюдения принципа равноправия граждан.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Политические партии в отличие от иных общественных объединений строятся на индивидуальном членстве, как предписывает п. 1 ст. 23 Федерального закона «О политических партиях» [Собрание законодательства РФ…, 2001]. Это означает, что каждый человек, вступая в определенные отношения с партией, заключает с ней договор, налагающий соответствующие права и обязанности (в Законе говорится о приеме в политическую партию «на основе личных письменных заявлений граждан Российской Федерации и в порядке, предусмотренном уставом политической партии»). Законодатель предписывает партиям, кого принимать в свои ряды (граждан Российской Федерации по достижении ими 18-летнего возраста) и каким образом (на основе личного письменного заявления), далее он оставляет сферу свободы для общественных объединений самостоятельно решать процедурные вопросы о приеме в партию, порядке учета, регистрации и прекращении членства в партии. Таким образом, закон предписывает

всем партиям одинаковую модель партийной организации в виде массовых партий с обязательным фиксированным членством, обязанностью членов партии признавать и выполнять программу и устав партии, принимать участие в ее деятельности. Мы считаем, что в политической партии необходимо индивидуальное, персональное членство, и при реорганизации партии, ее слиянии с другими партиями необходимо личное согласие каждого человека на вхождение в новую партийную организацию, на сотрудничество с бывшими оппонентами, поскольку политическая партия – это объединение единомышленников, которых связывают общее убеждение, вера в определенные идеалы и ценности.

В современном мире в условиях любой демократии, даже самой формальной, государство не может функционировать без политических партий. Будучи важнейшими посредниками между гражданами и властью, партии способствуют выработке и выражению политической воли граждан, воплощению интересов людей в принимаемые для их блага соответствующие решения органов власти. Деятельность политических партий способствует укреплению единства политической системы государства. Партии необходимы для создания и поддержания конкурентной политической среды, для развития политической ответственности граждан, для подготовки квалифицированных кадров в сфере политики.

В подходе к определению роли политических партий в современном конституционном законодательстве существует несколько различных направлений. Так, например, В.Е. Чиркин, выделяет пять направлений: первое – в конституциях нет упоминания о партиях; второе – в конституциях содержатся более или менее развернутые положения о роли политических партий и некоторые принципы организации деятельности партий; третье – конституционно допускается существование только одной, правящей партии, другие запрещены; четвертое – запрещены все партии и поэтому в конституциях нет упоминания о партиях; пятое – конституциями допускается деятельность только определенного числа конкретно названных партий или партий определенного профиля, а все остальные запрещаются [Чиркин, 1999]. Следовательно, закрепление в законодательстве института политических партий предполагает длительный и не лишенный противоречий процесс их организационно-правового становления. Дело в том, что природа и сущность политической партии с давних времен были объектом острых научных дискуссий.

При этом в фокусе внимания правоведов обычно оказывался вопрос об отнесении институтов политической партии к структурам гражданского общества или к государственно-правовым институтам. Как нам представляется, политическая партия тем и уникальна, что, будучи институтом гражданского общества, одновременно является и субъектом, участвующим в формировании и деятельности органов государственной власти. По своей социальной природе партия является отделенным от государства общественным институтом, призванным представлять и отстаивать в политическом процессе интересы различных социальных слоев гражданского общества, обеспечивать контроль общества за деятельностью государства. Однако, не будучи носителем государственной власти, партия является важнейшим элементом механизма воспроизводства политической власти. Партия обеспечивает организованное участие граждан в политической жизни путем выдвижения своих кандидатов на выборах, прямо или косвенно участвует в деятельности органов государственной власти. Таким образом, «с одной стороны, партия предстает как институт гражданского общества, то есть как структурный элемент сферы частных отношений, не зависящих от государственной власти, а с другой – она выступает как часть государственно-политической системы» [Лапаева, 1999].

Двойственная природа политической партии имеет свое нормативное измерение. С одной стороны, политическая партия является добровольным самоуправляющимся негосударственным общественным объединением, создаваемым по инициативе граждан. С другой стороны, тот факт, что основным предназначением партии является ее участие в политической жизни общества, обусловливает потребность в более жестком по сравнению с иными общественными объединениями правовом регулировании порядка ее создания и деятельности.

Поскольку политические партии создаются и обретают правовой статус в соответствии с действующим законодательством, то закон предусматривает принципы образования, регистрации и деятельности политических партий и их региональных отделений, государственную поддержку и государственное финансирование политических партий (в зависимости от числа полученных на выборах голосов), формы их участия в выборах, гарантии их деятельности и механизмы контроля за соблюдением ими законодательства. Что касается их финансирования, то политические партии спонсируются состоятельными членами партии, а также лицами и организациями, разделяющими с ней свои политические взгляды и которые получат те или иные плюсы от ее деятельности. Левые партии (коммунисты, социалисты) традиционно собирают со своих членов регулярные членские взносы, как правило составляющий несколько процентов от ежемесячного дохода. В большинстве политических партий и фракций (особенно в тех, что имеют доступ к непосредственному управлению государством) существует лобби тех или иных интересующихся групп (крупного бизнеса, торговых объединений). Деньги и подарки партия может также получать в качестве вступительного взноса (или, гораздо реже, в виде платы за включение в избирательный список). Это, тем не менее, является потенциальным источником коррупции. В большинстве государств мира запрещается финансирование политических партий и политических общественных организаций из-за границы, уставами которых предусмотрено непосредственное участие в выборах в стране. В России поддержку из госбюджета получают партии, добившиеся определенного результата на выборах: для выборов в Государственную Думу этот порог, сейчас составляет 3%, что ниже проходного барьера, необходимого для допуска к распределению мест в парламенте.

Согласно п. 1 ст. 3 Закона, политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни

общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. При этом для Конституции безразлично количество партий, их численный состав, идеология и т.д. Она ограничивается лишь установлением организационных и функциональных параметров существования общественных объединений. Здесь речь идет о том, что, с одной стороны, принципы организации общественного объединения не должны противоречить требованиям демократии и прав человека в том виде, в каком они выражены в Конституции, а с другой стороны, цели и деятельность общественных объединений должны быть тождественны конституционному строю.

В связи с чем, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 15 декабря 2004 г. № 18-П отметил, что законодатель вправе урегулировать правовой статус политических партий, в том числе условия и порядок их создания, принципы деятельности, права и обязанности, установить необходимые ограничения, касающиеся осуществления права на объединение в политические партии, а также основания и порядок государственной регистрации политической партии в качестве юридического лица [Вестник Конституционного Суда РФ…, 2005].

При этом осуществляемое законодателем регулирование, в силу ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что в Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией, не должно искажать само существо права на объединение в политические партии, а вводимые им ограничения – создавать необоснованные препятствия для реализации конституционного права каждого на объединение и свободы создания и деятельности политических партий как общественных объединений, т.е. такие ограничения должны быть необходимыми и соразмерными конституционно значимым целям. Конституция устанавливает основы политической и социально-экономической системы общества, статус государственных органов и объединений граждан, систему прав и свобод человека и гражданина. А законы принимаются в целях реализации установлениями конституции, применительно к конкретной сфере жизни общества, деятельности государственных органов и общественных объединений. Поэтому в законах о политических партиях, устанавливается их правовая институционализация, а не конституционно-правовой статус.

По сути правовая институционализация, являясь особой формой институционализации партий, определяет процессы их формирования в качестве политико-правовых институтов. Эти процессы могут не совпадать по времени, так как формирование партий, как политического института, обычно предшествует их правовой регламентации, но они тесно взаимосвязаны. Универсализация тенденций правовой институционализации политических партий в современных государствах обусловлена рядом причин. Одна из важнейшая – это усиление взаимодействия политических партий и государственного механизма. При этом в условиях демократического режима, партии играют роль двигателя, приводящего в действие государственный механизм и обеспечивающего его нормальное функционирование. Правовое регулирование деятельности политических партий является юридическим инструментом их институционализации. Но при этом не следует отождествлять институционализацию партий и правовое регулирование различных элементов их правового статуса. Так как институционализация партий не ограничивается только вопросами правового регулирования, она также охватывает вопросы правового воздействия на политические отношения, не реализуемые непосредственно через установление конкретных прав и обязанностей политических партий и связанных с ними субъектов права, она также представляет собой и процесс правового признания партий, установления их роли в государственном механизме. По нашему мнению, институционализация основных элементов политической системы и политических партий в частности – это задача именно конституционно-правового регулирования. Но, при этом следует отметить, что вопрос о допустимости закрепления статуса политических партий в Конституции Российской Федерации является предметом достаточно острых споров в научной среде.

Так по этому поводу С.А. Авакьян, – пишет, что «Если нормы о партиях включены в конституцию государства, это означает их конституционализацию, если затем принимается текущий закон о партиях, налицо их законодательная институционализация» [Авакьян, 2011]. Включение в Конституцию Российской Федерации норм о политических партиях и их роли в обществе и государстве означает, что право признает их как институт, деятельность которого необходима для функционирования не только общества, но и всего государственного механизма.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИХ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Впервые конституционные положения о партиях появились в советских конституциях, так, нормы о партиях были закреплены в Конституции СССР 1936 г., но, они имели односторонний характер, так как речь шла об одной партии – ВКП(б). Однако, как отмечает В.Е. Чиркин, ст. 126 Конституции СССР 1936 г. не исключала существование других партий, провозглашавшаяся свобода объединения устанавливала, что передовые граждане страны объединяются в коммунистическую партию, а не передовые граждане и менее сознательные, по идее, могут создавать другие партии [Чиркин, 1999]. Положения о руководящей роли коммунистической партии были повторены в Конституциях РСФСР, вплоть до кардинальных изменений Основного Закона России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В течение десяти лет после распада СССР при регистрации политических партий их численность не учитывалась, это было время свободной их деятельности, без жесткой регламентации, это был период их становления и развития. Так, по исследованию М.В. Барабанова динамика численности партий и объединений, имеющих право на участие в выборах, была следующая: в 1993 г. – 147,

из них в выборах участвовало 13, прошло в Думу 8; в 1995 г. из 250 участвовало в выборах 43, прошло 4, в 1999 г. из 139 участвовало в выборах 26, прошло 6 [Барабанов, 2006].

Действительно, было большое число партий, так как им не мешало образовываться ни государство, ни законодательство. И только выборы естественным путем отсекали слабые партии. В 1990-е гг. для регистрации федеральной партии достаточно было иметь 5 тысяч членов, в силу чего право на участие в выборах имело 196 партий и движений. Тем не менее это не приводило к серьезной раздробленности, так как, преодолевая проходной барьер, в Госдуму проходило стабильно малое число только наиболее поддерживаемых партий и избирательных блоков – около десятка избирательных объединений.

Так в августе 1991 г. для сохранения партийной власти и предотвращению распада СССР членами президиума ЦК КПСС и Правительства СССР был организован ГКЧП, который попытался отстранить Михаила Горбачева с поста президента СССР и взять контроль над страной в свои руки. Но из-за нерешительности 22 августа 1991 г. ГКЧП потерпел поражение. После провала Августовского путча союзная власть окончательно утратила свою власть над своими республиками. 6 ноября этого года, указом Президента России Бориса Ельцина партия КПСС была запрещена [Газета «Коммерсантъ», 2009].

В декабре 1993 г. в России впервые после 1917 г. состоялись многопартийные парламентские выборы. О своем желании участвовать в выборах заявили 35 избирательных объединений, но лишь восемь из них смогли преодолеть барьер 5% и сформировать фракции в Государственной Думе.

В думской выборной кампании в декабре 2003 г. приняли участие 22 избирательных объединения. Большинство из них также являлись партиями-«однодневками». Только трем партиям («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР) и одному партийному блоку – «Родина» удалось преодолеть барьер 5%. Неожиданное поражение потерпели такие известные партии, как «Яблоко», «Союз правых сил» и «Аграрная партия».

В декабре 2004 г. в Федеральный закон от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» были внесены существенные изменения. В частности, минимальная численность членов партии была увеличена с 10 до 50 тыс. Кроме того, теперь партия должна иметь свои региональные отделения не менее чем в половине субъектов РФ с численностью не менее 500 человек в каждом (раньше допускалось иметь 100 членов) [Лента.ру, 2007].

Начиная с января 2007 г. партии, не отвечающие требованиям закона, подлежали ликвидации по суду. Был также повышен порог прохождения в Государственную Думу с 5 до 7%, отменены графа «Против всех» и минимальный порог явки. В декабрьских выборах 2007 г. в Государственную Думу приняли участие 11 партий: «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, Союз правых сил, «Яблоко», «Патриоты России», «Гражданская сила», Аграрная партия, «Партия социальной справедливости», «Демократическая партия России». В ходе выборов и подсчета голосов были определены следующие результаты: «Единая Россия» – 64,3% (315 мест в Думе), КПРФ – 11,57% (57 мест), ЛДПР – 8,14% (40 мест), «Справедливая Россия» – 7,74% (38 мест) [Центр исследования политической культуры России, 2007].

В декабре 2011 г. в Государственную Думу приняли участие 7 партий: в Думу прошли только четыре партии: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР. В ходе выборов и подсчета голосов были определены следующие результаты: «Единая Россия» – 53% (238 мест в Думе), КПРФ – 20% (92 места), «Справедливая Россия» – 7,74% (64 места), ЛДПР – 12% (56 мест). Партии, которые не преодолели ни 7, ни 5% (что позволило бы представить одного своего депутата): «Яблоко» (С. Митрохин, 3,43%), «Патриоты России» (Г. Семигин, 0,97%), партия «Правое дело» (А. Дунаев, 0,6%) [Российская газета, 2011].

В сентябре 2016 г. в Государственную Думу приняли участие 14 партий: в Думу прошли те же четыре партии, которые работали в Думе шестого созыва, в ходе подсчета голосов были определены следующие результаты: «Единая Россия» – 75,95% (341 место в Думе), КПРФ – 9,58% (43 места), ЛДПР – 8,91% (40 мест), «Справедливая Россия» – 5,12% (23 места) [Российская газета, 2016].

В настоящее время в Российской Федерации официально зарегистрировано 47 политических партий [Официальный сайт, Минюст России, 2020]. Стоит отметить, что еще в 2011 г. в России числилось всего семь партий. Такое резкое изменение объясняется, в первую очередь, тем, что после решения ЕСПЧ по делу РПР [Лента.ру, 2011] (ныне – ПАРНАС) и массовых акций протеста 2011–2012 гг. [Билунов, 2012] нормы законодательства в области регистрации политических партий были резко демократизированы. Так, например, в 80 раз (с 40 000 до 500) сократилось количество граждан, которых партии необходимо иметь в своем составе. Примечательно, что ПАРНАС (ранее – РПР и РПР-ПАРНАС) стала первой в истории России политической партией, которая с формальной точки зрения была не зарегистрирована заново, а восстановлена в регистрации в связи с решениями Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [Лента.ру, 2011] и Верховного суда Российской Федерации [РИА Новости, 2012]. Однако, после регистрации 71 партии в 2012–2013 гг. количество новых регистраций партий резко сократилось, а в 2017–2019 гг. ни одна партия и вовсе не была зарегистрирована. В 2020 г. регистрация партий была возобновлена (зарегистрировано 4 партии): «Новые люди» (24.03.2020); «За правду» (25.03.2020); «Зеленая альтернатива» (01.04.2020); «Партия прямой демократии» (01.04.2020) [Министерство юстиции России, 2020].

Таким образом, политическая партия сама заинтересована в своей силе, сила ее определяется поддержкой электората на выборах: чем больше голосов получит партия, тем больше у нее будет депутатских мандатов, тем ближе она будет к власти. Поэтому институты численности партии и даже членства, на наш взгляд, не являются необходимыми конституирующими партию признаками. В этом еще более убеждает выбранный вариант численности партии в 500 человек, т.е. если в 50 субъектах Федерации будет по 10 человек, этого будет достаточно для создания партии. На наш взгляд, вообще не нужно в законе указывать минимальную численность партии, достаточно указать то,

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

что партия должна иметь свои региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации, тем более что проверять ее будут теперь один раз в три года, и вся ответственность за учет членов перекладывается на сами партии. Причем сама партия должна решить, к какому типу она будет относиться: к массовой партии, с формальным членством, или картельной партии, где не принято фиксированное членство, а выделяются, согласно М. Дюверже, четыре круга причастности: избиратели, симпатизанты или сторонники, члены партии и активисты [Дюверже, 2000].

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В отличие от основных законов других государств как демократических, так и недемократических, в Конституции Российской Федерации не содержится положений о политических партиях, за исключением закрепления принципа политического многообразия и многопартийности (п. 3 ст. 13). Таким образом, следует вывод, что в Конституции применен новый подход к определению роли политических партий в конституционном законодательстве: она вообще не говорит о партиях, но признает «многопартийность». Но, несмотря на то, что Конституция РФ не содержит отдельных статей, регламентирующих статус политических партий, а также их место и роль в системе политических институтов, можно с достаточной долей утверждать, что конституционализация политических партий воплощена в ряде конституционных норм, содержащихся в первом и втором разделах Конституции Российской Федерации. Например, это нормы ст. 13 Конституции Российской Федерации, в частности, в ч. 1 признается идеологическое многообразие, в ч. 2 указывается, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, в ч. 3 признается политическое многообразие и многопартийность, в ч. 4 закрепляется равенство общественных объединений перед законом; а в ч. 5 закреплено, что запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание расовой, национальной и религиозной розни. Также в ч. 1 ст. 30 Конституции Российской Федерации признается право каждого на объединение и гарантируется свобода деятельности общественных объединений.

Таким образом, системная связь норм, содержащихся в Конституции, позволяет выявить основные элементы правового статуса политических партий, которые могут быть конкретизированы в текущем законодательстве при условии полного соответствия его норм вышеназванным конституционным положениям. Об этом свидетельствует и тот факт, что соответствующие конституционные положения, определяющие этот статус, не могут быть изменены обычным способом, а только в порядке усложненной процедуры.

Как особую форму институционализации политической партии можно рассматривать правовые позиции, содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ. Например, Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона “О политических партиях” в связи с жалобой политической партии “Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов”» было признано не противоречащими Конституции Российской Федерации положения третьего абзаца п. 2 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях», которыми устанавливаются требования к численности политической партии и ее региональных отделений, и находящиеся в нормативном единстве с этими положениями пп. «ж» п. 1 ст. 18 и пп. «г», «д» п. 3 ст. 41 названного Федерального закона, регулирующие условия и порядок государственной регистрации регионального отделения политической партии, а также последствия изменения статуса политической партии, не отвечающей требованиям, предъявляемым к политической партии [Постановление КС РФ…, 2007].

В качестве вспомогательных форм правовой институционализации можно рассматривать ряд подзаконных актов, касающихся вопросов, связанных с процедурой регистрации политических партий, порядка ведения ее финансовой отчетности, а также конституции, и законы субъектов РФ, нормативные акты муниципальных образований, которые приняты в соответствии с федеральным законодательством и в его развитие. К ним можно отнести нормативные правовые акты, например, Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Собрание законодательства РФ…, 2002] и подзаконные, например, Указ Президента РФ от 20 декабря 1993 г. № 2227 «О мерах по совершенствованию избирательной системы в Российской Федерации» [Собрание актов Президента и Правительства РФ…, 1993].

Окончательным регулированием организационно-правовой деятельности политической партии, являются устав, программы (программы политических партий, являясь одной из форм их правовой институционализации, одновременно являются и квалифицирующим признаком политических партий), а также принятые на их основе и в соответствии с ними – положения о руководящих органах партии, об уплате членских взносов, об аппарате партии, должностные инструкции, регулирующие деятельность ее членов и др. Что касается идеологии политической партии то она находит наиболее полное выражение в ее программе, в которой, исходя из определенной системы ценностей, партия формулирует коллективную цель для общества, обязуясь воплотить ее в случае избрания.

ВЫВОДЫ

На основании исследования автор приходит к выводу, что политическая партия уникальна тем, что, будучи институтом гражданского общества, одновременно является и субъектом, участвующим в формировании и деятельности органов государственной власти. По своей социальной природе партия является

отделенным от государства общественным институтом, призванным представлять и отстаивать в политическом процессе интересы различных социальных слоев гражданского общества, обеспечивать контроль общества за деятельностью государства. Однако, не будучи носителем государственной власти, партия является важнейшим элементом механизма воспроизводства политической власти. Партия обеспечивает организованное участие граждан в политической жизни путем выдвижения своих кандидатов на выборах, прямо или косвенно участвует в деятельности органов государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авакьян С.А.* Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 1996. С. 120–121.
2. *Авакьян С.А.* Конституционно-правовой статус политических партий в России: учеб. пособие. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 15.
3. *Барабанов М.В.* Политические партии современной России: становление, особенности, перспективы: дис.... канд. полит. наук. М., 2006. С. 60–63.
4. *Билунов Д.* Координационный Совет накануне выборов // Ежедневный журнал. 19 октября, 2012.
5. Газета «Коммерсантъ». 2009. № 65. URL: https://www.kommersant.ru/Doc-y/1154864
6. *Дюверже М.* Политические партии / пер. с фр. М.: Академический проект, 2000.
7. Политика: ЕСПЧ признал незаконным роспуск Республиканской партии России // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2011/04/12/notok/
8. Лента.ру. URL: https://lenta.ru/articles/2007/12/29/polifinal/
9. *Лапаева В.В.* Право и многопартийность в современной России. М.: Норма, 1999. С. 182.
10. Министерство юстиции России. Официальный сайт: http://minjust.gov.ru/nko/gosreg/partii/spisok
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона “О политических партиях” в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации “Православная партия России” и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона “О политических партиях” в связи с жалобой политической партии “Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов” // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 5.
13. Российская газета, Федеральный выпуск № 5654 (278) (10 декабря 2011).
14. Российская газета, Федеральный выпуск № 215 (70831) (23 сентября 2016).
15. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20120123/546810731.html
16. Указ Президента РФ от 20 декабря 1993 г. № 2227 «О мерах по совершенствованию избирательной системы в Российской Федерации» (ред. 10.01.2003) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 5060.
17. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
18. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
19. Центр исследований политической культуры России, 2007. URL: https://kprf.ru/vibory2007/chronicle/53685.html
20. *Чиркин В.Е.* Правовое положение политических партий: российский и зарубежный опыт // Журнал российского права. 1999. № 3/4. С. 125–126.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitutional and legal status of political parties in Russia: Constitutional and legal framework. Moscow: Norma; INFRA-M, 2011. P. 15.
2. *Avakyan S.A.* Political pluralism and public associations in the Russian Federation: Textbook. Moscow, 1996. Pp. 120–121.
3. *Barabanov M.V.* Political parties of modern Russia: Formation, features, prospects: Dis.... Cand. Sci. (Polit.). M., 2006. Pp. 60–63.
4. *Bilunov D.* Coordination Council on the eve of the elections. *Daily Journal*. October 19, 2012.
5. Newspaper “Kommersant”. 2009. No. 65. URL: https://www.kommersant.ru/Doc-y/1154864
6. *Duverger M.* Political Parties: Trans. with france. Moscow: Academic Project, 2000.
7. Politics: ECHR declared illegal the dissolution of the Republican Party of Russia. *Lenta.ru*. URL: https://lenta.ru/news/2011/04/12/notok/
8. Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2007/12/29/polifinal/
9. *Lapaeva V.V.* Law and multi-party system in modern Russia. Moscow: Norma, 1999. P. 182.
10. Ministry of Justice of Russia. Official site. URL: http://minjust.gov.ru/nko/gosreg/partii/spisok
11. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 15, 2004 No. 18-P “In the case of the constitutionality of paragraph 3 of Article 9 of the Federal Law ‘On political parties’ in connection with the request of the Koptevsky District Court of Moscow, complaints of the All-Russian public political organization ‘Orthodox Party of Russia’ and the citizens of I.V. Artemov and D.A. Savin”. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. No. 1. 2005.
12. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2007 No. 11-P “In the case of the constitutionality of certain provisions of Articles 3, 18 and 41 of the Federal Law ‘On political parties’ in connection with the complaint of the political party ‘Russian Communist Workers Party – Russian Party of Communists’ ”. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2007. No. 5.
13. Russian Newspaper. Federal issue. No. 5654 (278) (December 10, 2011).
14. Russian Newspaper. Federal issue. No. 215 (70831) (September 23, 2016).
15. RIA News. URL: https://ria.ru/20120123/546810731.html
16. Decree of the President of the Russian Federation of December 20, 1993 No. 2227 “On measures to improve the electoral system in the Russian Federation” (as amended on January 10, 2003). *Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation*. 1993. No. 52. Art. 5060.
17. Federal Law of July 11, 2001. No. 95-ФЗ (as amended on December 2, 2019) “On Political Parties”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 29. Art. 2950.
18. Federal law dated 12.06.2002 No. 67-ФЗ (as amended on 04.05.2016) “On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation”. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 24. Art. 2253.
19. Center for Political Culture Studies of Russia, 2007 URL: https://kprf.ru/vibory2007/chronicle/53685.html
20. *Chirkin V.E.* The legal status of political parties: Russian and foreign experience. *Journal of Russian Law*. 1999. No. 3/4. Pp. 125–126.

Статья поступила в редакцию 18.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 18.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Аксана Александровна, кандидат политических наук; начальник административного управления Волжского государственного университета водного транспорта. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: kipkn@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aksana A. Popova, Cand. Sci. (Polit.); Head of the administrative management of Volga State University of Water Transport. Nizhniy Novgorod, Russian Federation. E-mail: kipkn@mail.ru

12.00.01

Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Theory and history of law and state;
History of law and state teachings

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-40-48

УДК: 340.15

Филофей Псковский и Иван Вишенский: сравнительная характеристика государственно-правовых взглядов в контексте развития полемики иосифлян и нестяжателей

М.А. Блинова[a] ©, В.В. Олейников[b] ©

Одинцовский филиал Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России,
г. Одинцово, Московская область, Российская Федерация

[a] E-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

[b] E-mail: v.oleynikov@odin.mgimo.ru

Аннотация. ***Цель.*** Целью работы является изучение и сопоставление определенных аспектов политико-правовой мысли таких крупных религиозных философов как иосифлянин Филофей Псковский и нестяжатель Иван Вишенский с учетом определенных аспектов их биографий, а также рассмотрение взглядов философов на природу государственной власти, институт общественного равенства, реализацию социальной защиты, а также на правонарушение и юридическую ответственность. ***Методология.*** Методологическую основу работы составили такие общефилософские методы как диалектический, логический, анализа и синтеза. В работе применялись общенаучные методы (например, системный, ретроспективный), а также специально-научные методы (формально-юридический, компаративистский, проблемно-хронологический и др.). Использовались принципы историзма, объективности, взаимосвязи и взаимообусловленности государственно-правовых явлений и др. ***Выводы.*** В работе сделан вывод о том, что выдающиеся православные мыслители и подвижники Филофей Псковский и Иван Вишенский, расходясь во мнениях по ряду вопросов, в главном были едины: оба они приходили к выводу о необходимости воцарения на Руси справедливости, гуманности и законопослушания. Важнейшим условием восстановления справедливости на Земле является равенство всех людей, а также чистота православного вероисповедания. ***Практическая значимость.*** Изучение и сопоставление политико-правовой мысли Филофея Псковского и Ивана Вишенского имеет важное практическое значение применительно к процессам современного отечественного государственного строительства и законотворчества. Определенные аспекты данной проблемы также могут быть учтены в вопросах мирного урегулирования взаимоотношений между современными государствами Россией и Украиной, а также единения славянских народов перед внешними вызовами и опасностями.

Ключевые слова: Филофей Псковский, Иван Вишенский, «Москва – Третий Рим», исихазм, иосифляне, нестяжатели, грех, правонарушение, проступок, равноправие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Блинова М.А., Олейников В.В. Филофей Псковский и Иван Вишенский: сравнительная характеристика государственно-правовых взглядов в контексте развития полемики иосифлян и нестяжателей // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 40–48. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-40-48

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-40-48

Philotheus of Pskov and Ivan Vyshensky: Comparative analysis of state-legal views in the context of the development debate of the josephites and non-possessors

M.A. Blinova[a] ©, V.V. Oleinikov[b] ©

Odintsovo branch of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs (MGIMO), Odintsovo, Moscow Region, Russian Federation

[a] E-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

[b] E-mail: v.oleynikov@odin.mgimo.ru

Abstract. ***Purpose.*** The purpous of the article is to study and compare certain aspects of political and legal thought of such major religious philosophers as the Philotheus of Pskov and non-possessor Ivan Vishensky taking into account certain aspects of their biographies, as well as consider the views of philosophers on the nature of state power, the institution of social equality, the implementation of social protection, and also an offense and legal liability. ***Methodology.*** The methodological basis of the work was constituted by such general philosophical methods as dialectical, logical, analysis and synthesis. General scientific methods (e.g., systemic, retrospective), as well as specially scientific methods (formal legal, comparative, problem-chronological, etc.) were used in the study. The principles of historicism, objectivity, interconnection and interdependence of state-legal phenomena, etc. were also used in the work. Conclusions. The work concluded that the outstanding Orthodox thinkers and ascetics Philotheus of Pskov and Ivan Vishensky, disagreeing on a number of issues, were mostly unanimous: both of them came to the conclusion that justice, humanity and law obedience should be prevailed in Russia. The most important condition for the restoration of justice on Earth is the equality of all people, as well as the purity of the Orthodoxy. ***Practical significance.*** The study and comparison of the political and legal ideas of Philotheus of Pskov and Ivan Vishensky is of great practical importance in relation to the processes of modern domestic state building and lawmaking. Certain aspects of this problem can also be taken into account in the issues of the peaceful settlement of relations between contemporary Russia and Ukraine, as well as to achieve unity of the Slavic peoples in the face of external challenges and dangers.

Keywords: Philotheus of Pskov, Ivan Vishensky, "Moscow is the Third Rome", Hesychasm, Josephites, non-possessors, sin, offense, misdemeanor, equality

FOR CITATION: Blinova M.A., Oleinikov V.V. Philotheus of Pskov and Ivan Vyshensky: Comparative analysis of state-legal views in the context of the development debate of the josephites and non-possessors. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 40–48. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-40-48

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения отечественной государственно-правовой мысли периода сословно-представительной монархии приобретает все большую актуальность в условиях современной политической ситуации, сложившейся в странах бывшего СССР. В первую очередь, здесь имеются ввиду политические отношения между Россией и Украиной. Увеличивается необходимость изучения, наследования и грамотного применения имеющегося исторического опыта. В данных условиях особое значение приобретает вопрос правильного восприятия и понимания концепции «Москва – Третий Рим» старца Филофея Псковского (Псковозерского), а также политико-правового учения старца Ивана (Иоанна) Вишенского. Актуальность изучения научного наследия последнего усиливается также и тем, что не так давно, 28 июля 2016 г., он был канонизирован в лике преподобных Украинской православной церковью. В то же время, не смотря на большое количество исследований наследия каждого из этих православных

мыслителей (философскую мысль Филофея Псковского изучали Н.М. Золотухина, Е.С. Шушпанов, Н.В. Синицына, С.А. Лукьянов, Ч. де Михелис и др., а Ивана Вишенского – С.В. Шумило, И.П. Еремин, О.Ф. Скакун и др.), работы, посвященные сопоставлению их взглядов, практически отсутствуют. При этом, как будет показано ниже, такое исследование может привести к определенным научно-значимым выводам которые и являются его приоритетной целью.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ФИЛОФЕЕ ПСКОВСКОМ И ИВАНЕ ВИШЕНСКОМ

Для правильного понимания особенностей государственно-правовых взглядов мыслителей, следует, в первую очередь, кратко рассмотреть их биографии, а также среду в которой эти взгляды формировались, факторы, которые могли на них повлиять.

Итак, биографических сведений о старце Филофее Псковском (Псковозерском) до нас дошло немного. Предполагается, что родился он около 1450 г. (по другим данным – в 1465 г.), а умер или, возможно, завершил активную деятельность, не позже 1542 г. Место его рождения неизвестно. Также мы не можем быть уверенны по поводу социального происхождения Филофея и полученного им образования. Старец указывает, что сам он «селской человѣкъ», который «учился лишь грамоте, а эллинским мудростям не учен, ораторских астрономов не читывал, да и с мудрыми философами в беседе не бывал» [18: 442, 443], который «грешен и недостоин во всем и невежда в премудрости» [17: 439]. Однако, едва ли возможно воспринимать эти сведения как истинные: в те времена, потому как христианское смирение представлялось обязательным качеством любого христианина, подобного рода самоуничижение являлось абсолютно нормальным авторским приемом для христианских православных писателей периода Средневековья [5: 93, 96]. Известно множество примеров того, как неучеными крестьянами называли себя наиболее образованные люди своего времени, происходящие из дворянского сословия, иногда относящиеся к верхушке церковной иерархии.

Свои произведения старец написал, будучи монахом Спасо-Елизарова монастыря, однако не известно, где Филофей принял монашество – в этом монастыре или в другом месте. Возможно, что он являлся учеником основателя данного монастыря преп. Евфросина Псковского (1386–1481). Вполне вероятно, что Филофей был игуменом этой обители. Очевидно, что это был высокообразованный старец, известный своей добродетельной жизнью и одновременно, достаточно влиятельный человек, позволявший себе обращаться к высокопоставленным чиновникам и даже лично к государю Василию III «в молениях о людях» – рядовой монах навряд ли осмелился бы проявлять подобное «дерзновение». Существует мнение о том, что Филофей Псковозерский был канонизирован (например, небезызвестный идеолог старообрядчества инок Авраамий (Венгерский) называет его «святый Ѳилоѳей, Елизарьева монастыря» [7: 87]), возможно, как местночтимый святой в Псковской епархии.

К основным трудам, автором которых считают старца Филофея, следует отнести «Послание о неблагоприятных днях и часах», «Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде», «Утешительное послание опальному вельможе», «Послание Филофея М.Г. Мунехину по случаю морового поветрия» и др.

О старце Иване Вишенском до нас дошло намного больше биографической информации. Имя Иван (Иоанн) – монашеское. Мирское имя мыслителя нам не известно. Родился будущий старец между 1533 и 1550 гг. в г. Судовая Вишня в Галиции (сейчас – Мостисский район Львовской обл., Украина). Происходил, по всей видимости, из местного шляхетского рода Вишенских и получил неплохое начальное образование. Как и Филофей, сам о себе он отзывается как о человеке неученом, который «риторические игрушки не видах, философского высокомечтательного не слыхах». На самом деле был он человеком грамотным, умело владел литературным стилем, знал церковнославянский, греческий, латинский и польский языки. В 70-е гг. XVI в. проживал в г. Луцке, часто бывал в г. Остроге. Иван Вишенский был тесно связан с Острожским кружком православных книжников-традиционалистов, под воздействием которых на начальной стадии и формировалось его мировоззрение. На взгляды будущего старца могли оказать влияние пребывавший там в эти годы представитель московской исихастско-нестяжательской школы, ученик Нила Сорского, в прошлом, игумен Троице-Сергиевой лавры Артемий Троицкий (? – нач. 1570-х) и преподобный Иов (Княгиницкий) (ок. 1550–1621), ставший «другом» и «возлюбленным братом» Иоанна Вишенского.

Монашеский постриг Иоанн Вишенский принял, предположительно, на Волыни, в Дубенском Свято-Спасском монастыре [9: 128, 131]. По мнению С. В. Шумило, в путешествие на Святую Гору Афон старец отправился вместе с Иовом Княгиницким, по поручению князя Константина Острожского, около 1589–1593 гг. (через Молдовлахию, Болгарию и Македонию), а возвратился на Украину около 1601–1604 гг. Предположительно, на Афоне старец Иоанн подвизался в кельях и скитах славянских обителей, таких как древнерусский Руссик, болгарский Зограф, сербский Хиландар и Павловский монастырь [20: 21, 22, 27, 29, 30, 35, 39, 41, 42, 44].

Вернувшись на Украину, старец Иоанн посетил Дерманский Свято-Троицкий монастырь неподалеку от Острога, гостил в Угорницком монастыре, посещал Львовское ставропигиальное братство, бывал в Уневском монастыре, а впоследствии поселился в основанном преподобным Иовом Княгиницким Манявском скиту. Есть информация, что старец посещал также Острог и встречался там со своим благодетелем, князем Константином Острожским. С точки зрения С.В. Шумило, его возвращение на Украину было связано не столько соображениями полемической деятельности, сколько необходимостью оказать помощь в осуществлении крупномасштабной монастырской реформы, целью которой являлся перевод некоторых украинских монастырей на афонский устав, с тем, чтоб они были не церковно-феодальными хозяйственными корпорациями, а подлинными духовными центрами православия и мистико-исихастской традиции.

В результате этой реформы, ряд монастырей (Угорницкий, Уневский, Почаевский и другие) были

преобразованы по афонскому образцу, кроме того, был основан Манявский скит. Этот скит в последствии сыграл важную роль в деле возрождения православного монашества на землях Западной Украины. Православные монастыри, под влиянием афонитов, постепенно преобразовывались в национальные духовно-культурные очаги. Эти обители становятся теми центрами на Украине, вокруг которых начинается духовное, культурное и политическое возрождение [20: 70–73, 79, 80, 83, 85].

Около 1607 г., выполнив задачу по оказанию помощи в проведении реформы и утверждении афонского устава, старец Иоанн Вишенский возвратился на Святую Гору Афон. Скорее всего, он вернулся в древнерусский скит Ксилургу, принадлежащий монастырю Руссик, но в 1610 г. уже подвизался при болгарском монастыре Зограф и, наконец, уединился при пещере преподобного Космы Зографского.

Представился старец Иоанн в этой самой пещере, очевидно, между 1620 и 1630 гг., но не позже 1633 г. [20: 91, 93–95, 99, 111, 112].

ИОСИФЛЯНСТВО И НЕСТЯЖАТЕЛЬСТВО

Известно, что конец XV–XVI вв. в истории отечественного православия ознаменовались горячей полемикой представителей двух религиозно-философских течений: нестяжательства и иосифлянства (данный термин происходит от имени основоположника этого течения – известного православного философа, святого Русской православной церкви, игумена Иосифо-Волоколамского успенского монастыря преподобного Иосифа Волоцкого. Данное течение в литературе часто именуют стяжательством. На наш взгляд, этот термин является крайне неудачным, несет предвзятый негативный оттенок и не отражает всех аспектов сущности данной концепции).

Традиционно, исследователи относят старца Филофея к представителям иосифлянства, а преподобного Иоанна – к последователям нестяжателей. В связи с этим, анализ государственно-правовых взглядов Филофея Псковского и Ивана Вишенского представляется невозможным без рассмотрения определенных аспектов их общефилософских воззрений. Очевидным фактом является ярая приверженность обоих старцев догматам православного вероучения. Однако, единство в общем, не исключает существенного расхождения в частностях.

Известно, что полемика между иосифлянами и нестяжателями посвящена вопросу права собственности церкви, и в первую очередь, монастырей, на недвижимое имущество, прежде всего, пахотные земли, деревни, сёла и населяющих их крестьян. Нестяжатели отрицали данное право, иосифляне же, напротив, выступали за его сохранение. Обе стороны ссылались в поддержку своей точки зрения на Священное Писание, труды Отцов Церкви, решения Вселенских соборов и другие авторитетные источники. Концепция нестяжателей оказалась удобной для государственной власти, нуждавшейся в землях, которые затем планировалось раздавать в качестве награды за службу служилым людям, и поэтому выступавшей за отчуждение церковных земель в свою пользу. При этом в обмен церкви предлагалось денежное вознаграждение и продуктовое довольствие. Разумеется, если бы подобные планы тогдашнему главе русского государства, великому князю Ивану III, удалось бы осуществить, церковь неминуемо попала бы в зависимость и подчиненное положение по отношению к государственной власти.

В то же время, было бы в корне неверным сводить всю сущность учений нестяжателей и иосифлян к примитивному обсуждению вопроса права собственности церкви на землю и иное имущество (к сожалению, таким подходом грешат многие современные исследователи). Следует отметить, что характерной чертой иосифлянского учения является стяжательство киновиального монастыря (киновия – это монастырь, в котором не разрешается частная собственность у монахов, в отличие от идиоритма) при личном нестяжательстве его монахов. При вступлении во братию монастыря требовался полный отказ от частной собственности, которая полностью отчуждалась в пользу монастыря.

Некоторые авторы утверждают, что основанный Иосифом Волоцким (1439–1515) в 1479 г. монастырь был едва ли не второй по счету киновией, образовавшейся на Руси (после Кирилло-Белозерского монастыря, появившегося в 1397 или в 1407 гг.) [1: 63]. Но Евфросин Псковский основал свой монастырь еще в 1425 г. и уже в 1450–1460-е гг. прямо указывал в своем монастырском уставе на то, что этому монастырю надлежит быть общим. Пребывающий в нем обязан был все свое имущество передать монастырю в собственность [14; подр. см.: 13: 267]. Таким образом, монастырь, в котором пребывал, а возможно, и игуменствовал Филофей Псковский, являлся одним из первых на Руси, чей устав предполагал стяжательство монастыря при личном нестяжательстве его братии.

Важной особенностью киновиального монастыря, а также иосифлянской концепции монашеского жительства в целом, является, по выражению российской исследовательницы О.Б. Ионайтис, «мерность, нарочитая чинности, уставность», а также «хождение в народ, конечно же, в духе своего времени» [8: 77]. Вообще, как справедливо подытоживает А.И. Алексеев, иосифлянское учение обеспечило надежную базу для развития «сильной и независимой церкви, которая, оказывая поддержку государственной власти, должна была брать на себя решение социальных задач» [1: 292].

Подобное социальное служение церкви, при всех его положительных сторонах имело и «обратную», отрицательную «сторону медали», которой являлось «обмирщение» монашества и духовенства в целом, риск смещения приоритетов в сторону соблюдения внешнего благочестия при упадке внутренней духовности монашествующих.

Нестяжательство также представляло собой достаточно важное религиозно-философское направление в среде Русской православной церкви. Одним из наиболее ярких представителей данного течения был преподобный Нил Сорский (1433–1508). В противовес иосифлянскому учению, нестяжатели считали, что наиболее важной задачей церкви считается молитвенная забота о государстве и народе. Они ставили во главу угла мистическую внутреннюю природу церкви, а не соблюдение внешних благочестия и обрядности. Иначе говоря, нестяжатели выступали против т.н.

обмирщения церкви и сетовали за строгое разделение монашеского и мирского образа жизни. Представители данного течения полагали, что в собственности у монастырей не должно быть населенных крестьянами вотчин, а монашествующим необходимо добывать себе хлеб насущный за счет собственных трудов, и не участвовать в экономической и политической жизни государства. Нил Сорский преследовал цель возрождения т.н. созерцательного монашества, что в обязательном порядке предполагает абсолютное отречение от всего мирского и презрение ко всему материальному. Лишь в случае крайней необходимости допускалось принимать милостыню, но в количестве не более чем минимально достаточном, для удовлетворения первейших потребностей монастыря. Нил Сорский практиковал аскезу духовной нищеты, радикального нестяжания, а также приверженность евангельскому образу уничиженного Христа, ибо ради достижения Царства Божия необходимо отказаться от материальных благ [16: 215].

Мы склоняемся к той точке зрения, что учения иосифлян и нестяжателей, в определенном смысле, могли дополнять друг друга, если можно так выразиться, компенсировать свои слабые стороны.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ФИЛОФЕЯ ПСКОВСКОГО

Говоря о воззрениях Филофея Псковского, следует, в первую очередь, отметить, что старец видел миссию Российской державы в том, чтобы быть Святой Русью, духовным центром, олицетворением духовной же силы. В корне неверными являются попытки некоторых авторов выставить Филофея апологетом т.н. российского великодержавного шовинизма. Филофей, безусловно, является сторонником сильной монаршей власти, но цель этой власти – быть не только главой государства, но прежде всего – хранителем Святой Руси с ее православной верой. Он имеет власть от Бога, его миссия – охранять правду [12: 231].

Старец настаивал на соблюдении «правды» как правителем Русской державы, так и всеми подданными. Правитель, по сути, должен быть гарантом справедливости для своих подданных и сам подавать пример законопослушности. Только такой правитель может стать «сынъ свѣта, ї гражанинъ (sic!) вышняго Їерсалима» [10, Приложения. № IX: 54; 17: 440, 441].

Важной составляющей учения старца Филофея (равно как и Иосифа Волоцкого, и как будет показано ниже, Ивана Вишенского, и других церковных мыслителей) была борьба с ересями, инославными учениями и другими идеологическими течениями (ересь жидовствующих, ряд сочинений по оккультным наукам, в которых, к тому же осуществлялась проповедь католицизма). Из подобных «вольнодумческих», а точнее – несущих духовный и идеологический разброд и шатание для русских людей и русского государства трактатов, следует особенно выделить апокриф по астрологии «Шестокрыл». Также, пропаганда Брестской унии, католических догматов и традиций в иконописи содержалась в астрологическом альманахе Штофлера. В своих сочинениях (например, в «Послании о неблагоприятных днях и часах», адресатом которого являлся опальный дьяк М.Г. Мисюрь-Мунехин) Филофей громит такие идеи, уточняя, что православному монарху надлежит «оуповати на все дающаго Бѣа. А звѣзды ... не помогоут ничим, ни придадоут ни оуймоут» [10, Приложения, № VII: 46].

Большинство ученых рассматривают Филофея Псковского как представителя иосифлянства, мотивируя это тем, что, как и Иосиф Волоцкий, псковский старец поддерживал право церкви владеть имуществом, выступал за преследование и наказание еретиков. При этом, профессор Н.М. Золотухина полагает, что идеи Филофея были более близки к взглядам нестяжателей, а имеющиеся исключения из общей концепции нестяжательства делались исключительно исходя из потребностей данной конкретной ситуации и принципиально-теоретического характера не имели [5: 274]. Она обосновывает свою позицию тем, что Филофей не выступает ревнителем стяжания церковью имущества. Однако, выше мы уже говорили, что владение церковью имуществом само по себе и не является краеугольным камнем иосифлянской доктрины. Речь ведется лишь о праве собственности церкви на землю, как на средство производства. Церковь времен позднего Средневековья нуждалась и в земле, и даже в крестьянах (в те годы, как известно, владение крепостными было неизбежным условием превращения этой самой земли в средство производства и не воспринималось современниками как нечто из ряда вон выходящее). Все это было необходимо для выполнения церковью важнейшей функции – функции социальной защиты и социального обеспечения населения.

Идеи социальной защиты населения, которую должна осуществлять не только церковь, но и государственная власть, красной нитью проходят через политико-правовое наследие псковского старца. Он считает, что попечение об убогих, всевозможная благотворительность и т.д. являются неотъемлемым качеством достойного православного монарха. Только такой монарх может править державой, являющейся земным прообразом горнего Ромейского царства. Старец ссылается на царя Соломона («Богатство и золото не в сокровищнице познается, но когда помогает нуждающимся»), а затем на апостола Павла («Корень всех зол есть сребролюбие» [1 Тим. 6: 8–10]) [11: 141].

Рассмотрим отношение Филофея Псковского к вопросам правонарушений и юридической ответственности за них. Как отмечает в отношении уголовно-правовых взглядов старца Н.М. Золотухина, старец многократно подчеркивает, что преследование нарушителей закона всегда входит в обязанности монарха [5: 255]. В целом, на основании изысканий, осуществленных Н.М. Золотухиной по тексту таких произведений старца как «Утешительное послание опальному вельможе» и «Послание к в беде сущим», выстраивается следующая классификация правонарушений по Филофею [5: 255, 256].

1. Безнравственные поступки:
   а) злые помыслы;
   б) злые советы;
   в) наведение порчи, т. е., когда правонарушитель «зло дѣло на кого наведе»;
   г) унижение достоинства человека («срамоту и оуничиженїе содѣла кому»);
   д) злорадство («порадовасıа дружни скорби и бедѣ»).

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

2. Преступления:
   а) «наветы и оклеветания» («неправдова кого в чемъ»);
   б) хищение;
   в) продажа людей;
   г) преступления против правосудия («или по враждѣ, или по дружбе, или по мъздѣ права виновата сотвори, или ноужныхъ не помилова, или воплѧ ноужныхъ не слыша, не оуправıа»); по нашему мнению, следует также выделить у Филофея такой вид преступлений как
   д) преступления, направленные на незаконное взимание налогов и сборов («илї дани тѧжкие и оуроки и всѧкие налоги не милосердо и не праведно возлагаѧ и своимъ повиннымъ немлсрдъ бѣ, или ноужныхъ от(ъ)емлѧемъ инѣмъ даем») [10: Приложения, № II: 14, 15]. Следует отметить, что данный вид преступлений (или правонарушений) до сих пор не предусмотрен в действующем российском законодательстве (в отличие от законодательства зарубежных стран. См., напр.: ст. 1 Закона Франции «О финансах»);
   е) преступления против Государя (наиболее тяжкие преступления).

Разумеется, что безнравственные поступки и преступления у Филофея объединяются одним емким понятием «грех». Все грехи неизбежно наказуемы (если не на этом свете, то на том, что для грешника еще хуже, т.к. муки в аду по своей тяжести не сопоставимы ни с какими наказаниями и лишениями в земной жизни). Наказания следует сносить стойко, не роптать ни на Бога, ни на карающую государственную власть.

Ввиду того, что идеи Филофея Псковского нашли свое отражение во многих «глобальных» произведениях XVI–XVII вв. (из них наиболее близкие по духу к первоисточнику образуют, по определению А.Л. Гольдберга и Н.М. Золотухиной, т.н. «Филофеев цикл»), а также вошли, среди прочего, в «Уложенную грамоту об учреждении патриаршества» (1589), можно утверждать, что эти идеи трансформировались не только в политическую, но и в государственную теорию, которая впоследствии была признана как государственной, так и церковной властью [5: 277].

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ИВАНА ВИШЕНСКОГО

Переходя к рассмотрению политико-правового наследия Ивана Вишенского, следует отметить, что взгляды данного мыслителя формировались посредством духовных поисков в сфере православной традиции, имевших отношение к Острожскому культурно-образовательному центру. Иван Вишенский являлся представителем традиции исихазма, одним из тех подвижников, которые, опираясь на святоотеческий аскетический опыт, стали носителями истинного духовного просветительства, т.к. и душой, и умом исихаст стремится получить знания о мире и о вещах. Для него молитва – это путь для общения с Творцом, она имеет глубокое гносеологическое значение и в мистическом созерцании открывает для подвижника то, что святоотеческая традиция называет «знанием логосов вещей», т.е. их трансцендентный смысл [2: 155].

Важным отличием от взглядов Филофея Псковского в воззрениях Иоанна Вишенского было то, что на них большое влияние оказали идеи нестяжательства. Ученик Нила Сорского, старец-нестяжатель Артемий Троицкий, пребывавший, как мы уже писали выше, одновременно с Иоанном Вишенским в Остроге и в Луцке, по мнению С.В. Шумило, должен был оказать огромное впечатление на украинского мыслителя. В результате этого, Иоанн Вишенский выступил, с одной стороны, резко против церковного стяжательства, а с другой – в защиту киновиального устройства: «Манастырѣ, на благочестие наданые, от фолваркового имени на общее житие пременѣте, зане нынѣ владыкове проклятые фолварки собѣ починили з опщихъ манастыревъ и мысливства прекормлюютъ в нихъ, а не душѣ, спасаемые на животъ вѣчный» [6: 24, 25].

Находясь на Украине, пребывающей под властью Речи Посполитой, подвижник гневно осуждает ее общественный строй, как эксплуататорский и феодально-крепостнический, в худшем смысле этого слова.

Как полагает Иван Вишенский:

1) монарх, не смотря на то, что он является помазанником Божиим, все равно, остается равным обычным людям и это подразумевает справедливое ограничение его власти;
2) ему свойственно ошибаться, как всякому простому смертному и он обязан нести ответственность за свои ошибки;
3) монарх, игнорирующий Закон Божий, не помогающий нуждающимся, не праведный и не справедливый – это «дьявол–миродержец», тиран, чье правление противоречит как природе человека, так и Закону Божьему.

Старец провозглашает концепцию «соборности» (под этим термином понимается коллегиальное правление всего народа, истинная демократия, которая функционирует по образцу раннехристианских общин. Монарх если и имеется, то его власть должна быть ограничена народом [19: 129]). Только такая, выражаясь современным языком, форма правления как соборность, по мнению философа, в состоянии обеспечить всем людям надлежащее и вожделенное равенство и в церковной, и в общественно-политической жизни, победить зло, несправедливость и тиранию, а также обеспечить истинную свободу, по образцу раннего христианства [15: 19]. Итак, если Филофей Псковский предполагает лишь один вариант формы правления для Русского государства – сильную абсолютную монархию, то Иван Вишенский, в целом не отрицая возможности монархии как формы справедливого властвования, тем не менее, своим общественно-политическим идеалом видит «монашескую республику», «собор равных», подобный общинам ранних христиан, живущих коллективно и в согласии друг с другом и с Богом.

Таким образом, расходясь с Филофеем Псковским в ряде вопросов, связанных с природой монаршей власти, Иван Вишенский солидарен с ним в главном: правитель должен быть справедливым и законопослушным. Он должен стремиться обеспечить благополучие своих подданных. Только такой монарх способен принести благо своему народу.

Следует отметить, что мыслитель осуждал распущенность светской и духовной власти, проповедовал

о равенстве людей перед Богом (господ, епископов и простых холопов, к коим причислял и себя самого), духовном очищении, искуплении греха и соблюдении Божиих заповедей единого верного пути человека к Богу как к высшему христианскому идеалу [4: 43].

Как пишет профессор Г.Г. Демиденко, будучи ревнителем чистоты Православия, Иван Вишенский гневно осуждает Брестскую унию, именуя ее «любовью поганской». Папу Римского он обвиняет в узурпации права абсолютной власти, пренебрежении правами людей, закрепленными в Священном Писании. Подвижник утверждает, что единственная истинная христианская вера это Православная вера, лучший язык познания Божьей Истины – не латынь, а славянский язык. Он провозглашает непримиримую войну римской церкви, стремящейся порушить веру и обычаи православного народа [3: 153]. *Данное стремление предотвратить внедрение в Православие инородного для него духовного и культурного семени абсолютно совпадает с соответствующими взглядами старца Филофея.*

Также как и Филофей, Иван Вишенский критикует незаконное и чрезмерное взымание налогов, сборов и штрафов, установленных за различные покушения на шляхетскую собственность.

Любопытным является также момент, на который обращает внимание С.В. Шумило: Иван Вишенский впервые среди украинских церковных авторов конца XVI – начала XVII вв. обращается к образу Иерусалима, противопоставляя его Риму (разумеется, не «Третьему», а «Первому» – давно уже католическому), и тем как бы предрекая восстановление неуниатской православной иерархии от Иерусалимского патриарха в 1620 г. Апеллированием к образу Иерусалима старец подтолкнул и к возрождению идеологемы древнерусских киево-печерских книжников: «Киев – второй Иерусалим» [20: 152].

Афонский старец скорбит о судьбе его родной украинской земли, о судьбах местного православия и о горькой участи поневоленного украинского народа: «Где бо нынѣ в Лядской земли вѣра, где надежда, где любов, где правда и справедливост суда? … Все смертоносный грѣхъ, все пеклом, адом и геенною вѣчною смърдит…». Русское государство он считает землею, где православие пребывает в чистом виде, почитает русских святых «чюдотворцов великихъ, которые и по смерти мертвыми освященными тѣлесы своими (т.е., святыми мощами – *М.Б.*, *В.О.*) всякие страсти, болѣзни и недуги мирских простых, с вѣрою к ним приходящих, уздоровляли, бѣсных исцеляли, хромых ходити, слѣпым видѣти, хворым, розными болезньми одержимым, здоровым быти даровали и видомѣ явно чюдотворили» [6: 192].

Стоит также отметить, что идеи старца Ивана Вишенского легли в основу казачьего национально-освободительного движения под предводительством Богдана Хмельницкого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая вышесказанное, мы можем заключить, что и *иосифлянин Филофей Псковский* и *нестяжатель Иван Вишенский были выдающимися православными мыслителями, святыми подвижниками земли Русской, выдающимися философами-полемистами. Расходясь во мнениях по ряду второстепенных и утративших на сегодняшний день актуальность вопросов, в главном они были едины: если Филофей желал построение на Руси Третьего Рима, т.е. нового и последнего прообраза Горнего Царства на Земле, то Иван Вишенский надеялся на воссоздание Второго Иерусалима, Горнего града Божиего, в котором все праведники обретут вечную жизнь, блаженство, спасение, счастье, гармонию и торжество справедливости. И в том, и в другом случае, необходимо, чтоб на Руси воцарилась справедливость (в том числе, справедливость наказаний за правонарушения), гуманность и законопослушание, исходящие, в первую очередь, от властьимущих. Важнейшим условием установления Рая или его прообраза на Земле является равенство всех живущих, и чистота православного вероисповедания.*

Многие аспекты политико-правовых учений старцев Филофея Псковского и Ивана Вишенского на сегодня остаются малоизученными. Кроме того, если Иван Вишенский канонизирован Украинской православной церковью (Московского патриархата) для общецерковного почитания, то Филофей Псковский, не смотря на всю значимость его личности как в истории Русского государства, так и в истории Русской православной церкви, давно уже сформировавшееся «народное почитание» и, как уже говорилось выше, возможно, имевшую место канонизацию в лике местночтимых святых Псковской епархии, для общецерковного почитания, до сих пор, канонизирован не был, что может быть связано с рядом нюансов политического характера. Все это порождает необходимость глубокого и досконального исследования как биографий, так и творческого наследия обоих старцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.И.* Иосиф Волоцкий. М.: Молодая гвардия, 2014. 335 с. (ЖЗЛ: вып. 1498).
2. *Гуменюк С.М.* Містична практика ісихії в Україні на зламі XVI–XVII ст. // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. 2013. № 53. С. 154–165.
3. *Демиденко Г.Г.* Історія вчень про право і державу: підручник. Харків: Консум, 2007. 432 с.
4. *Єршова Л.М.* Виховний ідеал у педагогічній епістолярії І. Вишенського, І. Котляревського та Г. Сковороди // Вісник Житомирського державного університету. Вип. 5 (71): Педагогічні науки. 2013. С. 42–47.
5. *Золотухина Н.М.* Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл»: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 432 с.

REFERENCES

1. *Alekseev A.I.* Joseph Volotsky. Moscow: Young Guard, 2014. 335 p. (LGP: Is. 1498).
2. *Humenyuk S.M.* Mystical hesychia practice in Ukraine in the XVI–XVII centuries. *Humanitarian Bulletin of the Zaporozhye state engineering Academy*. 2013. No. 53. Pp. 154–165. (In Ukr.)
3. *Demidenko G.G.* History of doctrines about law and the state: textbook. Kharkov: Consum, 2007. 432 p.
4. *Yershova L.M.* The educational ideal in the I. Vyshens'kyi, I. Kotliarevs'kyi, G. Skovoroda's pedagogical epistolary. *Bulletin of Zhitomir State University*. Is. 5 (71): *Pedagogical Sciences*. 2013. Pp. 42–47. (In Ukr.)
5. *Zolotukhina N.M.* Political and legal thought of Russia of the 16th century: Philotheus and the philotheus cycle: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 432 p.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

6. *Иван Вишенский*. Сочинения / подготовка текста, статья и коммент. И.П. Еремина. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 372 с.
7. *Инокъ Аврамій*. На проклятый Никоновъ соборъ // Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія / под ред. Н.И. Субботина. Т. VII: Историко- и догматико-полемическія сочиненія первыхъ расколоучителей. Ч. 4. М.: Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, ценз. 1885. С. 86–95.
8. *Ионайтис О.Б*. Нестяжатели и иосифляне: учение о человеке // Дискурс Пи: научно-практический альманах. 2002. № 1 (2). С. 76–78.
9. *Колосова В.П*. Автограф Ивана Вишенского // Федоровские чтения 1978. М.: Наука, 1981. С. 126–133.
10. *Малининъ В.Н*. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе. Київ: Типографія Кіево-Печерской Успенской Лавры, 1901. VIII, 768 с. + Прил. 144 с.
11. *Олейников В.В.*, *Гончаров А.В*. Идеи социальной защиты населения в концепции старца Филофея Псковского в контексте иосифлянского учения. // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. Вып. 4. В 2 ч. Ч. II. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. 175 с.
12. *Олейников В.В*. До питання про розуміння ідеї «Москва – Третій Рим» старця Філофея Псковського // Релігійний чинник в історії права, держави та юридичної думки. Матеріали XXXIV Міжнародної історико-правової конференції. Київ–Херсон: ФОП Грінь Д.С., 2016. С. 228–232.
13. *Олейников В.В*. Деякі політико-правові погляди преподобного Єфросина Псковського // Нормотворення і систематизація в праві: до 1000-річчя Руської Правди і 450-річчя Другого (Волинського) статуту Великого князівства Литовського. Матеріали XXXV Міжнародної історико-правової конференції. Київ–Херсон: ФОП Грінь Д.С., 2016. С. 265–269.
14. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 247. Рогож., Шифр. 243: Устав монаст. Жития Иос. Волок. Л. 122 об.
15. *Скакун О.Ф*. Прогресивна політико-правова думка на Україні (IX ст. – 1917 р.): навчальний посібник // М-во вищої і середньої спеціальної освіти УРСР, Навчально-методичний кабінет з вищої освіти, Харківський юридичний ін-т ім. Ф.Е. Дзержинського. Київ: НМК ВО, 1990. 85 с.
16. *Софонов А.М.*, *Плаксин В.А*. Спор о церковном имуществе в XV–XVI вв. «Нестяжатели» и «Иосифляне» // Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы. сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции (26 февраля 2020 г.) / под ред. А.В. Ворохобова. Вып. I. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2020. С. 212–221.
17. *Филофей*. Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Памятники литературы Древней Руси. Кн. 6: Конец XV – первая половина XVI века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит-ра, 1984. С. 436–441.
18. *Филофей*. Послание о неблагоприятных днях и часах // Памятники литературы Древней Руси. Кн. 6: Конец XV – первая половина XVI века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит-ра, 1984. С. 442–455.
19. *Хачатурян М.В.*, *Олейников В.В*. Форма государства в трудах отечественных ученых в XIII–XVI вв. // Право и образование. 2015. № 4. С. 124–131.
20. *Шумило С.В*. Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию «блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца». Киев: Изд. отдел УПЦ, 2016. 208 с.

6. *Ivan Vishenskyi*. Works. Text preparation, article and comments by I.P. Eremin. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 372 p.
7. *Inok Avramiy*. To the damned Nikon Cathedral. *Materials for the history of the split for the first time of its existence*. N.I. Subbotin (ed.). Vol. VII: Historical and dogmatic polemical compositions of the first schismatics. Part 4. Moscow: Printing house E. Lissner and Yu. Roman, qualification. 1885. Pp. 86–95.
8. *Ionaitis O.B*. Non-possessors and Josephites: the doctrine of man. *Discourse Pi*: *Scientific and Practical Almanac*. 2002. No. 1 (2). Pp. 76–78. (In Russ.)
9. *Kolosov V.P*. Autograph of Ivan Vishenskyi. *Fedorov readings 1978*. Moscow: Science, 1981. Pp. 126–133.
10. *Malinin V.N*. Starets Eleazarov Monastery of Philotheus and his epistle. Historical and literary study. Kiev: Printing house of the Kiev-Pechersk Assumption Lavra, 1901. VIII, 768 p. + Adj 144 p.
11. *Oleinikov V.V.*, *Goncharov A.V*. The ideas of social protection of the population in the concept of the old man Philotheus of Pskov in the context of Josephite teachings. *Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. Vol. 4. In 2 part. Part II. Tula: Publishing House of TulSU, 2016. 175 p.
12. *Oleynikov V.V*. On the understanding of the idea of "Moscow – the third Rome" the elder Philotheus of Pskov. *Religions factor in the History of Law, State and Legal Thought. Materials of the XXXIV International historical juridical conference*. Kiev–Kherson: FOP Grin D.S., 2016. Pp. 228–232. (In Ukr.)
13. *Oleynikov V.V*. Some political and legal views of the Saint Euphrosynus of Pskov. *Rulemaking and Systematization of Law*: *for the Millennium of the Ruska Pravda and 450 Years of the Second* (*Volyn*) *Statute of the Grand Duchy of Lithuania*. *Materials of the XXXV International Historical Juridical Conference*. Kiev–Kherson: FOP Grin D.S., 2016. Pp. 265–269. (In Ukr.)
14. Department of manuscripts of the Russian State Library. F. 247. Rogozh., Cipher. 243: Charter of the monast. The Life of Jos. Volok., L. 122 about.
15. *Skakun O.F*. Progressive political and legal thought in Ukraine (IX centuries–1917): textbook. Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Ukrainian SSR, Educational and Methodological Office for Higher Education, Kharkiv Law Institute named after F.E. Dzerzhinsky. Kiev: EMO HE, 1990. 85 p.
16. *Sofonov A.M.*, *Plaksin V.A*. Dispute about church property in the XV– XVI centuries. "Non-possessors" and "Josephites". *Actual questions of church scientific discourse*: *History*, *present*, *prospects*. *Collection of materials of the All-Russian student scientific conference* (*February 26*, *2020*). A.V. Vorokhobova (ed.). Is. I. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Theological Seminary, 2020. Pp. 212–221.
17. *Philotheus*. Message to Grand Duke Vasily on the correction of the sign of the Cross and Sodom fornication. *Monuments of literature of Ancient Russia*. *Prince 6*. The *end of the XV - the first half of the XVI century*. Comp. and commonly eds. L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev. Moscow: Fiction, 1984. Pp. 436–441.
18. *Philotheus*. Message on unfavorable days and hours. *Monuments of literature of Ancient Russia. Prince 6. The end of the XV - the first half of the XVI century*. Comp. and commonly eds. L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev. Moscow: Fiction, 1984. Pp. 442–455.
19. *Khachaturian M.V.*, *Oleinikov V.V*. The form of the state in the works of domestic scientists in the XIII–XVI centuries. *Law and Education*. 2015. No. 4. Pp. 124–131.
20. *Shumilo S.V*. The Elder John of Vishenskyi: Athos Ascetic and the Orthodox polemic writer. *Materials for the biography of "the blessed memory of the great elder John of the Cistern of Svyatogorets"*. Kiev: Publishing Department of the UOC, 2016. 208 p.

Статья поступила в редакцию 07.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 07.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блинова Маргарита Александровна, кандидат исторических наук; доцент кафедры публичного права Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (МГИМО). Москва, Российская Федерация. E-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

Олейников Валерий Владимирович, кандидат юридических наук; доцент кафедры публичного права Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (МГИМО). Москва, Российская Федерация. E-mail: v.oleynikov@odin.mgimo.ru

ABOUT THE AUTHORS

Margarita A. Blinova, Cand. Sci. (Hist.); associate professor at the Odintsovo branch of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs (MGIMO). Odintsovo, Moscow Region, Russian Federation. E-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

Valeriy.V. Oleinikov, Cand. Sci. (Law); associate professor at the Odintsovo branch of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs (MGIMO). Odintsovo, Moscow Region, Russian Federation. E-mail: v.oleynikov@odin.mgimo.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55

УДК: 340.1

Идея справедливости в философии и ее проявление в праве

В.В. Булгаков[a] ©, Д.В. Булгакова[b] ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

[a] E-mail: bvv30081960@yandex.ru

[b] E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

Аннотация. Идея справедливости рассматривается в качестве одной из основополагающих ценностей современного общества. Цель статьи заключается в исследовании взаимосвязи права и справедливости как важнейшей социально-нравственной категории. Реализация данной цели достигнута с помощью диалектического, общенаучного методов познания. Авторы делают выводы о том, с каждым историческим этапом от Античности и Средневековья до Нового и Новейшего времени, выделяются характерные черты, присущие понятию «справедливость». Рассматривается соотношение справедливости и права. Выделяются три точки зрения, характеризующие различные подходы к их соотношению: право и справедливость – самостоятельные категории; справедливость – универсальная категория; справедливость – часть права. В заключении статьи приводится авторское понимание категории «справедливость». Рамки исследования – идея справедливости в философии и ее проявление в праве находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости по отношению друг к другу. Соблюдение справедливости является необходимым условием для нормальной жизнедеятельности общества. Практическая значимость статьи состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в последующих научных разработках по теории права. Ценность исследования заключается в том, что полученные выводы вносят неоспоримый вклад в теорию права.

Ключевые слова: справедливость, право, юридическая справедливость, философия, принцип справедливости

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Идея справедливости в философии и ее проявление в праве // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 49–55. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55

The idea of justice in philosophy and its manifestation in law

V.V. Bulgakov[a] ©, D.V. Bulgakova[b] ©

Institute of Law and National Security "Tambov State University named after G.R. Derzhavin",
Tambov, Russian Federation

[a] E-mail: bvv30081960@yandex.ru

[b] E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

Abstract. The idea of justice is seen as one of the fundamental values of modern society. The purpose of the article is to explore the relationship between law and justice as the most important socio-moral category. Realization of this goal is achieved by means of dialectical, popular scientific methods of knowledge. The authors draw conclusions on the fact that with each historical stage from Antiquity and the Middle Ages to New and Recent Times, characteristic features inherent in the concept of "justice" stand out. The balance between justice and law is considered. There are three points of view that characterize different approaches to their relationship: law and justice – distinct categories; Equity is a universal category; Justice is part of the law. The conclusion of the article gives an author's understanding of the category "justice". The framework of the study is the idea of justice in philosophy and its manifestation in law

are closely related and interdependent to each other. Respect for justice is a prerequisite for the normal functioning of society. The practical significance of the article is that the results of the study can be used in subsequent scientific developments on the theory of law. The value of the study is that the findings make undeniable contributions to the theory of law.

Keywords: justice, law, legal justice, philosophy, principle of justice

FOR CITATION: Bulgakov V.V., Bulgakova D.V. The idea of justice in philosophy and its manifestation in law. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 49–55. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55

ВВЕДЕНИЕ

Справедливость представляется одной из основополагающих ценностей, без которой существование цивилизованного общества было бы невозможным, поэтому потребность в справедливости – это именно потребность, острая необходимость, а не придуманная искусственная категория, не имеющая отражения в реальной жизни.

Справедливость можно рассматривать как философскую категорию, как нравственную категорию и как категорию правовую. Каждое значимое событие, происходящее в жизни отдельного человека или всего человечества в целом, заставляет каждое новое поколение вновь и вновь задумываться над смыслом и сущностью справедливости, о ее существовании, о ее законах, принципах, характеристиках. Так, например, известный с древних времен принцип «талиона», подразумевающий под собой равенство деяния и воздаяния, также можно рассматривать как проявления справедливости на том этапе существования общества.

Исходя из исторических событий и различных философских учений, складывавшихся и развивающихся на протяжении всей истории мира, можно утверждать, что справедливость всегда выступала в качестве мерила действующих правовых институтов и нравственных предписаний. Особое значение имеет изучение изменений в толковании понятия «справедливость» в различные эпохи мировой истории, так как каждый исторический период привнес в данную категорию что-то новое. Благодаря произошедшим изменениям мы можем рассматривать категорию «справедливость» в том смысле и в том понимании, какое существует в современном обществе.

1. ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ

Проблема осмысления категории «справедливость» остается актуальной на протяжении многих веков. Несмотря на имеющиеся различия в подходах к ее пониманию, большинство исследователей в равной степени склонны полагать, что суждения о справедливости должны быть максимально конкретными. Кроме того, наиболее ясное восприятие и понимание справедливости возможно в том случае, когда она соотнесена с социальной действительностью и характером времени.

Формирование зарождающихся представлений о справедливости приходится на период первобытного общества. Под справедливостью в данный период времени понималась необходимость осуществления обрядов, а также стремление придерживаться тех или иных обычаев.

Обозначим четыре этапа истории, в соответствии с которыми нами будет рассмотрена категория «справедливость» и выявлены ее характеристики: Античность, Средние века, Новое время, Новейшее время.

Античность

С древнейших времен человечество пыталось объяснить понятие и сущность справедливости. Свое отражение идея справедливости нашла в философских трудах Сократа, который называл ее предметом «драгоценнее всякого золота». Ядром его мыслей были суждения, обращенные к человеку как главному объекту познания и самопознания. Философ желал доказать существование общего, единого понятия справедливости, которое теснейшим образом связано с нравственностью и знанием. Несправедливость же он относил к неестественным процессам, поскольку она, согласно его убеждениям, является результатом незнания и заблуждения. Однозначно, результаты умственной деятельности Сократа внесли огромный вклад в развитие философской мысли. Так, его идеи стали основой трудов ученика Сократа – Платона.

Платон первым в своих трудах определил понятие «справедливость». Так, философ полагал, что справедливость – это «установление надлежащих отношений господства» [Платон, 2005]. Согласно философии Платона, высшей справедливостью является такой порядок, сложившийся в обществе, при котором каждый житель полиса осуществляет только ту деятельность, которая соответствует его сословию.

С точки зрения современности, по нашему мнению, данную концепцию можно рассматривать только с точки зрения науки, а не действующего толкования справедливости. Так как Платон изначально отвергает возможность человека осуществлять иную деятельность, не соответствующую тому сословию, которому он принадлежит, он отвергает право человека на выбор того вида деятельности, который он предпочтет сам, что противоречит сложившемуся в современном обществе понятию «справедливость».

Наиболее логичной для того периода времени нам видится структура концепции справедливости, представленная Аристотелем. Для характеристики справедливости Аристотель использовал понятие «соразмерность», которое представляется принципом организации равновесия. В данном контексте стоит отметить, что Аристотель понимал под соразмерностью следующее: «Распределение почестей или денег,

или вообще всего того, что может быть распределено между людьми… Другой ее вид проявляется в уравнивании того, что составляет предмет обмена» [Аристотель, 1908: 86–87].

Об этом пишет в своей статье М.Т. Марюхнич: «Аристотель находит две формы осуществления справедливости – это уравнивающая справедливость, согласно которой блага распределяются равным образом, и распределяющая справедливость, согласно которой каждый получает блага, исходя из своего социального статуса, талантов и способностей» [Марюхнич, 2016: 93]. При этом сам Аристотель склонялся к необходимости применения именно распределяющей справедливости. Обратим также внимание на тот факт, что, вероятно, Аристотель рассматривал категорию «справедливость» как экономическую категорию. В таком случае справедливость приобретает значение некой оценки объема и сложности труда, а также объема вознаграждения за труд.

Полагаем, что концепция справедливости, созданная Аристотелем ближе к современному пониманию, чем учение о справедливости Платона, так как, во-первых, не исключает право человека на выбор вида труда и объема его выполнения, а во-вторых, предполагает пропорциональную систему распределения благ в зависимости от вида деятельности и объема деятельности, то есть ту же систему, что действует в современном обществе.

Рассматривая эпоху Античности, считаем необходимым упомянуть древнеримского философа Цицерона и его размышления о справедливости. Его учение в этом ключе в некоторой степени схоже с учением Аристотеля: он, также как и древнегреческий философ, видит сущность справедливости в том, что «она воздает каждому свое и сохраняет равенство между ними» [Цицерон, 1994]. При этом речь идет именно о правовом равенстве, а не равенстве способностей или имущества. Стоит сказать, что Цицерон, в отличие от Платона, защищал частную собственность и считал ее сохранение одним из проявлений справедливости.

Таким образом, эпоха Античности отличалась отсутствием единого толкования понятия «справедливость». Тем не менее, можно выделить некоторые общие черты в отношении учений о данной категории. Во-первых, люди не признаются равными в экономическом и социальном смысле, во-вторых, в большинстве случаев, справедливость рассматривается как мера воздаяния за осуществление какого-либо вида деятельности, в-третьих, в целом можно говорить о пропорциональности воздаяния и деяния.

Средние века

Эпоха Средневековья характеризуется в большей степени теологическим пониманием справедливости. Необходимо сказать, что вся философская мысль периода Средних веков базируется именно на христианском учении, а также некоторых теоретических воззрениях философов Античности.

Заслуживает внимания учение христианского богослова Аврелия Августина. В «Исповеди» он писал следующее: «одним Бог заповедал одно, другим – другое, в соответствии с условиями времени, но и те и другие служили одной и той же правде» [Блаженный Августин, 2006: 60]. Полагаем, что нельзя отрицать то, что точка зрения Августина Блаженного о справедливости несколько схожа с учением Платона в той части, что каждый человек должен выполнять определенную деятельность. Однако в учении Августина эта деятельность определяется Богом.

Справедливость рассматривается Августином блаженным как приобретенная добродетель, «тварное» благо, то есть то благо, которое получает человек в процессе его сотворения. Несправедливость же представляет собой результат ошибки человеческого разума. Так, лицо, совершившее преступление, в соответствии с философской мыслью Средневековья, уменьшает присутствие Бога на Земле и заслуживает наиболее жестокого наказания.

Фома Аквинский, итальянский философ и теолог, определяет справедливость как «постоянную волю находить для каждого свое право». В соответствии с его воззрениями, «вечное право заключено в самом боге, и по существу, тождественно с ним», а естественное право представляет собой «совокупность правил вечного права, привившегося в человеческих умах, отраженного в них» [Боргош, 1975: 126].

У Фомы Аквинского категория справедливости не относится к социальной сфере и человеческому обществу, а представляется священной и божественной. Философ полагал, что справедливость проявляется в естественных законах, которые в свою очередь являются теми нормами вечного права, которые нашли свое отражение в разуме человека.

Таким образом, справедливость в философской мысли Средневековья проявляется в теологических представлениях об устройстве мира. Справедливость исходит от Бога, а несправедливость, в свою очередь, дело рук человека, его ошибок. Концепция справедливости, сложившаяся в тот период истории, в современном российском праве не применяется, но, стоит заметить, до сих пор представляет интерес для философии, этики и юридической науки.

Новое время

В период Нового времени произошел переход от общественного мышления к индивидуальному. В эту эпоху вопросы справедливости были рассмотрены такими философами как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм, И. Кант.

Т. Гоббс, один из основателей теории общественного договора, писал о том, что справедливость появляется в тот момент, когда появляется государство и люди заключают между собой договор, чтобы избежать «войны всех против всех», то есть справедливость возникает с момента появления легитимной власти. Люди, в соответствии с концепцией Т. Гоббса, являются равными по своей природе, что, однако, не исключает разницу в их талантах и способностях.

Еще одним философом Нового времени, рассматривающим категорию «справедливость», являлся Дж. Локк. Его учение изложено в «Двух трактатах о правлении». Философ так же, как и Т. Гоббс, полагал, что люди равны по своей природе, но, тем не менее, справедливость проявляется в равенстве двух видов:

- во-первых, в равенстве перед государством, означающим равенство перед законом;
- во-вторых, в равенстве возможностей, подразумевающим возможность каждого добиваться поставленных целей и благ в соответствии с приложенными усилиями и использованием своих талантов и навыков.

Также Дж. Локк видит проявление справедливости в существовании частной собственности и ее защите.

Ж.-Ж. Руссо в своем учении о справедливости в некоторой степени продолжает теологическую традицию Средневековья и указывает на то, что «справедливость исходит от Бога, он один источник ее» [Руссо, 1998: 33]. Таким образом, справедливость, в соответствии с суждениями философа, представляет собой категорию абсолютную, божественную. Кроме того философ упоминает, что справедливость присуща каждому человеку.

Иную точку зрения на источник справедливости высказывает Д. Юм. Философ называет общественную пользу в качестве источника справедливости. При этом общественная польза рассматривается не как благо для какой-либо одной социальной группы, а как польза для каждого члена общества. Извлекаемая польза, согласно философии Д. Юма, является критерием справедливости, которая может существовать только в мирном обществе и обеспечивать существование этого мирного общества.

Немецкий философ И. Кант также рассматривал категорию «справедливость». Как замечает О.В. Кирсанова, «справедливость по Канту реализуется в двух основных формах: как карающая (назначение наказания, соразмерного причиненному злу) и как распределительная (определение «удела» или вознаграждения, соразмерного заслуге). Она должна быть высшим нормативным основанием для издаваемых властью законов, а также высшей добродетелью «человека власти»» [Кирсанова, 2011: 138].

Обобщая вышесказанное, можно выделить некоторые общие черты во всех учениях о справедливости философов Нового времени. Так, справедливость в эту эпоху в большинстве своем рассматривали как социальную добродетель, которая должна быть основой для поддержания существующего общественного порядка. Справедливость в эпоху Нового времени проявлялась в возможности человека осуществлять свои права и обязанности не нарушать права других людей. Кроме того, справедливость описывалась не только как добродетель, но и как одна из высших ценностей. Как видно из приведенных выше рассуждений, были философы, присваивающие данной категории священный характер.

По нашему мнению, такое понимание концепции справедливости было объяснимо теми идеями, царившими в то время в философии. Справедливость, согласно учениям большинства философов того времени, хоть и наделена качеством нерушимости и священности, все же создана обществом для того, чтобы люди могли существовать в мире. Можно сказать, что данная идея близка современным концепциям справедливости.

Новейшее время

В этот период одной из наиболее известных и многогранных концепций, посвященных идеи справедливости, является концепция Джона Ролза. В ее основу положен принцип честности. Справедливость как честность в свою очередь предполагает такие принципы, «которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения» [Ролз, 1995: 26].

Оппонентом Джона Ролза был Роберт Нозик. Нозик написал и опубликовал книгу «Анархия, государство и утопия», в которой аргументированно опровергал идеи справедливости Ролза. В отличие от своего оппонента, Нозик ставил в центр своей теории не справедливость, а свободу. Согласно концепции Роберта Нозика, справедливость основана на справедливости владения собственностью, то есть легитимности владения, пользования и распоряжения имуществом. В противовес Ролзу Нозик выделяет следующие два принципа справедливости: во-первых, принцип справедливости приобретения, согласно которому каждый имеет право обладать тем, что никому не принадлежит; во-вторых, принцип справедливости передачи, то есть каждый имеет право передать другому лицу свою собственность через механизм купли-продажи, дарения, мены.

Исходя из описанных положений, можно сделать вывод, что концепция Нозика, в целом, носит индивидуалистический характер, а не социальный, как концепция Ролза.

Огромный вклад в исследование справедливости также внес выдающийся русский философ И.А. Ильин. В рамках изучения данной проблематики он, как и многие ученые философы, правоведы, пришел к выводу, что справедливость – многогранна и многообразна.

Таким образом, эпоха Новейшего времени охарактеризовалась многочисленными спорами о том, что такое справедливость и какие существуют пути ее достижения. В суждениях этого времени присутствуют отголоски иных периодов истории, особенно заметно влияние эпохи Античности и Нового времени.

Подводя итоги всего раздела, необходимо сказать, что понимание категории «справедливость» постоянно изменялось на протяжении всей истории человечества. В эпоху Античного времени в целом не признавалось равенство людей, что считалось справедливым. В то же время справедливым признавалось пропорциональное воздаяние за каждое совершенно деяние, будь то работа или преступление. Справедливость рассматривалась и в качестве меры совершенного действия.

В эпоху Средних веков справедливость носит отпечаток теологии, божественного происхождения. Она представляет собой священную добродетель, которую Бог закладывает в человека и которую человек не имеет права предать.

Новое время характеризуется обращением философии непосредственно к человеку. Большинство исследователей того времени полагало, что справедливость –

это не что иное как социальное явление, созданное и поддерживаемое обществом. Она появилось одновременно с государством и призвана поддерживать порядок в обществе.

На наш взгляд, самым неоднозначным является период Новейшего времени, который невозможно охарактеризовать существованием какой-либо единой концепции. Философия справедливости этого периода вобрала в себя философские учения прошлых веков, и в результате возникло несколько теорий, отражающих не только реалии современной жизни, но и все пройденные этапы исторического развития.

2. СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРАВЕ

Категорию справедливости сопоставляли с различными категориями, как правовыми, так и неправовыми. Однако наибольший интерес справедливость представляет как правовая категория. Предполагается, что существующие позиции относительно соотношения справедливости с правом условно можно разделить на две группы:

- во-первых, позиция, заключающаяся в том, что справедливость имеет правовую основу, правовое содержание, правовое происхождение;
- во-вторых, позиция, согласно которой справедливость не имеет прямого отношения к праву, т.е. она по своей сущности является важнейшим регулятором социальных отношений, но при этом не имеет правового содержания.

Деннис Ллойд профессор университетского колледжа в Лондоне в своей книге «Идея права» указывает на то, что идея справедливости ассоциируется с идеей права. Ллойд выделяет три ее проявления:

1) необходимы правила, гласящие о том, как в определенных ситуациях следует поступать с людьми;
2) эти правила должны носить всеобщий характер, то есть каждый, кто подпадает под действие данного правила, должен находиться под его юрисдикцией;
3) эти общие правила должны применяться беспристрастно [Ллойд, 1966: 108].

В юридической науке ряд ученых, среди которых, например, М.Н. Марченко, указывают на то, что справедливость нельзя рассматривать в качестве правовой категории, так как она шире и лежит за рамками права, охватывает больше общественных отношений, чем могут охватить правовые нормы. Кроме того, такие категории как «добро», «зло» – это морально-нравственные, а не правовые категории.

Обосновывая свою позицию, исследователи, придерживающиеся обозначенной точки зрения, утверждают, что если же справедливость получит свое закрепление в праве, то она приобретает статус закона, сама становится правом.

Некоторые исследователи, в том числе и Т.Н. Радько полагают, что справедливость необходимо рассматривать как универсальную категорию, охватывающую не только право, но и иные сферы жизни общества. В праве же отражается «юридическая справедливость», под которой можно понимать возможность права не допустить произвол и угнетение одной социальной группы над другой, социальной группы над личностью и наоборот.

Категория справедливости характерна для всех отраслей права, она является универсальным явлением, свойственным почти всем процессам, протекающих в жизни людей. Юридическая наука определяет справедливость как общеправовой принцип. Согласно мнению С.С. Алексеева, «справедливость, представляя по своей основе социально-нравственное явление в нашем обществе – в ее специфически классовом, социальном выражении, приобретает значение правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования, в тех началах «соразмерности», «равного масштаба» и т.д., которые присущи самому построению правовых инструментов» [Алексеев, 1972: 108-109].

Существует точка зрения, последователи которой полагают, что справедливость можно рассматривать в качестве правового принципа. При этом Е.М. Орач замечает, что если справедливость относить к принципу права, то «может создаться видимость будто… право не обусловлено морально-политическими требованиями справедливости, характерными для всего общества или же будто справедливость как принцип права в первую очередь определяет развитие общества, а не наоборот – требования справедливого развития общества определяют развитие права» [Орач, 1982: 18].

Л.С. Явич справедливо отмечает: «принципы права – это ведущие начала его формирования» [Явич, 1976: 151]. Такими учеными как Р.З. Лившиц и В.И. Никитинский было сказано, что справедливость относится к числу принципов, которые выходят за рамки норм права.

Стоит отметить, что справедливость играет особую роль для функционирования и развития правового пространства. Долгое время держалось представление о том, что справедливость порождает право, опережает его. Суть заключается в том, что и право, и справедливость возникают самостоятельно, вне зависимости друг от друга, но при этом, они тесно взаимодействуют друг с другом в процессе своего формирования, дальнейшего развития. Одно известно точно: без нравственного содержания, без требований справедливости правовая норма потеряла бы те ценности (духовные, нравственные, гуманистическое содержание и т.д.), на которых держится общество в настоящем мире.

Справедливость предшествует зарождению права, в ряде случаев регулирует те отношения, которые еще не предусмотрены законом, что является особенностью данной категории. Тем не менее, как бы там ни было, право есть своего рода выражение справедливости, и как утверждает В.С. Нерсесянц: «Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права» [Нерсесянц, 2005: 30].

Вместе с тем, вне зависимости от того, чья воля выражается в законе (это может быть воля ограниченного социального слоя, социальной группы, народа), можно констатировать тот факт, что эта воля не во всех

случаях базируется на принципе справедливости. То есть норма может быть законной, но не справедливой.

Мы полагаем, что справедливость является слишком сложной и многогранной категорией, чтобы характеризовать ее, исходя лишь из одного подхода. Справедливость представляется нам социально-нравственным явлением, которое выражается в двоякой форме:

- во-первых, полагаем, что категория «справедливость» во всей своей многогранности и многоаспектности действительно не является частью категории «право». Это две самостоятельные категории, пересекающиеся и образующие юридическую справедливость, которая, в свою очередь, может рассматриваться как правовая категория;
- во-вторых, право основывается на справедливости в качестве одного из принципов. Это одно из основополагающих начал, без которого право и закон не могут существовать в цивилизованном обществе.

Мы придерживаемся позиции Т.Н. Радько, который относил справедливость к универсальным категориям. Считаем это вполне оправданным, так как на основе принципа справедливости, на ее идеях строится и развивается не только право, но и другие сферы общества.

Подводя итоги, стоит сказать, что в настоящее время выделяют три основных точек зрения на соотношение права и справедливости. Так, есть исследователи, рассматривающие справедливость в качестве самостоятельной категории, фактически не пересекающейся с правом, так как, по их мнению, справедливость, заключенная нормативно, есть не что иное, как право. То есть одновременно одно и то же положение не может относиться к категории «справедливость» и к категории «право».

В соответствии с иной точкой зрения, справедливость – это универсальная категория, которая касается не только права, но и других сторон общественной жизни. Согласно этой позиции справедливость также является самостоятельной категорией, но она напрямую пересекается с правом, становится его основой. Мы разделяем данную позицию и считаем ее наиболее близкой к истине.

Последователи третьей точки зрения убеждены в том, что справедливость является частью права, одним из его принципов, но принципов основополагающих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение категории «справедливость» и ее изменений на протяжении нескольких эпох исторического развития, а также ее соотношения с правом, необходимо перечислить основные выводы.

Во-первых, идея справедливости все еще остается одной из «вечных» тем человечества, а само достижение справедливости можно назвать целью существования общества и человечества в целом.

Во-вторых, период Античности отличался отсутствием единого толкования понятия «справедливость», однако, можно выделить некоторые общие черты в отношении учений о данной категории. Так, люди не признаются равными в экономическом и социальном смысле; в большинстве случаев, справедливость рассматривается как мера воздаяния за осуществление какого-либо вида деятельности; в целом можно говорить о пропорциональности воздаяния и деяния.

Справедливость в философской мысли Средневековья носит отпечаток теологии. В соответствии с воззрениями того времени, справедливость исходит от Бога, а несправедливость, в свою очередь, дело рук человека, его ошибок. Концепция справедливости, сложившаяся в тот период истории, в современном российском праве не применяется, однако до сих пор представляет интерес для философии, этики и юридической науки.

Справедливость в эпоху Нового времени многие исследователи рассматривали как социальную добродетель, которая должна быть основой для поддержания существующего общественного порядка. Справедливость в эпоху Нового времени проявлялась в возможности человека осуществлять свои права и обязанности не нарушать права других людей. Стоит также сказать, что справедливость описывалась не только как добродетель, но и как одна из высших ценностей. В некоторых случаях справедливости присваивали священный характер. Такое понимание справедливости объяснимо теми идеями, существовавшими в тот период в философии. Справедливость, согласно учениям большинства философов того времени, хоть и наделена качеством нерушимости и священности, все же создана обществом для того, чтобы люди могли существовать в мире. Можно сказать, что данная идея близка современным концепциям справедливости.

Период Новейшего времени характеризуется отсутствием единого понимания сущности и путей достижения справедливости. В суждениях этого времени присутствуют отголоски иных периодов истории, особенно заметно влияние эпохи Античности и Нового времени.

В-третьих, в современной юридической науке обычно выделяют три точки зрения на соотношение права и справедливости. Первая группа исследователей рассматривает справедливость в качестве самостоятельной категории, фактически не пересекающейся с правом, так как, по их мнению, справедливость, выраженная в нормативно-правовых документах, есть не что иное, как право. То есть одновременно одно и то же положение не может относиться к категории «справедливость» и к категории «право».

Вторая группа ученых полагает, что справедливость – это универсальная категория, которая касается не только права, но и других сторон общественной жизни. Согласно этой позиции справедливость также является самостоятельной категорией, но она напрямую пересекается с правом, становится его основой. Мы разделяем данную позицию и считаем ее наиболее близкой к истине.

Последователи третьей точки зрения убеждены в том, что справедливость является частью права, одним из его принципов, но принципов основополагающих.

В-четвертых, справедливость – это сложная социально-нравственная категория, которая, по нашему мнению, проявляется в двоякой форме: как самостоятельная категория, характеризующаяся универсальностью, и как один из основополагающих принципов права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического. Свердловск, 1972. 396 с.
2. *Аристотель*. Этика. Кн. V / пер. Э. Радлова. СПб., 1908. 207 с.
3. *Блаженный Августин*. Исповедь. М.: Эксмо, 2006. 528 с.
4. *Боргош Ю.* Фома Аквинский / пер. с польск. М. Гуренко. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1975. 184 с.
5. *Кирсанова О.В.* Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 137–142.
6. *Марюхнич М.Т.* Концепция справедливости в философской традиции Античности // Вестник Донецкого национального университета. Серия б: гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 92–98.
7. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М.: Норма, 2005. 656 с.
8. *Орач Е.М.* Социалистическая справедливость советского права: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Харьков, 1972. 22 с.
9. *Платон*. Государство. СПб.: Наука, 2005. 570 с.
10. *Рассел Б.* История западной философии. СПб., 2007. 832 с.
11. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. 500 с.
12. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.
13. *Цицерон М.Т.* Диалоги / пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна. М.: Науч.-издат. центр «Ладомир» – «Наука», 1994. 512 с.
14. *Явич Л.С.* Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 285 с.

REFERENCES

1. *Alekseyev S.S.* Problems of law theory. Vol. 1. Major issues of general socialist theory. Sverdlovsk, 1972. 396 p.
2. *Aristotle*. Ethics. Book V. Transl. by E. Radlov. St. Petersburg, 1908. 207 p.
3. *Blessed Augustine*. Confession Moscow: Exmo, 2006. 528 p.
4. *Borgosh Yu*. Thomas Aquinsky. Lane With Polish M. Gurenko. Prod. 2nd. Moscow: Thought, 1975. 184 p.
5. *Kirsanova O.V.* Justice and law in ethical views of I. Kant and G.W.F. Hegel/ *Journal of Chuvash University*. 2011. No. 4. Pp. 137–142. (In Russ.)
6. *Maryuchnich M.T.* Concept of justice in the philosophical tradition of Antiquity. *Journal of Donetsk National University. Series b*: *Humanities*. 2016. No. 2. Pp. 92–98. (In Russ.)
7. *Nersesyants V.S.* Philosophy of law: Textbook for universities. Moscow: Norma, 2005. 656 p.
8. *Orach E.M.* Socialist justice of soviet law: Abstr.... Cand. of Law. Kharkiv, 1972. 22 p.
9. *Platon*. State. St. Petersburg: Science, 2005. 570 p.
10. *Russell B*. History of Western philosophy. St. Petersburg, 2007. 832 p.
11. *Roles J*. Theory of justice. Novosibirsk, 1995. 500 p.
12. *Russo Zh.-Zh*. About the public contract. Treatises. Moscow: CANON-press, Kuchkovo field, 1998. 416 p.
13. *Cicero M.T.* Dialogues. Transl. from Latin and comments by V.O. Gorenstein. Moscow: Scientific and Publishing Center “Ladomir” – “Science”, 1994. 512 p.
14. *Javić L.S.* General Theory of Law. Leningrad: Leningr. university, 1976. 285 p.

Статья поступила в редакцию 10.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 10.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Владимир Викторович, кандидат юридических наук; доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. AuthorID: 626946. E-mail: bvv30081960@yandex.ru

Булгакова Дарья Владимировна, ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. AuthorID: 1037321. E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Bulgakov, Cand. Sci. (Law); Associate Professor, Department of Civil Law, Institute of Law and National Security “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. AuthorID: 1037321. E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

Darya V. Bulgakova, assistant of the Department of Criminal Law and Process of the Institute of Law and National Security “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. AuthorID: 1037321. E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

12.00.02

Конституционное право,
конституционный судебный процесс;
муниципальное право

Constitutional law; Constitutional judicial process;
Municipal law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-56-61

Конституционные модели федеральных территорий: зарубежный опыт для российских перспектив

М.В. Мархгейм ©

Юридический институт НИУ «БелГУ»,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: markheim@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье с целью определения опорных позиций для отечественных перспектив учреждения и развития федеральных территорий уделено внимание анализу конституций зарубежных федераций на предмет выявления конституционных моделей института федеральных территорий. Представлены подходы к определению федеральной территории в качестве самостоятельной территориальной единицы и обобщающего наименования всех территориальных единиц, отличных от субъекта федерации. Обращено внимание на подходы к закреплению конституционного статуса федеральных территорий, включая внутреннее деление, организацию публичной власти, взаимодействие с иными публичными органами и т.п. Сделан вывод, что каждое федеративное государство по собственному усмотрению определяет наличие и конституционное положение федеральной территории (впрочем, как и иных территориальных единиц), что предстоит сделать и России.

Ключевые слова: федеративное государство, федеральные территории, федеральный округ, организация публичной власти, территориальное верховенство, законодательное регулирование статуса федеральной территории

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мархгейм М.В. Конституционные модели федеральных территорий: зарубежный опыт для российских перспектив // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 56–61. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-56-61

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-56-61

The constitutional model of the federal territories: foreign experience for Russia's prospects

M.V. Markheim ©

Law Institute of the National Research University "BelSU", Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

E-mail: markheim@bsu.edu.ru

Abstract. The article focuses on the analysis of constitutions of foreign federations to identify constitutional models of the institution of Federal territories in order to determine the basic positions for domestic prospects for the establishment and development of Federal territories. Approaches to defining a Federal territory as an independent territorial unit and generalizing names of all territorial units other than a Federal subject are presented. Attention is drawn to approaches to securing the constitutional status of Federal territories, including internal division, organization of public power, interaction with other public bodies, etc. It is concluded that each Federal state, at its own discretion, determines the existence and constitutional status of the Federal territory (as well as other territorial units), which Russia will have to do.

Keywords: Federal state, constitutional statuses of territories, Federal territories, Federal district, organization of public power, territorial supremacy, legislative regulation of the status of the Federal territory

FOR CITATION: Markheim M.V. The constitutional model of the federal territories: foreign experience for Russia's prospects. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 56–61. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-56-61

ВВЕДЕНИЕ

Территориальная организация публичной власти – благодатный объект научного исследования. Она разрабатывалась, помимо прочего, в контексте конституционных основ и правовых проблем российского федерализма [Авакьян, 2014; Дзидзоев, 2015; Чертков, 2005]; в связи с федеральными территориальными единицами [Праскова, 2013]; федеральными округами [Бекирова, 2018; Демьяненко, 2012] в их управленческом [Мархгейм, 2016] и экономическом [Мельников, 2011] аспектах. Помимо этого, федеральные территории рассматривались с позиции их автономии [Robertson, 1985], статуса [Zakaria, 2006] и смешения конституционно-правовых моделей [Ирхин, 2017].

Внимание к институту федеральных территорий обусловлено конституционной «поправочной» новацией, изложенной в ст. 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. Согласно предлагаемой редакции ч. 1 ст. 67 Конституции России, на ее территории могут быть созданы федеральные территории в соответствии с федеральным законом. Им же определяется организация публичной власти на федеральных территориях.

Отметим, что федеральные территории не являются российской находкой. Конституционные упоминания о них наличествуют в ряде зарубежных федераций. Из проанализированных конституций 16 федераций (Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Босния и Герцеговина, Бразилия, Венесуэла, Германия, Индия, Канада, Малайзия, Мексика, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, США, Швейцария[1] следует, что только 5 из них – Австрия, Босния и Герцеговина, Германия, Швейцария, ОАЭ – не указывают на иные, кроме субъектов, территориальные единицы. Соответственно Россия, в плане выделения федеральных территорий окажется в числе большинства федераций. Насколько же это большинство едино в подходах к конституированию федеральных территорий?

1. ЗАРУБЕЖНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

По смыслу ч. 1 ст. 11 Конституции Германии «федеральная территория» олицетворяет всю территорию государства. Анализ показал, что наряду с прямым наименованием «федеральная территория» (Бразилия, Венесуэла, Малайзия) в связке с «территорией» как территориальной единицей встречается «столичная территория» (Австралия), «союзная территория» (Индия), а также просто «территория» (Канада).

Для дальнейших рассуждений полагаем целесообразным упомянуть, что в качестве территориальных единиц в федерациях выделяются «столичный автономный округ» (Аргентина), «столичный федеральный округ» (Бразилия, Мексика, Пакистан), «федеральный округ» (Венесуэла, США). Не вдаваясь в подробности, отметим, что в России «федеральный округ» принципиально отличается от существующих в других государствах, поскольку он не является территориальной

[1] https://worldconstitutions.ru/

единицей федерации, а объединяет группу субъектов в управленческих целях. Это дает основания полагать, что и конституционная модель федеральных территорий может оказаться отличающейся от уже воплощенных зарубежных вариантов. А позаимствованным окажется только словосочетание «федеральная территория».

Возвращаясь к зарубежному конституционному опыту, отметим, что каждое из государств, имеющих федеральные территории, наполняет их собственным конституционным смыслом и статусом. Это наблюдается и в теоретических интерпретациях данного интересного конституционного феномена. Предлагаю разобраться в этом с учетом зарубежного конституционного опыта в целях определения опорных позиций для отечественных перспектив учреждения и развития федеральных территорий.

2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БАЗОВЫХ ПРИЗНАКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Словарные источники[2] [Авакьян, 2001; Энциклопедия юриста, 2005; Экономика и право, 2004] дают схожие определения федеральной территории, основанные на том, что ее наличие возможно только в федеративном государстве; она не есть атрибут федеративного государства; является разновидностью территориальных образований; не является субъектом федерации; не входит в состав субъекта федерации; организация публичной власти определяется федерацией. Обратим внимание на то, что черты федеральной территории раскрываются через сравнение с типичными для федерации характеристиками – территориальное образование, субъект федерации, публичная власть. Например, федеральная территория, с одной стороны, является разновидностью территориальных образований федеративного государства, с другой – не является субъектом федерации. Она, с одной стороны, не входит в состав субъекта федерации, с другой – имеет органы публичной власти. Можно сказать, что определение федеральной территории складывается из совокупной оценки наличия и отсутствия свойственных для федерации или ее субъекта качеств.

Сложилась также общность понимания факторов учреждения федеральных территорий. Это связывается со степенью их населенности, освоенности, географической специфики. К федеральным территориям, как правило, «относятся редконаселенные и неосвоенные части страны, небольшие острова и т.п., где невозможно или нецелесообразно создание полноправных субъектов федерации»[3]. Исходя из этого, учреждение в России федеральных территорий вполне объяснимо, поскольку в нашей стране немало именно таких мест.

Полагаем необходимым отметить, что федеральная территория может преобразовываться в субъект федерации. На это указывает, например, ч. IX ст. 235 Конституции Бразилии, согласно которой «IX. Если новый штат возник в результате преобразования федеральной территории, то переход финансовых обязательств Союза по оплате отбираемых служащих публичных органов из числа федеральной администрации, производится следующим образом…». Теоретическая подводка к этому сделана С.А. Авакьяном, утверждающим, что федеральная территория может приближаться «по своему статусу (особенно в части организации управления и самоуправления) к субъектам федерации (например, в Бразилии)» [Авакьян, 2001].

Федеральная территория может также включаться в субъект федерации. Так, согласно ст. 15 Конституции Бразилии «Федеральная территория Фернанду-ди-Норонья упраздняется; она включается в штат Пермианбуку».

Наряду с общностью позиций закономерно обнаруживаются и интерпретации подходов, касающихся федеральной территории. Так, она рассматривается как общее наименование для иных территориальных единиц. Так, Б.Н. Страшуном отмечены «в числе федеральных территорий… существующие в ряде федеративных государств… федеральные округа, в которых находятся столицы этих государств…» [Конституционное (государственное) право зарубежных стран, 1996: 385]. По мнению С.А. Авакьяна, «можно наблюдать несколько разновидностей федеральных территорий: федеральный округ, в котором расположена столица государства, имеющий элементы особого статуса…; Федеральная территория, приближающаяся по своему статусу (особенно в части организации управления и самоуправления) к субъектам федерации…; отдельная часть территории, не находящаяся под юрисдикцией субъекта федерации и иной единицы» [Авакьян, 2001]. Беря во внимание такой вариант развития федеральной территории в России, можно предположить, что ее федеральные территории, помимо прочего, выступят интегрирующим наименованием для существующих сегодня территорий различных статусов социально-экономического толка [Соколова, Сафарян, 2019], например, уже учрежденные одноименными федеральными законами от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ территории опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации; от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ особые экономические зоны в Российской Федерации, а также осуществленная федеральными законами их конкретизация применительно к Калининградской области (от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ), Республике Крым и городу федерального значения Севастополю (от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ), порту Владивосток (от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ) и др.

Наличие интегрального не исключает и другого подхода, согласно которому федеральная территория – «одно из территориальных образований (наряду с федеральными округами, федеральными владениями, ассоциированными государствами)» [Энциклопедия юриста, 2005].

Помимо этого, федеральная территория трактуется как «особая административно-территориальная единица, входящая в состав федерации без права (законодательной) автономии и, как правило, без права представительства в федеральных органах» [Экономика и право, 2004]. Если в России брать за основу такой подход, то федеральными могут стать территории арктической зоны, военных баз, расположения стратегических объектов. Возможно также превращение в федеральную территорию определенных курортных зон, охраняемых ввиду уникальности природных парков, заказников и заповедников.

[2] https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/12221/
[3] https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/12221/

С точки зрения публичных атрибутов федеральные территории в конституциях зарубежных федераций раскрываются по-разному. Если исходить из понимания федеральной территории в качестве общего наименования всех территориальных единиц, отличных от субъекта, то в федеральном округе (столичном округе) находятся федеральные органы власти (например, Австралийская столичная территория, столичный федеральный округ в Мексике и Пакистане); формируется законодательная и исполнительная власть подобно штатам (ст. 32 Конституции Бразилии). Если рассматривать федеральную территорию как отдельную конституционную территориальную единицу, то она может делиться на муниципии, имеющие аналогичный с муниципиями штата статус (Бразилия); включать графства и муниципалитеты, иметь делегированные законодательные и иные полномочия (Северная территория Австралии); являться федерально управляемой территорией (федерально управляемая Полоса племен в Пакистане).

3. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ И АСИММЕТРИЧНОСТЬ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральная территория, точнее, ее наличие, служит критерием для видовой оценки федерации. Согласно позиции, изложенной В.Е. Чиркиным, наличие в федерации федеральной территории (равно как и федерального округа) является основанием признать ее асимметричной по структуре. Такая асимметрия «существует в США, где помимо штатов имеются ассоциированные штаты (Пуэрто-Рико и др.), федеральные территории, федеральный округ» [Чиркин, 2002: 276]. Исходя из данного критерия, структурно асимметричными можно считать 11 из рассматриваемых нами федераций в силу наличия в их составе иных, кроме субъектов, территориальных единиц.

В связи с асимметричностью укажем также потенциал образования «территорий с особым статусом». Он предусмотрен Конституцией Бельгии, согласно абз. 4 ст. 5 которой установлено, что «Закон может изъять некоторые территории, границы которых он устанавливает, из провинциального деления, подчинить их непосредственно федеральной исполнительной власти и определить для них особый статус».

Проблема асимметричности федерации в связи с федеральными территориями толкуется и более широко. Так, «в асимметричных федерациях ее составные части неравноправны. Некоторые из них имеют привилегии, другие занимают иное положение. В прошлом федеральные территории и части федеративного государства, не являющиеся субъектами, имели только вертикальные отношения соподчинения с федерацией, ныне они получают некоторые элементы субъекта федерации» [Энциклопедия юриста, 2005].

Россия и без учреждения федеральных территорий не без оснований оценивается как асимметричная федерация. Так, на структурную асимметрию указывает конституционное учреждение шести видов субъектов, из которых только автономные округа могут входить «в состав края или области» (ч. 4 ст. 66) (например, Ненецкий автономный округ входит в состав Архангельской области (хотя объединительные процессы в силу ч. 2 ст. 65 Конституции России уже инициированы), а Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий автономные округа – в состав Тюменской области); на статусную асимметрию указывает, например, конституционное наделение только республик в составе Российской Федерации статусом «государства» (ч. 3 ст. 5); на полномочную асимметрию, – например, наличие прерогативы, адресованной законодательным и исполнительным органам автономной области и автономного округа, представления инициативы по принятию федерального закона об автономной области и автономном округе (ч. 3 ст. 66). Соответственно, учреждение федеральных территорий может только добавить асимметричности федерации в России, но не обусловить ее.

4. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В РОССИИ: СТАТУСНЫЕ ВЕРСИИ

Как представляется, в России такое нововведении конституционного уровня, как федеральная территория, послужит вкладом в развитие разнообразия территориальных статусов, обусловленных и формой государственного устройства (территории субъектов), и выгодным географическим положением, и уникальной географической протяженностью России. Учреждение федеральных территорий, с одной стороны, в определенной мере потеснит территориальное пространство соответствующих субъектов Российской Федерации, ведь территория России, помимо прочего, состоит именно из территорий ее субъектов, с другой, – обладание суверенными правами и осуществление юрисдикции на континентальном шельфе и в своей исключительной экономической зоне ставит перед Россией задачу действовать не только в порядке, определяемом федеральным законом, но и нормами международного права. Сложилась ситуация, что даже при наличии признанного территориального верховенства Россия не может игнорировать ни территориальные интересы своих субъектов, представленных в их конституциях и уставах, ни нормы международного права. Вероятно, что введение такого института, как федеральные территории, в определенной мере станет «противовесом» указанных «сдержек», позволит России реализовывать свой публичный потенциал, например, в отношении развития федеральных территорий в качестве наилучшего образца такого управления территориальными образованиями. Возможно, именно федеральные территории послужат площадками для отработки новых и/или экспериментальных управленческих проектов для последующего распространения положительного опыта на субъекты Российской Федерации.

Судя по «поправочной» формулировке федеральные территории могут быть созданы федеральным законом, которым одновременно устанавливается и организация на них публичной власти. Что это будет за уровень публичной власти? Представляется целесообразным не сводить его к уже существующим уровням: государственному уровню субъектов федерации и муниципальному уровню муниципальных образований. Иначе теряется смысл предложенного нововведения. Остается федеральный уровень публичной власти, где из уже наличествующих может быть полезен опыт

ограниченной территориальной юрисдикции федеральных органов исполнительной власти в соответствии с ч. 1 ст. 78 Конституции России. Но будут ли ее представлять органы иных функциональных ветвей? Будет ли осуществлено представительство публичных органов федеральных территорий в федеральных органах государственной власти? Как следует выстроить взаимодействие публичных органов федеральных территорий с иными публичными органами? Будут ли формироваться публичные территориальные единицы на федеральной территории? Очевидного ответа на эти и иные вопросы пока нет. Тем интереснее рассуждать и высказывать прогнозы относительно перспектив конституционно-правового статуса федеральных территорий в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расширению горизонта российских перспектив федеральных территорий исключительно полезно основываться на сравнительном конституционном праве, поскольку федеральные территории нашли свое отражение в конституциях зарубежных стран. При этом, как мы иллюстрировали выше, каждое государство реализует собственную модель федеральных территорий. Анализ таких моделей на предмет выявления конституционных статусов территорий федеративных государств, федеральных территорий и их разновидностей, организации на них публичной власти, особенностей законодательного регулирования статуса федеральной территории, представительства публичных органов федеральной территории в федеральных органах государственной власти, взаимодействие публичных органов федеральной территории с иными публичными органами государства позволит получить ответы на актуальные вопросы конституционного строительства в России в части, касающейся федеральных территорий. Вероятно, могут обнаружиться такие детали, интеграция которых вкупе с национальными интересами России вдохновит парламентариев настолько законодательно ёмко развить конституционные положения о федеральной территории, что это приведет к определению наилучшей для нашей страны конституционно-правовой модели федеральной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авакьян С.А.* Российский федерализм: размышления о современной модели // Ученые записки юридического факультета. 2014. № 34 (44). С. 31–36.
2. *Бекирова Ф.С.* Состояние и перспективы развития федеральных округов в современных условиях // Право и практика. 2018. № 4. С. 65–69.
3. *Демьяненко Ю.А.* Роль федеральных округов в системе субъектного состава России: неконституционное закрепление // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 8 (50). С. 84–91.
4. *Дзидзоев Р.М.* К вопросу о федерализации России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 3–6.
5. *Zakaria A.* Federal territories. Government and politics (1 940-2006) the encyclopedia of Malaysia. Kuala Lumpur: Archipelago Press, 2006.
6. *Ирхин И.В.* Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6 (67). С. 30–37.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. Т. 2. М.: БЕК, 1996. 448 с.
8. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Норма. 2001. 300 с.
9. *Мархгейм М.В.* Вопросы правового статуса полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 78–81.
10. *Мельников Д.В.* Федеральные округа России: экономический аспект // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 3 (15). С. 156–170.
11. *Праскова С.В.* О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.
12. *Robertson G.* Autonomous Federal Territories // Policy Options. 1985. Vol. 6. No. 7. Pp. 9–14.
13. *Соколова С.В.*, *Сафарян А.Р.* Территории опережающего развития: история формирования в дальневосточном федеральном округе // Муниципальная академия. 2019. № 1. С. 180–190.
14. *Чертков А.Н.* Конституционные основы и правовые проблемы российского федерализма // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 4–6.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Russian federalism: reflections on the modern model. *Scientific Notes of the Faculty of Law*. 2014. No. 34 (44). Pp. 31–36. (In Russ.)
2. *Bekirova F.S.* Status and development prospects of federal districts in modern conditions. *Law and Practice*. 2018. No. 4. Pp. 65–69. (In Russ.)
3. *Demyanenko Yu.A.* The role of federal districts in the system of subjective composition of Russia: unconstitutional consolidation. *Ethnosocium and Interethnic Culture*. 2012. No. 8 (50). Pp. 84–91. (In Russ.)
4. *Dzidzoev R.M.* To the question of federalization of Russia. *Constitutional and Municipal Law*. 2015. No. 2. Pp. 3–6. (In Russ.)
5. *Zakaria A.* Federal territories. Government and politics (1940-2006) the encyclopedia of Malaysia. Kuala Lumpur: Archipelago Press, 2006.
6. *Irkhin I.V.* Federal territories and federal districts: a mixture of constitutional-legal models. *Journal* of *Foreign Legislation and Comparative Law*. 2017. No. 6 (67). Pp. 30–37. (In Russ.)
7. Constitutional (state) law of foreign countries. A common part. Vol. 2. Moscow: BEK, 1996. 448 p.
8. Constitutional law. Encyclopedic Dictionary. S.A. Avakyan (ed.). Moscow: Norma. 2001. 300 p.
9. *Markheim M.V.* Issues of the legal status of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the federal district. *Science and Education*: *Economics and Economics*; *entrepreneurship*; *law and management*. 2016. No. 11 (78). Pp. 78–81. (In Russ.)
10. *Melnikov D.V.* Federal districts of Russia: economic aspect. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2011. No. 3 (15). Pp. 156–170. (In Russ.)
11. *Praskova S.V.* On federal territorial units. *Actual Problems of Russian Law*. 2013. No. 12. Pp. 1543–1551. (In Russ.)
12. *Robertson G.* Autonomous Federal Territories. *Policy Options*. 1985. Vol. 6. No. 7. Pp. 9–14. (In Russ.)
13. *Sokolova S.V.*, *Safaryan A.R.* Territories of rapid development: the history of formation in the Far Eastern Federal District. *Municipal Academy*. 2019. No. 1. Pp. 180–190. (In Russ.)
14. *Chertkov A.N.* The constitutional foundations and legal problems of Russian federalism. *Consolidated abstracts of the journal Representative Power – XXI Century*: *Legislation*, *Comments*, *Problems*. 2005. No. 4-6. (In Russ.)

15. *Чиркин В.Е.* Сравнительное конституционное право. М.: Международные отношения, 2002. 448 с.
16. Экономика и право: словарь-справочник / сост. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. М.: Вуз и школа, 2004. 1072 с.
17. Энциклопедия юриста / В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова. М., 2005.

15. *Chirkin V.E.* Comparative constitutional law. Moscow: International Relations, 2002. 448 p.
16. Economics and law: dictionary. L.P. Kurakov, V.L. Kurakov, A.L. Kurakov (comp.). Moscow: University and School, 2004.1072 p.
17. Encyclopedia of a lawyer. V.V. Boytsova, L.V. Boytsova (ed.). Moscow, 2005.

Статья поступила в редакцию 13.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 13.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор; заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ», Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-9456-1137. E-mail: markheim@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Markheim, Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the National Research University "BelSU", Belgorod State National Research University. Belgorod, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9456-1137. E-mail: markheim@bsu.edu.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-62-66

Ограничительная форма конституционно-правового гарантирования свободы массовой информации

М.А. Тульнев ©

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: 738330@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье обоснован авторский подход к гарантирующему потенциалу ограничительной формы регулирования свободы массовой информации. Актуальность поиска таких гарантий обоснована высоким уровнем развития информационного общества – получение информации из традиционных форматов вытесняется онлайн-источниками. В этой связи на первый план выходят вопросы баланса в гарантировании не только свободы массовой информации и иных субъективных прав, но также обеспечения информационной безопасности. В качестве итога осуществленного авторского анализа российского законодательства выступили следующие виды гарантий свободы массовой информации, изложенные в ограничительном ключе: запрет цензуры средств массовой информации; недопустимость злоупотребления свободой массовой информации; жизнь и здоровье и детей и несовершеннолетних как ограничительные и запретительные основания распространения информации; диффамационное право журналиста в конституционно-правовой плоскости.

Ключевые слова: свобода слова, средства массовой информации, правовые ограничения, запреты, цензура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тульнев М.А. Ограничительная форма конституционно-правового гарантирования свободы массовой информации // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 62–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-62-66

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-62-66

Restrictive form of constitutional and legal guarantee of mass media freedom

M.A. Tulnev ©

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation

E-mail: 738330@bsu.edu.ru

Abstract. The article substantiates the author's approach to the guaranteeing potential of a restrictive form of regulation of mass media freedom. The relevance of searching for such guarantees is justified by the high level of development of the information society – getting information from traditional formats is being replaced by online sources. In this regard, issues of balance in guaranteeing not only freedom of the media and other subjective rights, but also ensuring information security come to the fore. As a result of the author's analysis of Russian legislation, the following types of guarantees of freedom of the mass media, set out in a restrictive way: prohibition of censorship of mass media; inadmissibility of abuse of freedom of the mass media; life and health of children and minors as restrictive and prohibitive grounds for dissemination of information; defamation of the right of a journalist in the constitutional and legal plane.

Keywords: freedom of speech, mass media, legal restrictions, prohibitions, censorship

FOR CITATION: Tulnev M.A. Restrictive form of constitutional and legal guarantee of mass media freedom. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 62–66. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-62-66

ВВЕДЕНИЕ

Любая свобода не может быть абсолютной, а в современном понимании ее ограничение возможно только в соответствии с законодательно предусмотренными основаниями. Таким образом, полагаем, целесообразен тезис об ограничении, как имманентном свойстве права [Згонников, 2019: 46–49]. С точки зрения дефиниции правового ограничения, мы разделяем мнение А.В. Малько: «ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [Малько, 2005]. Следовательно правовыми ограничениями могут выступать запреты, приостановления, обязанности, меры наказания и т.д.

В данной связи запрет рассматриваем в качестве «государственно-властных сдерживающих средств, которые под угрозой ответственности должны предотвращать нежелательные деяния, противоправные» [Административное право, 2016; Новикова, 2019: 12–14].

В юридической литературе соотносят ограничения и запреты «путем сопоставления функциональных характеристик данных категорий, согласно которым запрет обладает исключительным режимом вытеснения нежелательного поведения из социальной среды, а ограничения устанавливают границы, определяющие критерии социально допустимого поведения» [Соболев, 2019: 77–81]. В целях настоящего исследования мы солидаризируемся с позицией указанных авторов, расценивая ограничение и запрет в качестве правовых средств с дифференцированным функционалом.

На наш взгляд, легализованные в российском законодательстве ограничения и запреты в отношении свободы массовой информации могут быть интерпретированы не только в качестве пределов и долженствования в поведении, но также в качестве гарантий этой свободы. Именно ограничения определяют границы установленной свободы, а запрет – действия, несовместимые с законом.

1. ЗАПРЕТ ЦЕНЗУРЫ

Полагаем, в ряду заявленных гарантий ключевое место отведено запрету цензуры. Как отмечает В.Д. Зорькин, ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации содержит, по крайней мере, две взаимосвязанные нормы: провозглашение гарантии свободы массовой информации и запрет цензуры. «Они находятся в системной связи, но не только друг с другом, каждая из этих норм в отдельности связана с нормами других частей данной статьи» [Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный), 2011].

Объединение указанных установлений в одной норме, считаем, подчеркивает исключительную важность полного и абсолютного конституционного запрета цензуры в связи с обеспечением свободы массовой информации.

Исходя из того, что цензура равным образом сопоставима с любой из частей ст. 29 Конституции Российской Федерации, в юридической науке в нее объективно включают три семантических ряда:

- незаконное ограничение права редакций средств массовой информации «воспроизводить полученные законным способом документы, излагать свои мнения и оценки, распространять подготовленные сообщения и материалы;
- ограничение беспрепятственного доступа ко всем находящимся в фондах государственных, муниципальных и иных общедоступных библиотек печатным изданиям и аудиовизуальной продукции, а также находящимся в фондах государственных, муниципальных и иных музеев музейным предметам и музейным коллекциям;
- санкционированный в установленном порядке просмотр корреспонденции осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, а в случае установления военного положения корреспонденции – и других лиц» [Куликова, 2011: 12–16].

Отметим, что каждый из обособленных аспектов цензуры регламентирован собственным специальным законодательством, которое состоит из комплекса актов, но только Закон «О средствах массовой информации» легализовал определение цензуры (ст. 3)[1]. Формулировка, запрещающая «предварительную и последующую цензуру, призвана обеспечить самостоятельность внутриредакционной деятельности, а также сделать недопустимой советскую практику изъятия и уничтожения печатной продукции, применения технических средств, заглушающих радиопередающие устройства и т.д.» [Куликова, 2011: 12–16]. Хотя судебная практика все же интерпретировала обоснованные случаи подобных действий, исключающие цензуру (п. 14 Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 15 июня 2010 г. № 16)[2].

Запрет цензуры также не исключает обязанность государства в соответствии с ч. 2 ст. 34 Конституции Российской Федерации осуществлять контроль за рынком средств массовой информации в той части, в какой информационная деятельность является частью экономической деятельности [Комментарий к Конституции Российской Федерации, 2011]. Однако такая контрольная деятельность не должна противоречить ст. 58 Закона «О средствах массовой информации».

Необходимо отметить, что с цензурой нельзя отождествлять ограничения, рассматриваемой свободы на основе с ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 55 Конституции и соответствующих законов. В России гарантированная в конституционно-правовом формате свобода массовой информации с запретом цензуры на законодательно установленных основаниях может быть ограничена в условиях чрезвычайного и военного положения[3].

---

[1] Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 01.03.2020) // Российская газета. 8 февраля 1992; 3 марта 2020.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. 18 июня 2010; 17 февраля 2012.

[3] См.: федеральные конституционные законы от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4153; от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 01.07.2017) // Российская газета. 2 февраля 2002; 4 июля 2017.

2. ДИФФАМАЦИОННОЕ ПРАВО

Известно, что степень открытости, свободы, независимости средств массовой информации непосредственно влияет на демократический характер государства.

Однако такая свобода для журналиста также не является абсолютной, она ограничена конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23). В юридической литературе соблюдение баланса в реализации ч. 1 ст. 23 и ст. 29 Конституции России получило наименование диффамационного права. Если его рассматривать с точки зрения приоритетов, защищаемых правом вообще, где на первом месте находятся права, свободы и законные интересы конкретного человека, то оно приобретает весьма важное значение в качестве основного источника регулятивных и охранительных норм, в соответствии с которыми строятся отношения между личностью и средствами массовой информации [Потапенко, 2002: 33–35].

В современном российском законодательстве термин «диффамация» не отражен, однако к нему обращаются на уровне судебной практики[4] и идентифицируют только с цивилистическим аспектом (ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Такой линейный подход опровергается сложившейся во многих странах практикой, определяющей диффамацию одновременно и как гражданско-правовой деликт, и как преступление.

В современных условиях нам более импонирует подход, согласно которому понятие диффамации распространяется и на конституционно-правовую плоскость: злоупотребление свободой слова и свободой массовой информации, правом свободно распространять информацию любым законным способом (ч. 1, 4, 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации) с целью опорочить других лиц [Смирнова, 2007: 7–9].

В настоящее время большинство судов в демократических странах исходит из позиции, что общественный интерес в публичном обсуждении серьезных вопросов должен перевешивать законную цель защиты репутации других лиц [Основные международные нормы, относящиеся к свободе выражения мнений, 2011]. Следовательно, есть основания утверждать, что мировая практика идет по пути непризнания статуса правонарушения за распространением порочащих лицо сведений, если эти сведения в силу тех или иных причин представляют значительный интерес для общества [Смирнова, 2007: 7–9]. Полагаем, сложившаяся практика все-таки является односторонней и требуется объективная оценка нарушения конституционных ценностей для принятия решений, соблюдающих баланс конституционных норм ч. 1 ст. 23 и ст. 29. Тем более, что такая позиция была изложена высшей судебной инстанцией страны: «при применении законодательства, регулирующего вопросы свободы слова и свободы массовой информации, обеспечивать баланс между правами и свободами, гарантированными ст. 29 Конституции Российской Федерации, с одной стороны и иными правами и свободами человека и гражданина, а также охраняемыми российской Конституцией ценностями – с другой»[5].

3. НЕДОПУСТИМОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СВОБОДОЙ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Гарантирующее свободу массовой информации ограничение мы также связывается с недопустимостью злоупотребления свободой массовой информации, формализованной в ст. 4 Закона «О средствах массовой информации».

Уточним, что термин «недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» не имеет официальной законодательной трактовки, но с учетом юридической доктрины расшифровывается в качестве использования предоставленных средствам массовой информации гарантий прав и свобод во вред обществу или государству [Захарова, Коржов, Кайль, 2018]. При этом важно учесть, что злоупотребление свободой массовой информации согласно ч. 1 ст. 59 Закона «О средствах массовой информации» влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность.

Для вступления рассматриваемой статьи в законную силу необходимо, чтобы информация, была размещена в издании, являющемся официально зарегистрированным средством массовой информации. В противном случае возможно наступление ответственности, но по иным нормам права, к примеру, согласно федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[6].

Особого внимания заслуживает безусловный и категоричный запрет на распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия) (ч. 6 ст. 4 Закона «О средствах массовой информации») [Боровиков, Боровикова, 2015].

В данном случае законодатель исходит из того, что отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции, регламентированы отдельным Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»[7]. В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» «государственное регулирование в сфере применения

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. 18 июня 2010; 17 февраля 2012.

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 03.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2035.

[7] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 03.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2035.

информационных технологий предполагает обеспечение информационной безопасности прежде всего детей (п. 4 ч. 1 ст. 12)» [Рыбаков, Рыбакова, 2018: 27–31].

Кроме того, общая норма о защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, содержится в ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»[8].

Отметим, что российское законодательство, как и международное, считает ребенком лицо до достижения им возраста 18 лет (ст. 1 Конвенции о правах ребенка[9] и ст. 1 федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ).

Совокупно представленное законодательство в ограничительном ключе регулирует распространение информации средствами массовой информации с учетом безопасности детей. В связи тем, что предметом нашего исследования выступают средствам массовой информации, но не информация в целом, целесообразно говорить об информационной продукции. Ее понятие легализовано в ст. 2 федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Считаем, именно с информационной продукцией следует коррелировать закрепленные ст. 5 федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей; запрещенной для распространения среди детей; распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено.

В условиях массового использования сети Интернет несовершеннолетними «особое значение приобретает идея использования для регулирования интернет-отношений правовой конструкции средства массовой информации с его обязательной регистрацией» [Маркарьян, 2012: 11–13]. Полагаем, внесенное предложение достойно научной дискуссии для выработки вариантов дальнейшей формализации.

В целом, по поводу федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ мы солидарны с мнением, что он «не преследует целей оградить детей от проблем и сложностей современной жизни и «создать иллюзию, что в мире не существует зла, насилия, смерти». Однако доносить до детей такого рода информацию необходимо тогда, когда они способны ее понять и принять, и в такой соответствующей их возрасту деликатной форме, чтобы эта информация не причинила вред их психическому здоровью» [Шельменков, 2012: 75–79].

Ребенок, пострадавший в результате противоправных действий (бездействия) должен быть в равной степени защищен и от распространения информации в сети Интернет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве гарантий свободы массовой информации следует воспринимать ограничительные и запретительные правовые средства с учетом правоприменительной рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Постановление от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”») о балансе между правами и свободами ст. 29 Конституции Российской Федерации и иными конституционно формализованными правами и свободами человека и гражданина. В их числе следующие конституционно-правовые установления:

- запрет цензуры средств массовой информации (ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»);
- недопустимость злоупотребления свободой массовой информации (ст. 4 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и иное отраслевое законодательство);
- жизнь и здоровье и детей и несовершеннолетних как ограничительные и запретительные основания распространения информации (ст. 4 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»);
- диффамационное право журналиста в конституционно-правовой плоскости ч. 1 ст. 23 и ст. 29.

[8] Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7832.

[9] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев И.А.*, *Свистунов А.А.*, *Станкевич Г.В.* и др. Административное право: учебник. [Электронный ресурс]. М.: Проспект, 2016.
2. *Боровиков В.Б.*, *Боровикова В.В.* Средства массовой информации и предупреждение преступлений несовершеннолетних // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 5. С. 116–121.
3. *Захарова Н.А.*, *Коржов В.Ю.*, *Кайль А.Н.* Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2018.
4. *Згонников П.П.* Правовая природа ограничений прав // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 46–49.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.

REFERENCES

1. *Alekseev I.A.*, *Svistunov A.A.*, *Stankevich G.V.* et al. Administrative law: Textbook. [Electronic resource]. Moscow: Prospect, 2016.
2. *Borovikov V.B.*, *Borovikova V.V.* Mass media and the prevention of juvenile delinquency. *Business in Law. Journal of Economics and Law*. 2015. No. 5. Pp. 116–121. (In Russ.)
3. *Zakharova N.A.*, *Korzhov V.Yu.*, *Kail A.N.* Commentary on the Law of the Russian Federation of December 27, 1991. No. 2124-1 “On the Media” (itemized). *ATP Consultant Plus*, 2018. (In Russ.)
4. *Zgonnikov P.P.* Legal nature of restrictions of rights. *Russian Justice*. 2019. No. 4. Pp. 46–49. (In Russ.)
5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized). V.D. Zorkina (ed.). Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 1008 p.

6. *Куликова С.А.* Конституционный запрет цензуры: понятие, признаки и гарантии // Информационное право. 2011. № 2. С. 12–16.
7. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М., 2005, 250 с.
8. *Маркарьян Р.В.* Основные направления совершенствования правовой защиты детей от распространения через информационно-коммуникационные сети информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 4. С. 11–13.
9. *Новикова А.Е.* Запрет как форма объективации правозащитных рисков // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 12–14.
10. Основные международные нормы, относящиеся к свободе выражения мнений // Российский бюллетень по правам человека. 2001. № 14.
11. *Потапенко С.* Институт диффамации и российское законодательство // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 33–35.
12. *Рыбаков О.Ю.*, *Рыбакова О.С.* Ребенок и интернет-пространство: вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.
13. *Смирнова А.А.* Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7–9.
14. *Соболев О.В.* Соотношение запретов и ограничений прав граждан в административной деятельности органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 77–81.
15. *Туманов А.И.* Цензура в кинематографе как инструмент информационного противоборства // Социально-политические науки. 2019. № 6. С. 44–50.
16. *Шельменков В.Н.* О характеристике Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Административное и муниципальное право, 2012. № 2. С. 75–79.

6. *Kulikova S.A.* Constitutional prohibition of censorship: concept, signs and guarantees. *Information Law*. 2011. No. 2. Pp. 12–16. (In Russ.)
7. *Malko A.V.* Incentives and limitations in law. Moscow, 2005, 250 p.
8. *Markaryan R.V.* The main directions of improving the legal protection of children from dissemination through information and communication networks of information harmful to their health and development. *Issues of Juvenile Justice*. 2012. No. 4. Pp. 11–13. (In Russ.)
9. *Novikova A.E.* The ban as a form of objectification of human rights risks. *Law and the State*: *Theory and Practice*. 2019. No. 9 (177). Pp. 12–14. (In Russ.)
10. Basic international norms related to freedom of expression. *Russian Bulletin on Human Rights*. 2001. No. 14. (In Russ.)
11. *Potapenko S.* Institute of Defamation and Russian law. *Russian Justice*. 2002. No. 6. Pp. 33–35. (In Russ.)
12. *Rybakov O.Yu.*, *Rybakova O.S.* The child and the Internet space: Issues of legal security support. *Information Law*. 2018. No. 1. Pp. 27–31. (In Russ.)
13. *Smirnova A.A.* Defamation as an abuse of freedom of speech and information (constitutional and legal aspect). *Constitutional and Municipal Law*. 2007. No. 9. Pp. 7–9. (In Russ.)
14. *Sobolev O.V.* The ratio of prohibitions and restrictions on the rights of citizens in the administrative activities of executive authorities. *Administrative Law and Process*. 2019. No. 2. Pp. 77–81. (In Russ.)
15. *Tumanov A.I.* Censorship in the cinema as a tool of information confrontation. *Socio-political Sciences*. 2019. No. 6. Pp. 44–50. (In Russ.)
16. *Shelmenkov V.N.* About the characterization of the Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development". *Administrative and Municipal Law*. 2012. No. 2. Pp. 75–79. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 11.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тульнев Михаил Анатольевич, аспирант кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета. Белгород, Российская Федерация. E-mail: 738330@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail A. Tulnev, graduate student of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University. Belgorod, Russian Federation. E-mail: 738330@bsu.edu.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-67-77

Понятие права на тайну корреспонденции

В.А. Кочев[1, a] ©, П.А. Ромашов[1, b] ©, А.В. Бурылов[2, c] ©

[1] Пермский государственный университет,
г. Пермь, Российская Федерация

[2] ООО Т2 Мобайл (Теле2),
г. Пермь, Российская Федерация

[a] E-mail: kochevvladimir@mail.ru

[b] E-mail: romashov059@gmail.com

[c] E-mail: 2778815@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа статьи является право на тайну корреспонденции (переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), в границах и пределах, определенных в конституционном праве Российской Федерации и Западно-Европейских стран, а также в праве ЕС с учетом правотворческой и правоприменительной практики. Цель работы состояла в раскрытии содержания права на тайну корреспонденции и выявлении особенностей урегулирования этого права в отечественном конституционном законодательстве. Методология исследования предопределена диалектическим подходом к познанию конституционно-правовых явлений, а также апробированными конституционно-правовой наукой, общенаучными (системный, анализ и синтез, логический и др.) и частнонаучными (нормативно-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой и др.) методами. С их помощью определена сущность, гарантии и допустимые ограничения права на тайну корреспонденции. Одним из основных выводов проведенного исследования стало понимание двойственной природы права на тайну корреспонденции, которое, во-первых, предстает как самостоятельное основное право и, во-вторых, как гарантия права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны.

Ключевые слова: коммуникация, право на тайну корреспонденции (переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), право на информацию, право на неприкосновенность частной жизни, гарантии права на тайну корреспонденции, режим защиты тайны корреспонденции, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кочев В.А., Ромашов П.А., Бурылов А.В. Понятие права на тайну корреспонденции // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 67–77. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-67-77

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-67-77

The right to private correspondence

V.A. Kochev[1, a] ©, P.A. Romashov[1, b] ©, A.V. Burylov[2, c] ©

[1] Perm State University,
Perm, Russian Federation

[2] OOO T2 mobile (Tele2),
Perm, Russian Federation

[a] E-mail: kochevvladimir@mail.ru

[b] E-mail: romashov059@gmail.com

[c] E-mail: 2778815@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the right to private correspondence (correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages), within the borders and limits defined in the constitutional law of the Russian Federation and Western European countries, as well as in EU law, taking into account law-making and law enforcement practice. The purpose of the work was to reveal the content of the right to private correspondence and identify the features of the regulation of this right in the domestic constitutional legislation. The research methodology is predetermined by a dialectical approach to the knowledge of constitutional and legal

phenomena, as well as by proven constitutional and legal science, General scientific (system, analysis and synthesis, logical, etc.) and private scientific (normative-dogmatic, historical-legal, comparative-legal, etc.) methods. They are used to determine the essence, guarantees and permissible restrictions of the right to private correspondence. One of the main conclusions of the study was the understanding of the dual nature of the right to privacy of correspondence, which, first, appears as an independent fundamental right and, secondly, as a guarantee of the right to privacy, personal and family secrets.

Keywords: communication, the right to private correspondence (correspondence, telephone conversations, postal, Telegraph and other messages), the right to information, the right to privacy, guarantees of the right to private correspondence, the regime for protecting the private correspondence, privacy, personal and family secrets

FOR CITATION: Kochev V.A., Romashov P.A., Burylov A.V. The right to private correspondence. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 67–77. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-67-77

ВВЕДЕНИЕ

Право на тайну корреспонденции относится к категории основных конституционных прав. От того, насколько совершенны конституционно-правовые гарантии этих прав в целом и права на тайну корреспонденции в частности, во многом зависит эффективность их реализации.

Проблема гарантий конституционных прав во многом определяется выяснением природы этих прав, их пределов и оснований ограничения. Данный вопрос в юридической литературе недостаточно разработан, хотя и не обойден вниманием. Поэтому, как представляется, важно обобщить имеющиеся научные разработки и определить новые подходы в аспекте поставленного в настоящей статье вопроса с учетом новейших государственно-правовых реалий. Последние фокусируются в природе современного цифрового мира со всем его потенциалом и технологиями, в том числе в контексте права на информацию и неприкосновенности частной жизни. Именно это актуализирует задачи, стоящие перед теорией прав человека и юридической практикой.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В июле 2015 г. Совет по правам человека назначил Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. В многочисленных резолюциях Совет по правам человека и Генеральная Ассамблея ООН выражали обеспокоенность по поводу рисков для неприкосновенности частной жизни, вытекающих из государственных мер слежения и деловой практики. В феврале 2018 г. Управление Верховного комиссара по правам человека провело в Женеве экспертный семинар (рабочее совещание) по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий в соответствии с резолюцией 34/7 Совета по правам человека (A/HRC/RES/34/7), принятой 23 марта 2017 г., с целью выявления и уточнения принципов, стандартов и передового опыта в отношении поощрения и защиты права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий, включая ответственность деловых предприятий в этом отношении.

На этой основе был подготовлен Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 03.08.2018 (A/HRC/39/29). В нем отмечается, что цифровые технологии, которые развиваются в основном благодаря частному сектору и в которых постоянно используются данные, связанные с жизнью людей, постоянно и все больше охватывают и проникают в социальную, культурную, экономическую и политическую структуру современного общества. Возможности таких технологий, как «большие данные» и искусственный интеллект, и объем используемых в них данных постоянно растут, угрожая породить интрузивную цифровую среду, в которой как государства, так и коммерческие предприятия смогут осуществлять слежение в беспрецедентных масштабах, а также анализировать и прогнозировать поведение людей и даже манипулировать им. Этим технологиям могут быть найдены весьма полезные применения. Однако, если не управлять этими технологическими изменениями с большой осторожностью, они могут стать серьезной угрозой для человеческого достоинства, автономии, частной жизни и существования прав человека в целом.

КОНСТИТУЦИОННАЯ-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ТАЙНУ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Право на тайну корреспонденции (переписка, телефонные переговоры, почтовые отправления, телеграфные и иные сообщения), закрепленное ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, конкретизируется в ст. 63 Федерального закона «О связи» и ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи» как гарантируемое государством право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Названные федеральные законы регулируют право каждого человека на тайну корреспонденции[1], осуществляемых только в порядке оказания услуг оператором связи на основе публично-правового договора.

Уяснение смысла рассматриваемой конституционной нормы в ее соотношении с ограничительными законодательными положениями имеет важное значение для выявления конституционно-правового содержания приведенного понятия. В решении данного вопроса следует прежде всего исходить из того, что право на тайну корреспонденции имеет сложную природу.

[1] Категория «корреспонденция» рассматривается Европейским судом по правам человека как понятие, охватывающее все виды сообщений, в том числе почтовых отправлений, передаваемых учреждениями связи.

Во-первых, оно является самостоятельным основным правом (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ) и, во-вторых, выступает как гарантия права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ).

В качестве такового оно воспринимается Европейским судом по правам человека. В частности, в решении по делу Класс от 6 сентября 1978 г.[2] Европейский суд установил, что понятие «корреспонденция», в том числе телефонные переговоры, включаются в понятие «частная жизнь», закрепленное в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Право ч. 1 ст. 23 Конституции РФ выступает в названном соотношении в качестве общего основного права. При этом данное право гарантировано не только ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, но и дополнительными конституционными положениями. В числе таких гарантий конституционных норм выступают нормы ч. 1 ст. 24 (запрещение доступа к информации о частной жизни лица без его согласия), ч. 1 ст. 25 (неприкосновенность жилища) и ряд других норм Конституции РФ. Названные гарантии, в свою очередь, можно рассматривать в качестве дополнительных основных прав[3].

О значимости выдвинутого положения свидетельствует то, что право на тайну корреспонденции было возведено в конституционный ранг в нашей стране еще в советский период. Так, в ст. 128 Конституции СССР 1936 г. провозглашается право на тайну переписки. По истечении 40 лет, в Конституции СССР 1977 г., наряду с правом на тайну переписки закрепляется в качестве основных прав – право на тайну телефонных переговоров и телеграфных сообщений.

Конституция РФ сохранила преемственность. Она не только воспроизвела приведенные положения советских конституций, но и расширила пределы правового регулирования. В ч. 2 ст. 23 Конституции РФ закрепляется понятие «почтовые сообщения» и указывается на допустимость «иных сообщений», тайна на которые конституционно гарантирована.

Эти новеллы действующей Конституции РФ отражают кардинальные изменения в системе коммуникаций в мире, которая пронизана современными сетями передачи информации. В качестве таких сетей особенно большое распространение получили GSM 900/1800, CDMA (INT-MC 450) и др.

При этом следует подчеркнуть, что нововведения в российском конституционном праве не содержат принципиальной новизны для конституционного права зарубежных стран. Более того, советские конституции и ныне действующая Конституция РФ заимствовали опыт конституционно-правового регулирования права на тайну корреспонденции западно-европейских государств.

Изначально зарубежное государственное право, так же как и отечественное, ограничивалось признанием только права на тайну переписки. Причем законодательно гарантии этого права были оформлены в государствах старого света еще в XVIII в. с установлением буржуазного конституционного порядка. Это вполне объяснимо, поскольку почтовая переписка долгое время была главным средством коммуникации между людьми, осуществляемой государственными (королевскими) ведомствами.

Так, соблюдение тайны переписки с 1791 г. закрепляется в качестве основной обязанности Французской Республики [6: 94]. Происхождение данного принципа Ф. Люшер обнаруживает в ст. 23 Уголовного кодекса Франции. Однако, по мнению указанного автора, более определенно этот принцип подтверждается (в части, касающейся международной переписки) в «ст. 638 республиканского кодекса, одобренного 3 брюмера IV года Республики» [6: 95] (Уголовный кодекс 1796 г.). В России право на тайну почтовой корреспонденции впервые установила Екатерина II [1: 200]. Вместе с тем конституционное закрепление тайна переписки получила только в первой трети XIX в. в Бельгии (ч. 1 ст. 29 Конституции Бельгии 1831 г.).

В Российской империи основные права были признаны лишь в начале XX в. 23 апреля 1906 г. высочайше утверждены Основные государственные законы России. В этих законах закреплялись личные права и обязанности российских подданных, в том числе право свободно избирать место жительства, неприкосновенность собственности, неприкосновенность жилища и др. Однако право на тайну переписки в Основных законах Российской империи не конституировалось. Оно было провозглашено, как отмечалось, лишь в Конституции СССР 1936 г.

С развитием сети коммуникаций в европейских странах уже во второй половине XIX – начале XX в. гарантируется не только тайна переписки, но и конфиденциальность каких-либо телеграфных сообщений[4], а также «нерушимость тайны почтовой связи и телеграфных сообщений» (ч. 4 ст. 36 Конституции Швейцарской Конфедерации 1874 г.) или «неприкосновенность тайны телеграфной корреспонденции и телефонных переговоров (§ 12 Конституции Финляндии 1919 г.).

После Второй мировой войны в конституциях иностранных государств повсеместно закрепляется право на тайну всех названных видов сообщений. В Конституции Японии 1947 г. гарантируется нерушимость права на тайну корреспонденции (ч. 2 ст. 21), в Конституции Италии 1947 г. – свобода и тайна переписки и всех других видов связи (ст. 15), а в Основном Законе Федеративной Республики Германии 1949 г. – тайна переписки, почтовых отправлений и телефонной связи (ст. 10). Следует заметить, что в настоящее время вышеназванные универсальные термины являются основой для обозначения новейших видов коммуникаций (например, электронной, беспроводной, в т.ч. космической – Глобстар, и др.).

Несмотря на терминологические различия, сфера регулируемых указанными конституционными положениями отношений определена достаточно четко. В нее включаются материализованные носители сообщений, передаваемые по сетям связи (почтовой, электрической и др.), принадлежащие соответствующим организациям (операторам связи), которые оказывают

[2] Решение Европейского суда цитируется по: [2: 270, 278].

[3] Подробнее о соотношении основных прав см.: [9: 142–151].

[4] В телеграфном акте 1868 г. Англии устанавливалось, что разглашение любым государственным служащим информации или перехват сообщений «вопреки своему долгу» есть преступление (см.: [3: 232]).

(предоставляют) коммуникационные услуги. Вместе с тем нельзя не учитывать значительную терминологическую новизну и различия конституционных актов зарубежных государств и России.

В ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, наряду с правом каждого человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, закрепляется, например, право на тайну *иных сообщений.* В связи с этим, на наш взгляд, следует уточнить буквальный смысл употребляемых в Конституции РФ понятий, а также выявить их соотношение с категориями, закрепленными в праве Европейского Союза и в конституционном праве европейских государств.

ПОНЯТИЕ «КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ» В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ

В конституционном праве Российской Федерации используется распространенное в западной правовой науке и законодательстве понятие «переписка» и одновременно закрепляются более широкие понятия «почтовое сообщение» или «почтовое отправление», «телеграфное и иное сообщение». Названные понятия в российском законодательстве раскрываются лишь частично. Поэтому для выявления их соотношения с понятием «корреспонденция» следует уяснить их «своеобычный» смысл[5]. Обратимся, прежде всего, к грамматическому толкованию.

Понятия «переписка» и «почтовые сообщения» в буквальном смысле являются частично совпадающими. Во-первых, под перепиской понимается определенная корреспонденция, почта [11: 201, 251, 399]. В этом значении понятие «переписка» следует рассматривать как разновидность почтовых сообщений.

Однако следует иметь в виду, что почтовые сообщения не сводятся только к переписке или к письмам в обычном употреблении [1: 437]. Почтовыми сообщениями являются также почтовые карточки, мелкие пакеты, экспресс-почта и др. Во-вторых, переписка определяется как «собрание писем, кем-нибудь написанных» [Там же]. В этом смысле письма также могут рассматриваться как почтовые сообщения, но могут и не входить в число таковых, например, в случае, когда они направляются адресатом в частном порядке (в том числе через доверенных лиц и др.), а не посредством почтовой и других видов общественной связи.

Признавая существование индивидуальной (личной) коммуникации между гражданами, логично поставить вопрос, гарантируется ли ч. 2 ст. 23 Конституции РФ право на тайну подобного рода сообщений? Исходя из буквального смысла конституционного понятия «переписка», ответ на данный вопрос следует дать положительный.

Вместе с тем действующее законодательство не гарантирует право на тайну этого вида сообщений. В ч. 1 ст. 63 Федерального закона «О связи» устанавливается норма, согласно которой на территории Российской Федерации гарантируется только тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи.

Это законодательное положение дает основание поставить обозначенный выше вопрос в другом плане. Допускает ли Конституция РФ расширительное (в сравнении с законодательством) толкование понятия «переписка», которое охватывает и корреспонденцию, передаваемую в индивидуальном (личном) порядке, и собственно почту? Для решения данного вопроса следует обратиться к термину «иные сообщения», используемому в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

При буквальном толковании понятие «иные сообщения» охватывает все виды переписки и все виды почтовых сообщений. С этой точки зрения сохранение понятия «переписка» в Конституции РФ следует рассматривать не более чем дань исторической правовой традиции.

В то же время в законодательной интерпретации понятие «иные сообщения» ограничивается такими сообщениями, которые передаются законодательно определенными лицами – операторами связи. Поэтому под иными сообщениями в смысле, придаваемом федеральным законом, следует иметь в виду те передаваемые по сетям электросвязи и почтовой связи отправления, которые не конкретизированы в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. В их числе СМС- и ММС-сообщения, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети «Интернет» мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые другим способом [8].

Другими словами, федеральный законодатель гарантирует тайну всех сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и почтовой связи. Однако Конституция РФ не исключает защиту права на тайну корреспонденции, направляемой адресату в индивидуальном порядке (например, через нарочных или доверенных лиц). В обратном случае конституционные гарантии права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну были бы неоправданно ограничены.

В конституционном праве средства защиты права каждого на тайну сообщений «по линии» индивидуальной (личной) коммуникации не определяются. В силу этого следует обратиться к более широкой категории основных прав.

В частности, нарушение тайны индивидуальной (личной) коммуникации следует рассматривать как противоправное вторжение в право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). Наряду с этим данное нарушение может быть сопряжено с нарушением запрета на доступ к информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ).

Если же несоблюдение требования ч. 1 ст. 24 Конституции РФ выразилось: а) в незаконном собирании сведений о частной жизни лица или б) незаконном их распространении без согласия этого лица либо в) незаконном их распространении в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, то подобные нарушения влекут юридическую ответственность: уголовную (ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации

[5] На позитивные аспекты «своеобычного» употребления понятий в национальном законодательстве неоднократно обращалось внимание Европейским судом по правам человека. См., напр., [2: 186].

от 13 июня 1996 г.)[6], административную (ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г.)[7].

В связи с изложенным следует признать, что защита конституционного права каждого человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений отличается от защиты права на тайну электросвязи и почтовой связи тем, что первое не ограничивается только сообщениями, охраняемыми в соответствии с федеральным законодательством как виды электрической и почтовой связи. Конституционные гарантии их защиты являются более емкими. Тайна переписки, например, может быть объектом охраны, который составляет право на неприкосновенность частной жизни, запрета на доступ информации о частной жизни лица (ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ) и др. Исходя из этого следует признать, что в структуре основных прав выявляются конституционные средства защиты не только общественных, но и индивидуальных (личных) линий коммуникации.

Вместе с тем следует иметь в виду, что Федеральный закон «О связи» (ст. 64) и Федеральный закон «О почтовой связи» (ст. 15) не употребляют конституционное понятие «почтовые сообщения» в буквальном смысле. Данными правовыми актами закрепляется более широкая правовая категория – «почтовые отправления», которая охватывает как почтовые сообщения, так и иные виды отправлений по почте.

Так, в Федеральном законе «О почтовой связи» понятие «почтовые отправления» раскрывается в таких законодательных определениях, как письменная и документальная корреспонденция, посылки, прямые почтовые контейнеры (ст. 2). Под письменной корреспонденцией понимаются почтовые отправления – простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы (письма для слепых на специальных клише), бандероли и мелкие пакеты (ст. 1 Федерального закона «О связи»).

В то же время понятие «документальная корреспонденция» в указанном законе не раскрывается. В качестве таковой, в соответствии с ведомственными актами, рассматриваются сообщения, передаваемые по сетям документальной электросвязи (СДЭС), используемым для предоставления услуг передачи данных и телематических служб (факс, телекс, телефакс), включая сеть Интернет [10].

Согласно Федеральному закону «О почтовой связи» подлежат защите все почтовые отправления, а не только сообщения в смысле, придаваемом ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. При этом возникает следующий вопрос.

Допустимо ли при защите законодательно определенного понятия права на тайну почтовых отправлений, охватывающего письменную и документальную корреспонденцию, ссылаться только на Федеральный закон «О почтовой связи» или право на тайну почтовых отправлений может быть также обосновано исходя из ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, в которой закрепляется право на все виды сообщений, но понятие «почтовые отправления» не определяется?

Думается, что более точным будет положительный ответ, связанный с конституционно-правовым обоснованием. В решении поставленного вопроса следует исходить из того, что федеральный законодатель расширяет предмет конституционного регулирования, употребляя понятие «почтовые отправления» как дополнительное к конституционному понятию «сообщения» (ч. 3 ст. 63 Федерального закона «О связи»). Подобная интерпретация, на наш взгляд, допустима, поскольку она усиливает гарантии частной жизни лица. При этом заметим, что право на тайну почтовых отправлений, в том числе в виде письменной корреспонденции, посылок, прямых почтовых контейнеров, печатных изданий в соответствующей упаковке, гарантируется в следующих законодательных положениях:

- осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляются только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральным законом (ч. 3 ст. 63 Федерального закона «О связи»);
- сведения о передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи сообщениях, о почтовых отправлениях и почтовых переводах денежных средств, а также сами эти сообщения, почтовые отправления и переводимые денежные средства могут выдаваться только отправителям и получателям или их уполномоченным представителям, если иное не предусмотрено федеральным законом (ч. 3 ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи»);
- оператор связи обязан обеспечить соблюдение тайны связи (ч. 2 ст. 63 Федерального закона «О связи», ч. 2 ст. 63 Федерального закона «О почтовой связи»).

Опираясь на приведенные законодательные положения, подчеркнем, что право на тайну сообщений (отправлений) может считаться нарушенным, если:

1) третьим лицам сообщается о «виде» или «содержании» посланного почтового сообщения (отправления), а также о личности отправителя или получателя или о способах их доставки;
2) осуществляется задержка, осмотр, вскрытие, изъятие почтовых сообщений (отправлений);
3) прослушиваются телефонные переговоры и/или ведется их контроль, запись (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Принимая во внимание обязательные для Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права, следует рассмотреть систему конституционно-правовых понятий в «призме» категориального аппарата основополагающих международных правовых актов.

Прежде всего, отметим, что предмет регулирования ч. 2 ст. 23 Конституции РФ сопряжен с понятием «корреспонденция», закрепленным в положениях Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 12), другими международными актами, а также Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ч. 1 ст. 8).

[6] Собрание Законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[7] Собрание Законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту с помощью закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Тайна корреспонденции как право каждого устанавливается и другими актами ООН по правам человека. Это Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция ООН о трудящихся-мигрантах, Конвенция ООН о правах ребенка. Все они используют идентичные понятия.

Конфиденциальность является основополагающим правом человека. Право на информацию и неприкосновенность личной жизни могут быть определены как презумпция того, что частные лица должны иметь определенное поле для самостоятельного развития, взаимодействия и свободы, «частную сферу» во взаимодействии с другими лицами или без него, свободную от вмешательства государства и от чрезмерного инициативного вмешательства со стороны других незваных частных лиц (см., например, A/HRC/13/37, п. 11, и A/HRC/23/40, п. 22 и 42). В цифровой среде конфиденциальность информации, включая информацию, которая уже существует или может быть получена о человеке и его или ее жизни, а также решения, основанные на этой информации, имеют особое значение.

Право на неприкосновенность личной жизни понимается как одно из базовых условий реализации свободы выражения мнений. Чрезмерное вторжение в личную жизнь может как напрямую, так и косвенно ограничивать свободное развитие идей и свободный обмен ими.

Комитет по правам человека применительно к анализу содержания права на неприкосновенность личной жизни (ст. 17 Пакта о гражданских и политических правах) в своем замечании общего порядка № 16 (1988) указывает, что цель ст. 17 состоит в защите частных лиц от любого незаконного или произвольного вмешательства в их личную жизнь, включая семейную жизнь, жилище или тайну корреспонденции, а национальная правовая основа должна обеспечивать защиту этого права. Это положение налагает особые обязательства, относящиеся к защите личной жизни в области коммуникаций, подчеркивая, что корреспонденция должна доставляться адресату без перехвата, не вскрываться или прочитываться так или иначе. Должно быть запрещено электронное или иное наблюдение, перехватывание телефонных, телеграфных или иных сообщений, прослушивание и запись телефонных разговоров». В данном положении общего порядка также указывается, что «законом должны регулироваться сбор и хранение личной информации государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе.

При этом следует заметить, что международные акты не рассматривают право на тайну корреспонденции (конфиденциальность) как право абсолютное. Это право, согласно международному праву, может быть ограничено при законодательно определенных условиях. Однако такие условия в указанных актах не определяются. Более четкое определение условий ограничения дается в Европейской Конвенции.

В ч. 1 ст. 8 Конвенции устанавливается, что каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Тем самым указанная Конвенция преодолевает неопределенность ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, которая отражает предмет защиты неясным термином «произвольное вмешательство».

Данное вмешательство согласно Европейской Конвенции, по-видимому, следует рассматривать как вторжение в право личной свободы третьих лиц, осуществляемое вопреки закону и без ясно сформулированных целей. Часть 2 ст. 8 Конвенции гласит: не допускается вмешательство государственных органов в осуществление этого права, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах обеспечения государственной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, для поддержания порядка и предотвращения преступлений, защиты здоровья и морали или защиты прав и свобод других лиц.

Итак, согласно ч. 2 ст. 8 Европейской конвенции все лица имеют право на конфиденциальность корреспонденции. Однако данное право может быть ограничено «в соответствии с законом», если это «необходимо в демократическом обществе» для обеспечения других основных общественных и личных ценностей.

На основе изложенного следует подчеркнуть, что клаузула ст. 23 Конституции РФ и положения приведенных международных правовых актов идентичны в установлении субъектного состава. В них закрепляется право на неприкосновенность (или уважение) частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции каждого человека, находящегося на определенной государственной территории. Тем самым в основополагающих нормах устанавливается индивидуальный (в отличие от коллективного) характер анализируемых основных прав.

Однако в определении предметного состава частной жизни – и прежде всего той из ее сторон, которая обращена к социально-политическим аспектам, Конституция РФ и Европейская конвенция используют различную терминологию. И это не случайно.

Унифицированные по природе конвенционные нормы рассчитаны на реализацию открытым кругом европейских государств – участников Европейского Союза. В то же время положения Конституции РФ объективированы с учетом исторических традиций и сложившейся системы правовых понятий, используемых в России.

В порядке рассматриваемого в настоящей работе права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантируемого ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, следует еще раз подчеркнуть, что Европейская конвенция в отличие от Конституции РФ употребляет термин – «корреспонденция» (ч. 1 ст. 8). В то же время нельзя не обратить внимание на то, что по сути в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ раскрываются определенные формы корреспонденции в их своеобычном употреблении («переписка», «телефонные переговоры» и «почтовые, телеграфные

и иные сообщения»). Поэтому в теории конституционного права и в правоприменительной практике конституционно-правовые понятия «сообщения» и «корреспонденция» используются как равнозначные [4: 18].

Вместе с тем следует отметить, что в буквальном смысле не всякие сообщения, которые имеют место в общественных отношениях, относятся к корреспонденции. Под корреспонденцией обычно понимаются те сообщения (сведения, информация), которые явлены через определенные материальные носители [13]. В конституционном праве к таким носителям относятся переписка, почтовые отправления, телеграммы и др.

Наряду с этим термин «корреспонденция» употребляется в связи с субъектом, передающим определенного рода информацию (например, сообщение о текущих событиях, полученное средствами массовой информации от корреспондента [13] как особого лица, выполняющего определенные профессиональные функции).

Понятие «корреспонденция» в последнем случае не связано только буквальным смыслом нормы ч. 2 ст. 23 Конституции РФ и ч. 1 ст. 8 Европейской конвенции. Содержание этого понятия более широкое, поскольку в него вкладывается служебный смысл. При этом способы передачи служебной корреспонденции не сводятся лишь к тем средствам, которые закреплены в основополагающих правовых нормах, в их числе могут быть и специальные коммуникации.

За рамки регулирования рассматриваемых правовых норм выходят и некоторые сообщения частного характера – это сообщения (сведения, информация и т.п.), передаваемые одним лицом другому в устной форме непосредственно при личном общении. Словесно-языковое выражение этих сведений не связано с теми материальными носителями сообщений, которые предусмотрены ч. 2 ст. 23 Конституции РФ и ч. 1 ст. 8 Европейской конвенции.

Такие сообщения суть само сведение, известие, т.е. то, что сообщается [6]. Однако и в этом случае при определенных условиях на данные сведения распространяются, как указывалось ранее, конституционные гарантии, предусмотренные ст. 23 и 24 Конституции РФ.

В соответствии с изложенным подчеркнем, что отождествление терминов «сообщения» и «корреспонденция» в буквальном общераспространенном смысле является недопустимым. Однако в смысле, придаваемом понятию «корреспонденция» международным правом, конституционным правом зарубежных стран и России, данная дефиниция выступает как категория, включающая понятие «сообщения», закрепленное в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Исходя из этого конституционные понятия «переписка», «телефонные переговоры», «почтовые, телеграфные и иные сообщения» в соотношении с понятием «корреспонденция» следует рассматривать как конкретизирующие.

Таким образом, несмотря на имеющиеся терминологические различия, общие границы предмета правового воздействия анализируемых фундаментальных норм права установлены достаточно четко. Его (предмет) определяют личные (индивидуальные) сообщения или корреспонденция, право на тайну которых гарантируется в соответствии с Европейской конвенцией и согласно Конституции РФ как одна из основ частной жизни.

Поэтому для обозначения объекта основного права, определенного в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, правомерно использование термина «сообщения» (корреспонденция) в широком смысле, придаваемом ему указанной конституционной нормой. В то же время следует учитывать то, что существует законодательно установленное понятие «тайна связи», которое является конкретизирующим. В нем отражается объект законодательной защиты, который составляют только те сообщения (корреспонденция, отправления), которые передаются по сетям электрической и почтовой связи.

КАТЕГОРИЯ «КОММУНИКАЦИЯ»

В российской и зарубежной юридической литературе широко используется категория «коммуникация» как наиболее общее (универсальное) понятие. Как таковое оно сопряжено российским законодательным понятием «связь», конституционно-правовым понятием «сообщения» и конвенционным понятием «корреспонденция». Как представляется, категория «коммуникация» охватывает понятие «связь» и соответственно понятие «сообщения», существующие в конституционном праве России, а также понятие «корреспонденция», закрепленное в ч. 1 ст. 8 Европейской конвенции. При этом ни категория «коммуникация», ни понятие «связь» не сводятся только к понятиям «корреспонденция» или «сообщения».

Так, наряду с корреспонденцией (сообщениями), как материализованными носителями информации, категория «коммуникация» («связь») охватывает, прежде всего, понятие «сети связи».

Под сетью связи понимается технологическая система, включающая в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи. Линии связи включают линии передачи, физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи (ст. 2 Федерального закона «О связи»). Средства связи представляют собой технические и программные средства, используемые для формирования, обработки, хранения, передачи и доставки сообщений электросвязи либо почтовых отправлений, а также иные технические средства, используемые при оказании услуг связи, или для обеспечения функционирования сетей связи (ст. 2 Федерального закона «О связи»).

Кроме того, коммуникация (связь), на наш взгляд, представляет собой и сам процесс – упорядоченную деятельность, связанную с формированием, обработкой, хранением, передачей и доставкой сообщений (отправлений), а также может рассматриваться как институт связи. В качестве института связь выступает, во-первых, в лице оператора связи (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии) или в лице организации связи (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность в области связи в качестве основного вида деятельности) – ст. 2 Федерального закона «О связи».

Во-вторых, связь, рассматриваемая как институт, включает в себя и пользователей услугами связи (абонентов), с которыми заключен договор об оказании

таких услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации.

В свою очередь, сообщения, как указывалось, могут иметь конкретно определенные формы материализации информации, а именно: письма, иные почтовые, включая документальные и денежные, отправления, а также телеграммы и телефонные переговоры. Наиболее распространенные формы личных сообщений закреплены в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ – это «переписка», «телефонные переговоры», «почтовые, телеграфные и иные сообщения».

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТАЙНА КОРРЕСПОНДЕНЦИИ»

В Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права гарантируется право на тайну указанных сообщений. Понятие «тайна» в юридической науке является недостаточно разработанным. В связи с этим следует уточнить его содержание в системе рассматриваемых категорий конституционного права.

В русском языке слово «тайна» имеет три значения. Оно обозначает, во-первых, нечто непознанное или неразгаданное в силу объективных причин; во-вторых, нечто скрываемое от других (секретные сведения, секреты) и, в-третьих, скрытую причину чего-нибудь [6]. В научной литературе под тайной понимаются не всем известные (конфиденциальные) сведения, которые то или иное лицо (субъект) – носитель сведений считает необходимым скрыть от других [15: 9]. Однако такое представление о тайне как предмете правового регулирования является, на наш взгляд, неполным.

Представляется, что тайна наряду со скрываемыми сведениями с необходимостью включает определенное поведение (решения и действия) по сокрытию этих сведений. Другими словами, тайна предполагает, во-первых, акты, связанные с внешним выражением определенной воли лица по ограничению доступа к конкретным, в том числе позитивно объективированным, сведениям, и, во-вторых, процесс (последовательные действия), связанный с осуществлением объективированной воли.

При этом следует признать, что конкретно-определенные сведения становятся тайными только тогда, когда по воле определенного лица («секретодателя») исключен доступ к скрываемым сведениям конкретного круга субъектов и соответственно обеспечено их использование в соответствии с волей «секретодателя». В ином случае речь может идти лишь об определенных желаниях (намерениях), которые могут быть связаны с тайной, однако такие намерения не порождают соответствующих отношений (отношений по поводу сохранения тайны).

Наряду с названными условиями сохранение тайны на определенные сведения предполагает ограничение (исключение) доступа к материальным носителям скрываемых сведений, поскольку сведения, как известно, чаще всего могут быть явлены в качестве именно таких носителей.

Носителями сведений являются материальные объекты, посредством которых обеспечивается их передача, использование, в том числе хранение [12: 21] (например, фонограмма записи телефонных и иных переговоров, которая хранится в опечатанном виде, – ч. 6 ст. 186 УПК РФ).

И, наконец, сохранение тайны на определенные сведения возможно при условии, когда гарантируется пользование сокрытыми сведениями только «секретодателем» или по его воле строго ограниченным кругом лиц с соблюдением условий, установленных «секретодателем». Доступ к сокрытым сведениям, их материальным носителям без согласия «секретодателя» фактически исключен.

Указанной цели служит, в частности, установление особого порядка пользования (хранения) сокрытыми сведениями. При этом отчуждение материальных носителей этих сведений производится по решению «секретодателя» или уполномоченным им лицом. Процесс отчуждения, как правило, жестко регламентирован.

Следовательно, тайна представляет собой определенное общественное явление, которое связано с решениями и действиями лица («секретодателя») по обеспечению секретности конкретных сведений. Секретность таких сведений выражается в ограничении либо исключении доступа к их носителям и, следовательно – получения соответствующей информации помимо воли «секретодателя».

По содержанию и субъектному составу отношений, возникающих в связи с сохранением секретности определенных сведений, выделяют:

1) государственную тайну;
2) коммерческую и служебную, в том числе профессиональную, банковскую, тайны;
3) тайну частной жизни, личную и семейную тайну[8].

В данной классификации тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантируемая ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, представляет собой разновидность тайны частной жизни, в том числе личной и семейной тайны.

Поэтому тайна, предусмотренная ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, представляет собой сведения частного характера, конфиденциальность которых гарантируется федеральным законом. Федеральным законом «О связи» устанавливается обязанность операторов связи обеспечить тайну связи в процессе оказания услуг электросвязи и почтовой связи.

Так, в соответствии со ст. 53 указанного закона сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются конфиденциальной информацией и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации.

К сведениям об абонентах в соответствии с п.2 ч. 1 ст. 53 Федерального закона «О связи» относятся фамилия, имя, отчество или псевдоним абонента-гражданина, наименование (фирменное наименование) абонента – юридического лица, фамилия, имя, отчество руководителя и работников этого юридического лица, а также адрес абонента или адрес установки оконечного

[8] См., например, *Котов Б.А.* Юридический справочник руководителя. Тайна. М.: ПРИОР, 1999. С. 4–8; [7: 17; 12: 187–201; 14]. В литературе в зависимости от цели исследования дается и другая классификация. При этом возможность выделения вышеприведенных классификационных групп не исключается.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

оборудования, абонентские номера и другие данные, позволяющие идентифицировать абонента или его оконечное оборудование, сведения баз данных систем расчета за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента.

Сведения об абонентах-гражданах без их согласия в письменной форме не могут быть включены в данные для информационно-справочного обслуживания и не могут использоваться для оказания справочных и иных информационных услуг оператором связи или третьими лицами. При этом предоставление третьим лицам сведений об абонентах-гражданах может осуществляться только с согласия абонентов в письменной форме, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами (п. 3 ч. 2 ст. 53 Федерального закона «О связи»).

Изложенное позволяет утверждать, что правовой режим отношений, связанных с обеспечением и защитой тайны, устанавливается в зависимости от той или иной разновидности тайны. Он предполагает прежде всего определение степени доступа к ней различных категорий субъектов права.

ЗАЩИТА ПРАВА НА ТАЙНУ «КОРРЕСПОНДЕНЦИИ»

Важной составляющей отношений, связанных с сохранением тайны, является их защита. Понятие «защита тайны (корреспонденции) связи» в юридической литературе не разработано. Вместе с тем высказаны определенные точки зрения, связанные с защитой тайны на информацию, которая затрагивает широкий круг общественных отношений [12: 201–209].

Выдвинутые теоретические положения позволяют квалифицировать защиту тайны как элемент особого режима, связанного с недопущением противоправного завладения, использования и распоряжения секретными сведениями. Режим защиты тайны составляет система организационно-правовых, технических, экономико-финансовых решений и действий, направленных на обеспечение тайны.

Решения и действия по обеспечению тайны имеют целью, прежде всего, ограничить сферы обращения скрываемых сведений и исключить несанкционированный доступ к этим сведениям [15: 59–64]. Названные акты призваны также обеспечить надлежащее владение, пользование и распоряжение носителями сокрытых сведений. Эти общие признаки свойственны защите тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и почтовой связи. Основные требования режима ее защиты определяются федеральным законодательством и состоят в следующем:

- устанавливается обязанность соблюдения тайны индивидуальных сообщений операторами связи – юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, имеющими право на предоставление услуг электрической и почтовой связи (ч. 2 ст. 63 Федерального закона «О связи», ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи»);
- определяется круг получателей информации. Сведения о передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи сообщениях, о почтовых отправлениях и почтовых переводах денежных средств, а также сами эти сообщения, почтовые отправления и переводимые денежные средства могут выдаваться только отправителям и получателям или их уполномоченным представителям, если иное не предусмотрено федеральными законами (ч. 4 ст. 63 Федерального закона «О связи»). Исключения из названного правила закрепляются в ч. 1 ст. 64 указанного федерального закона, согласно которой операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами. Кроме того, в настоящее время такие исключения закрепляются в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральном законе «О Федеральной службе безопасности», Федеральном законе «О борьбе с терроризмом», Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральном законе «О персональных данных» и некоторых других;
- в федеральных законах закрепляются основания ограничения конституционного права каждого человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляются только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами (ч. 3 ст. 63 Федерального закона «О связи»);
- определяется комплекс мер, связанных с сохранностью почтовых и иных отправлений. Норма ч. 4 ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи» вменяет организациям почтовой связи общую обязанность обеспечить конфиденциальность информации об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи;
- закрепляются меры безопасности в организациях почтовой связи. Правительством РФ устанавливается перечень предметов, запрещенных к пересылке по почте;
- устанавливается ответственность лиц, допустивших нарушение вышеназванных положений. Согласно ч. 1 ст. 65 Федерального закона «О связи» в Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Такая гарантия предполагает и ответственность лиц, нарушивших конфиденциальность сведений об абонентах и оказываемых им услугах связи (ч. 1 ст. 53 Федерального закона «О связи»).

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 68 Федерального закона «О связи» в случаях и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации, лица, нарушившие законодательство Российской Федерации в области связи, несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность.

Исходя из изложенного констатируем, что содержание понятия «тайна», связанное с защитой права на уважение корреспонденции в Российской Федерации, получило законодательное оформление. Поэтому решение вопроса оптимизации регулирования конституционного права каждого человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений может быть плодотворным при уяснении прежде всего ряда общих конституционно-правовых проблем, связанных с институализацией прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Эти проблемы могут быть предметом самостоятельного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ основных категорий и понятий, связанных с реализацией конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений показал: понятие «сообщения», используемое в российском конституционном праве, и конвенционное понятие «корреспонденция» могут употребляться как тождественные, поскольку они определяют суть материальных носителей информации. В свою очередь, данное понятие включается в категорию «коммуникация», которое наряду с понятием «корреспонденция», «сообщения» охватывает:

а) «сети связи»;
б) процесс обработки, хранения, передачи и доставки отправлений;
в) операторов связи;
г) пользователей услугами связи.

Право граждан на тайну корреспонденции (сообщений) представляет собой определенное общественное отношение, которое связано с ограничением (или исключением) доступа к сведениям личного характера, частной и семейной жизни. Конфиденциальность таких сведений призваны гарантировать органы законодательной, исполнительной и судебной властей.

ВЫВОД

Подводя итог настоящему исследованию, подчеркнем, что законодатель призван прежде всего урегулировать обязанность соблюдения тайны корреспонденции (сообщений) операторами связи, которые предоставляют услуги электрической и почтовой связи. Наряду с этим должен быть определен конкретный круг получателей корреспонденции (сообщений). При этом учитывается, что сведения о передаваемой корреспонденции (сообщениях) могут выдаваться только их отправителям и получателям или уполномоченным представителям. Исключения из названных требований устанавливаются только федеральным законом, в котором определяются основания вводимых ограничений конституционных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ: Инфра-М- Норма, 1997. 299 с.
2. *Гомьен Д.*, *Харрис Д.*, *Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Изд-во МНИМП, 1998. 600 с.
3. *Дайси А.В.* Основы государственного права Англии. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. 707 с.
4. *Килк Э.У.*, *Чефранова Е.А.* Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Прецеденты и комментарии. М., 2001. 124 с.
5. *Люшер Ф.* Конституционная защита права и свобод личности. М.: Издат. группа Прогресс-Универс, 1993. 384 с.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 908 с.
7. *Петрухин И.Л.* Личные тайны (человек и власть). М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. 232 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Российская газета. 9 января 2019. № 1.
9. *Васильева Т.А.*, *Карташкин В.А.*, *Ледях И.А.* Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма-Инфра М, 1999. 560 с.
10. Приказ Государственного комитета РФ по связи и информатизации «Об утверждении общих технических требований к системе технических средств по обеспечению функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях (службах) документальной электросвязи» от 27 марта 1999 г. № 47 // СвязьИнформ. 1999. № 7.
11. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов, Энциклопедия, 1969. 600 с.

REFERENCES

1. *Voevodin L.D.* The legal status of an individual in Russia: Textbook. Moscow: Moscow State University Publishing House; Infra-M-Norma, 1997. 299 p.
2. *Gomien D.*, *Harris D.*, *Zvaak L.* European Convention on human rights and the european social charter: Law and practice. Moscow: Publishing House of MNIMP, 1998. 600 p.
3. *Dicey A.V.* Fundamentals of public law in England. Moscow: Printing House of the Partnership I.D. Sytin, 1907. 707 p.
4. *Kilk E.U.*, *Chefranova E.A.* The right to respect for private and family life, home and correspondence. Use cases and comments. M., 2001. 124 p.
5. *Lusher F.* Constitutional protection of the law and individual freedoms. Moscow: Publishing Progress-Univers Group, 1993. 338 p.
6. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. Moscow: Az, 1994. 908 p.
7. *Petrukhin I.L.* Personal secrets (man and power). Moscow: Publishing House of IGiP RAS, 1998. 232 p.
8. Resolution of the plenum of the supreme court of the Russian Federation of December 25, 2018. No. 46 “On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Russian Criminal Code Federation. *Russian Newspaper*. January 9, 2019. No. 1.
9. *Vasilieva T.A.*, *Kartashkin V.A.*, *Ledyakh I.A.* Human rights: Textbook for universities. E.A. Lukasheva (ed.). Moscow: Norma-Infra M, 1999. 560 p.
10. Order of the State Committee of the Russian Federation for Communications and Informatization “On approval of general technical requirements for a system of technical means to ensure the functions of operational-search measures on documentary telecommunication networks (services)”. March 27, 1999. No. 47. SvyazInform. 1999. No. 7.

12. *Снитков А.А.*, *Туманова Л.В.* Обеспечение и защита права на информацию М., 2001. С. 21.
13. Современный словарь иностранных слов. М., 1994. С. 313.
14. *Фатьянов А.А.* Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Государство и право. 1998. № 6. С. 35.
15. *Шиверский А.А.* Защита информации: проблемы теории и практики. Москва: Юристъ, 1996. 112 с.

11. Dictionary of synonyms of the Russian language. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. 600 p.
12. *Snitkov A.A.*, *Tumanova L.V.* Ensuring and protecting the right to information Moscow, 2001. P. 21.
13. The modern dictionary of foreign words. Moscow, 1994. P. 313.
14. *Fatyanov A.A.* Secret as a social and legal phenomenon. Its types. *State and Law*. 1998. No. 6. P. 35.
15. *Shiversky A.A.* Information security: Problems of theory and practice. Moscow: Lawyer, 1996. 112 p.

Статья поступила в редакцию 17.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 17.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочев Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры конституционного и финансового права Пермского государственного университета. Пермь, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-4009-3585. ResearcherID: A-9121-2017. E-mail: kochevvladimir@mail.ru

Ромашов Павел Андреевич, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного и финансового права Пермского государственного университета. Пермь, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-8617-6282. E-mail: romashov059@gmail.com

Бурылов Андрей Васильевич, кандидат юридических наук; юрист МР «Урал», ООО Т2 Мобайл (Теле2). Пермь, Российская Федерация. E-mail: 2778815@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Kochev, Dr. Sci. (Law), Professor; professor of the Department of Constitutional and Financial Law of the Perm State University. Perm, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4009-3585. ResearcherID: A-9121-2017. E-mail: kochevvladimir@mail.ru

Pavel A. Romashov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; associate professor of the Department of Constitutional and Financial Law of the Perm State University. Perm, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8617-6282. E-mail: romashov059@gmail.com

Andrey V. Burylov, Cand. Sci. (Law); lawyer of OOO T2 mobile (Tele2). Perm, Russian Federation. E-mail: 2778815@mail.ru

12.00.10 Международное право; Европейское право

International law; European Law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-78-84

Совершенствование визового режима в контексте развития международного сотрудничества

И.В. Логвинова ©

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: Logvinova_inna@mail.ru

Аннотация. В современных условиях развития международных отношений визовый режим является одним из правовых механизмов, который оказывает воздействие на международные связи. Тенденция на упрощение визового режима на сегодня является ведущей, однако, вопросы безопасности и обеспечения государственного суверенитета требуют эффективного и осторожного использования визового механизма. Визовый режим как вид административно-правового режима исследуется отдельными учеными. Однако современных научных работ, которые бы рассматривали проблему в контексте развития международного сотрудничества, явно недостаточно. Цель исследования состоит в определении необходимости и способов совершенствования визового режима в контексте развития международного сотрудничества, но с соблюдением национальных интересов в сфере безопасности. Автор изучает проблему на основе формально-юридического, компаративного и аналитического подходов. Российская Федерация в своей практике учитывает зарубежный опыт, но действует из интересов национальной безопасности, современной геополитической ситуации, новых глобальных вызовов и приоритетов внешнеполитической деятельности на постсоветском пространстве. Визовый режим имеет публично-правовую природу и представляет собой императивное регулирование. Вместе с тем, свобода передвижения представляет собой одно из фундаментальных прав. Его гарантирование создает условия для развития международного сотрудничества, облегчения гуманитарных контактов, развития туризма, деловых связей. Ограничения права на свободу передвижения могут вводиться на основе законодательства только в конституционно значимых целях (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). В результате исследования сделаны выводы о правовой природе визового режима, как разновидности административно-правового; о тенденциях развития визовых отношений; необходимости совершенствования законодательства в данной области. В частности, определена не только тенденция на упрощение визовых отношений, но и обратная ей практика ужесточения визовых формальностей в отношении определенных лиц, в силу определенных обстоятельств и т.д. Выявлены факторы, влияющие на изменение и ужесточение визовых отношений между странами.

Ключевые слова: международные связи, международные отношения, правовой режим, административный режим, виза

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Логвинова И.В. Совершенствование визового режима в контексте развития международного сотрудничества // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 78–84. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-78-84

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-78-84

Improvement of the visa regime in the context of the development of the international cooperation

I.V. Logvinova ©

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

E-mail: Logvinova_inna@mail.ru

Abstract. In the current context of the development of the international relations visa regime is one of the legal mechanisms which impacts international links. Nowadays the trend towards the simplification of the visa regime is leading, however, the issues related to security and guarantee of the sovereignty require effective and careful use of the visa mechanism. The visa regime as a form of the administrative and law regime is studied by independent scientists. However; there are apparently not enough studies, which would consider the issue in the context of the development of the international cooperation. The goal of the research is to determine the necessity and ways of improving the visa regime in the context of the development of the international cooperation in compliance with national interests in the area of security. The author studies the issue on the basis of the formal legal, comparative and analytical approach. The Russian Federation in its practice takes into account foreign experience but prioritizes national security interest, the current geopolitical situation, new global challenges and goals of the foreign-policy activities in the post-Soviet space. The visa regime has public law nature and represents mandatory regulation. At the same time, the freedom of movement is one of the fundamental rights. Its guarantee provides conditions for the development of the international cooperation, facilitation of the humanitarian relations, development of the tourism, business relations. Restrictions on the right to the freedom of movement can be introduced on the basis of legislation only in accordance with the constitutional significant aims (p. 3 art. 55 of the Constitution of the Russian Federation). As a result of the research, conclusions are drawn regarding the nature of the visa regime as a form of the administrative and law regime, the trends in the development of the visa relations, the necessity to improve the legislation in this area. In particular, it is determined not only the trend towards the facilitation of the visa relations but also an opposite practice of tightening of the visa formalities regarding certain individuals and specific circumstances. Factors which impact the change and tightening of the visa relations between countries are determined.

Key words: international links, international relations, legal regime, administrative regime, visa

FOR CITATION: Logvinova I.V. Improvement of the visa regime in the context of the development of the international cooperation. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 78–84. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-78-84

ВВЕДЕНИЕ

Проблема визового режима исследуется в юридической науке достаточно давно, но в современных условиях, когда возрастают глобальные угрозы с одной стороны, а с другой стороны продолжается тенденция на рост туристических потоков, деловых контактов, взаимодействия в сфере образования и иных областях, актуальность дальнейших исследований по этой теме не может вызывать сомнений [Демина, 2017: 81]. Поиск оптимального баланса между конституционными ценностями общественной и государственной безопасности и свободы передвижения – не только практическая, но и важная доктринальная задача.

В юридической науке под правовым режимом понимается система норм права, которая регулирует деятельность, отношения между людьми, с целью создания необходимых условий для удовлетворения интересов субъектов прав и поддержания определенного правопорядка. С.С. Алексеев под правовым режимом понимал порядок регулирования, выраженный в многообразном комплексе правовых средств, характеризующихся особым сочетанием взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования [Алексеев, 1999: 364].

По отраслевому признаку правовые режимы делятся на: административно-правовой, налоговый, гражданско-правовой и т.д. В науке сложились и иные подходы к их классификации [Хохлова, 2017: 139]. Административно-правовой режим представляет собой совокупность норм административного права, направленных на обеспечение общественного порядка, определение порядка реализации гражданами их прав в сфере публичного управления. Этот режим в совокупности образуют принципы административно-правового регулирования, методы и способы административно-правового воздействия, нормы, определяющие правовое положение участников административно-правовых отношений [Бахрах, Россинский, 2007: 426].

Принципиальная особенность административно-правового регулирования состоит в том, что оно имеет собственный предмет – особую группу общественных отношений, которые возникают, развиваются и прекращаются в сфере государственного управления, т. е. в деятельности публичной администрации [Ноздрачев, 2017: 100].

Рассматриваемый режим – всегда императивный, т.е. предусматриваемые им правила носят обязательный характер и не могут быть изменены по усмотрению или соглашению участников правоотношений.

Административно-правовой режим закреплен в комплексе нормативных правовых актов. В настоящей статье рассматривается визовый режим, который представляет собой механизм публично-правового регулирования.

ВИЗОВЫЙ РЕЖИМ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Визовый режим – разновидность административно-правового режима. Это административно-правовой институт, представляющий совокупность правовых норм как международного, так и внутринационального права, регулирующих порядок выдачи, отказа в выдачи визы как основания для въезда и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию государства и возвращения в государство их гражданства. Визовый режим представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения между органами публичной власти и гражданином иностранного государства. Визовый режим вводится государством в одностороннем порядке на основе законодательства страны, а также международных договоров на двусторонней или многосторонней основе.

С институтом визового режима также связаны нормы права, регулирующие порядок выдачи заграничных паспортов гражданам. В связи с чем, в юридической науке оперируют понятием паспортно-визовый режим, что представляет собой сложный административно-правовой институт, в который входят паспортный и визовый режимы.

Визовый режим как совокупность правовых норм подвержен изменениям. В современной науке авторы отмечают, что правовые режимы – это динамичные явления, хотя с научной позиции их зачастую рассматривают в статичном состоянии, что не соответствует практике [Беляева, 2013: 10]. Об изменчивости, развитии правовых режимов в позитивном ключе писали и другие авторы [Малько, Барзилова, 2012]. Введение безвизового или упрощенного визового режима подтверждает тот факт, что данный административный режим может быть гибким.

Визовый режим, действующий между странами, обычно выстраивается на принципе взаимности, что достигается в ходе переговорного процесса, подписания соглашений, регулирующих визовые отношения. Однако есть и иные примеры. Например, граждане США могут без визы посещать Украину, при условии, что их пребывание не превышает 90 дней. В тоже время для граждан Украины действует визовый режим въезда в США. Турция в 2007 г. в одностороннем порядке отменила визовый режим для граждан Азербайджана. А вот на взаимной основе визовый режим между Азербайджаном и Турцией отменен с 1 сентября 2019 г. В Республике Беларусь в 2017 г. Указом Президента введен безвизовый режим для граждан 39 стран Европы, в том числе стран Евросоюза, а также США. Причем, эти страны не сделали ответных шагов.

Право на свободу передвижения относится к личным правам, гарантированным на международном уровне и оно получило закрепление во внутригосударственном праве различных стран. В международных актах и документах право на свободу передвижения рассматривается как одно из основных прав человека (ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.) [Логвинова, 2016: 69]. В Российской Федерации нормы визового режима образуют статьи Конституции Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов (МВД РФ, МИД России), а также международные договоры, заключенные Российской Федерацией.

Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» вводит законодательное определение визы (ст. 25.1). Правительство Российской Федерации регулирует все вопросы, связанные с формой визы, а также процедурами ее оформления и выдачи. На основе постановления Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении положения об установлении формы визы, порядка ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае ее утраты, а также порядка аннулирования визы» в 2019 г. приказом МВД разработан и введен в действие Административный регламент.

Для получения визы государства самостоятельно устанавливают перечень соответствующих документов, которые иностранный гражданин должен представить в посольство (консульство). За выдачу или восстановление визы как правило взимается консульский сбор, который может отменяться властями по их усмотрению для привлечения туристов или для других лиц (бизнесменов, деятелей культуры и иных). Государство вправе устанавливать требования к получению визы, может отменить действие уже выданной визы, отказать в выдаче визы даже без объяснения причин. На практике это часто связано с обеспечением вопросов государственной и общественной безопасности.

Существует две возможности въезда на территорию иностранного государства: въезд при наличии визы, или же в порядке безвизового въезда. Например, для российских граждан необходимо получить визу в страны Евросоюза, США, Канады и в десятки других государств. Поскольку международное право строится на принципе взаимности, то и для въезда на территорию Российской Федерации гражданам всех этих государств также нужна виза. Вместе с тем более 100 государств имеют с Российской Федерацией соглашения о безвизовом режиме.

Визовый режим при соблюдении общих принципов на основе законодательного регулирования в отдельной стране может иметь отличия по отношению

к гражданам разных государств. Например, власти Эквадора в 2019 г. решили ввести визовый режим с Венесуэлой из-за большого числа мигрантов из этой страны. Аналогичное решение в отношении граждан Венесуэлы приняли и в Перу.

В связи с санкциями, которые введены против Российской Федерации и вынужденными ответными мерами нашей страны, следует иметь ввиду, что законодательно запрещен въезд на территорию РФ ряду лиц как ответная мера на недружественные шаги в отношении граждан РФ, предпринятые отдельными странами (США, Канада, Украина, страны ЕС и некоторые иные). Так, Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» к мерам воздействия на указанных лиц относит запрет на въезд в Российскую Федерацию граждан Соединенных Штатов Америки. Это касается только тех граждан США, которые совершили определенные противоправные действия против граждан Российской Федерации. Такие меры запрета были применены в отдельных случаях.

Визовый режим как административно-правовой институт в Российской Федерации получил правовое оформление и развивается с одной стороны по пути установления упрощенных процедур или безвизового режима для граждан отдельных стран; с другой стороны, вводятся ограничения как меры воздействия на отдельных лиц, в отношении групп лиц или граждан отдельных государств в связи со сложной геополитической обстановкой или в силу иных факторов, среди которых в настоящее время на первом месте неблагоприятная эпидемиологическая обстановка.

ВИЗОВЫЙ РЕЖИМ ЕС

Основы современного визового режима в Европейском Союзе стали активно формироваться с 1985 г., когда ряд государств подписали Шенгенские соглашения (Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург). С 1990 г. между этими государствами был отменен паспортный контроль при взаимных поездках. Визовая политика государств стала носить унифицированный характер.

Шенгенское право имеет в своей основе обширный комплекс юридических норм [Иглин, 2016: 36]. Маастрихтский договор, подписанный 7 февраля 1992 г., учредил основы Европейского Союза. Договор ввел институт гражданства Европейского Союза, а среди прав и свобод гарантировал право граждан Европейского союза на свободное передвижение и постоянное проживание на территории государств-членов[1]. Амстердамским договор 1997 г. установил так называемое «Пространство свободы, безопасности и правосудия». Амстердамский договор инкорпорировал в себя Шенгенское законодательство[2]. Таким образом, шенгенское право стало составной частью правовой системы ЕС. Основы визового режима в странах ЕС в настоящее время формируют Визовый кодекс Европейского союза[3]. Одной из основополагающих идей Союза всегда была свобода передвижения граждан через внутренние границы без какой либо регистрации передвижений и отсутствия паспортного контроля, а также единый визовый режим на внешних границах, в отношении граждан государств, которые не входят в шенгенское пространство.

Шенгенское право регулирует порядок въезда и перемещения в странах-участниках Соглашения. В связи с этим, для стран-участниц унифицированы условия получения визы, установлены права и обязанности лица, которому такая виза выдана.

Визовый кодекс регулирует все вопросы, связанные с визами, их видами, процедурами и регламентами, сферой действия (не распространяется на Великобританию и Ирландию, но применяется в Исландии, Норвегии и Швейцарии)[4]. Визовый кодекс 2009 г. обладает прямым действием, следовательно нет необходимости в его инкорпорации в национальное законодательство [Логвинова, 2018: 208].

Политика Европейского Союза направлена на упрощение визовых процедур со странами, с которыми ЕС выстраивает активное сотрудничество. Однако осложнение двусторонних отношений приводит к обратным процессам. Так, страны ЕС практически заморозили переговоры по упрощению визового режима с Россией. Европейский совет принял решение в марте 2015 г. о временном и одностороннем приостановлении безвизового диалога, а также переговоров об усовершенствовании Соглашения об упрощении выдачи виз.

В странах Шенгена практика выдачи виз россиянам, несмотря на единое правовое регулирование, имеет отличия. Так, Испания, Греция, Италия выдают многократные визы туристам из России даже при первом посещении стран Шенгенского Соглашения. Генеральное консульство Испании в Москве в 2019 г. сократило время обработки визовых документов с пяти до четырех дней. В 2019 г. ускорился процесс рассмотрения документов на визу россиянам в посольстве Португалии. Большое число граждан РФ получают при обращении в посольство этой страны годичную визу. В этом же году подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватии о внесении изменений в Соглашение 2010 г. о взаимных поездках граждан, в соответствии с которым сохраняется визовая практика, существенно отличающаяся от большинства стран ЕС[5].

Визовая политика Болгарии в отношении граждан РФ также имеет особенности в целях увеличения

[1] Treaty on European Union, signed at Maastricht on February 7 1992. *Official Journal of the European Communities*. 1992. Vol. 35. Pp. 1–115.

[2] Treaty of Amsterdam, signed on October 2 1997. *Official Journal of the European Communities*. 1997. Pp. 1–308.

[3] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 810/2009 от 13 июля 2009 г., устанавливающий Кодекс Сообщества о визах (Визовый кодекс) // Official Journal of the European Communities. 2009. № L 243. Ст. 1.

[4] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 810/2009 от 13 июля 2009 г., устанавливающий Кодекс Сообщества о визах (Визовый кодекс) // Official Journal of the European Communities. 2009. № L 243. Ст. 1.

[5] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватии о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватии о взаимных поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Хорватии (Москва, 17 июня 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

притока россиян в страну. Например, массовой является выдача виз без каких-либо консульских сборов для участия в совместных культурных мероприятиях или для желающих посетить Болгарию в учебных целях. Бесплатно виза выдается всем детям до шести лет, а также подросткам до шестнадцати лет, которые едут в спортивные и оздоровительные лагеря. Власти Болгарии также предлагают оформление срочных виз за 24 часа, разрешают въезд в страну по шенгенским мультивизам и серьезно работают над внедрением системы оформления электронных виз для россиян.

Однако есть и иные тенденции. С 1 сентября 2019 г. новые правила оформления финской визы потребовали от граждан РФ представлять больший перечень документов, чем ранее. Граждане РФ предъявляют гостиничный ваучер и проездные билеты. При их отсутствии следует описывать в письменном виде предполагаемый маршрут. Необходимо также доказывать свою платежеспособность. Такие нововведения обусловлены универсализацией требований в части процедуры получения визы в государствах – членах шенгенского пространства. Однако Финляндия по-прежнему сохранила практику выдачи долгосрочных виз россиянам, что несколько смягчает последствия расширения пакета требуемых документов.

УПРОЩЕННЫЙ ВИЗОВЫЙ РЕЖИМ И БЕЗВИЗОВЫЙ РЕЖИМ

Упрощенный визовый режим предполагает отступление от установленных формальных требований выдачи визы, упрощение процедуры получение визы. Упрощенный режим может вводиться в одностороннем порядке, но чаще практикуется на условиях взаимности.

В рамках универсальной тенденции на упрощение визовых формальностей, которая охватывает все большее количество государств, в Российской Федерации началось использование инструмента электронной визы. Особенности оформления электронных виз и въезда на их основании устанавливаются Правительством Российской Федерации. В настоящее время с электронной визой можно приехать в Сахалинскую область, Приморский и Камчатский края, Санкт-Петербург и Ленинградскую область.

Так, электронные визы введены и в Дальневосточном федеральном округе с августа 2017 г. Упрощенным визовым режимом к середине 2019 г. на Дальнем Востоке воспользовались более 15 000 иностранных гражданина из 14 стран. Самыми активными стали граждане Китая и Японии. Почти все иностранцы приехали в Приморский край. На Камчатку и Сахалин с помощью этого механизма стало возможно въезжать с начала 2019 г.

Упрощенный визовый режим, который действует для въезда в Калининградскую область, распространяется на граждан 53 государств. Правовым основанием для введения электронных виз на территории Калининградской области стал федеральный закон от 05.12.2017 № 393-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области». С 1 октября 2019 г. режим электронной визы применяется на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. По поручению Президента Российской Федерации предполагается к 2021 г. электронные визы ввести на всей территории страны.

Безвизовый режим – это разновидность административно-правового режима, когда для въезда в страну не требуется виза. Безвизовый режим может быть установлен государством в одностороннем порядке или на основе взаимных соглашений об отмене виз.

По данным Министерства иностранных дел РФ 119 стран имеют с Российской Федерацией безвизовый режим для туристов, для жителей отдельных приграничных территорий и некоторых иных категорий лиц. Особенно количество этих стран увеличилось в последние десять лет. Россия в глобальном рейтинге занимает 47-е место. Первую позицию в рейтинге удерживает Япония с безвизовым доступом в 191 страну мира. В первой десятке стран также находятся страны ЕС, Великобритания, Сингапур, США, Австралия, Канада. На нижних строчках рейтинга расположились Афганистан, Ирак и Сирия [Гайва, 2020].

Граждане РФ могут въезжать без визы в Таиланд, Малайзию, Вьетнам, Монголию, Индонезию, Черногорию, Сербию, Египет, Марокко, Тунис, Танзанию, Кению, ЮАР, Турцию, Израиль, Ливан, Катар, ОАЭ, во многие страны Латинской Америки, в том числе в Аргентину, Чили, Бразилию, Колумбию, Уругвай, Парагвай, Венесуэлу, страны СНГ и иные страны.

При этом нужно понимать, что соглашения об установлении безвизового режима охватывают определенные цели (например, туризм, образование или лечение), распространяются на определенный срок (чаще всего 30 или 90 ней) или на определенные категории въезжающих лиц (дипломаты, туристы, бизнесмены и т.д.). Здесь нет унификации, в рамках двусторонних отношений страны определяют свои визовые отношения.

Безвизовый режим не означает, что нет никаких формальных препятствий для пересечения государственной границы иностранного государства. В практике различных государств применяются меры, создающие препятствия для нелегальной миграции и определенные гарантии того, что безвизовый режим не приведет к ее увеличению:

1) срок действия паспорта на момент поездки (запрещен въезд тем, у кого срок действия паспорта истекает в течение ближайших шести месяцев в Израиле, ОАЭ, Барбадосе, а в некоторых странах этот срок еще меньше и составляет три месяца);
2) наличие обратного билета (бронь, а в некоторых странах выкупленный билет);
3) может требоваться письменное приглашение;
4) встречается практика подтверждения платежеспособности;
5) для въезда в некоторые страны даже в рамках безвизового режима (например, в Израиле) нужен страховой полис и др.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВИЗОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

На визовый режим влияют двусторонние отношения между странами. Если сотрудничество между государствами развивается, то, как правило, наблюдается ослабление визового режима, и наоборот, конфликты приводят к ужесточению визовых требований. В усло-

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

виях санкционного давления на Россию, ряд важных инициатив в визовом диалоге между РФ и некоторыми странами пока остаются замороженными. Несмотря на приостановление Визового диалога между Российской Федерацией и Европейским Союзом, поток россиян в страны ЕС растет. В свое время Визовый диалог сыграл большую роль во введении новых национальных требований к заграничным паспортам в отношении биометрических данных граждан Российской Федерации. В настоящее время переговоры МИДа РФ с отдельными странами ЕС направлены на ускорение процедуры получения гражданами Российской Федерации виз, а также снижение консульских сборов.

На сегодняшний день в отношении граждан РФ визовые процедуры усложнили США, Канада, страны ЕС и некоторые другие государства. Эти зарубежные страны ввели практику отказа в выдаче виз гражданам Российской Федерации, проживающим в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь. Консульства и визовые центры зарубежных государств не выдают визы крымчанам по российским загранпаспортам. Позиция наших зарубежных партнеров такова: все визовые операции жители Крыма могут совершать только на Украине и по украинским документам. В ближайшее время, несмотря на усилия МИДа России, ждать изменений не приходится.

В направлении стран Азии ситуация совершенно иная. По данным МИДа России ведутся переговоры с рядом стран по запросам отдельных туристических организаций с целью упрощения визового режима для путешествующих с туристической целью россиян. В связи с увеличением турпотока Тайвань в порядке эксперимента ввел безвизовый режим для граждан Российской Федерации, Таиланда, Брунея и Филиппин. Власти Тайваня установили, что безвизовый режим будет действовать до 31 июля 2020 г. Предполагалось, что если опыт окажется удачным, то безвизовый режим сохранят. Однако теперь эти решения видимо будут корректироваться с учетом последствий пандемии коронавирусной инфекции.

В 2019 г., как и ранее, МИД России на переговорах с Японией вновь обозначил вопрос о переходе к безвизовому режиму. Начать предлагается с туристических и деловых поездок. Возможно в первую очередь, если такое решение состоится между странами, режим свободного передвижения введут между жителями Сахалинской области и префектуры Хоккайдо.

7 августа 2019 г. вступил в силу Указ Президента РФ «Об отмене некоторых специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики», в соответствии с которым частично возобновлено действие Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об условиях взаимных поездок граждан от 12 мая 2010 г. Из-под ограничений были выведены граждане Турции как со служебными, так и со специальными паспортами, причем независимо от целей их поездки в Россию. Тем временем в Турции вывели из-под визовых ограничений российских граждан, осуществляющих поездки в Республику и имеющих на руках действительные служебные паспорта. По мере потепления отношений между государствами, возможность для восстановления Соглашения в полном объеме, сохраняется.

С 1 февраля 2017 г. вступило в силу решение Кабинета министров ОАЭ о предоставлении гражданам Российской Федерации визы по прибытии на бесплатной основе сроком на 30 дней с возможностью однократного платного продления на аналогичный срок.

«Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года» предусматривает задачу стимулирования въездного туризма и упрощения визового режима. Им предложена реализация мер по совершенствованию регулирования и упрощению административных процедур в сфере сотрудничества между странами ЕАЭС, включая упрощение визового режима.

Однако в 2020 г. на регулирование визовых отношений оказал воздействие мощный внешний фактор пандемии коронавирусной инфекции. Государства вынуждены вводить временные меры, ограничивающие или запрещающие въезд на территорию их стран и прекращают выдачу виз.

Диппредставительства и консульства России временно приостановили прием документов и оформление виз всем иностранцам, за исключением ряда категорий в связи с распространением коронавирусной инфекции. В Российской Федерации во исполнение распоряжения Правительства РФ от 16 марта 2020 г. № 635-р «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления выдачи виз и приглашений», а также протокола заседания рабочей группы Государственного совета Российской Федерации по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) при обращении иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию на основании виз, им продлевается срок действия имеющихся виз до 90 дней, независимо от цели въезда в Российскую Федерацию, а в случае истечения срока их действия, принимаются решения о продлении срока временного пребывания таких иностранных граждан до 90 дней по мотивированному заявлению. Это же касается и граждан, которые прибыли в нашу страну в порядке безвизового режима.

В зарубежных странах сложилась схожая практика. Так, россиянам, которые находятся в странах Шенгенского Соглашения, продляют краткосрочные визы, их не штрафуют и не департируют. Временное ограничение въезда в ЕС, установленное 16 марта 2020 г. пока действует. Его продление будет зависеть от развития ситуации с пандемией. Кроме того, если вынужденное пребывание на территории ЕС превышает 90 дней, то туристам с краткосрочной визой и тем, у кого есть право на безвизовый въезд, будут выдавать долгосрочные национальные визы или разрешения на временное проживание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визовый режим относится к виду административно-правового режима и имеет публично-правовую природу, следовательно, государство использует императивный метод регулирования. Современные тенденции развития визовых отношений между странами с одной стороны, под влиянием глобализации выражаются в отмене или упрощении визового режима в рамках двусторонних отношений; с другой стороны,

вопросы безопасности требуют в некоторых случаях ужесточения правил въезда в государства. Так, в условиях пандемии принимаются меры ограничения и даже запрета на въезд. Сохраняют свое значение как факторы влияния на визовую политику стран: противодействие терроризму, контроль над миграционными потоками, межгосударственные локальные конфликты.

Можно выделить два специальных вида визовых режима, действующих в целях реализации международных соглашений об упрощении визовых процедур:

1) упрощенный режим, предполагающий выполнение разрешительных процедур непосредственно при въезде в государство пребывания, либо предусматривающий минимум визовых процедур;
2) безвизовый режим, в соответствии с которым для пересечения границ достаточно, как правило, документов, удостоверяющих личность без соблюдения формальных процедур получения визы.

«Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года» ставит задачу упрощения визового режима. Имеет смысл упрощать процедуру выдачи виз или вводить многократные визы для определенных категорий, например, научных работников, приглашенных в РФ из других стран, преподавателей высших учебных заведений, предпринимателей. В первую очередь, это необходимо делать в отношении тех стран, которые в силу различных причин пока не готовы рассматривать безвизовый режим с РФ, но могут пойти на упрощение визовых формальностей по отдельным аспектам визового диалога, в отношении отдельных категорий лиц либо наиболее перспективных видов контактов (образование, наука, культура, спорт, бизнес). Требует совершенствования современное законодательство на предмет включения в него норм, позволяющих эффективно решать вопросы безопасности в условиях угроз, подобных распространению коронавирусной инфекции. В частности необходимо разработать нормы, позволяющие решать вопросы легального пребывания в стране иностранных граждан в условиях форс-мажорных обстоятельств и определить, какие именно обстоятельства к таковым относятся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1999. 390 с.
2. *Беляева Г.С.* Правовой режим: общетеоретическое явление: автореф. дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2013. 44 с.
3. *Бахрах Д.Н.*, *Россинский Б.В.*, *Старилов Ю.Н.* Административное право. М., 2007. 816 с.
4. *Гайва Е.* Прогноз: как будут вводить безвизовые режимы после пандемии коронавируса // Российская газета. 7 апреля 2020. URL: https://rg.ru/2020/04/07/prognoz-kak-budut-vvodit-bezvizovye-rezhimy-posle-pandemii-koronavirusa.html (дата обращения: 13.04.2020).
5. *Демина М.А.* Категория «Правовой режим»: теоретические подходы к понятию // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 3. С. 77–81.
6. *Иглин А.В.* Шенгенское право: генезис и развитие // Международное публичное и частное право. 2016. № 4. С. 36–37.
7. *Логвинова И.В.* К 50-летию Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2016. № 20. С. 59–63.
8. *Логвинова И.В.* Проблемы реализации международных обязательств Российской Федерации в контексте государственной управленческой деятельности // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 204–210.
9. *Ноздрачев А.Ф.* Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 100.
10. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты: монография / под ред. И.С. Барзилова, А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. 416 с.
11. *Хохлова Е.М.* Правовой режим как общетеоретическая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 139–141.

REFERENCES

1. A*lekseev S.S.* Theory of law. Moscow, 1999. 390 p.
2. *Bahrah D.N.*, *Rossinskij B.V.*, *Starilov Ju.N.* Administrative law. Moscow, 2007. 816 p.
3. *Beljaeva G.S.* Legal regime: a General theoretical phenomenon. Kursk, 2013. 44 p.
4. *Gajva E.* Prognoz: Kak budut vvodit' bezvizovye rezhimy posle pandemii koronavirusa. *Russian Newspaper*. April 7, 2020. URL: https://rg.ru/2020/04/07/prognoz-kak-budut-vvodit-bezvizovye-rezhimy-posle-pandemii-koronavirusa.html
5. *Demina M.A.* Legal regime category "Pravovoj rezhim": theoretical approaches to the concept. *Problems of Economics and Legal Practice*. 2017. No. 3. Pp. 77–81. (In Russ.)
6. *Iglin A.V.* The Schengen law: The genesis and development. *Public and Private International Law*. 2016. No. 4. Pp. 36–37. (In Russ.)
7. *Logvinova I.V.* To the 50th anniversary of International Covenant on civil and political rights and international covenant on economic, social and cultural rights (historical and legal aspect). *History of State and Law*. 2016. No. 20. Pp. 59–63. (In Russ.)
8. *Logvinova I.V.* Problems of implementation of international obligations in the Russian Federation in the context of public administration. *Sociopolitical Sciences*. 2018. No. 2. Pp. 204–210. (In Russ.)
9. *Nozdrachev A.F.* The modern content of the concept of "administrative-legal regime". *Journal of Russian Law*. 2017. No. 2. Pp. 100. (In Russ.)
10. Legal regimes: general theoretical and sectoral aspects: Textbook. I.S. Barzilova, A.V. Mal'ko. Moscow, 2012. 416 p.
11. *Khokhlova E.M.* Legal regime as a general theoretical category. *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 6. Pp. 139–141. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 07.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Логвинова Инна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры культуры мира и демократии Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Российская Федерация. РИНЦ Author ID369558. E-mail: Logvinova_inna@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Inna V. Logvinova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; associate professor Chair of Culture of Peace and Democracy, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation. RSCI Author ID369558. E-mail: Logvinova_inna@mail.ru

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Forensics; Forensic expertise; Operational and search activities

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-85-90

УДК: 343.985.5

Предмет прокурорского надзора при направлении в Интерпол запроса о международном розыске

М.Ю. Тарасов ©

Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: tarasov0123@gmail.com

Аннотация. В практике объявления международного розыска возникла неопределенность с предметом прокурорского надзора в части определения сроков, в которые Национальное центральное бюро Интерпола МВД России должно направлять запросы о международном розыске в компетентные органы иностранных государств – членов Интерпола и в Генеральный секретариат Интерпола. В статье на основе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих порядок международного розыска, и существующей практики определяется правовая природа отношений в сфере подготовки и реализации документального оформления международного розыска и формулируются аргументированные предложения по устранению отмеченной проблемы. Срок направления Национальным центральным бюро Интерпола МВД России запроса о международном розыске обвиняемого в компетентные органы иностранных государств после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований для объявления международного розыска относится к важной сфере публично-правовых отношений. Отсутствие нормативно-установленного срока направления Национальным центральным бюро Интерпола МВД России запроса о международном розыске обвиняемого в компетентные органы иностранных государств после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований для объявления международного розыска снижает правовые возможности для ведомственного контроля в этой сфере деятельности и лишает органы прокуратуры предмета надзора в этой части. Отношения в сфере подготовки и реализации документального оформления международного розыска являются комплексными по своей правовой природе и входят в сферу уголовно-процессуального, оперативно-розыскного, прокурорско-надзорного нормативно-правового регулирования. Комплексной правовой природе нормы о сроке направления запроса о международном розыске обвиняемого в наибольшей мере соответствует межведомственный нормативно-правовой акт «Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола». На этом основании предлагается установить в ст. 138 Инструкции для Интерпола соответствующую норму о сроке направления запроса о розыске.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предмет прокурорского надзора, международный розыск, запрос о международном розыске, Интерпол

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тарасов М.Ю. Предмет прокурорского надзора при направлении в Интерпол запроса о международном розыске // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 85–90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-85-90

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-85-90

Subject of prosecutor's supervision during direction of international request to Interpol

M.Yu. Tarasov ©

Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service",
Moscow, Russian Federation

E-mail: tarasov0123@gmail.com

Abstract. In the practice of declaring an international wanted list, uncertainty arose with the subject of prosecutorial oversight regarding the timing by which the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia should send requests for international search to the competent authorities of the foreign member states of Interpol and to the General Secretariat of Interpol. Based on the analysis of the regulatory legal acts regulating the international search procedure and the existing practice, the article determines the legal nature of relations in the field of preparation and implementation of the international search documentation and makes reasoned suggestions to address this problem. The deadline for sending the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia a request for an international search of the accused to the competent authorities of foreign states after receiving the opinion of the Prosecutor General of the Russian Federation on the existence of grounds for declaring an international search is an important area of public law relations. The absence of a statutory deadline for the National Central Bureau of Interpol to send a request for an international search of the accused to the competent authorities of foreign states after receiving the opinion of the Prosecutor General of the Russian Federation on the existence of grounds for declaring an international search reduces the legal capacity for departmental control in this area of activity and deprives the prosecution authorities subject of supervision in this part. Relations in the field of preparation and implementation of documentation of the international search are complex in their legal nature and are included in the scope of criminal procedure, operational search, prosecutorial and regulatory regulation. The complex legal nature of the rule on the deadline for sending a request for the international search of the accused is most consistent with the interdepartmental normative legal act "Instruction on the organization of information support for cooperation through Interpol". On this basis, it is proposed to establish in Art. 138 Instructions for Interpol relevant to the deadline for sending a search request.

Keywords: prosecutorial supervision, subject of prosecutorial supervision, international search, request for international search, Interpol

FOR CITATION: Tarasov M.Yu. Subject of prosecutor's supervision during direction of international request to Interpol. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 85–90. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-85-90

ВВЕДЕНИЕ

В практике объявления международного розыска возникли некоторые неясности с тем, в какие сроки Национальное центральное бюро Интерпола МВД России (НЦБ Интерпола МВД России) должно направлять запросы о международном розыске в компетентные органы иностранных государств – членов Интерпола и в Генеральный секретариат Интерпола. В этой связи возникла неопределенность с предметом прокурорского надзора.

НАПРАВЛЕНИЕ ЗАПРОСА В СИСТЕМЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК

В России действия по организации международного розыска регламентированы преимущественно Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» (далее – Инструкция по линии Интерпола, Инструкция) [2].

Решение об объявлении лица в международный розыск принимается органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которому поступило на исполнение постановление о розыске обвиняемого либо постановление о приостановлении производства по уголовному делу, содержащее поручение о розыске, предусмотренные ч. 1 ст. 210, ч. 2 ст. 238, ч. 3 ст. 253 УПК РФ. Это решение оформляется постановлением об объявлении лица в международный розыск, которое выносится сотрудником розыскного подразделения. Инициатор розыска направляет в НЦБ Интерпола МВД России запрос, постановление об объявлении в международный розыск и другие предусмотренные Инструкцией материалы (п. 131 Инструкции).

В случае соответствия запроса об объявлении лица в международный розыск установленным требованиям НЦБ Интерпола направляет в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос о намерении запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого,

осужденного, в случае установления его местонахождения на территории иностранного государства. Получение заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, осужденного в случае установления его местонахождения на территории иностранного государства является в соответствии с п. 137–138 Инструкции по линии Интерпола обязательным условием объявления международного розыска [6: 28; 8: 217; 15: 87].

После получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, осужденного НЦБ Интерпола направляет в одно или несколько иностранных государств – членов Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запрос о розыске обвиняемого, осужденного с целью ареста и выдачи. При объявлении в международный розыск НЦБ Интерпола может также направить запрос о розыске во все иностранные государства – члены Интерпола и подготовить и передать в Генеральный секретариат ходатайства об издании международных уведомлений: с желтым углом (YELLOW NOTICE) – о розыске лица, пропавшего без вести, с синим углом (BLUE NOTICE) – о розыске обвиняемого, осужденного, с целью установления его местонахождения, с красным углом (RED NOTICE) – о розыске обвиняемого, осужденного, с целью его ареста и выдачи [10: 212–213].

В Интерполе существует два способа объявления в розыск: выпуск уведомления с красным углом (это уведомление выпускает штаб-квартира в Лионе после получения документов из НЦБ Интерпола конкретной страны) и так называемая диффузия (Diffusions), процедура которой подразумевает прямую отправку файла во все НЦБ стран-участников НЦБ страны-инициатора розыска (Правила Интерпола по обработке данных 2011/2019 г. [4], ст. 97 и след.). Указанное правило о необходимости предварительного получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, осужденного действует независимо от избранного НЦБ Интерпола МВД России способа объявления в розыск.

Из справки Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Основные итоги работы Главного управления международно-правового сотрудничества в 2019 г. и задачи на 2020 г.» (январь 2020 г.), например, видно, что по результатам рассмотрения запросов Генеральная прокуратура Российской Федерации направила в НЦБ Интерпола МВД России в 2019 г. поручения об объявлении в международный розыск 1449 лиц, в 2018 г. – 1113 лиц.

В этой же справке Главного управления международно-правового сотрудничества отмечено, что большинство указанных лиц, объявленных в международный розыск, обвиняются в совершении преступлений террористической направленности, включая преступления во время боевых действий на территории Сирии. В этой связи особую важность приобретают максимальная быстрота предпринимаемых действий по запуску механизма международного розыска. От этого зависит успех розыска обвиняемого или скрывшегося осужденного, практическая реализация неотвратимости наказания, воплощение в действительность принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

ВОЛОКИТА ПРИ НАПРАВЛЕНИИ ЗАПРОСА О МЕЖДУНАРОДНОМ РОЗЫСКЕ

Между тем, на практике встречается достаточно много вопиющих случаев волокиты. Так, в Представлении Генеральной прокуратуры Российской Федерации в адрес МВД России от 29 июня 2017 г. № 69-22-2017 «Об устранении нарушений законодательства при осуществлении международного розыска скрывшихся обвиняемых и осужденных», приводятся примеры, как циркуляры о розыске пяти разных лиц были выставлены Национальным центральным бюро Интерпола МВД России лишь спустя 3 месяца после поступления заключений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в отношении разыскиваемых, в случае с двумя другими этот срок составил более 4 месяцев, а циркуляр о розыске еще одного лица выставлен по прошествии 5 месяцев. Поручение об организации международного розыска по каналам Интерпола Даурбекова М.Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера при отягчающих обстоятельствах) [16], было направлено Генеральной прокуратурой Российской Федерации в НЦБ Интерпола МВД России 15.02.2016, а циркуляр о его розыске был составлен лишь через год – 03.02.2017, в результате в базах данных Генерального секретариата Интерпола информация о розыске Даурбекова М.Б. появилась лишь 06.02.2017.

Следует при этом иметь в виду, что действия сотрудников НЦБ Интерпола МВД России по составлению циркуляров на разыскиваемых лиц носят исключительно технический характер и не вызывают каких-либо сложностей, так как необходимые проверки к этому моменту уже проведены. Это обстоятельство обоснованно отмечено в Справке о результатах проверки соблюдения Национальным центральным бюро Интерпола МВД России требований законодательства, регламентирующего осуществление международного розыска скрывшихся обвиняемых и осужденных, от 23 июня 2017 г., составленной Главным управлением по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью[1] и Главным управлением международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Данная проблема находится в поле зрения и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, осуществляющей надзор за исполнением Национальным центральным бюро Интерпола МВД России законодательства при осуществлении международного розыска скрывшихся обвиняемых и осужденных. Однако отсутствие конкретных сроков делает эту работу проблематичной.

[1] Сохранено название главка, использованное в документе. В соответствии со структурой Генеральной прокуратуры Российской Федерации, размещенной на официальном сайте, этот главк называется «Главное управление по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью» [5].

ПРОБЛЕМА СРОКОВ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАПРОСА О МЕЖДУНАРОДНОМ РОЗЫСКЕ КАК ПРЕДМЕТА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Дело в том, что законодательные акты России, регулирующие порядок международного розыска (Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], УПК РФ) указанного вопроса о сроках не касаются. Отсутствуют нормы о них и в международно-правовых актах, а также внутренних документах Интерпола, в частности, в Правилах Интерпола по обработке данных 2011/2019 г. Нет их и в российской межведомственной Инструкции по линии Интерпола, а также в Служебных стандартах национальных центральных бюро Интерпола, утвержденных на 73 сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола в г. Канкун, Мексика, 5–8 октября 2004 г. (приложение № 2 к Инструкции по линии Интерпола). Отсутствуют обоснованные суждения о сроках направления запроса о международном розыске обвиняемого в компетентные органы иностранных государств – членов Интерпола, в Генеральный секретариат Интерпола после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации также в учебной и справочной литературе [9–11; 13; 14].

В служебной переписке правоохранительных органов наблюдается разночтение по вопросу о сроках направления в Интерпол запроса о международном розыске обвиняемого: в одних документах утверждается, что для обозначенной ситуации установлен срок в 3-е суток, в других только предлагается его установить, причем, разной продолжительности, в-третьих – он определяется по аналогии со сроками другой служебной деятельности органов внутренних дел.

Так, в письме Главного управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры Российской Федерации в адрес НЦБ Интерпола МВД России от апреля 2018 г. сказано: «Имеются случаи несоблюдения 3-х суточного срока объявления лиц в международный розыск с целью ареста и выдачи при получении поручения об этом из Генеральной прокуратуры Российской Федерации». Из этой фразы и ее контекста недвусмысленно следует, что 3-х суточный срок уже где-то установлен, однако автор письма не называет нормативного акта, в котором такая норма закреплена. Далее в этом же письме предлагается «внести изменения в п. 138 Инструкции [для Интерпола] в части безусловного исполнения поручений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в течение 3-х рабочих дней с момента их поступления в НЦБ Интерпола». Данное предложение не вполне согласуется с первоначальным утверждением о якобы уже установленных сроках объявления в международный розыск.

В упомянутой выше совместной Справке Главного управления по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью и Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 июня 2017 г. считается целесообразным рекомендовать Министру внутренних дел Российской Федерации инициировать внесение изменений в п. 138 Инструкции (по линии Интерпола), в части установления срока направления запроса в Генеральный секретариат Интерпола о розыске обвиняемого (осужденного) с целью ареста и выдачи в пределах 5-ти суток после получения сообщения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать их арест и выдачу. Формулировка этого предложения вошла в резолютивную часть Представления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в адрес МВД России от 29 июня 2017 г. № 69-22-2017 «Об устранении нарушений законодательства при осуществлении международного розыска скрывшихся обвиняемых и осужденных» (п. 4).

Авторы Справки о результатах проверки соблюдения Национальным центральным бюро Интерпола МВД России требований законодательства, регламентирующего осуществление международного розыска скрывшихся обвиняемых и осужденных, от 23 июня 2017 г., сформулировавшие предложение установить для направления в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске 5-ти суточный срок, обосновывают свои выводы об излишне длительном на практике сроке ссылкой на срок, установленный в п. 153 Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 20.06.2012 № 615 [3]. Однако в указанном пункте отсутствует норма о сроке в 5 суток, в ней говорится применительно к различным ситуациям лишь о сроках в один месяц, 10 и 3 дня.

Основной же недостаток позиции, отсылающей для определения срока к Инструкции по делопроизводству, видится в необоснованности определения предмета надзора. Инструкция по делопроизводству – это внутренний организационно-распорядительный документ, устанавливающий единые нормы по подготовке, обработке, хранению, использованию образующихся в деятельности органов внутренних дел документов и по порядку организации делопроизводства (п. 1). Этот документ не предназначен регулировать отношения и соответственно устанавливать нормы в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, что с очевидностью вытекает из перечня основных видов документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел, на которые в соответствии с п. 18 распространяется действие Инструкции по делопроизводству – нормативные правовые акты МВД России; индивидуальные правовые акты (персонального характера, действие которых исчерпывается однократным применением); межведомственные соглашения, распоряжения; директивы; указания; доклады; пояснительные записки; планы; телеграммы; телефонограммы; факсограммы; письма и т.д. Для регулирования форм розыскных документов существуют другие, специально разработанные нормативно-правовые акты. Поэтому даже при расширительном понимании предмета прокурорского надзора [7: 187–189] исполнение норм Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации в него не входит [12: 599] и, соответственно, соблюдение установленных в этой Инструкции сроков не может быть предметом прокурорского надзора.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

ВЫВОДЫ

С учетом сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Срок направления Национальным центральным бюро Интерпола МВД России запроса о международном розыске обвиняемого в компетентные органы иностранных государств – членов Интерпола, в Генеральный секретариат Интерпола после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований для объявления международного розыска относится к важной сфере публично-правовых отношений.
2. На практике наблюдается систематическое неоправданное увеличение этого срока, влекущее существенные негативные последствия.
3. Отсутствие нормативно-установленного срока направления Национальным центральным бюро Интерпола МВД России запроса о международном розыске обвиняемого в компетентные органы иностранных государств – членов Интерпола, в Генеральный секретариат Интерпола после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований для объявления международного розыска снижает правовые возможности для ведомственного контроля в этой сфере деятельности и лишает органы прокуратуры предмета надзора в этой части.
4. Отношения в сфере подготовки и реализации документального оформления международного розыска являются комплексными по своей правовой природе и входят в сферу уголовно-процессуального, оперативно-розыскного, прокурорско-надзорного нормативно-правового регулирования.
5. Комплексной правовой природе нормы о сроке направления запроса о международном розыске обвиняемого в наибольшей мере соответствует межведомственный нормативно-правовой акт «Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола». На этом основании предлагается установить в ст. 138 Инструкции для Интерпола соответствующую норму о сроке направления запроса о розыске, дополнив ч. 1 после слова «направляет» словами: «в течение 5 суток».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генеральная прокуратура Российской Федерации неоднократно (2017, 2018) обращалась к руководству Министерства внутренних дел Российской Федерации с предложением инициировать внесение соответствующих дополнений в п. 138 указанной Инструкции, связанных с установлением срока направления Национальным центральным бюро Интерпола МВД России запроса о международном розыске обвиняемого, подозреваемого, осужденного в компетентные органы иностранных государств – членов Интерпола, в Генеральный секретариат Интерпола после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований для объявления международного розыска. В ответах на эти обращения указывалось, что предлагаемый механизм взаимодействия правоохранительных органов при объявлении лица в международный розыск уже предусмотрен в проекте новой Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, которая «в ближайшее время будет направлена на согласование в заинтересованные федеральные министерства и ведомства». Однако пока действует прежняя редакция (от 22.09.2009) Инструкции по линии Интерпола, а столь необходимая и актуальная для практики норма о сроках направления в Интерпол запроса о международном розыске обвиняемого юридически отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.06.2020).
3. Приказ МВД России от 20.06.2012 № 615 (с изм. от 25.08.2018) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации». URL: https://лодполе.78.мвд.рф/document/11350319 (дата обращения: 01.06.2020).
4. INTERPOL's Rules on the Processing of Data [III/IRPD/GA/2011 (2019)] (Правила Интерпола по обработке данных. Приняты Генеральной Ассамблеей на ее 80-й сессии (Ханой, 2011) (Резолюция AG-2011-RES-07), действуют в редакции, утвержденной Генеральной Ассамблеей ICPO-INTERPOL на 88-й сессии (Сантьяго-де-Чили, 2019) (Резолюция GA-2019-88-RES-02). URL: https://www.interpol.int/Resources/Documents); https://www.interpol.int/Who-we-are/Commission-for-the-Control-of-INTERPOL-s-Files-CCF/About-the-CCF (дата обращения: 01.06.2020).

REFERENCES

1. Federal law of August 12, 1995 No. 144-ФЗ (as amended on August 2, 2019) "On operational-search activity". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 33. Art. 3349. (In Russ.)
2. The order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 786, the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 310, the Federal Security Service of the Russian Federation No. 470, 454, 333, the Federal Customs Service of the Russian Federation No. 971 dated 10/06/2006 (as amended on 09.22.2009) "On Approving the Instructions for the Organization of Information ensuring cooperation through Interpol". *ATP ConsultantPlus* (date accessed: 06.01.2020).
3. The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06.20.2012 No. 615 (as amended on 08/25/2018) "On approval of the Instruction for clerical work in the internal affairs bodies of the Russian Federation". URL: https://lodpole.78.mvd.rf/document/11350319 (date accessed: 06.01.2020).
4. INTERPOL's Rules on the Processing of Data [III/IRPD/GA/2011 (2019)] (Interpol Data Processing Rules. Adopted by the General Assembly at its 80th session (Hanoi, 2011) (Resolution AG-2011-RES-07), as amended by the General Assembly of ICPO-INTERPOL at the 88th session (Santiago de Chile, 2019) (Resolution GA-2019-88-RES-02). URL: https://www.interpol.int/Resources/Documents); https://www.interpol.int/Who-we-are/Commission-for-the-Control-

5. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 01.06.2020).
6. *Григорьев В.Н.* Некоторые результаты научного анализа конкретной практической ситуации применения меры пресечения на этапе экстрадиции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 1 (45). С. 23–34.
7. *Григорьев В.Н.*, *Победкин А.В.*, *Яшин В.Н.*, *Калинин В.Н.* Прокурорский надзор: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2009. 544 с.
8. *Григорьев В.Н.* Шансы больного выжить при экстрадиции (лакуны в законодательстве как условие злоупотребления правом) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 424. С. 216–225.
9. *Илларионов В.П.*, *Путова И.В.* Правовые и организационно-методические аспекты международного розыска преступников: учебное пособие. М.: Книжный мир, 1999. 94 с.
10. Криминалистика: учебник. Т. II / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 559 с.
11. *Лапин Е.С.* Оперативно-розыскная деятельность. Правовые и теоретические основы: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 343 с.
12. Настольная книга прокурора / под. общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 1159 с.
13. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. 848 с.
14. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2020. 762 с.
15. *Черепанов М.М.* О направлениях взаимодействия прокуратуры Российской Федерации и Интерпола // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1. С. 86–90.
16. https://06.мвд.рф/dlya_grajdan/rozisk/podozrevaemie/item/17595913/ (дата обращения: 01.06.2020).

of-INTERPOL-s-Files-CCF/About-the-CCF (date accessed: 06.01.2020).
5. The General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Official site. URL: https://genproc.gov.ru (date accessed: 06.01.2020).
6. *Grigoryev V.N.* Some results of a scientific analysis of the specific practical situation of applying a preventive measure at the extradition stage. *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (45). Pp. 23–34. (In Russ.)
7. *Grigoryev V.N.*, *Pobedkin A.V.*, *Yashin V.N.*, *Kalinin V.N.* Prosecutorial supervision: Textbook. 2nd ed., revised. and add. Moscow: Eksmo, 2009. 544 p.
8. *Grigoryev V.N.* Chances of the patient to survive extradition (gaps in the law as a condition of abuse of law). *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 424. Pp. 216–225. (In Russ.)
9. *Illarionov V.P.*, *Putova I.V.* Legal and organizational and methodological aspects of the international search for criminals: Tutorial. Moscow: Book World, 1999. 94 p.
10. Forensics: Textbook. Vol. II. A.I. Bastrykin (ed.). Moscow: Examination Publishing House, 2014. 555 s.
11. *Lapin E.S.* Operational-search activity. Legal and theoretical foundations: Textbook and workshop for universities. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurayt, 2019. 343 p.
12. Handbook of the prosecutor. S.G. Kekhlerova, O.S. Capinus (eds.); scientific ed. A.Yu. Vinokurov. 2nd ed., revised. and add. Moscow: Yurayt, 2013. 1159 p.
13. The operational-search activity: Textbook. 2nd ed., ext. and reslave. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova, A.Yu. Shumilova (eds.). Moscow: INFRA-M, 2004. 848 p.
14. The theory of operational investigative activity: Textbook. 4th ed., revised. and add. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky (eds.). Moscow: INFRA-M, 2020. 762 p.
15. *Cherepanov M.M.* About the directions of interaction of the prosecutor's office of the Russian Federation and Interpol. *Russian law*: *Education*, *Practice*, *Science*. 2018. No. 1. Pp. 86–90. (In Russ.)
16. https://06.mvd.rf/dlya_grajdan/rozisk/podozrevaemie/item/17595913/ (date accessed: 06.01.2020).

Статья поступила в редакцию 11.06.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 11.06.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Максим Юрьевич, кандидат юридических наук; ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний». Москва, Российская Федерация. РИНЦ AuthorID: 1062015. E-mail: tarasov0123@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maxim Yu. Tarasov, Cand. Sci. (Law); leading researcher of the Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service". Moscow, Russian Federation. AuthorID: 1062015. E-mail: tarasov0123@gmail.com

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-91-94

Проблемы международного розыска обвиняемых

Ю.А. Смирнова ©

Нижегородской академии МВД Российской Федерации,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность исследования* заключается в том, что на сегодняшний день количество обвиняемых, скрывающихся от уголовного наказания за границей, ежегодно увеличивается. На это влияет большое количество факторов: общее состояние криминогенной обстановки в стране, различия в действующем законодательстве с иностранными государствами, складывающаяся практика борьбы с преступностью. Крайне низкое количество лиц, установленных на территории иностранного государства, свидетельствует о наличии серьезных проблем, которые возникают в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при осуществлении международного розыска. ***Цель исследования***: выявить проблемы, возникающие в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при осуществлении международного розыска лиц, поиск возможных путей преодоления трудностей. ***Результаты и ключевые выводы***. Изучение нормативных правовых актов и практической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации позволили автору выявить правовые и организационные проблемы, возникающие при международном розыске обвиняемых. В статье, основываясь на материалах практики, акцентируется внимание на недостатках в деятельности сотрудников НЦБ Интерпола при изучении материалов объявления лиц в розыск и длительности процедуры объявления в международный розыск. ***Выводы.*** Для решения проблем автор предлагает привести нормы права в соответствие с реалиями борьбы с преступностью и внести изменения в Устав Интерпола и ведомственные приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: розыск, международный розыск, Интерпол, розыск обвиняемых, запрос о розыске обвиняемых, проблемы розыска лиц

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Смирнова Ю.А. Проблемы международного розыска обвиняемых // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 91–94. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-91-94

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-91-94

Problems of international fugitives

Ju.A. Smirnova ©

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

Abstract. *The relevance of the research* is that today the number of accused who are hiding from criminal punishment abroad is increasing every year. This is influenced by a large number of factors: the General state of the criminal situation in the country, differences in current legislation with foreign countries, and the emerging practice of fighting crime. The extremely low number of persons identified on the territory of a foreign state indicates that there are serious problems that arise in the activities of operational units of internal Affairs bodies when carrying out an international search. The ***purpose of the study***. To identify problems that arise in the activities of operational divisions of the internal Affairs bodies of the Russian Federation in the implementation of the international search for persons, search for possible ways to overcome difficulties. ***Results and key conclusions***. The Study of normative legal acts and practical activities of operational divisions of the internal Affairs bodies of the Russian Federation allowed the author to identify legal and organizational problems that arise in the international search for the accused. The article focuses on the shortcomings in the activities of the national security service of Interpol when studying the materials of the wanted list of persons and the duration of the international wanted list procedure. ***Conclusions.*** To solve the problems, the author suggests bringing the law into line with the realities of fighting crime and making changes to the Statute of Interpol and departmental orders of the Prosecutor General's office of the Russian Federation.

Keywords: search, international search, Interpol, search for the accused, request for the search of the accused, problems of searching for persons

FOR CITATION: Smirnova Ju.A. Problems of international fugitives. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 91–94. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-91-94

Безнаказанность для преступника
как овация для актера.

Э.А. Севрус

ВВЕДЕНИЕ

Практика органов внутренних дел Российской Федерации свидетельствует о том, что все чаще преступники пытаются скрываться за границей. Так, если по каналам Интерпола в международный розыск за 2014 г. было объявлено 358 обвиняемых, то к 2020 г. этот показатель превысил 1,2 тысяч человек.

Нахождение преступника на свободе в другом государстве представляет само по себе общественную опасность, так как может привести к совершению им повторного преступления. В этом случае требуется оперативная организация международного розыска скрывшегося лица и тесное взаимодействие между национальными и зарубежными сотрудниками компетентных правоохранительных органов.

Как справедливо отметил Н.Г. Гасымов, только удачно завершившийся розыск дает возможность справедливо наказать виновного и довести до конца принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление [1].

Вместе с тем результаты розыскной деятельности лиц, скрывающихся на территории иностранных государств, оставляют желать лучшего. Так, согласно результатов статистики МВД России, на территории стран-участников Интерпола в 2014 г. задержано лишь 125 лиц из 2222 обвиняемых, находящихся в международном розыске (эффективность составила 5,6%), в 2015 г. – 105 из 2889 (3,6%), в 2016 г. – 71 из 4085 (1,7%), в 2017 г. – 108 из 5373 (2%), в 2018 г. –128 из 6383 (2%), в 2019 г. – 137 из7782 (1,8%) [2].

Статистика МВД России не содержит точных данных о лицах, объявленных в межгосударственный розыск, так как лица, находящихся в федеральном розыске на территории Российской Федерации, одновременно являются объявленными в межгосударственный. Вместе с тем, ежегодно среди всех разыскиваемых лиц только иностранных граждан и лиц без гражданства насчитывается свыше 8 тысяч, что свидетельствует о необходимости усиления взаимодействия.

Очевидно, что на эффективность результативности розыскной деятельности влияет большое количество факторов. Это и общее состояние криминогенной обстановки в стране, и различия в действующем законодательстве, и складывающаяся практика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следует признать, что международный розыск без участия Международной организации уголовной полиции – Интерпола просто невозможен.

В научной литературе неоднократно разгорались споры об эффективности Интерпола. Встречаются даже выводы о несостоятельности его и целесообразности его роспуска [3: 275]. Как отмечает Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев, Интерпол по-прежнему остается универсальным механизмом полицейского сотрудничества [4].

Формально в процессе розыска Интерпол принимает участие только по категории уголовных дел общеуголовной направленности, не затрагивая вопросы политического, военного, религиозного или расового характера [5: 17–30]. Вместе с тем, в практической деятельности Интерпола нейтральность прослеживается не всегда. Возможно, как отмечает К.С. Родионов, это – проявление непонятной снисходительности, и факты нарушения своих основополагающих принципов вовсе не замечаются [6: 85].

Данная ситуация возникает в связи с тем, что ни на международном, ни на законодательном уровне не закреплен перечень преступлений, по которым используются возможности Интерпола при розыскной деятельности. Универсально признанные критерии, позволяющие отделить эти противоправные деяния, также отсутствуют. Исключение составляют только общеуголовные и военные преступления. Однако применять их к розыскной деятельности нецелесообразно, так как разграничения преступлений касаются деятельности Международного уголовного суда и статистической отчетности МВД России [7].

Этот правовой пробел приводит к тому, что сотрудники международной организации оценивают характер совершенного деяния, руководствуясь собственной интуицией. При этом, как показывает практика, одни и те же деяния могут быть признаны как политическими, так и общеуголовными преступлениями. «Иногда уголовные преступления становились политическими, потому что совершались политиками или потому что приобретали политическое значение» [8: 4–5]. В случае так называемых пограничных дел Интерпол, как правило, принимает решение об отказе в предоставлении информации или осуществлении международного розыска лица.

Так, например, 3 февраля 2016 г. по инициативе ГУ МВД России по Москве был направлен запрос в Генеральный секретариат Интерпола о розыске М.Б. Ходорковского, обвиняемого в совершении тяжких преступлений, связанных с организацией убийства и покушения на убийство представителей органов исполнительной власти. Однако после рассмотрения запроса было установлено, что он не соответствует правилам организации и по каналам Интерпола полицейское сотрудничество по этому делу осуществляться не может [9].

Другим примером может служить отказ Генерального секретариата Интерпола 24 мая 2013 г. от объявления розыска и задержания международного финансиста и инвестора Уильяма Браудера, осужденного по статьям 199.1 («Неисполнение обязанностей налогового агента»), 196 («Преднамеренное банкротство») УК РФ. Главной причиной отказа послужило признание запроса политическим. Повторные просьбы НЦБ Интерпола Москвы о розыске гражданина Браудера, обвиняемого в квалифицированном мошенничестве, были отклонены и признаны противоречащими правилам и положениям международной организации [10].

В отличие от Интерпола, в практической деятельности Европейского и Американского полицейского ведомства (Европола) подобных ситуаций не возникает, так как учредительные документы организаций закрепляют перечень подведомственных преступлений и точное их толкование [11].

На наш взгляд, для того чтобы исключить субъективно-оценочный характер в деятельности международной организации, необходимо в Уставе Интерпола закрепить перечень преступлений, по которым осуществляется сотрудничество между правоохранительными органами стран-участниц в области борьбы с преступностью.

ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ.

Порядок реализации сообщений, поступивших из Генерального секретариата, закреплен в межведомственных приказах и применяется на практике. Однако достичь целей розыска удается не всегда. Даже если будет установлено местонахождение разыскиваемого, то вернуть его в страну для привлечения к уголовной ответственности в некоторых случаях невозможно. Одними из главных причин данному положению являются различие в законодательстве, отсутствие с некоторыми странами договоров о выдаче преступников, невозможность их выдачи стране-инициатору розыска, а также влияние политических санкций. Этим обстоятельством пользуются преступники и тем самым пытаются избежать уголовной ответственности.

Так, с 2013 г. ГУ МВД России по Нижегородской области разыскивается гражданин К., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Из материалов дел-подборок филиала НЦБ Интерпола установлено, что разыскиваемый выехал на территорию Швейцарии и ориентировочно проживал там. Однако правоохранительные органы Швейцарии отказали оказать содействие в установлении местонахождения лица, ссылаясь на то, что их уголовное законодательство не предусматривает ответственности за деяние, связанное с уклонением от уплаты налогов.

Однако заметим, как показывает практика «равенство уголовного законодательства» является скорее редким исключением, чем правилом.

Иллюстрируя высказанное утверждение, следует вспомнить розыск за границей известного в России националиста М.С. Марцинкевича (псевдоним «Тесак»), обвиняемого по ст. 282 УК РФ. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий правоохранительными органами Кубы разыскиваемый был установлен и задержан, несмотря на то, что Уголовный кодекс Республики Куба, как и большинства стран, не содержит аналогауказанной статье [12].

ПРОБЛЕМА ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ОБЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК

Представленную систему объявления в международный розыск сами сотрудники ОВД России (54,5%) считают неэффективной по причине того, что с того момента, как они приняли решение об объявлении лица в розыск, до момента фактического объявления проходят месяцы, а иногда и годы [13].

Достаточно сложно определить, какое именно звено всей системы – ОВД, территориальные подразделения НЦБ Интерпола, Генеральный секретариат Интерпола, Генеральная прокуратура РФ – тормозит розыскной процесс.

Исследование показало, что срок объявления в розыск занимает:до одного месяца – 2,2%; от двух до трех месяцев – 8,9%; от трех до шести месяцев – 34,4%; от шести до восьми месяцев – 42,2%; свыше года – 12,2%. Сложившаяся практика позволяет преступнику свободно проживать, передвигаться заграницей и продолжать свою преступную деятельность. По мнению респондентов (25%), проблема «затягивания» подачи объявления в розыск может быть решена путем законодательного закрепления сроков решения об объявлении лица в международный розыск [14].

ВЫВОДЫ

Анализ теоретических положений организации международного розыска обвиняемых и проблем практики свидетельствует о необходимости совершенствования нормативного правового регулирования, в частности:

1) включить в Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола дополнения о возможности оказания помощи в розыске и задержании лиц, за которые предусмотрена ответственность по законодательству Российской Федерации;
2) на законодательном уровне закрепить сроки рассмотрения запроса об объявлении международного розыска и выдачи заключения Генеральной прокуратурой Российской Федерации о намерении запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого. Разумным сроком представляется 14 суток.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозначенные положения не являются исчерпывающими, они отражают лишь часть существующих проблем. Основным направлением повышения уровня организации международного розыска будет способствовать совершенствование нормативного правового регулирования и приведение этих норм в соответствие с реалиями борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гасымов Н.Г.* Роль и место международного розыска в сотрудничестве государств в борьбе с преступностью. URL: http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1003/2.Html (дата обращения: 09.04.2020).
2. О результатах и основных направлениях деятельности Министерства за период с 2015 по 2019 годы. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 15.02.2020).
3. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. М.: Изд-во БЕК, 1994. С. 275.
4. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: https://мвд.рф/news/item/16022494/ (дата обращения: 23.03.2020).
5. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) // Национальное центральное бюро Интерпола в Российской Федерации. М., 1994. С. 17–30.
6. *Родионов К.С.* Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 85.
7. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М., 1990. С. 512–569; Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.03.2020); О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. // СПС«КонсультантПлюс».
8. *Черняк Е.Б.* Времен минувших заговоры. М., 1994. С. 4–5.
9. Российский Интерпол направил запрос о розыске Ходорковского в Генеральный секретариат организации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/7201097; Интерпол отказался объявить Ходорковского в розыск по запросу России. URL: https://nv.ua/world/countries/interpol-otkazalsja-objavit-hodorkovskogo-v-rozysk-po-zaprosu-rossii-97123.html (дата обращения: 20.03.2020).
10. См.: INTERPOL cannot be used by the Russian Federation to seek the arrest of Mr. William Browder. 26 July 2013. URL: https://www.interpol.int/News-and-media/News/2013/N20130726 (дата обращения: 03.04.2020).
11. См.: О создании Европейского полицейского ведомства (Европола): решение ЕС от 6 апреля 2009 г. № 2009/371/ПВД. URL: http://eulaw.ru/ translation/2009/371 (дата обращения: 04.04.2020).
12. На Кубе задержан Тесак – националист Максим Марцинкевич. URL: https://www. newsru.com/world/18jan2014/tesak.html (дата обращения: 11.01.2019).
13. Результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД России.
14. Результаты изучения материалов дел в 2016–2020 году в рамках диссертационного исследования по теме: «Правовые и организационно-тактические особенности розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в условиях международного сотрудничества».

REFERENCES

1. *Gasimov N.G.* The role and place of the international wanted party in the cooperation of states in the fight against crime. URL: http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1003/2.html
2. On the results and main lines of activity of the Ministry for the period from 2015 to 2019. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/annual_reports (date accessed: 02.15.2020).
3. Criminal justice: problems of international cooperation. International research project. Moscow: Publishing House BEK, 1994. P. 275.
4. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, General of the Police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at an expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://mvd.rf/news/item/16022494/ (date accessed: 03.23.2020).
5. The Charter of the International Criminal Police Organization (Interpol). National Central Bureau of Interpol in the Russian Federation. Moscow, 1994. Pp. 17–30.
6. *Rodionov K.S.* Interpol: yesterday, today, tomorrow. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 1990. P. 85.
7. Geneva Convention for the Protection of Civilian Persons in Time of War of August 12, 1949. International Protection of Human Rights and Freedoms: a collection of documents. Moscow, 1990. Pp. 512–569; Rome Statute of the International Criminal Court of July 17, 1998. *ATP* "*Consultant Plus*" (date accessed: 03.21.2020); On the entry into force of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the preparation of statistical reporting: order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 35/11, Ministry of the Interior of Russia No. 1 dated January 24, 2020. *ATP* "*Consultant Plus*".
8. *Chernyak E.B.* Times past conspiracies. Moscow, 1994. Pp. 4–5.
9. Russian Interpol sent a request for the search for Khodorkovsky to the General Secretariat of the organization. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/7201097; Interpol refused to put Khodorkovsky on the wanted list at the request of Russia. URL: https://nv.ua/world/countries/interpol-otkazalsja-objavit-hodorkovskogo-v-rozysk-po-zaprosu-rossii-97123.html (date accessed: 03.20.2020).
10. See: INTERPOL cannot be used by the Russian Federation to seek the arrest of Mr. William Browder. July 26, 2013. URL: https://www.interpol.int/News-and-media/News/2013/N20130726 (date accessed: 04.03.2020).
11. See: On the establishment of the European Police Office (Europol): EU Decision of April 6, 2009. No. 2009/371/LDPE. URL: http://eulaw.ru/ translation/2009/371 (date accessed: 04.04.2020).
12. In Cuba detained Tesak – nationalist Maxim Martsinkevich. URL: https://www.newsru.com/world/18jan2014/tesak.html (date accessed: 01/11/2019).
13. The results of the study of questionnaires of employees of operational units of the Russian Interior Ministry.
14. The results of the study of case materials in 2016–2020 as part of a dissertation study on the topic: "Legal, organizational and tactical features of the search activities of the operational units of the internal affairs bodies in conditions of international cooperation".

Статья поступила в редакцию 12.05.2020, принята к публикации 25.06.2020
The article was received on 12.05.2020, accepted for publication 25.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Юлия Александровна, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД Российской Федерации. Нижний Новгород, Российская Федерация. SPIN-код: 4204-3647. E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Julia A. Smirnova, teacher of the Department of Operational Search Activities of Internal Affairs Bodies Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, Russian Federation. SPIN-code: 4204-3647. E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-95-114

Analysis and evaluation of the legal regulation, de lege lata, concerning the imposition of a custodial sentence in the Slovak Republic

S. Ferenčíková ©

Pavol Jozef Safarik University in Kosice,
Košice, Slovakia

E-mail: simona.ferencikova@upjs.sk

Abstract. In the article, the author dealt with imprisonment as a type of criminal sanction. He pointed out the fact that the said punishment has the status of ultima ratio in the system of punishments in the Slovak Republic and at the same time that this punishment can be considered a universal type of punishment, as it can be imposed for any criminal offense. The author characterized the basic principles of sentencing in general, the substantive conditions of imprisonment contained in the Criminal Code, the various forms of serving this sentence and also pointed out the application problems related to imprisonment, as well as institutes of punishment related to imprisonment. In particular, he addressed aspects that modify custodial sentences, including the issue of concurrence and recidivism. She also characterized the position of imprisonment as an ultima ratio in the context of imposing alternative sentences. To this end, it analyzed the relationship between imprisonment and selected alternative sentences, as well as relevant statistics. She pointed out how imprisonment determines the imposition and specific sentences of house arrest as an alternative sentence. She concluded by considering how the existence of private prisons, which are the place where a custodial sentence is served, could affect the extent to which it is imposed by the courts. In relation to the individual partial issues addressed, he also formulated de lege ferenda proposals.

Keywords: sanction, imposition of punishment, imprisonment, prison, Criminal Code

Acknowledgments. The presented article was created with the support and is the output of the solution of the research project APVV-16-0362 "Privatization of criminal law – substantive, procedural, criminological and organizational-technical aspects"

FOR CITATION: Ferenčíková S. Analysis and evaluation of the legal regulation, de lege lata, concerning the imposition of a custodial sentence in the Slovak Republic. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 95–114. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-95-114

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-95-114

Анализ и оценка правового регулирования действующего законодательства в вопросе вынесения приговора лишения свободы в Словацкой Республике

S. Ferenčíková ©

UPJŠ в Кошице,
Кошице, Словакия

E-mail: simona.ferencikova@upjs.sk

Аннотация. В статье автор рассматривал тюремное заключение как разновидность уголовного наказания. Он указывает на тот факт, что указанное наказание имеет статус ультиматума в системе наказаний в Словацкой Республике и в то же время это наказание может считаться универсальным видом наказания, поскольку оно может быть назначено за любое уголовное преступление. Автор охарактеризовал основные принципы вынесения приговора в целом, основные условия лишения свободы, содержащиеся в Уголовном кодексе, различные формы отбывания наказания, а также указал на проблемы применения института наказания, связанного с лишением свободы. В статье он рассмотрел аспекты, которые изменяют приговоры с лишением свободы, в том числе проблему сложившиеся обстоятельств, послуживших причиной преступления и рецидивизма. Автор также охарактеризовал положение лишения свободы как ультимативное в контексте вынесения альтернативных предложений. С этой целью автор проанализировал взаимосвязь между лишением свободы и выбранными альтернативными предложениями, а также соответствующие статистические данные. Автор указал, как лишение свободы определяет условия вынесения решения о заключении под домашний арест. В заключение автор рассмотрел вопрос о том, как существование частных тюрем, являющихся местом отбывания наказания в виде лишения свободы, может повлиять на количество приговоров, которые выносит суд. В отношении отдельных частичных вопросов он также сформулировал предложения de lege ferenda. Правовой опыт противодействия преступности.

Ключевые слова: санкция, наложение наказания, лишение свободы, тюрьма, уголовный кодекс

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ferenčíková S. Анализ и оценка правового регулирования действующего законодательства в вопросе вынесения приговора лишения свободы в Словацкой Республике. 2020. Т. 10. № 3. С. 95–114. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-95-114

INTRODUCTION

Sanction as a manifestation of state coercion is an important element in the regulation of socially undesirable behavior. In the area of criminal law, it is a matter of regulating the socially undesirable behavior of criminals, or other persons who have committed other criminal offenses. Criminal sanctions represent a serious interference with human rights and freedoms, and therefore the Constitution of the Slovak Republic enshrines, among other things, one of the basic principles applicable in substantive criminal law, namely "nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege", which means that only law may determine which conduct is a criminal offense and what punishment may be imposed for its commission [6]. In the conditions of the Slovak Republic, this Act is the Criminal Code (Act No. 300/2005 Coll., Hereinafter referred to as the "Criminal Code" or the "Cr.Co.")

Sanctions under Slovak criminal law can be characterized as specific, statutory and enforceable consequences of a committed criminal offense or an other act that is criminal. Their basic and necessary feature is that their application has disadvantageous, undesirable consequences for the perpetrator. Punishment causes a certain harm to a particular perpetrator, which is an integral part of the concept of punishment and the concept of protective measure (but it is not its purpose or meaning). The sanction therefore has a negative content in accordance with the Criminal Code. It always represents some harm to the offender, whether in liberty, property, honor or other rights [2].

Criminal sanctions are organized into a certain system. The system of criminal sanctions represents their division, hierarchical arrangement, as well as relations and connections between individual sanctions. Differentiated concepts of criminal sanctions are known in the theory of criminal law [1], but with regard to the normative wording of § 31 of the Criminal Code we can unambiguously and without any doubts conclude that a dualistic system of criminal sanctions applies in the conditions of the Slovak Republic. Depending on the relationship between penalties and protective measures and in terms of their application,

this is a dualistic alternative system [1], as penalties and protective measures are two separate and equally important criminal sanctions that can be imposed separately, side by side at the same time, or even a protective measure instead of punishment.

Imprisonment as one of the most severe types of criminal sanctions is understood in the hierarchy of penalties as the ultima ratio, as a last solution, from which it can be concluded that it should be imposed only in cases where other types of penalties, understood as a more lenient solution, are not sufficient to achieve the purpose of the sentence. Imprisonment as a universal type of punishment can be imposed for every criminal offense committed, which ultimately results from the very fact that in a special part of the Criminal Code, only the penalty rates of imprisonment are determined for each crime. However, the penalty rates of imprisonment set out in a special part of the Criminal Code may be further modified, through the provisions of the general part of the Criminal Code. In addition to the sentence of imprisonment, any other type of sentence may be imposed, with the exception of two types of punishment, namely the sentence of house arrest and the sentence of compulsory labor, which explicitly results from § 34 par. 7 Cr.Co., which regulates the so-called incompatibility of penalties and at the same time it fulfills the principle of incompatibility of certain types of criminal sanctions.

METHODOLOGY

The primary goal of this article is to analyze and evaluate the legislation concerning the imposition of a custodial sentence as a type of criminal sanction in the conditions of the Slovak Republic. The partial aim is therefore to analyze the substantive conditions for the imposition of a custodial sentence, also in the context of the basic principles of sentencing; to analyze the provisions of the Criminal Code modifying the penalty rates of imprisonment, also in the context of problems of application practice; analyze the position of imprisonment as the ultima ratio in the system of punishments. Following the characteristics of the position of imprisonment in the system of criminal sanctions imposed on natural persons to point out and analyze the impact of imprisonment on the imposition of selected types of alternative punishments, namely house arrest; another partial goal is therefore the evaluation of the proposed changes, in which the author points out the relevance and inevitability of the custodial sentence when imposing an alternative sentence. Other important partial goals of the article include the effort to point out the current substantive problems of imposing a custodial sentence manifesting itself in the prison system, as well as the consequences associated with it. Following the problems of prisons, the author will try to formulate a result on the influence of private prisons on the imposition of imprisonment, or on the imposition of alternative punishments. The author aims to support his arguments by processing relevant statistical data.

From the point of view of methodological approach, the analytical-synthetic method was used in the presented article for the purpose of theoretical analysis of the existing legal status of substantive conditions of imprisonment, provisions regulating basic principles of imprisonment, provisions regulating the modifications of custodial sentences, as well as legal documents, commentaries, expert opinions. Furthermore, the analytical-synthetic method was used to evaluate the proposed legal status of the substantive conditions of sentence such as home arrest as a type of alternative punishment, as well as to formulate specific conclusions, especially in the influence of private prisons on unconditional imprisonment, while using scientific abstraction.

In the context of changes in alternative punishment in criminal policy, as well as changes in the imposition of life imprisonment, the historical-legal method was used to present past, proposed and adopted legal regulations of substantive conditions of home arrest, in the context of the relevant impact of custodial sentence on imposing a sentence of house arrest.

Furthermore, the article used a comparative method, in order to compare the position of alternative sentences and universal imprisonment in the system of sentences in the Slovak Republic, and to compare the national legislation de lege lata and the proposed regulation of the conditions of house arrest, again in the context the relevant impact of a custodial sentence on the imposition of a house arrest sentence.

The use of a descriptive method in order to describe the processing of existing knowledge of the researched issue is also irreplaceable. In addition to the mentioned methods, methods and procedures commonly used in scientific works such as deduction, induction, abstraction (especially when formulating one's own conclusions and theoretical assumptions), rules of formal logic, methods of interpretation of legal norms and partial mathematical-statistics methods were also used in the elaboration of the researched issues, especially in the processing of relevant statistical data concerning the imposition of sentences in the conditions of the Slovak Republic

PENALTY PRINCIPLES

The system of penalties and the principles by which penalties are imposed are based on the idea that punishment should be proportionate to the seriousness of the offense for society, should be individualized and differentiated according to the nature of the offense and the offender, as well as it should be fair and lawful [7].

The principles according to which sentences are imposed, including the sentence of imprisonment in the Slovak Republic, are concentrated in § 34 of the Criminal Code. Act. It is primarily based on the principle of nulla poena sine lege, *that means the principle of the lawfulness of punishment, according to which the offender can be imposed only the type of punishment and only to the extent given in the Criminal Code, whereas this legal acts in its special part specifies only the penalty rates of the custodial sentence*.[1] Penalty rates without imprisonment are regulated in the general part of the Criminal Code. However, the principle in question also finds its expression in § 32 of the Criminal Code which regulates the catalog of penalties imposed on natural persons, but also in § 9 of the Act on Criminal Liability of Legal Entities, which regulates the catalog of penalties imposed on legal persons. However, the elementary law

[1] § 34 par. 2 of the Criminal Code.

of the state cannot be neglected either, namely Art. 49 of the Constitution of the SR.

Punishment should only punish the offender, so as to ensure the least possible impact on his family and those close to him,[2] which is a manifestation of the principle of personality of punishment. This principle does not, in essence, exclude the effect of the sentence imposed on the offender's family and close relatives, but makes it possible to minimize this effect, in no way to exclude it. It can be considered that, in the case of a custodial sentence, the expression of this principle will also be the imposition of a custodial sentence in a form other than unconditional; in particular in the case of the institution of conditional suspension of a custodial sentence. The punishment clearly imposed by this punishment will affect the offender, who must prove himself during the probationary period and must also bear any appropriate restrictions and obligations imposed, while the family and relatives may not be affected at all by this punishment, as the offender retains his previous social functioning, economic security and socio-emotional survival.

In determining the type of punishment and its imposition, the court shall take into account, in particular, the manner in which the act was committed and its consequence, fault, motive, aggravating circumstances, mitigating circumstances and the perpetrator, his circumstances and the possibility of redress.[3] The law obliges the court to take into account the individual peculiarities of each individual crime, thus fulfilling the principle of the so-called judicial individualisation of a sentence, which determines the specific sentence. The principle of judicial individualisation of punishment is deepened in relation to the developmental stages and forms of criminal cooperation, which the Criminal Code exactly refers to as complicity and participation (in more specific sense of the word). However, the judicial individualisation of a sentence is preceded by a statutory individualisation of the sentence, which determines the modification of the penalty rates of imprisonment specified in a special part of the Criminal Code individually for each criminal offense.

In application practice, the relevant principle is referred to as the principle of proportionality of the punishment committed. Proportionality in this context means the impossibility of imposing a punishment that is stricter than how it is required by the seriousness of the committed offense.

The principle of fairness and individualization of punishment is related to the principle of justice of the punishment. The principle of justice of punishment is given by its purpose. Such punishment is adequate which is adequate to the need to protect the society from crime. The basis of a fair punishment is its adequacy. If the punishment is appropriate, it will be fair.

In accordance with the principle of autonomy of penalties, all penalties may be imposed separately, or more than one sentence may be imposed side by side. However, this principle is not applied categorically and it is modified by two exceptions that result from this principle. The first exception lies in the fact of the obligatory imposition of a custodial sentence in the case of a criminal offense of which the upper limit of the custodial sentence, that is set out in a special part of the Criminal Code, exceeds 5 years. The suffix "unless the Criminal Code provides otherwise" cannot be omitted, which is a newly introduced exception related to the conditions of imposing a house arrest, namely the possibility of imposing a house arrest for crimes, exactly for crimes with a maximum penalty set by the Criminal Code not exceeding 10 years, however, at least at the lower limit of the penalty of imprisonment established by the Criminal Code. The second exception is the existence of the so-called ancillary penalties, which, due to the conditions of their imposition, can never be imposed separately, but always only in addition to another sentence.

The principle of autonomy of penalties and the resulting exceptions are logically followed by the principle of incompatibility of penalties, according to which it is not possible to impose the types of penalties stipulated by law (by its nature and substance of these penalties.)

Punishment as a category of sanction from the point of view of the theoretical division of sanctions according to certainty in accepting the principle of nullum crimen sine lege certa constitutes both an absolutely certain sanction, if there is a sentence of life imprisonment and a relatively specific sentence where in the in the special part of the Criminal Code there is an exact type of sentence and its rates.

Under the ne bis in idem principle, a circumstance which is a legal feature of a criminal offense cannot be regarded as an mitigating circumstance, an aggravating circumstance, a circumstance which makes the imposition of a penalty below the statutory lower limit of the penalty or a circumstance which makes the application of upper limit of penlaty rate. The use of a legal feature of the basic factual nature of a criminal offense always takes precedence over another use. Although the principle in question does not give rise to problems of a fundamental nature in application practice, a certain interpretative doubt may arise in a situation where a fact is a feature of one offense and at the same time a qualified, and therefore stricter, factual aspects of the crime overlap in certain respects, resp. they are similar.

The principle of humanity of punishment does not have an explicit expression in the substantive code, but follows from Art. 7 par. 2 of the Charter of Fundamental Rights and Freedoms and from Art. 15 par. 3 of the Constitution of the Slovak Republic: in the context of imposing a custodial sentence, its manifestations can be seen in the level of abolition of the death penalty and its replacement by life imprisonment with the possibility of conditional release, in the level of subsidiarity of unconditional imprisonment, which has the character of *ultima ratio* (although this is expressed only in the case of juvenile offenders), in terms of the introduction of new alternative punishments in the framework of the recodification of criminal law, as well as in terms of enshrining the prohibition of cruel, inhuman or degrading treatment or punishment in prison.[4]

[2] § 34 par. 3 of the Criminal Code.

[3] § 34 par. 4 of the Criminal Code.

[4] § 3 par. 1 of the legal act No. 475/2005 Z. z. on execution of custonial sentence.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

PENALTY RATES OF IMPRISONMENT

The current Criminal Code[5] distinguishes between fixed-term imprisonment, up to a maximum of twenty-five years, and life imprisonment.[6] At present, imprisonment takes four forms, namely:

a) a custodial sentence the execution of which has been suspended;
b) a custodial sentence the execution of which has been conditionally suspended with probation supervision;
c) unconditional imprisonment;
d) life imprisonment.

In the valid Criminal Code, the so-called relatively certain sanctions, which are defined by the lower and upper limit of the penalty rate, within which the court then imposes a specific assessment, which also applies to imprisonment. The upper limit of the custodial sentence is always set, the lower limit of the custodial sentence may be absent. The substantive significance of determining the lower and upper limit of the penalty of imprisonment lies in the differentiation of the basic categories of criminal offenses – misdemanors and crimes, as well as the subcategory of particularly serious crimes, which determines the application of the provisions of the Criminal Code.

According to the determined criminal rate, the type of seriousness and the severity of the criminality of the given criminal offense for society are then assessed. The span between the lower and upper limit of the custodial sentence gives space for the specification of the type of seriousness of the crime and for the consideration of all aspects listed in § 34 par. 4 of the Criminal code, which are crucial for the individualization of punishment in relation to a specific perpetrator and a specific act [2].

The upper limit of the penalty of imprisonment may be determined generally for 25 years, or separately, when it is always determined for which criminal offense in a special part of the Criminal Code. The upper limit of the sentence of imprisonment, and thus the maximum permissible sentence of imprisonment, is set at a maximum of 25 years, and in no case may this limit be exceeded, either when imposing a cumulative or summary sentence or when imposing another sentence. Or a substitute sentence (according to § 57 par. 3 of the Criminal Code). As already mentioned, the lower limit of the sentence of imprisonment may be absent, so that the minimum permitted rate of imprisonment is not set in the Criminal Code.

However, we could indirectly deduce it from § 53 par. 4 of the Criminal Code, within which the conversion of a sentence of house arrest into an unconditional sentence of imprisonment is regulated in the event that the convicted person does not fulfill his obligations specified in par. 2 of the said provision. In such a case, the rule of conversion is established that one day of unexecuted imprisonment is equal to one day of unconditional imprisonment. Similarly, in § 55 par. 4 of the Criminal Code it regulates the conversion of a sentence of compulsory labor into an unconditional sentence of imprisonment if the convicted person did not lead a proper life at the time of serving the sentence of compulsory labor or did not perform work to the specified extent through fault or did not fulfill the imposed restrictions or obligations. In such a case, a conversion rule is laid down that for each two hours of work not performed, one day of unconditional imprisonment is imposed. It is from the above-mentioned transformation of alternative sentences to short-term custodial sentences into the unconditional custodial sentence itself that the lowest of its area, which is essentially one day, can actually be deduced.

The upper and lower limits of the penalty of imprisonment may be reduced, respectively increased either within the statutory penalty rate in a special part of the Criminal Code, or outside this framework. Within the statutory penalty rate, the lower limit of the penalty rate specified in a special part of the Criminal Code may be increased when applying § 38 par. 4 of the Criminal Code, § 38 par. 5 of the Criminal Code and § 38 par. 6 of the Criminal Code. Within the framework of the statutory penalty rate, the upper limit of the penalty rate specified in a special part of the Criminal Code may be reduced in the application of § 38 par. 3 of the Criminal code.

Outside the scope of the statutory penalty rate, the lower limit of the penalty rate specified in a special part of the Criminal Code may be reduced only with the application of § 39 of the Criminal Code, while it is necessary to take into account in particular par. 3 and 4 of the provision in question. Outside the scope of the statutory penalty rate, the upper limit of the penalty rate specified in a special part of the Criminal Code may be increased only with the application of § 41 par. 2 of the Criminal Code and § 42 of the Criminal Code, which regulate the imposition of a cumulative and summary sentence when using the so-called asperative principle.

The penalty rate established by law in a special part of the Criminal Code must be understood as the penalty rate specified in a special part of the Criminal Code for individual criminal offenses and not the newly created penalty rate after the application of the relevant paragraphs of § 38 of the Criminal Code [2].

FORMS OF EXECUTION OF IMPRISONMENT

According to the valid legal regulation, imprisonment has four forms, which criminal theory refers to as forms of execution of imprisonment. It is a custodial sentence, the execution of which has been conditionally suspended (in the past also referred to by the legislation itself as a conditional sentence, known in the lay sphere as a "condition"); custodial sentence, the execution of which was conditionally suspended with probation supervision (formerly referred to as conditional sentencing with supervision, in the lay sphere known as the "probation condition"); unconditional imprisonment and life imprisonment.

Statistical data recording the imposition of individual types of sentences in the conditions of the Slovak Republic show that the most frequently imposed sentence is a custodial sentence in the form of a conditional sentence. The sense of this institute is that the court will pass a conviction and impose a custodial sentence, but the execution of this sentence will be postponed (more precisely, the execution of the sentence will be suspended) provided that the convicted offender leads a proper life

[5] Legal Act No. 300/2005 Z. z. Criminal Code.
[6] § 46 Criminal Code.

for a specified probationary period and meets all specified requirements.. It can be stated with certainty that it represents an alternative to unconditional imprisonment, is a manifestation of the principle of humanity, an auxiliary role of criminal repression, has an educational character and allows individualization in the court's approach to punishing offenders [7].

However, the legal nature of this institute is questionable. Part of the professional public considers it a form of imprisonment, another part of the professional public considers it a special type of punishment, they even classify it among the so-called alternative penalties. A conditional sentence only applies to a custodial sentence, it does not apply to other types of punishment (non-custodial sentences), even if they were imposed together with the condition.[7] The legal consequence of the institute's application is the legal fiction of non-conviction, that means the offender is treated as if he had not been convicted (the convicted offender does not have an registration in the criminal record).

The institute of conditional suspension of the execution of a custodial sentence with supervision has the same legal consequences. This institute is an alternative to a conditional suspension of a custodial sentence. By its nature, it is a modification of the classical conditional sentence [5]. The educational activity is deepened here by the provision of probation supervision. An integral part of probation supervision is the imposition of reasonable restrictions and obligations, which are mandatory [7]. The essence of conditional sentencing with supervision is a method of re-education and other positive effects on the offender's behavior, which is based on a combination of elements of control, assistance and counseling.

Probation supervision means long-term work with a convicted person, in which the convicted person is obliged to be in contact with the probation and mediation officer, to cooperate in the implementation of the probation program during the probationary period and to submit to compliance with the conditions imposed by the court. The purpose of probation supervision is to provide assistance to the offender, to guide him professionally, to motivate them positively with the aim of reintegration into society, to create a suitable social background for his social and work application and to help solve his life situation; control of the offender's conduct during the probationary period and protection of the society against possible harm from the offender; reducing the risk of re-offending. The aim of acting on a convicted person in probation supervision is to refrain from committing a criminal offense in the future, to acquire a suitable social background and a promising social application [5].

The above-described institutes are applied quite often in the decision-making practice of courts, they are among the most frequent institutes in the field of punishment, partly due to precisely defined conditions of application, which do not bring more serious application problems, and partly because they do not bring the need to apply other institutes. such as the institute of preliminary inquiries carried out by probation and mediation officers in the imposition of selected types of alternative punishments. In addition, the legal consequences of these institutes are extremely favorable for the convicted persons, even though they have no legal right to apply them.

The legal fiction that the perpetrator is treated as if he had not been convicted means that only the fact of conviction disappears fictitiously. The fact that a crime has been committed remains unaffected by this fiction. The fact that the offender has committed an act which has the characteristics of a criminal offense and the fact that he has been lawfully convicted of that act by a court are two different facts. The law distinguishes between these two different legal facts and associates with them the emergence of different legal relationships and different legal consequences for the offender [2].

Application problems related to the application of these institutes were mainly questions of probation period, questions of check of the offender during the probation period, as well as fiction of the check of the offender, which were solved by decision-making practice in the context of adopted case law, but also gradually adopted legislative changes of the Criminal Code.

At present, application problems in the decision-making activity of courts related to the optional possibility of imposing appropriate restrictions and obligations in the case of conditional suspension of the execution of a custodial sentence resonate, that is in the so-called conditional sentence, as well as the obligatory possibility to impose appropriate restrictions and obligations in the case of conditional suspension of the execution of a custodial sentence with probation supervision.

In both mentioned institutes, the purpose of reasonable restrictions and obligations is to help the offender to lead a proper life during the probationary period, but at the same time they help to further individualize the punishment for a specific offender so that the punishment fulfills its purpose that is a protection of society and partial goals as repression and prevention. As for the first situation – conditional suspension of the execution of a custodial sentence, the imposition of appropriate restrictions and obligations is only an optional possibility for the court, which may or may not impose these measures.

The common practice of the courts is that this optional possibility is not used at all or is used only to a small extent. Appropriate restrictions and obligations are defined demonstratively in the Criminal Code, which means the court may, at its own discretion, impose restrictions and obligations other than those defined by law. Decision-making bodies are often discouraged by the need to define and justify the imposition of such a restriction or obligation in their decision. Therefore, unless the court has to impose and justify such a restriction or obligation, it will not. This fact is also confirmed by statistical data concerning the imposition of a conditional suspension of the execution of a custodial sentence registered for 2018, which distinguishes the so-called conditional sentence with and without the imposition of appropriate restrictions and obligations. In 2018, 16.153 probation sentences were imposed, of which 13.235 without imposing appropriate restrictions and obligations. Statistics on the conditional suspension of a custodial sentence with probation supervision, in which reasonable restrictions and obligations are imposed compulsorily, are recorded

[7] The only exception is a financial penalty for a juvenile, which can be conditionally suspended under Section 115 of the Criminal Code.

separately, during probation, and the probation condition was imposed in 2018 in 1980 cases.

With regard to the second situation – conditional suspension of the execution of a custodial sentence with probation supervision, the imposition of appropriate restrictions and obligations is a mandatory obligation of the court, which must impose them. The common practice of courts is such that they use the imposition of such restrictions and obligations, which have the so-called more general in nature and can be applied to different categories of offenders without taking into account any specificities of the offense, the personality of the offender or other circumstances in which the offense was committed. Again, the courts only impose restrictions and obligations precisely imposed by law and do not formulate others that could better take into account the situation of the specific offender, his personality and crime, and thus better achieve the objectives described above, i.e. the purpose of the sentence, as the sentence would actually be individualized, resp. its individualization would be further deepened.

Another problem can be detected in the fact that the judges themselves do not always have a comprehensive knowledge of what a particular restriction and obligation entails, what its content is, how its performance is carried out. Last but not least, it must be stated that some of the restrictions and obligations mentioned in the Criminal Code cannot be implemented and implemented at present, which can be considered a serious application problem. The solution of this situation could be, for example, the elaboration of methodological guidelines in relation to the application and real implementation of appropriate restrictions and obligations by the relevant ministry.

Pursuant to the valid legal regulation, the sentence of imprisonment in its unconditional form is executed differently in institutions for the execution of the sentence of imprisonment of minimum, medium and maximum degree of guarding. Differentiated levels of guarding are determined by the degree of isolation of the convict and the degree of security of the given degree. External differentiation is thus the execution of a custodial sentence according to the degree of guarding and is governed by the principle that the higher the degree of guarding, the greater the range of restrictions. The court is obliged to decide on the inclusion of a specific convicted person in an institution for the execution of a sentence of the appropriate degree, and this decision is an integral part of the operative part of the judgment imposing an unconditional sentence of imprisonment [5]. Therefore, in terms of criminal law theory, external differentiation of a custodial sentence is usually referred to as judicial differentiation of a custodial sentence.

Under the provision of § 48, the Criminal Code regulates the criteria according to which the court should proceed when assigning a convicted person to the relevant institution for imprisonment, but also regulates exceptions to these rules, as the court is not absolutely bound by these rules (in some cases can be deduced from the provision in question). The application of this provision does not cause practical problems in the decision-making practice of courts. It is necessary to emphasize that in accordance with the normative wording of § 48 par. 2 letter "a" Criminal Code. "...was not serving a custodial sentence...", resp. § 48 par. 2 letter "b" Criminal Code... "was serving a custodial sentence..." this regards the real application of custodial sentence in its unconditional form (the convicted person executed the sentence in the insitution where the custodial sentence is executed.)

Last but not least, a custodial sentence can also be served in a custodial institution – the Custodial Sentence Unit, as well as in the Hospital for Accused and Convicted Persons in Trenčín, which can be considered as a place of imprisonment. The prosecutor supervises the observance of legality in institutions serving the sentence of imprisonment. Members of the National Council of the Slovak Republic, the Minister of Justice and persons authorized by him, the General Director of the Prison and Judicial Guard Corps and persons authorized by him, legal entities and natural persons shall control the execution of a custodial sentence, if so provided by a special regulation or international convention by which the Slovak republic is bound.

After the abolition of the death penalty in 1990,[8] life imprisonment was conceived as an alternative to the death penalty and was also seen as a manifestation of the humanisation of criminal law. According to the previous legislation, it was conceived as the so-called an exceptional punishment, the uniqueness of which consisted of differentiated aspects. It is the most severe form of imprisonment. In a broader context, in terms of the rules of formal logic, it can be considered part of an unconditional sentence of imprisonment, but given the special conditions for imposing this sentence, it can undoubtedly be considered a separate institute – a separate form of imprisonment.

The substantive conditions for the imposition of a life imprisonment are regulated in Section 47 of the Criminal Code. Act, in the sense of which its obligatory and optional imposition is differentiated. Irrespective of whether a court must or may impose a life sentence, its imposition is in both cases subject to the fulfillment of normative cumulative conditions, the fulfillment of which the court must carefully consider. The form of these conditions has changed and become more precise during the development of the legislation, especially after the recodification of substantive criminal law in 2005, and it could be stated that it has curtailed the conditions for imposing the sentence, which significantly acquired the ultima ratio. The conditions for the optional imposition of a life sentence express the principle that this sentence may be imposed only if the purpose of the sentence in terms of general and individual prevention cannot be ensured by more lenient means of the Criminal Code [7].

In the case of mandatory imposition of a life sentence, the so-called the principle of "3x and enough", which has been criticized many times by the professional public since its introduction on the grounds that it does not provide for judicial discretion, but constitutes an obligation to impose a sanction provided for in advance by law. It is necessary to emphasize that the concept of punishment in the Slovak Republic also allows the so-called absolutely certain sanctions, characterized by the type of punishment

[8] K zrušeniu došlo zákonom č. 175/1990 Zb., ktorým sa novelizoval Trestný zákon č. 140/1961 Zb. s účinnosťou od 1 júla 1990.

and its imposition, while respecting the requirement of certainty of the criminal law norm (including the norm regulating the type of punishment), while there is no specific requirement for the optional or obligatory nature of a relatively certain sanction.

MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES

Mitigating and aggravating circumstances are, by the theory of criminal law, included among the facts that significantly determine the individualization of punishment. Ex lege they have a significant influence on the choice of the type of sentence and the imposition of the sentence, as they will modify the limits of the penalty rates as a result of their correct determination and determination by the court [10]. In view of the above findings, they can be considered as an important means of legal and judicial individualization of punishment and its imposition.

Mitigating and aggravating circumstances are exhaustively defined in § 36 of the Criminal Code and § 37 of the Criminal Code, which is the difference from the previous legislation contained in the Criminal Code No. 140/1961 Coll. in which they were mentioned only demonstratively. Given the exhaustive nature of the criminal law, the calculation of aggravating and mitigating circumstances cannot be extended in any way, not even by analogy. In the case of juvenile offenders, according to § 110 par. 1 of the Criminal Code when determining the sentence, the fact that he has fulfilled the educational obligations or restrictions specified in § 107 of the Criminal Code is also taken into account as a mitigating circumstance. Based on case law, it can be said that the most frequent aggravating circumstances, which are assessed in the decision-making activity of the court, whether a criminal order or judgment, are primarily aggravating circumstances under § 37 letter. "h") Criminal Code, that is the commission of several criminal offenses (concurrence) and § 37 letter "m" Criminal Code, i.e. conviction for a previous crime (recidivism)

It is the duty of each court to take into account the proportion and severity of mitigating and aggravating circumstances when determining the type of sentence and its imposition, which explicitly results from § 38 par. 2 Criminal Code At the same time, two cardinal concepts emerge from that provision, namely the ratio and the degree of seriousness.

The ratio of mitigating circumstances to aggravating circumstances is a ratio expressed arithmetically, a mathematical ratio determined on the basis of facts found out and proven facts. This ratio determines the lowering of the upper limit and the increase of the lower limit of the penalty rate, that is the so-called legal individualisation of punishment. According to § 38 par. 3 of the Criminal Code the upper limit of the statutory penalty rate is reduced by one third if the proportion of mitigating circumstances prevails. According to § 38 par. 4 Criminal Code. the lower limit of the statutory penalty is increased by one third if the proportion of aggravating circumstances prevails.

The penalty rate represents the penalty rate of imprisonment specified in a special part of the Criminal Code, but also the penalty rates of other types of sentences specified in the general part of the Criminal Code, with the exception of those sentences that do not have a penalty rate.

The degree of severity of mitigating circumstances and aggravating circumstances determines the determination of a specific sentence within the adjusted range of the penalty rate, that is the so-called judicial individualisation of punishment. Thus, the limits of the penalty rate are first adjusted according to the ratio of mitigating and aggravating circumstances, and then their severity is taken into account in determining the specific area. Increasing or lowering the limits of the penalty rate will ultimately affect the determination of the specific sentence, and the court must therefore consider only those mitigating and aggravating circumstances on the part of the offender which are unquestionable and which were proven to the court.

In application practice, however, there may be a situation where no aggravating and mitigating circumstances are proven, respectively. are proved, but in the same (arithmetic) number. Applying the principles of formal logic and grammatical interpretation of the provisions of § 38 of the Criminal Code. Act, there will be no legal individualization, and thus no modification of penalty rates. However, the application of the so-called judicial individualisation of punishment can not be excluded.

Reduction of the upper limit or increase of the lower limit of the penalty rate according to § 38 par. 3 to 4 of the Criminal Code is carried out only within the statutory penalty rate; the basis for reducing or increasing the penalty rate is the difference between the upper and lower limit of the statutory penalty rate. This means that the required one third is calculated from the difference between the upper and lower limit of the penalty rate; the result is then either added to the lower limit of the penalty rate or subtracted from the upper limit of the penalty rate according to the applied provision.[9] A reduction of the upper limit or an increase of the lower limit of the statutory penalty rate shall not apply in cases where a special part of the Criminal Code provides only for imprisonment for twenty-five years or life imprisonment, i.e. in the case of an absolutely certain sanction.

However, in the decision-making practice of courts, a situation may arise where the ratio of mitigating and aggravating circumstances is uniform, which means that it will not be possible to apply § 38 par. 3 and 4 of the Criminal Code. In the given case, the court will move only within the statutory penalty rate in a special part of the Criminal Code for a specific criminal offense when determining the specific sentence. The imposition of the sentence will thus only be affected by the degree of seriousness of the mitigating and aggravating circumstances, in no

[9] When applying § 38 par. 3 of the Criminal Code. for a sentence of, for example, 2 to 8 years, one third, by which it is necessary to reduce the upper limit of the sentence of imprisonment, is calculated from the difference between the upper and lower limit of the sentence, i.e. 8 – 2 = 6 years. One third is calculated from 6 years, which is actually 2 years. As the upper limit needs to be reduced by one third, 2 years are deducted from the upper limit of 8 years, reducing the upper limit to 6 years. The penalty rate, within which the court will decide on a specific sentence, taking into account the seriousness of mitigating and aggravating circumstances, will be 2 to 6 years. The same procedure will be followed in the application of § 38 par. 4 Tr. Act, but in the given case the lower limit of the penalty rate of imprisonment would increase, while maintaining the example of 2 to 8 years, the penalty rate after adjustment would be 4 to 8 years.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

case by their proportion. Only judicial individualisation of punishment will come into consideration and not legal individualisation of punishment, which is excluded from the point of view of their meaning and purpose on the basis of the relevant legal provisions. On the basis of the above, it can therefore be concluded that mitigating and aggravating circumstances are an aspect of the individualization of punishment and the achievement of its purpose.

PUNISHMENT OF RECIDIVISM

Recidivism (criminality) in criminal law means a case where the same offender commits a crime again after a court has lawfully convicted him of another, previous crime.[10] Recidivism always requires a valid conviction for a previous crime. From a formal point of view, the fiction must not be that the perpetrator is treated as if he had not been convicted. From a material point of view, the court did not take the opportunity not to take this circumstance into account given the nature of the previous conviction. Recidivism, as a generally aggravating circumstance, is the only case of aggravating circumstances which the court does not have to take into account, even if it has been established in criminal proceedings.

The case where the offender commits a second criminal offense after proclamation of the conviction of the conviction by court of first instance for the first criminal offense, but before the entry into force of this judgment, cannot be considered either a recidivism or a concurrence of criminal offenses, but it is a so-called false recidivism, sui generis retroactivity, which is punishable by imposing another punishment according to § 43 of the Criminal Code.

The modification of the penalty rates of imprisonment is influenced by recidivism, resp. retroactive crime related only to a category of crime or a subcategory of particularly serious crime. Theoretically, it is also possible to consider the situation that the modification of the lower limit of the penalty of imprisonment may also be determined by the recidivism of the misdemeanor, if the court considers it as a generally aggravating circumstance in the existence of no mitigating circumstance.

According to § 38 par. 5 Criminal Code when committing a crime again, the lower limit of the statutory penalty is increased by one half. In the sense of this provision, it is therefore a recurrence of crime, but at the same time the application of § 38 par. 4 Criminal Code, according to which the lower limit is increased by one third (due to the predominance of aggravating circumstances), but the application of § 38 par. 3 Criminal Code, according to which the upper limit is reduced by one third (due to the predominance of mitigating circumstances). The same applies to the recurrence of a particularly serious crime, with the difference that the lower limit of the statutory penalty rate is increased by two thirds and at the same time the application of § 38 par. 4 and 5 Criminal Code, but the application of § 38 par. 3 Criminal Code is not excluded.

[10] In this case, it is the so-called criminal understanding of recidivism; a criminological understanding of recidivism is a situation where the offender has re-committed any unlawful conduct; a penological understanding of recidivism is a situation in which a convicted person gets back to prison.

As mentioned above, recidivism does not always necessarily lead to a modification of the custodial sentence. However, the recurrence of the misdemeanor can be taken into account as an aggravating circumstance according to § 37 letter "m" Criminal Code even if the aggravating circumstances do not prevail over the mitigating circumstances (recidivism will not determine the modification – increase of the lower limit of the penalty rate) but can undoubtedly determine the determination of a specific sentence by the court, taking into account its severity. The fact that mitigating circumstances will prevail in a particular case does not mean that aggravating circumstances will no longer be taken into account in determining the type of sentence and its specific assessment.

Recidivism as an institute of substantive criminal law undoubtedly has a broad substantive significance, to which the author has approached restrictively with regard to the central theme of the article.

For a comprehensive perception of the issue, it is necessary to add that the increase of the lower limit of the penalty rate according to § 38 par. 5 to 6 Criminal Code is carried out only within the statutory penalty rate; the basis for reducing or increasing the penalty rate is the difference between the upper and lower limit of the statutory penalty rate. Reducing the upper limit or increasing the lower limit of the statutory penalty rate does not apply in cases where a special part of the Criminal Code provides only for imprisonment for twenty-five years or life imprisonment, i.e. an absolutely certain sanction. The provision of § 38 of the Criminal Code allows for the increase or decrease of criminal rates, whether in the case of aggravating and mitigating circumstances or the recurrence of crime and particularly serious crime, only within the limits set by law. A different situation occurs in the case of § 41 par. 2 of the Criminal Code that means in the case of imposing a comprehensive sentence of imprisonment in the application of the principle of asperation, when the upper limit increases above the statutory range, above the statutory penalty rate. In this context, § 38 par. 7 of the Criminal Code, according to which the provisions of par. 4 to 6 § 38 of the Criminal Code shall not be used if an increased aggregate penalty or a cumulative penalty pursuant to § 41 par. 2 Criminal Code or according to § 42 of the Criminal Code (cumulative or aggregate punishment when applying the principle of aspiration), if the simultaneous application of these provisions would be disproportionately severe for the offender.

With effect from 1 January 2013, there was a fundamental change in the area of recidivism, which was normatively formulated as a provision of § 7b par. 2 Criminal Code (Act No. 334/2012 Coll.), according to which a valid conviction by a court of another Member State of the European Union in criminal proceedings for the purposes of criminal proceedings shall be taken into account in the same way as if it had been issued by a court of the Slovak Republic. of the legal order of the Slovak Republic. Respecting the basic principle of criminal liability on the prohibition of retroactivity to the detriment of the offender, it is necessary to point to § 438e of the Criminal Code, according to which a conviction by a court of another Member State of the European Union is not taken into account if it entered into force before 1 January 2013.

The necessity of that provision resulted from the requirement laid down in Article 3 of Council Framework Decision 2008/675/JHA of 24 July 2008 on taking account of convictions in the Member States of the European Union in the course of new criminal proceedings. The provision of § 7b of the Criminal Code when determining the condition of mutual criminality of the committed act, it creates a precondition for the procedural procedure of bodies active in criminal proceedings and courts specified in § 488a of the Criminal Procedure Code [7].

EXTRAORDINARY REDUCTION OF PUNISHMENT

The Institute of Extraordinary Reduction of Sentences can be considered as means of individualization of punishment, which allows the sentence to be commuted and imposed below the lower limit of the penalty provided in the Criminal Code [7],[11] provided that the conditions laid down by law are met, namely imprisonment, activity prohibition punishment, prohibition of stay punishment, and punishment of expulsion.

The application of the institute in question of an optional nature is therefore only possible in the case of exhaustively listed penalties.

An extraordinary reduction of the sentence is possible in two separate cases. In the first case, if the general conditions under § 39 par. 1 of the Criminal Code which must exist at the time of the court's decision on punishment and not at the time of the commission of the crime. In the second case, in the existence of any of the exhaustively listed cases under § 39 par. 2 letter "a"– "e" of the Criminal Code. When imposing a sentence below the statutory lower limit of the penalty rate, the Criminal Code sets limits for the reduction of the penalty rate, which the court must respect.[12]

At the same time, it belongs to the provisions of the general part of the Criminal Code, which modify the penalty of imprisonment set for individual criminal offenses in a special part of the Criminal Code; especially § 39 par. 4 of the Criminal Code, according to which in proceedings on an agreement on the recognition of guilt and the acceptance of a sentence, the court may impose a sentence of imprisonment reduced by one third below the lower limit of the statutory penalty rate and in the case of offenses referred to in § 38 par. 3 letter "a" of the Criminal Code imprisonment of not less than twenty years.

Guideline of the General Prosecutor's Office of the Slovak Republic IV/1 Gn 5010/05-109 of 8 June 2006 for the procedure in the case of an exceptionally reduced sentence of imprisonment pursuant to § 39 par. 4 of the Criminal Code in the proceedings on the agreement on guilt and punishment, it states that the statutory penalty rate is to be understood as the penalty rate stated for which criminal offense in a special part of the Criminal Code. An individually determined penalty rate must be understood as a penalty rate calculated from the penalty rate established by law, taking into account the circumstances specified in § 38 par. 3 to 7 of the Criminal Code, while the basis for the calculation – the basis for reducing or increasing the penalty rate – will be according to § 38 par. 8 of the Criminal Code the difference between the upper and lower limits of the statutory penalty rate. After such an adjustment of the penalty rate, the application of § 39 par. 4 of the Criminal Code but without the application of § 38 par. 8 of the Criminal Code.

It clearly results from the above that one third, which can be sentenced to imprisonment below its lower limit, is calculated only from the lower limit of the penalty rate after it has been modified in accordance with the relevant provisions of § 38 of the Criminal Code.

In the application practice and decision-making practice of courts, there is a non-uniform procedure in the application of the above-described method of modification of the penalty rate in the case of the so-called conciliation procedure. The inconsistent interpretation consists in assessing the nature of the provision in question. Thus, two approaches follow from application practice, namely mandatory application or optional application. Due to the consequences of the application of the so-called conciliation provision, the conclusion on the obligatory application of § 39 par. 4 Criminal Code. However, if we use a synthetic interpretation of the provisions of § 39 par. 2 letter "d" and § 39 par. 4 Criminal Code, there can be no doubt about the optional nature of lowering the lower limit by one third.

PRINCIPLES OF CONCURRENCE PUNISHMENT

The concurrence of crimes is a case of so-called "Multiplicity" of crimes. According to criminal law theory, there is a concurrence (competition) of crimes when the same offender commits two or more crimes before he was convicted of one of them by a court of first instance, that is until such an act has been convicted by a court of first instance and unless the criminality of one of them was eliminated [4].

At the concurrence, it is necessary to assess the act in accordance with all the provisions of the Criminal Code that apply to it, in order to fulfill one of the elementary principles of criminal law and at the same time guarantee the legality; however, this principle does not apply to the imposition of a penalty for converging offenses, as in this case the so-called cumulative or aggregate penalty for the imposition of which special principles apply.

According to § 41 par. 1 of the Criminal Code, if the court convicts the offender of two or more criminal offenses, it shall impose a cumulative penalty in accordance with the statutory provision that applies to the most serious criminal offense.[13] In addition to the punishment permitted under such a statutory provision, another type of punishment may be imposed as part of a cumulative sentence if its imposition would be justified by one of the concurring offenses. If the lower limits of the sentences of imprisonment are different, the lower limit of the cummulative sentence is the highest of them.

The above provision is governed by the so-called absorption principle (absorption principle; the predominance of legal theorists is considered in principle

[11] Pursuant to Section 488a of the Criminal Procedure Code, taking into account of a valid conviction by a court of another Member State of the European Union in criminal proceedings shall be performed by the body active in criminal proceedings and the court.

[12] § 38 par. 3 of the Criminal Code.

[13] § 41 par. 1 of the Criminal Code.

to be the opposite of the cumulative or census principle, because the cumulative penalty is imposed according to the legal provision applicable to the most severe criminal offense), the application of which is the starting point for privileged punishment in case of overlapping. A harsher punishment absorbs a lesser punishment. The consequences of milder acts are already contained in the more serious legal consequences. It occurs in three forms – absorption of criminal offenses, absorption of criminal rates, absorption of punishments. The perpetrator will be punished and the punishment will be given only for the most serious criminal offense. The absorption principle concerning custodial sentences, which is set out in all sections of the Criminal Code for all offenses, is complemented by a horizontal cumulative principle on the types of sentences, as it is not excluded to impose more than one type of sentence side by side [8].

In concreto, the provision in question applies both in the case of single-acting concurrency and in the case of multi-acting concurrency. However, in the case of multiple concurrence, all the offenses committed are required to be misdemeanor, although the possibility of a crime being committed in addition to the offenses is theoretically permissible, but at least one of the offenses would have to be covered by negligence (if all misdemeanor were intentional and, in addition to them, at least one crime, the principle of aspiration would already be possible). From the point of view of the criminal law, however, it remains irrelevant whether the concurrence in question is homogeneous or non-homogeneous.

Strictness is assessed according to the upper limit of the penalty of imprisonment of individual converging crimes. The most severe sanction will be the crime with the highest upper limit of the penalty of imprisonment. If these upper limits of the custodial sentences are the same, then the lower limit of the custodial sentence will be considered as a criterion of severity. If a situation arises where the upper and lower limits of the penalty rates of imprisonment for converging offenses are the same, then the most severe offense is the offense which does not allow a different type of sentence to be imposed separately. In this case, it is therefore required to take into account the provisions of the general part of the Criminal Code, specific provisions governing the possibility of imposing sentences without imprisonment.

The lower limit of the sentence imposed for concurrence is the one which is the highest in the case of converging offenses, regardless of whether this upper lower limit also applies to the most serious criminal offense. This provision takes into account the type seriousness of the offenses. It is probably based on the fact that if the seriousness of one of the converging offenses is expressed, inter alia, by a certain lower limit of the custodial sentence, the type of seriousness of the converging offenses cannot be expressed by a lower limit of the sentence. Although in the system of criminal rates we rarely encounter cases where an offense with a higher upper limit of the sentence of imprisonment has a lower limit of the sentence than another offense with a lower upper limit, we believe that this provision has in law its justification in the light of the application of the above idea. Although this provision modifies to some extent the principle of absorption of penalty rates in the direction of tightening, it does not change its essence [8].

According to § 41 par. 2 of the Criminal Code, if a court imposes a cumulative sentence of imprisonment for two or more intentional crimes, at least one of which is a crime committed by two or more acts, the upper limit of the custodial sentence of the most criminal offense is increased by one third. The upper limit of the increased penalty rate may not exceed twenty-five years and in the case of juveniles the penalty rate specified in § 117 par. 1 or 3 of the Criminal Code. In addition to a custodial sentence, another type of sentence may be imposed as part of a cumulative sentence if its imposition would be justified by one of the criminal offenses committed.[14]

The above provision regulates the imposition of a cumulative sentence of imprisonment. However, the condition is that it is a multi-action concurrence. All offenses committed must be intentional offenses, at least one of which must be a crime. If all criminal offenses were only misdemeanor (intentional), then § 41 par. 1 Criminal Code could be taken into consideration.

Included here is the so-called the principle of aspiration (sharpening principle), which is used only in the context of imprisonment [10]. It does not apply to any other type of sentence, that means sentences without imprisonment [2]. It does not apply even if all the offenses committed are misdemeanor, even all intentional.

The principle of aspiration was reintroduced into the legal order of the Slovak Republic by an amendment to Act No. 171/2003 Coll., When the legislator allowed its application in multi-action concurrency, regardless of whether the concurrence was homogeneous or diverse. The principle of aspiration has been maintained even after the recodification of criminal law, but the conditions for its application have been clarified. In addition to the multiple concurrence of intentional offenses, at least one of the offenses committed was required to be a crime. It is not required that the crime is committed at the stage of completion (such as in § 47 par. 2 of the Criminal Code), but it is sufficient if it reaches the stage of preparation, which is a criminal offense within the meaning of § 13 of the Criminal Code Act.[15]

The application of the principle of aspiration therefore essentially means that the upper limit of the penalty of imprisonment for the most severe criminal offense is tightened, which means that the upper limit is increased by one third (absorption principle using the element of aspiration). It follows from the case-law of the courts that for the calculation of one third only the upper limit of the penalty of imprisonment needs to be taken into account.[16]

For example, if the penalty for the most severe crime is in the range of 3 to 9 years, one third will be determined from the upper limit of 9 years, which is 3 years. One third corresponding to 3 years is added to the upper limit of 9 years, that means in the end the upper limit of the penalty of imprisonment is adjusted to 12 years. The court will be in the range of 3 to 12 years when determining the specific area and no longer has to take into

[14] § 41 par. 2 Criminal Code.
[15] Rt 2Tdo 7/2008.
[16] R 43/2007.

account another requirement stipulated by the Criminal Code, namely to impose a penalty of more than half of the custodial sentence (determined by the offender lower and upper limit of the adjusted sentence of imprisonment and divided by two, in this particular case the lower limit would be added to 3 years and the upper limit to 12 years, which together represents 15 years, after dividing two we would get 7 years and 6 months. Thus, in the given case, the court would have to impose a punishment on the offender in a specific amount of more than 7 years and 6 months, maximum 12 years).

In the past, special attention had to be paid to the legal requirement that the court impose a punishment on the offender in excess of one half of the sentence thus determined. As mentioned above, a court imposing a penalty for converging offenses in the application of the principle of urgency no longer has to oblige the offender to pay a penalty in excess of one-half of the increased, adjusted penalty. According to the judgment of the Constitutional Court of the Slovak Republic, file No. PL. ÚS 106/2011 of 28.11.2012, published under No. 428/2012 Coll. the words "the court shall impose a punishment on the offender in excess of one half of the criminal offense thus given penalty rate of custodial sentence" in the text following the semicolon in § 41 par. 2 of the Criminal Code are not in line with art. 1 par. 1 of the Constitution of the Slovak Republic.

In the opinion of the Constitutional Court of the Slovak Republic, the manner in which § 41 par. 2 Criminal Code. chosen by the legislator in response to a multiple concurrence, does not respect the requirement of proportionality, as it does not allow the offender to be punished according to the criminal offense for which the sentence is imposed. It justifies this by the fact that the contested legislation does not allow the sufficient individualization of punishment and that there is a significant disproportion between the punishment of multiple concurrence and recidivism [8] (which, according to criminal law theory, are considered exact cases of multiple crime).

Pursuant to Art. 125 par. 3 of the Constitution of the Slovak Republic, the provision of § 41 par. 2 Criminal Code, the words in the text after the semicolon "the court shall impose a punishment on the offender over one half of thus determined penalty of imprisonment", on the day of the announcement of the judgment in the Collection of Laws of the Slovak Republic. Due to the fact that the National Council of the Slovak Republic did not bring this provision of the Act into line with the Constitution of the Slovak Republic, this provision lost its validity after 6 months from the promulgation of the judgment in the Collection of Deeds. The findings of the Constitutional Court of the Slovak Republic, which were adopted in plenary and which derogate from criminal law norms, are considered to be a direct source of criminal law.

The situation de lege lata is such that the principle of asperation has remained a part of the Slovak Criminal Code, the legal conditions do not change, the fulfillment of which must be applied. Based on the decision of the Constitutional Court of the Slovak Republic, the scope of tightening the criminal rate of the most criminal offense is changing. When applying the asperative principle in the punishment of concurrence, only the upper limit of the penalty of imprisonment of the most severe criminal offense will be increased [8].

However, the consequences of the said judgment of the Constitutional Court of the Slovak Republic also occurred at the level of procedural law, not only at the level of substantive law. According to the opinion of the President of the Criminal Law College of the Supreme Court of the Slovak Republic on the basic procedure of the court of first instance in relation to the implementation of the Constitutional Court ruling, it is necessary to pay attention to § 41b par. 1 of Act No. 38/1993 Coll. on the organization of the Constitutional Court of the Slovak Republic, on proceedings before it and on the position of its judges. Pursuant to the provision in question, if the court in criminal proceedings issued on the basis of a legal regulation which later ceased to have effect pursuant to Art. 125 of the Constitution of the Slovak Republic, a judgment which has entered into force but has not been enforced, the loss of effectiveness of such a legal regulation, its part or any provision is the reason for the reopening of proceedings under the provisions of the Criminal Procedure Code.

It results from the above that the loss of effectiveness of a provision (in this case part of the provision of § 41 par. 2 of the Criminal Code) is considered a "fact of a court rather unknown..." within the meaning of § 394 par. 1 Criminal Procedure Code If § 41b par. 1 of Act No. 38/1993 Coll. requires a final judgment which has not been enforced, it will in fact be a final judgment in which all the penalties and protective measures imposed have not been enforced (not even in part). As the reopening of the proceedings is a procedural proceeding, it is clear that the court of first instance will always have to carry out the proceedings in question at the request of the entitled person (especially the accused). The court's obligation to notify in accordance with § 396 par. 4 Criminal Procedure Code is questionable. In the renewed proceedings, the art. 50 par. 6 of the Constitution of the Slovak Republic and § 2 par. 1 of the Criminal Code shall be applied, which determine its temporal scope. This allows, if the judgment has not been enforced, to decide in favor of the offender on the basis of a change in the law caused by a ruling of the Constitutional Court of the Slovak Republic, even if it occurred after the crime and the conviction of the offender.[17]

In most cases, in practice, the asperation principle is applied in the so-called joint proceedings pursuant to § 18 of the Criminal Procedure Code, from which the only legal way of non-application of the asperative principle can be deduced, namely by using the procedural institute of exclusion of a matter according to § 21 of the Criminal Procedure Code. By using this provision, for separate proceedings within the meaning of § 21 of the Criminal Procedure Code exclude a less serious criminal offense (misdemeanor), then an act qualified as a crime would be discussed, for which a penalty would be imposed taking into account the social harmfulness of the act, despite the fact that the crimes are a purely formal category. Subsequently, a less serious criminal offense (misdemanor) would be discussed, for which a summary sentence would be imposed pursuant to Section 42 of the Criminal Code

[17] Tpj 11/2013.

or § 44 of the Criminal Code would be possible, if the court would therefore waive the imposition of a cumulative sentence if the previously imposed sentence appeared to be sufficient [2]. In the given case, the sentence is sufficient if it has been imposed at the upper limit and has not yet been served at all. The summary sentence can also be waived if the summary sentence should be less severe than the sentence previously imposed (the Criminal Code prohibits the summary sentence from being more lenient than the original sentence).

The question of how to proceed with the application of the asperative principle and the current application of § 38 par. 3, or par. 4 Criminal Code, when the upper limit of the penalty rate of imprisonment is reduced due to the predominance of mitigating circumstances, resp. to increase the lower limit of the penalty of imprisonment due to the predominance of aggravating circumstances, from the same penalty for a specific crime. Increasing the upper limit of the penalty rate of imprisonment according to § 41 par. 2 Criminal Code and reduction of the lower limit of the penalty of imprisonment according to § 39 par. 4 Criminal Code shall be performed only taking into account the modified upper, resp. the lower limit of the penalty rate, while § 38 par. 8 Criminal Code the sentence after the semicolon does not apply [2].

In the case of the current application of § 38 par. 3, 4, 5, 6 Criminal Code, § 41 par. 2 Criminal Code and § 39 par. 4 Criminal Code it is necessary in the first place when deciding on the sentence to adjust the penalty rate according to § 38 of the Criminal Code, subsequently adjust the penalty rate according to § 41 par. 2 Criminal Code, that means use the so-called urgency principle and, last but not least, to apply § 39 par. 4 Criminal Code that means a reduction of the lower limit of the penalty rate by one third due to the application of the institute of an agreement on guilt and punishment.[18]

It is necessary to distinguish the cumulative sentence from the summary sentence. The summary penalty is imposed according to § 42 par. 1 Criminal Code, if the court convicts the perpetrator of a criminal offense which he committed before the conviction was pronounced by a court of first instance for another of his criminal offenses, imposing a summary sentence in accordance with the principles for the imposition of a cumulative sentence. A summary sentence may be imposed only in multiple concurrence, in cases where all criminal offenses of the same offender are decided in various separate proceedings, that means not in joint proceedings pursuant to Section 18 of the Criminal Code. A cumulative sentence takes the place of a cumulative sentence that would otherwise be imposed on the offender if all offenses were decided in joint proceedings. Due to the fact that the imposition of a cumulative penalty is governed by the same principles as a cumulative penalty, the principle of asperation shall also apply in this case, respecting the same conditions as described in § 41 par. 2 of the Criminal Code.

A conviction of a court of first instance means the first conviction for another criminal offense. It is not decisive whether the judgment was given in ordinary proceedings or in proceedings preceded by an extraordinary appeal. A convictioning decision of the court of first instance for another criminal offense in § 41 of the Criminal Code means the first conviction of another criminal offense, regardless of the fact that in the ordinary or extraordinary appeal proceedings the judgment in question was cancelled, provided that this appeal ended with a valid conviction of the offender. When the offender committed another offense after the validity of the first conviction decision of the court of first instance, although this judgment was cancelled at a later stage and a new judgment was issued in the same case, which was preceded by another offense, not a concurrence of the imposition of a collective sentence is not possible.[19]

Together with the imposition of a summary sentence, the court shall annul the sentence on the offender imposed on the offender by an earlier judgment, as well as all other decisions following this statement if they have lost the basis due to the change caused by the annulment. The summary sentence may not be less severe than the sentence imposed by the earlier judgment. As part of the summary penalty, the court shall impose the penalty of loss of honorary titles and certificates, penalty of loss of military and other rank, penalty of forfeiture of property, fine, penalty of forfeiture, penalty of prohibition of activity or penalty of ban on participation in public events, if such a penalty was already imposed and if this is not prevented by § 34 par. 7 of the Criminal Code.[20]

In the case of imposing a collective sentence, the court is obliged to take into account the sentence imposed and actually executed by an earlier decision. The substantive conditions for the set-off of detention and punishment are generally regulated by Section 45 of the Criminal Code.

The earlier judgment must be final. If the earlier judgment is not final, the court that decides later, that the second offense, will wait for its decision until the earlier judgment becomes final.[21] However, if this court considers that the defendant needs to be acquitted or that the prosecution needs to be stopped, it does not need to wait for the validity of the conviction, rather of the tried crime, to be valid [7].

Application of § 42 par. 1 of the Criminal Code comes into consideration only if an earlier judgment was issued by a court of the Slovak Republic, because from the point of view of the application of the provisions of § 42 and § 44 of the Criminal Code, the courts are not bound by foreign decisions or decisions of the courts of the Member States of the European Union. It is also irrelevant which court issued the said decision in the case of the court of the Slovak Republic [2]. The exception from the requirement to take into account in criminal proceedings decisions of courts of other Member States of the European Union is justified by the very provision of Art. 3 par. 3 and Art. 4 of Council Framework Decision 2008/675/JHA, which stipulates that the taking into account of previous convictions handed down in other Member States may not influence, revoke or revise previous convictions of that Member State or its decisions to enforce them.[22] If a Slovak court imposed a summary sentence, with a previous decision issued by a court of another state (regardless of whether it was

[18] NR Tpj 37/2009-9.

[19] R 41/1968.

[20] § 42 par. 2 of the Criminal Code.

[21] R 27/1971.

[22] R 41/1968.

a member state of the European Union or not), the Slovak court would interfere with the criminal jurisdiction of another, foreign state by annulling the sentence. given the sovereignty of each state, is unacceptable.

There are cases in which the court imposes an additional sentence on the offender and these must be distinguished from the imposition of a cumulative or summary sentence. According to § 43 of the Criminal Code. If a court convicts an offender of a criminal offense committed before the sentence imposed by an earlier judgment has been executed and imposes a sentence of the same kind, that sentence, together with the part of the sentence imposed by the previous judgment not yet served, may not exceed the maximum amount allowed by the Criminal Code for that type of punishment. If one of these sentences is a custodial sentence, the maximum shall be a period of twenty-five years or a life sentence. In this case, it cannot be a concurrence, because another criminal offense was committed only after the issuance of an earlier conviction, nor recidivism, as the previously imposed sentence has not yet been executed. However, the application of this provision presupposes that the execution of the sentence previously imposed has not yet begun or that the sentence imposed has not yet been fully enforced. From the point of view of the distinction between a summary sentence and another sentence, it is necessary to accurately assess the moment of validity of the decision and the moment of committing the crime. This moment in time is crucial for the assessment and qualification of the proceedings as concurrence and its punishment according to § 41 and 42 of the Criminal Code or recurrences according to § 38 par. 5, 6 of the Criminal Code or false recurrence according to § 43 of the Criminal Code which is assessed separately [2].

OFFSETTING OF CUSTODY AND PUNISHMENT

An important substantive institute applicable to the imposition of a custodial sentence is also the institute of offsetting the detention and punishment. It makes it possible to count the time of restriction of personal liberty in custody (in custody) against the time of restriction of personal liberty, which is calculated within the imposed sentence of imprisonment, for fulfilling the conditions stipulated by law. As follows from the normative wording of § 45 of the Criminal Code, if the offender is prosecuted in custody and convicted in this proceeding, the time spent in custody shall be included in the sentence imposed, or in the cumulative sentence or aggregate sentence, if it is possible to count against the type of sentence imposed. The same applies if the court waives the imposition of a summary sentence or another sentence. If the offender has been apprehended in the course of criminal prosecution and is convicted in this proceeding, the period of restriction of personal liberty (as part of the detention) shall be included in the imprisonment imposed. If the offender has been punished by a court or other authority and has been convicted of the same act, the sentence of imprisonment served shall be included in the sentence of imprisonment imposed. The court proceeds in the same way if it has imposed a summary sentence or a summary sentence on the offender. The court follows the same principles even if the offender was in custody abroad or if he was punished by an authority of a foreign state for the same act.

STATUS OF CUSTODIAL SENTENCE ULTIMA RATIO AND ALTERNATIVE SENTENCE

The concept of imposing alternative punishments is based on the fundamental ideas of the so-called restorative justice. The basic theses of restorative justice were reflected in the legal order of the Slovak Republic by the adoption of the relevant criminal law, as well as the creation of a system of so-called alternative to short-term imprisonment. Alternative sentences are sentences which, without being linked to imprisonment, guarantee the fulfillment of the purpose of the sentence in the same way as if an unconditional sentence of imprisonment had been served on a convicted person. When imposing sentences, the judge has the option of imposing on the convicted person a custodial sentence (in this sense an unconditional short-term custodial sentence) or a sentence that will be served at large (will not be associated with restricting the convicted person's freedom of movement and residence, as in the case of unconditional imprisonment). It is traditionally stated in the professional literature that the meaning and positive advantage of alternative punishments is the fact that they do not tear the offender from his natural environment, do not disrupt his social, family and work ties and the offender will not be exposed to various criminal influences during the sentence. the execution of a custodial sentence in an institution connected with the execution of a sentence.

Alternative punishments are an important tool for protecting society and at the same time remedying offenders in the case of less serious crimes [9]. The aim of introducing and extending alternative sanctions, also in view of the benefits identified, was precisely to strengthen the principle that unconditional imprisonment has the character of an ultima ratio, which should only be applied if other means, ie non-custodial sentences, have failed [5]. At the same time, it is necessary to emphasize that the importance of imprisonment as an ultima ratio follows from the system of punishments for natural persons implicitly and only in the case of juvenile offenders is it expressed expressis verbis in the Criminal Code.

The category of alternative punishments may be included house arrest, compulsory labor, fines and non-participation in public events. The professional public also includes the institute of conditional suspension of the execution of a sentence and the institute of conditional suspension of the execution of a sentence with probation supervision. We state that in the category of alternative punishments it is necessary to include only the above four punishments, because the institutes of the so-called conditional sentence are, in our view, only forms of imprisonment. We proceed from the thesis that it is necessary to distinguish between the concept of alternative way of serving a sentence and alternative punishment.

Alternative punishments and alternative means of sentencing cannot be considered as synonymous terms, although alternative punishments must undoubtedly be included among alternative means of serving sentences. An alternative way of enforcing criminal sanctions

focuses on criminal sanctions, in this case penalties whose conditions for imposing sanctions also allow for another way of enforcing a given type of sanction, not to mention explicitly only alternative punishments. These are punishments for which the Criminal Code, within the conditions of imposing these sanctions, also regulates another alternative, which will occur provided that certain conditions stipulated by the Criminal Code are met, which the Criminal Code provides in advance as an option that may or may not occur. For example, there may be a breach of established obligations, which will result in a change in the manner of serving a sentence, as in the case of a conditional suspension of imprisonment (which will change to an unconditional sentence of imprisonment), resp. change to a different type of punishment than in the case of house arrest or compulsory labor (which will change to an unconditional sentence of imprisonment). On the contrary, a change in the manner of serving a sentence may also occur in a positive direction, provided that the conditions laid down by law are met, as in the case of Section 65a of the Criminal Code, when the remaining part of the custodial sentence is converted into a sentence of house arrest.

In conclusion, it must be stated that in both cases the custodial sentence retains the position of the ultima ratio in the system of sentences in the question of the application of alternative sentences and also the subsidiary character in the question of the application of alternative methods of serving sentences.

The latest legislative changes in the criminal law regulation of alternative sentences – specifically the sentence of house arrest – acquire a certain specific position in the system of sentences of imprisonment, which determines the imposition of alternative sentences, namely the above-mentioned house arrest sentence. The sentence of house arrest has undergone the most significant changes since its introduction to the present. In other country this institute has been used in past especially in the private sector. It was used to people who were strong or influential to be placed in a real prison [14]. Legislative instruments have gradually changed the substantive conditions for the imposition of this punishment, as well as its essence. In the context of the above-mentioned specific status of imprisonment, we consider it necessary to point out the following facts:

The first fundamental change concerns the maximum sentence of house arrest, which also represents the maximum upper limit of the sentence of house arrest. According to the valid legal regulation, this is 4 years (previously 1 year and 2 years). The change in the penalty rate (and thus also the sentencing) was followed by another fundamental change, namely the determination of the range of criminal offenses for which a house arrest sentence may be imposed. From the original range of misdemanors, with an upper limit of the sentence of imprisonment not exceeding five years, the possibility of imposing a house arrest for crimes has been extended. The normative wording of § 53 par. 2 of the Criminal Code, according to which a court may impose a sentence of house arrest of 4 years for a crime with an upper limit of the penalty provided by this Act not exceeding ten years, but at least at the lower limit of the penalty of imprisonment established by the Criminal Code.

According to the original legislative proposal, it was considered that the court could impose a house arrest for a crime for which the Criminal Code in a special part provides for imprisonment with a maximum sentence not exceeding ten years, while the length of the house sentence should not be shorter than the length of the custodial sentence that the court could impose for the act in question. The category of crimes for which a court could impose a house arrest would be tied to the upper limit of the sentence of imprisonment set out in a special part of the Criminal Code, which should not exceed ten years. At the same time, the length of the sentence of house arrest should not be shorter than the length of the custodial sentence that the court could impose for the act in question. According to the Explanatory Memorandum,[23] when imposing a sentence of house arrest for a crime, the court would be limited by the length of imprisonment it could impose for the act, which should not exceed 4 years (maximum length of house arrest). However, using a grammatical and logical interpretation, it can be concluded that, although the sentence of house arrest could not be shorter than the custodial sentence that could be imposed for the act, it was not prohibited to be longer than the custodial sentence that could be imposed for the act in question, but not longer than four years (statutory maximum period).

Such a proposed regulation leads to conclusions about a certain complexity of the imposition of house arrest on crimes (although the legislation implies that in criminal offenses). It follows from the proposed legislation exactly that the sentence of house arrest cannot be shorter than the sentence of imprisonment that could be imposed for a given act. In the first place, therefore, the court would have to resolve the question of what custodial sentence it would impose (to what extent). Subsequently, a specific sentence of house arrest would depend on the imposition of a custodial sentence. It can be concluded that the relation of alternative would be kept, such as house arrest sentence as an alternative to imprisonment, because in fact other sentence would ultimately be carried out than imprisonment, but the character of a direct alternative of home arrest to a short short-term custodial sentence would be lost. This idea is also supported by the fact that the maximum sentence of house arrest should be four years. The question arises as to whether a four-year unconditional sentence of imprisonment is still a short-term sentence? In this respect, is a four-year house arrest an alternative to a four-year unconditional sentence of imprisonment, or only an alternative way of serving a custodial sentence, in a broader sense, another form of imprisonment? [13].

In the end, the legal regulation of § 53 par. 2 of the Criminal Code modified in that the sentence of house arrest must be imposed at least at the lower limit of the sentence of imprisonment established by the Criminal Code. This eliminated some of the complexity of house arrest described above. However, the specific or determining status of the custodial sentence determining the specific sentence of house arrest, that is the scope of alternative punishment, remains dominant. The specific sentence of house arrest must correspond at least to the lower limit

[23] Explanatory memorandum to the draftof the amendment to the Criminal Code.

of imprisonment. The custodial sentence thus remains relevant for the imposition of an alternative sentence, as the sentences of the custodial sentence themselves should first be modified in accordance with the provisions of Section 38 of the Criminal Code and thus subsequently determine the specific sentence of house arrest.

TRANSFORMATION OF THE REST OF THE SENTENCE OF IMPRISONMENT INTO THE PENALTY OF HOME ARREST

In relation to alternative options for serving a custodial sentence, we could, in addition to the conditional suspension of the execution of a custodial sentence, also mention the institute of converting the rest of the custodial sentence into house arrest, which was introduced into our law with effect from January 1, 2016. "Back-end" is a type of house arrest and at the same time represents an alternative to serving a custodial sentence, where in fact house arrest becomes an alternative to the rest of an unconditional sentence of imprisonment [7].

The court may convert the unexecuted remaining part of the unconditional sentence of imprisonment, which was imposed only for the misdemeanor, if the conditions stipulated by the Criminal Code are cumulatively fulfilled. It follows from the normatively set conditions implicitly, but at the same time by a logical interpretation, that this is an unconditional sentence of imprisonment, even if the legislator does not speak exactly about this form.

The normative conditions for the application of a given institute are precisely specified in § 65a of the Criminal Code, require cumulative fulfillment and at the same time are synthetically bound to the conditions of the sentence of house arrest, which logically must be met in order for this sentence to be carried out. When converting a custodial sentence into a house arrest sentence, the same ratio is maintained as in the case of converting a house custodial sentence into a custodial sentence (if the convict violates the conditions of serving a prison sentence), i.e. 1: 1 (one day of imprisonment equals one day house arrest). The court will determine the sentence of house arrest according to the number of remaining days of imprisonment.

From the essence and purpose of the institute in question, it can be deduced that it represents a benefit in the field of alternative methods of serving sentences. However, application practice shows that it is not a popular and frequented alternative for several reasons. The most fundamental reason seems to be the lack of interest of the convicted persons themselves in this institute. First of all, it should be borne in mind that the execution of a house arrest requires the convicted person to share in the costs of operating the technical means and not every convict is willing and able to participate financially in the execution of the house arrest. In the case of an unconditional sentence of imprisonment, the execution of that sentence is predetermined by the State. More often, the lack of interest in converting the remainder of a custodial sentence into a house arrest is justified by the fact that convicted persons are much more interested in using the institution of conditional release, which is less invasive in terms of prisoner's restrictions than in prison. In terms of the efficiency and frequency of use of this institute, it would be appropriate to simplify and adjust the conditions determining the applicability of this alternative so as to increase the interest of convicted persons in this institute [9].

STATISTICS ON CUSTODIAL SENTENCE AND ALTERNATIVE SENTENCE

The Ministry of Justice of the Slovak Republic annually publishes on its website comprehensive statistics on the criminal agenda covering, among other things, the imposition of individual types of punishment.[24] It is clear from the above statistics how many sentences of imprisonment in its individual forms (unconditional imprisonment, conditional suspension of imprisonment, conditional suspension of imprisonment with probation supervision), but also alternative sentences (home arrest, compulsory work) was imposed (refer with Table 1).

Regarding the imposition of unconditional imprisonment in the observed years 2007 to 2018, it can be stated that it maintained a stable tendency to imprisonment in the years 2007 to 2014. Subsequently, in 2015 to 2017 there was a slight decrease compared to previous years, but again while maintaining a steady trend storage in those three reference years. In 2018, there was an increase in the number of unconditional sentences imposed, although changes in the imposition of alternative sentences, in particular the technical control of their execution, were anticipated and expected by another result, namely lower numbers.

In the case of conditional suspension of imprisonment, an annual increase can be observed in the years 2007 to 2013 (with the exception of 2011, when there was a decrease) in the number of imposed so-called conditions. Since 2014, there has been a gradual decrease in the number of sentences imposed, while the last three monitored years have maintained a more or less stable trend.

In the case of conditional suspension of the execution of a custodial sentence with probation supervision, an increasing trend in the number of deposits can be observed in the years 2007 to 2018, with the exception of 2014 and 2016, when there was a decrease.

As regards alternative sentences, in the case of house arrest, the number of sentences first increased between 2007 and 2010, and in the following years 2011 to the present (with two exceptions, 2016 and 2018, when there was a very slight increase). The punishment of compulsory labor is characterized by an increasing trend of imposition from 2007 to 2013; since 2014, statistical data have shown a declining trend, which can be considered a rapid decline (for comparison, in 2013 the penalty of compulsory labor was imposed 3581 times and in 2018 only 1085 times).

Regarding the reference period from 2015 to the present, statistical yearbooks consistently state that the most frequently imposed sentence for the reference period was a conditional suspension of imprisonment (even for juvenile offenders), which is not in line with the purpose of the current criminal policy in the Slovak Republic, which focuses on the wider application of alternative punishments.

[24] The Ministry of Justice of the Slovak Republic annually publishes statistical yearbooks on its website justice.gov.sk. The Statistical Yearbook for 2019 is still in the process of being processed, therefore it has not been included in this article.

Table 1

YEAR	UNCOND	COND	COND WITH PROB	HOME ARREST	COMPULSORY WORK
2007	5430	16 710	720	25	349
2008	5391	18 342	1022	28	578
2009	5933	19 426	1316	51	830
2010	6291	18 915	1348	59	1352
2011	5754	17 607	1329	28	2265
2012	5913	19 712	1479	25	3123
2013	5095	20 813	1761	21	3581
2014	5333	18 983	1544	17	3351
2015	4946	17 752	1880	18	3037
2016	4871	16 927	1575	23	1599
2017	4801	16 639	1982	14	1393
2018	5842	16 153	1980	28	1085

Number of given sentences in the years 2007–2018: UNCOND – unconditional sentence; PO – conditional suspension of custodial sentence; COND WITH PROB – conditional suspension of the custodial sentence with probation supervision; HOME ARREST – sentence of home arrest; COMPULSORY WORK – sentence of compulsory work.

PRISON PROBLEMS

In the context of the current problems of prisons in general, the issue of a constant increase in the number of accused and convicted persons in prisons resonates in particular. It is for this reason that the need for systemic changes in the prison system in our conditions is emphasized, whether in the field of alternative punishment to unconditional imprisonment, in the field of economic and economics, as well as in the field of post-penitentiary care. Changes in the field of prisons, like all other changes in the field of public administration, are essentially dependent on the economic conditions of a particular state, as well as on priorities that are socially and politically recognized at the time [3].

The basic problem of ensuring adequate conditions for the execution of imprisonment and the development of prisons The Concept of prisons identifies the long-term unfavorable development of the number of prisoners and the associated exceeding of accommodation capacities, unfavorable technical condition and structure of prisons and facilities. The index of the Slovak prison population ranks very low among other European countries.[25]

In connection with the growing overcrowding of individual institutions for the execution of a custodial sentence (hereinafter referred to as "ÚVTOS"), we draw attention to Annex No. 5 to the Concept of Prison, which reflects the insufficient accommodation area in square meters per convicted person in ÚVTOS with a minimum degree of guarding. The average accommodation area in ÚVTOS Hrnčiarovce nad Parnou, Dubnica nad Váhom, Sabinov, Košice-Šaca and Sučany was only 2.88 m^2 per convicted person in 2011. According to the provisions of § 18 par. 1 Act. No. 475/2005 Coll. on the Execution of Custodial sentence as amended (hereinafter referred to as the "Act on the Execution of Custodial sentence"), the accommodation area in a cell or room for one convicted person shall be at least 3.5 m^2, which in 2011 did not meet none of the above ÚVTOS with a minimum degree of guarding.

In general, the situation can be assessed as a violation of the principle of legality, which the legislator tried to avoid by the wording in the third sentence of the cited provision of the Act on the Execution of Custodial sentence according to which, if the number of convicted persons in the institution increases excessively, the accommodation area can be reduced temporarily. Reduction of accommodation of a convicted person should respect the principle of proportionality of interference with the fundamental rights and freedoms of convicted persons, according to which long-term failure to achieve statutory accommodation for one convicted person can be described as a violation of the principle of legality [12].

The long-term unsustainable state of the Slovak prison is also supported by the conclusions of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT), which reiterated in the Report to the Slovak Government on the visit to the Slovak Republic its recommendation that the minimum accommodation should be increased to 4 m^2 per one prisoner accommodated in a multi-seat cell, and that on this basis it is necessary to recalculate the official capacities of ÚVTOS in the Slovak Republic.[26]

[25] The concept of the prison of the Slovak Republic for the years 2011–2020, Update p. 5. Information on http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=22614

[26] Report for the Government of the Slovak Republic on the visit of the Slovak Republic by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT council) on 24.9.2013 až 3.10.2013. Information on http://www.rokovania.sk/File.aspx/ViewDocumentHtml/Mater-Dokum-167584?prefixFile=m_

Despite the facts described above, in the context of the processed statistical data, it can be stated that the imposition of an unconditional sentence of imprisonment is still frequent. Imposition of so-called conditional sentence of imprisonment is frequent compared to alternative sentences.

INFLUENCE OF PRIVATE PRISONS ON IMPRISONMENT

The issue of the construction of private prisons resonates more and more in the professional public in the Slovak Republic, as in other countries. Privatized prison systems have their own specifics in each country, which can be understood as a reflection of the current socio-political situation and society's view of the extent to which the private sector can participate in the provision of public services. The participation of the private sector in the state prison system is therefore either limited, partially limited or free. In this context, Chi distinguishes 5 basic models of prison system privatization:

1) private service model;
2) private construction model;
3) private management model;
4) private takeover model; 5. private ownership and operation model.

These are models that depend on the extent and extent to which the private sector participates in the prison system. In countries that currently have a system of private prisons, one of these models of private prisons can in principle be found [11].

The Slovak Republic has struggled for long with the problem of the capacity of prisons, which is determined by the unfavorable development of the number of persons sentenced to unconditional imprisonment. As already mentioned in this article, the legal accommodation capacities are not observed, the prison facilities themselves show an unfavorable technical condition, the age structure of the facilities is also relevant, while insufficient financing of prison needs or investment debt cannot be neglected. The construction of a new prison facility, which would significantly expand the capacity options for convicts, can be considered a relatively simple solution. This solution also follows from the Feasibility Study for the construction of the Rimavská Sobota – Sabová prison facility in the form of a public-private partnership,[27] according to which there is a significant shortage of accommodation capacity to be ensured by the construction of a new building; expanding the capacity intended for the execution of a custodial sentence is a strategic priority of the Ministry of Justice of the Slovak Republic and the Prison and Judicial Guard Corps.

The need for the construction of such a facility was also supported by the Prison and Judicial Guard Corps with a forecast of the number of accused and convicted persons mapping the number of presumed accused and convicted persons until 2035,[28] which he had prepared according to a demographic forecast. According to the above forecast, the trend of the prison population is expected to increase in the medium term by the end of 2021 from the trend curve of the number of prisoners to date, while the Slovak Republic must take into account the situation where which would increase the number of convicted persons.

However, the above solution can be considered ideal only in the case of sufficient funding on the part of the state. Therefore, the relevant ministries decided to implement the project of building a new prison facility in Rimavská Sobota, in the form of a public-private partnership, as the Feasibility Study evaluated this form as the cheapest option and at the same time financially approved the model. disadvantageous. The essence of this model is that the private partner will ensure the construction and operation of the prison facility, with the exception of activities that must be provided by the state – especially activities falling within the competence of the Prison and Judicial Guard Corps (guarding convicts, working with convicts). In particular, the Feasibility Study points to the fact that the existence and implementation of this model does not require major legislative changes, in other words, the current legislation allows such a model to work.

Public-private partnerships called PPP (Public – Private Partnerships) can be characterized as a long-term partnership of the public and private sector, which aims to provide quality public infrastructure and public services. This term is not legally defined in Slovakia. This is a general technical concept and the way in which the public sector provides a public service through a private company. In its Green Book on PPPs, the European Commission defines public-private partnerships as a form of cooperation between public authorities and the private sector for the purpose of financing, building, renovating, operating and maintaining infrastructure and providing services through that infrastructure.

The area of infrastructure projects in the area of accommodation facilities is suitable for implementation in the form of a PPP project, mainly due to the fact that these are investment-intensive projects that can be expected to be used for a relatively long period. Also estimate the necessary maintenance and operating costs in advance. The basic features of PPP projects include the long-term nature of cooperation, the distribution of project risks, where the risks of the project are taken over by a private partner. The private partner is involved in several phases of the project, financing the project in whole or in part. In return, he is provided with services related to the work for payments either from users or from a public partner or a combination thereof. The PPP project must be economically advantageous and use the experience of a public and private partner. With an optimal distribution of risks, a synergistic effect with a positive impact on economic efficiency can be achieved.[29]

[27] Update of the Feasibility Study for the Construction of a Prison Facility Rimavská Sobota – Sabová by the form of public-private partnership. Information on https://www.zvjs.sk/file/cf303722-a449-4a68-a367-bb6062453fd9.pdf

[28] Information on https://www.zvjs.sk/file/8682fad1-1ca2-4430-8798-14b80512289a.pdf

[29] Update of the Feasibility Study for the Construction of a Prison Facility Rimavská Sobota – Sabová by the form of public-private partnership Information on https://www.zvjs.sk/file/cf303722-a449-4a68-a367-bb6062453fd9.pdf

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

It is not the purpose of this paper to analyze the Feasibility Study in detail. The author tries to point out the fact that the current and long-term problems of prisons in the Slovak Republic are also being solved by the state by gradually introducing private elements or elements of privatization into the public sector of prisons.

The model described above also works in the neighboring Republic of Hungary, where since 2008 the convicted persons were placed in two private prisons (SZOMBATHELY and TISZÄLÖK), where unconditional imprisonment is carried out on convicted men and women at all levels of guarding; these facilities also include the performance of bonding. The website of the Prison and Judicial Guard Corps[30] currently registers 10 institutions for the execution of a custodial sentence and 8 prisons, where a detention center and an institution for the execution of a custodial sentence are present at the same time, i.e. a total of 18 prisons, from of which 13 buildings are older than 30 years. There are currently 31 state prisons, 2 private prisons in operation in Hungary and the need to build another 8 prisons (with a high probability of a state character) is announced.

In the neighboring Czech Republic, the legislative basis for the possibility of establishing a private prison is provided through the provisions of § 13 of Act No. 169/1999 Sb. on the Execution of Sentences of Imprisonment and on the Amendment of Certain Related Laws. Pursuant to the provision in question, the Minister may also establish a prison in a building other than the one administered by the Prison Service, provided that the owner of such a building agrees and concludes a contract for the establishment of easements. The building in which the prison is established is managed and operated by the owner of the building on the basis of a contract concluded with the Prison Service. However, the prison service is responsible for guarding, treating convicts and complying with the legal conditions of serving a sentence. It also operates state construction supervision in these buildings. The conclusion of a contract on administration and operation does not affect the right to supervise and control the execution of the sentence. With the above legal wording, the Czech legislator created the legislative basis for the possibility of privatization of prisons in the Czech Republic. Based on the above, it can be stated that the topicality of the privatization of the prison system in the Slovak Republic is not a utopian idea at all [12].

It should be added that in connection with the preparation of the above-mentioned law, the Czech Republic began to consider the possibilities of implementing the privatization of the prison system, and the form of the so-called PPP projects. Even after almost 25 years, it can be stated that the said idea did not take on real forms, even though real efforts were being made to implement it. At the end of 2006, the construction of a private prison was to begin on land in Rapotice, which the Czech Army transferred to the Ministry of Justice of the Czech Republic free of charge. According to the original intentions, the private partner of the Czech Republic was to design, build, finance and subsequently ensure the operation and employment of convicted persons for a private prison for a certain period (25 years). In that period, the State was to gradually repay the private partner the amount of its investment on the basis of the lease. After the end of the term of the contract, the relevant rights and obligations, or property, were to be transferred back to the Prison Service of the Czech Republic. The private prison in Rapotice was to be managed by a person of a public authority, its representative was to be a person from the private sector, while supervision and security would be provided by the Prison Service of the Czech Republic during the current operation of a private entity. Despite these efforts, the project of private prisons in the Czech Republic was finally stopped by the Government of the Czech Republic in June 2013 [1].

Following the issues of the previous paragraph, the result can be generated that the privatization of prisons, and thus the existence of private prisons, should determine the imposition of imprisonment in its unconditional form in a positive direction and at the same time significantly determine the existence of current prison problems related to accommodation facilities. Of course, the advantages of the existence of private prisons could be identified by several, but only if the formulation and creation of a functional model that respects the constitutional and legal limits, legal and non-legal guarantees of legality.

In this sense, the existence of private prisons could determine the frequency of imposition of unconditional imprisonment, which in our opinion would probably be increased, as the burning problem of accommodation capacity of convicted persons would be solved. It is also possible to consider the situation that at the same time the decision-making practice of courts in the area of imposing alternative punishments could be influenced, the frequency of imposition of which could decrease (although the monitored statistical data show a low frequency of long-term imposition with penetration to the present). In the professional public, as well as in the relevant department, differentiated causes of a low number of imposition of alternative punishments are searched for and detected, and in addition to objective determinants, determinants of a subjective nature are also formulated at the level of bodies applying the above criminal law institutions.

CONCLUSION – EVALUATION OF THE LEGISLATION

Imprisonment is a type of criminal sanction that can be imposed for any crime, so it can be considered a universal type of punishment, which ultimately results from the very fact that in a special part of the Criminal Code, only criminal rates are determined for each crime. Custodial sentence has an ultima ratio status in the system of penalties, which results from the placement of a custodial sentence in the catalog of sentences, the nature, nature and relation of imprisonment and alternative sentences, the impact of imprisonment on alternative sentences, and special legislation on the punishment of juvenile offenders, which sets out the principle of expressis verbis.

Statistics show that imprisonment is still the most severe sentence. The substantive conditions for the imposition of a sentence contained in the Criminal Code do not cause fundamental problems in the application practice, but

[30] Information on https://www.zvjs.sk/sk

nevertheless it is possible to detect certain problems which are related to the imposition of a custodial sentence in its specific forms. Problems of application practice in the issue of sentencing relate primarily to the conditional suspension of the execution of a custodial sentence and the conditional suspension of the execution of a custodial sentence with probation supervision. In the case of the imposition of an unconditional sentence of imprisonment, the capacity of prison facilities, which represent the place of execution of a sentence of imprisonment, appears to be a cardinal problem. Application practice, but also criminal law responds to this fact with necessary, although not always systemic solutions, such as the construction of a new prison facility using a private element representing the privatization element in prisons, but also by expanding the possibility of imposing alternative sentences to effectively replace imprisonment, although statistics recording the number of alternative sentences imposed do not confirm this trend.

Imprisonment is a relatively certain sanction if the Criminal Code provides for its penalty rates. The upper and lower limits of the sentences of imprisonment may be further modified in the framework of the application of the principle of legal individualisation of punishment, through the provisions of the general part of the Criminal Code. Selected provisions of the general part of the Criminal Code ex lege determine the individualization of the sentence, and thus the achievement or fulfillment of its primary purpose, but also partial goals, which are also a means to achieve the primary goal of protecting society from crime and perpetrators. However, the Criminal Code also defines a custodial sentence as an absolutely certain sanction, when it precisely sets the sentence at 25 years or life imprisonment.

REFERENCES

1. *Biedermanová E.* Je výkon trestu odnětí svobody v nestátních objektech v českých podmínkách reálný? *Trestněprávní revue*. 2014. No. 5. P. 121.
2. *Burda E.*, *Čentéš J.*, *Kolesár J.*, *Záhora J.* et al. Trestný zákon: Všeobecná časť. Komentár. I. diel. first ed., C.H. Beck Praha, 2010.
3. *Fábry A.* Väznenie. História a súčasnosť. Aleš Čeněk. Plzeň, 2012.
4. *Ivor J.* et al., Trestné právo hmotné. Všeobecná časť. IURA EDITION, Bratislava, 2006.
5. *Ivor J.*, *Polák P.*, *Záhora J.* Trestné právo hmotné. Všeobecná časť 1. IURA EDITION, Bratislava, 2017.
6. *Kolesár J.* Sankcie v trestnom práve. Citicom, Prievidza, 2010.
7. *Mencerová I.*, *Tobiášová L.*, *Turayová Y.* et al., Trestné právo hmotné. Všeobecná časť, Heuréka, Šamorín, 2015.
8. *Mencerová I.*, *Tobiášová L.*, *Turayová Y.* et al., Trestné právo hmotné. Všeobecná časť, Heuréka, Šamorín, 2013.
9. *Michaľov L.*, *Ferenčíková S.* Penologické aspekty. In: Romža S. et al. Alternatívne spôsoby výkonu trestov. Šafárik Press UPJŠ v Košiciach, Košice, 2018. Pp. 129–137.
10. *Samaš O.*, *Stiffel H.*, *Toman P.* Trestný zákon. Stručný komentár. IURA EDITION, Bratislava, 2006.
11. *Šramel B.* Privatizácia väzenského systému: áno alebo nie? *Trestněprávní revue.* 2015. No. 2. Pp. 26–33.
12. *Štrkolec M.* Väzenstvo Slovenskej republiky – vybrané problémy súčasnosti a perspektívy do budúcnosti. In: Trestná politika štátu história, súčasnosť a perspektívy. Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, Košice, 2015. Pp. 303–318.
13. *Tóthová V.*, *Ferenčíková S.*, Innovation in Criminal Policy of Imposing Alterantive Sanctions in Slovak Republic, in: Innovations in Science and Education. CBU Research Institute, Prague, Czech Republic, 2019. Pp. 661–670.
14. *Treščáková D.*, *Michaľov L.* Ethical aspects and protection of personal data in the execution of the home prison penalty. *Vestnik Univerziteta imeni O.E. Kutafina*. 2020. No. 2. Pp. 117–129.

Статья поступила в редакцию 17.05.2020, принята к публикации 25.06.2020
The article was received on 17.05.2020, accepted for publication 25.06.2020

ABOUT THE AUTHOR

Simona Ferenčíková, Faculty of Law, Pavol Jozef Safarik University in Kosice. Košice, Slovakia. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7897-0168. E-mail: simona.ferencikova@upjs.sk

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Simona Ferenčíková, Университет Павла Йозефа Шафарика в Кошице, юридический факультет. Кошице, Словакия. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7897-0168. E-mail: simona.ferencikova@upjs.sk

Serebrennikova A.V.

12.00.08

Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Criminal law and criminology;
Criminal enforcement law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-115-120

Criminal prosecution of Holocaust denial in Germany

A.V. Serebrennikova ©

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation

E-mail: serebranna@hotmail.com

Abstract. Currently, they are attracting public attention and causing public resonance problems associated with the reassessment of the feat of the Soviet people in World War II. Various kinds of insinuations arise related to the denial of the persecution and mass extermination of Jews living in Germany, in the territory of its allies and in the territories occupied by them during the Second World War; the systematic persecution and extermination of European Jews by Nazi Germany and collaborators during 1933–1945. Practice shows that those guilty of Holocaust denial try to avoid criminal liability and influence judicial practice, referring to freedom of speech enshrined in Art. 5 Abs. 1 of the Basic Law of Germany. The ***purpose of the article.*** Investigate the institution of criminal responsibility for Holocaust denial in Germany. Based on an analysis of the norms of criminal law and judicial practice in Germany in specific criminal cases, investigate the difficulty of delimiting criminal liability for denying the Holocaust freedom of expression. ***Methodology and methods.*** For the purposes of this article, the author uses the methods of analysis, synthesis, induction, diduction, as well as comparative legal, historical legal and historical comparative methods. ***Conclusions.*** After conducting a study, the author concludes that in Germany the issue of criminal liability for Holocaust denial is complex. The article points out the fact of heterogeneity of court decisions, analysis of judicial practice shows that this issue is resolved extremely ambiguously. Despite this, the author points out the high role of the legislator and the practice of law enforcement in shaping the right attitude to historical events, the high role of peoples in certain significant facts that are part of the foundation of historical and cultural heritage. ***Scope of the results.*** This work may be of interest to students of higher educational institutions, as well as graduate students interested in criminal law of foreign countries. The article can be used by teachers of law schools as an addition to the educational material.

Keywords: Criminal Code of Germany, the Basic Law of Germany, fascism, the Holocaust, criminal liability, qualifications, freedom of expression

FOR CITATION: Serebrennikova A.V. Criminal prosecution of Holocaust denial in Germany. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 115–120. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-115-120

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-115-120

Уголовное преследование отрицания холокоста в ФРГ

А.В. Серебренникова ©

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва Российская Федерация

serebranna@hotmail.com

Аннотация. В настоящее время привлекают внимание общественности и вызывают общественный резонанс проблемы, связанные с переоценкой подвига советского народа во Второй мировой войне. Возникают различного рода инсинуации, связанные с отрицанием преследования и массового уничтожения евреев, живших в Германии, на территории ее союзников и на оккупированных ими территориях во время Второй мировой войны; систематичное преследование и уничтожение европейских евреев нацистской Германией и коллаборационистами на протяжении 1933–1945 гг. Практика показывает, что лица, виновные в отрицании холокоста пытаются избежать уголовной ответственности и повлиять на судебную практику, ссылаясь на свободу слова, закрепленную в ст. 5 абз. 1 Основного закона ФРГ. ***Цель статьи.*** Исследовать институт уголовной ответственности за отрицание холокоста в Германии. На основании анализа норм уголовного права и судебной практики ФРГ по конкретным уголовным делам исследовать сложность отграничения уголовной ответственности за отрицание холокоста от свободы выражения своего мнения. ***Методология и методы.*** В настоящей статье автор использует методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также сравнительно-правовой, историко-правовой и историко-сравнительный методы. ***Выводы.*** Проведя исследование, автор приходит к выводу, что в Германии вопрос уголовной ответственности за отрицание холокоста носит комплексный характер. В статье указывается на факт существования многочисленных судебных решений. При этом анализ судебной практики показывает, что данный вопрос решается крайне неоднозначно. Несмотря на это, автор указывает высокую роль законодателя и практики правоприменения в формировании правильного отношения к историческим событиям, высокой роли народов в тех или иных значимых фактах, входящих в фундамент исторического и культурного наследия. ***Область применения результатов.*** Данная работа может представлять интерес для студентов высший высших учебных заведений, а также аспирантов, интересующихся уголовным правом зарубежных стран. Статья может быть использована преподавателями юридических вузов в качестве дополнения к учебно-методическому материалу.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Основной закон ФРГ, УК ФРГ, фашизм, холокост, уголовная ответственность, квалификация, свобода выражения мнения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Серебренникова А.В. Уголовное преследование отрицания холокоста в ФРГ // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 115–120. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-115-120

INTRODUCTION

Due to this, many foreign countries provide criminal prosecution of Holocaust denial (from the English holocaust, from Ancient Greek Ὁλοκαύστος – "burnt offering"). It is understood in the broad and narrow sense of the word. Thus, in the first sense, the Holocaust means persecution and mass extermination by the Nazis of representatives of various ethnic groups (for example, the so-called by Nazis "impaired" ones, such as Jews and Gypsies, or people of a certain nationality: Poles, Russians, Ukrainians, Belarusians) and social groups (Soviet prisoners of war, homosexual men, masons, hopelessly sick and disabled people, etc.) during the period of Nazi Germany. In the second, narrow sense – the persecution and mass extermination of Jews who lived in Germany in the period indicated above. Along with the Armenian Genocide in the Ottoman Empire, this extermination of the Jewish people during the years of Nazi Germany is one of the most famous examples of genocide in the 20th century. Sometimes this term is used in a broad sense with a lowercase letter, and in a narrower one with a capital one.

Criminal prosecution of Holocaust denial is a system of measures formed after the Second World War and the Nuremberg Tribunal, and aimed at criminalizing Holocaust denial, existing and evolving within the framework of more general criminal law measures implemented primarily in European countries (as the most affected by Nazi ideology and National Socialist regimes of the period before and during World War II) and aimed at banning National Socialism and neo-Nazism.

Thus, as a result of implementation of the above measures, in such European countries as Austria, Belgium, Germany, Lithuania, Liechtenstein, Luxembourg, Poland, Portugal, Russia, Slovakia, Slovenia, France, Czech Republic, Switzerland, as well as in Canada and Israel there have been adopted and are being applied the laws expressly prohibiting the public denial, understatement, approval or justification of crimes committed by the Nazis. In 2010, a law punishing the denial of crimes of totalitarian regimes

(although it is more appropriate to say that in this case the National Socialist regime is considered as totalitarian) was adopted in Hungary. Holocaust denial is not punishable in the United States, as free expression of one's views is protected by the First Amendment to the Constitution.

To consider the criminal liability for Holocaust denial in Germany, which is the subject of our study, it is necessary, first of all, to pay attention to the basic constitutional provisions of this country. Thus, Article 5 of the Basic Law protects freedom of speech, but with three restriction. It may be limited by "provisions of general laws", legislative provisions on the protection of youth or the right for dignity of an individual. "General laws" are laws that do not prohibit a certain opinion, for example, "Stuttgart football team – freaks." They must, observing the neutrality of views, serve a specific purpose, namely, the protection of another legal good.

In addition, it should be noted that criminal liability for the Holocaust, understood as genocide (Völkermord), is established in paragraph 6 of the Code of International Crimes (VStGB) of 2002, applicable in Germany.

What norms of the Criminal Code of Germany criminalize the Holocaust denial? It should be noted that when analyzing this problem, there are several points of view. An important role in such a discussion is, in our opinion, a different understanding of the relationship between Holocaust denial and freedom of opinion.

CRIMINAL LIABILITY UNDER THE CRIMINAL CODE OF GERMANY

So, according to most researchers, the criminal legal liability for justification of the Holocaust is established in paragraph 3 of clause 130 of the Criminal Code of Germany, which is called "Harassment of population groups". The disposition of this norm is formulated as follows:

1. Who by any means violates public order:
   - incites hatred towards any national, racial, religious group or in connection with its ethnic origin, towards part of the population or an individual in connection with belonging to a particular group or to a part of population indicated above, or calls for violence or arbitrariness against it or;
   - encroaches on the human dignity of another person in such a way that it degrades the dignity of a part of population, maliciously defames or slanders it;
   - the applicable sentence is deprivation of liberty for a term of up to five years.
2. Deprivation of liberty for a term of up to three years or a fine shall be applied to a person who:
   - relating written materials (cl. 11, par. 3) that incite racial hatred towards a part of population or a certain group characterized by national, racial, religious characteristics or other characteristics of a nationality, call for commission of violence or arbitrariness against that group, maliciously defame or slander them:
     a) distributes;
     b) publicly exhibits, offers, imports or otherwise makes available;
     c) manufactures, receives, delivers, procures, offers, notifies, advertises, imports or exports in order to use these publications or to make such use possible by another person, or
     d) transmits the information with a specified in par. 1 content by the radio, media or television.
3. Deprivation of liberty for a term of up to five years or a fine shall be applied to a person who, guided by the ideas of National Socialism, publicly or at a meeting approves, disputes or understates the seriousness of the criminal offense provided for in cl. 6 par. 1 of the Criminal Code on international crimes of the kind, in any way that violates public order.
4. Imprisonment for a term of up to three years or a fine shall be applied to a person who publicly or at a meeting violates public peace by assaulting the human dignity of the victim, by endorsing, elevating or justifying the National Socialist ideas of violence and arbitrariness.
5. Paragraph 2 also applies to written materials (cl. 11, par. 3) with the content specified in par. 3 and 4.
6. In the events provided for in par. 2, also in connection with par. 5, and in the events provided for in par. 3 and 4, cl. 86, par. 3 it is applied accordingly.

Cl. 130 par. 3 of the Criminal Code of Germany, provides criminal liability for the Holocaust denial for a person who approves, denies or conceals a crime under cl. 6 of the Criminal Code on international crimes, as indicated above, i.e. for genocide. In Germany, this means else the Holocaust or slander against the Holocaust.

JUDICIAL PRACTICE

Note that the judicial practice of Germany often faces the problem of delimiting criminal liability for Holocaust denial and freedom of expression, freedom of speech, proclaimed by Art. 5 par. 1 of the Basic Law of Germany. So, at present, with the development of digital communication technologies, certain statements that deny the Holocaust increasingly appear on social networks. We believe that in such a situation, one should distinguish insults, slander, value judgments and separate them from each other, which, unfortunately, is not easy. Freedom of speech also allows polemic, provocative and sharp statements, and sometimes erroneously understood judgments. Therefore, a prerequisite for this category of cases is a thorough examination by the court of the specific circumstances of the case, including motives of persons accused of committing crimes.

As follows from the materials of the criminal case, a resident of the German city of Stendal posted on Facebook a photograph of Adolf Hitler and wrote the following under it: "bastards, they just killed pigs, this is how our taxes disappear, and we still have to give the children money for food." District Court of the city of Stendal found in the actions of the defendant the signs of a criminal offense provided for in par. 130 of the Criminal Code of Germany – bullying groups of population – and sentenced the man to a fine of 130 daily rates of 30 euros (3900 euros) each.

HOLOCACAUST DENIAL

Another group of opinions regarding the liability for the Holocaust denial should include the opinion that in this case it is necessary to apply cl. 140 of the Criminal Code of Germany, which establishes criminal liability in form

of imprisonment for up to three years or a fine for acquittal or approval of criminal acts. According to this norm, those who:

1) justifies or
2) in another way that may violate public order, publicly, at a meeting or by distributing written materials (cl. 11, par. 3), approves the commission of unlawful acts referred to in cl. 138, par. 1, Nos. 2-4 and 5 and in cl. 126, par. 1, or in cl. 176, par. 3, cl. 176a and 176b, cl. 177, par. 4-8 or 178 after this unlawful act has been committed or has been attempted, is punishable by criminal law.

Thanks to this reference to these norms, there are an established list of criminal acts which the defendant justifies or approves.

Encouragement within the meaning of par. 140 of the Criminal Code of Germany takes place when a criminal, after committing a crime, provides an accomplice directly or indirectly with certain, unconditional in advance benefit.

Since the benefit must not have material value, demonstrative incentive measures may be sufficient for a corpus delicti, while the usual praise is not.

It is necessary to indicate those characteristics or interpretations that are used by German jurists and law enforcers for such a thing as "Approval", which means, mainly, "recognition of an already committed act as correct."

In addition, it is emphasized that the attribute of the corpus delicti of a criminal offense "considering, not least of all, the principle of certainty and the nature of the last argument, specific for criminal law, should not be interpreted restrictively. Thus, the relevant signs of the corpus delicti of the criminal act are only those statements that are "understandable by themselves" and "perceived as such directly and without interpretation" [1: 140]. "Approval implies that the speaker declares his/her disposition to the fact of committing the act, and thereby, in moral terms, (s)he her/himself stands behind the back of the offender."

It is in those cases where the statements are not limited to direct and isolated favor, but are embedded in a wider context and, in some cases, describe in more detail the reasons for the corresponding act, this may prevent classification of the act as "approval" within the meaning of par. 140 of the Criminal Code of Germany: thus, statements reflecting the committed predicate crime, and weighing all its pros and cons, constitute evidence of corpus delicti approval only if the disposition to the crime comes to the forefront.

Also, approval is not available when the statement can be understood as part of a critical substantive consideration of the possible causes of the corresponding act.

The spoken out approval, in the end, must be expressed in such a way as to be able to disrupt the peaceful existence of society, which is understood as a state of general legal order and peaceful coexistence of citizens, as well as a sense of security based on the population's belief that such a state will exist in the future.

Subject to proper investigation and establishment in each particular case, taking into account the actual circumstances of the case, an assessment of whether or not there are the about signs, "it is not only the content of the statement that matters itself. The specific circumstances of the situation in which the approval was announced should also be taken into account. Accordingly, in order to qualify a statement as capable of violating a peaceful state, it is necessary to understand the extent to which the statement was distributed, who are included in the mentioned circle of recipients, and also in what social conditions and behavioral conditions of groups of people (considered within the framework of crowd psychology) it was done. Only if, taking all these aspects into account, the approval carries a justified threat of violating the population's faith in the stability of legal benefits or creating an environment conducive to the commission of such crimes, it can be considered as a violation of public order."

JUDICIAL PRACTICE

In 2017, the Berlin Supreme Court found not guilty one of the most active Antifa participants since the late 1970s, who, on the basis of statements made by him in a media interview, was charged with approving the criminal offenses stipulated by par. 2 art. 140 of the Criminal Code of Germany. We believe that in making such a decision, the court proceeded from the specific circumstances of the case that excluded application of this norm [4].

It should be indicated that the corpus delicti provided for in par. 2 cl. 140 of the Criminal Code of Germany, can take place only if the approved act was either so specifically described in the statement that it can comply with the characteristics of cl. 140, and is included in the list of crimes specified in cl. 140 of the Criminal Code of Germany. In case of the accused, who favorably spoke out about attacks on the structures of the weekly newspaper Junge Freiheit, there were no such signs [4].

Also in 2017, the Karlsruhe Supreme Regional Court found not guilty under cl. 140 of the Criminal Code of Germany the defendant who spoke out in the comments on the website regarding arson of refugee shelters [5; 6; 7].

If there is possibility of an ambiguous interpretation of the statement, in the light of protected by the provision fixed in sentence 1 of par. 1 of Art. 5 of the Basic Law, freedom of speech, interpretation can be considered punishable only upon the condition that other interpretations that do not entail imposition of punishment, can be excluded with convincing justification. If the statement of the defendant is, in principle, just a descriptive statement in the spirit of an explanatory model of the way the citizens react in case of allegedly insufficient participation in political life, the conviction under cl. 140 of the Criminal Code of Germany is not considered.

In 2016, the Federal Constitutional Court of Germany [11] considered a request for a conviction under cl. 140 of the Criminal Code of Germany. In the decision not to accept the case for consideration, the court ruled that the conviction under cl. 140 of the Criminal Code of Germany was based on the posting in public places of posters that contained a reference to the crimes committed in the Hamburg quarter of Schantzviertel and an appeal "To depreciate Schantz!" (Schanze abwerten!) which is not a violation of freedom of speech.

The criminal legal qualifications of Holocaust denial under German law will be incomplete without mentioning the legal position of the European Court of Human Rights

(ECHR), on the basis of which Holocaust denial cannot be justified by the freedom of speech. In confirmation of which we will give the following example from its practice.

The ECHR (application no. 55225/14 dated October 03, 2019) [10] ruled that a person cannot justify by the right to freedom of speech the denial of the facts of the persecution and mass extermination of representatives of a Jewish ethnic group during the existence of Nazi Germany – an event known as the Holocaust.

Udo Pasteurs is a German politician who chairs the National Democratic Party of Germany, as a member of the Mecklenburg-Vorpommern state land legislature, delivered a speech on January 28, 2010 (the day after Holocaust Remembrance Day), stating that "the so-called Holocaust is used for political and commercial purposes," also he stated that there was a "propaganda lie" in covering the story. In particular, he said: "With the exception of the corrupted groups whose cooperation you have acquired, it is unlikely that anyone will really take part in your horror theater. And why is this so? Because people feel that the so-called Holocaust serves political and commercial purposes... After the end of World War II, the Germans were subjected to an endless series of criticism and propaganda lies, cultivated primarily by dishonest representatives of the so-called democratic parties... In addition, the event, which you organized here yesterday at the castle was nothing more than the imposition of your projections of Auschwitz on the German people in a cunning and cruel way. Ladies and gentlemen, you hope for the triumph of lies over the truth" [12].

On August 16, 2012, the Schwerin District Court convicted Udo Pasteurs for violating the memory of the dead and defamation using the above statements, and sentenced him to eight months of inprisonment.

Having studied the full speech, the German court found that Pasteurs used terminology whose purpose was to deny "the systematic, racially motivated mass extermination of Jews carried out in Auschwitz during the existence of the Third Reich". The court then noted that the defendant cannot justify by the freedom of speech the denial of historical facts about the Holocaust.

QUALIFICATION ISSUES

The decision was unsuccessfully appealed to the Schwerin Court of Appeal and on March 25, 2013 the court dismissed the complaint as unsubstantiated. At the same time, the court examined the statements in general and stated that "the applicant alleged that the extermination of Jews associated with Auschwitz did not happen, or at least not in the way that historians reported. The atrocities associated with Auschwitz were lies and projections. The lies around Auschwitz have been used since the end of World War II for various political and economic purposes." The Court of Appeal concluded that the applicant thereby efficiently deny the systematic, racially motivated mass extermination of Jews in Auschwitz during the Third Reich (qualifizierte Auschwitzleugnung) and considered that the applicant had first spoken about the "propaganda lies" that the Germans were subjected to after the end of World War II, and mentioned "the projection of Auschwitz" as an example. From a linguistic point of view, he used the terms "lie" and "projection" in close sequence as having the same alleged meaning that can be seen in the structure of the sentence. He used the term "Auschwitz projection" in a sequence that also contained the terms "propaganda lies", "dishonest" and "lies", connected with the word "also". Regarding the perpetrators and motives regarding the "Auschwitz lies", he stated that the propaganda lie "is being cultivated in an unfair manner, primarily by representatives of the so-called democratic parties" and that "the so-called Holocaust is being used for political and commercial purposes". The Court of Appeal noted that the terms such as "the lie about Auschwitz," "the myth of Auschwitz," and "the baton of Auschwitz," were used repeatedly in connection with the assertion that there were no murders of millions of Jews during the Third Reich, and the term "the projection of Auschwitz" served the same purpose.

The decision of the mentioned courts was appealed in a third instance – the Rostock Court of Appeal on the ground of the applicant's disagreement with the "decision of August 16, 2013, since such a decision violates his right to be heard regarding his appeal on legal issues", but the appeal was rejected in November 2013.

On June 05, 2014 the German Federal Constitutional Court, agreeing with the position of the lower courts, rejected the applicant's claim on the merits.

Referring to Article 10 (freedom of expression) and clause 1 Article 6 (right to a fair trial) of the European Convention on Human Rights (hereinafter referred to as the Convention), Pasteurs stated that the German authorities violated his right to express a value judgment as a parliamentarian, and the criminal process itself and the procedure of its subsequent appeal was carried out improperly and filed a complaint to the ECHR.

Regarding his speech on 28 January 2010, the applicant noted that the national jurisdiction erroneously interpreted his speech, allegedly having selected for analysis only a small part of it without taking into account the general context. Thus, in his opinion, the text should not be perceived as the Holocaust denial, but as a criticism of the current polemic around commemorative practices in Germany. That is, based on the modern understanding of commemoration, as a memory stored in the public mind about significant events of the past [1], in which "the past appears not as a loan of itself, but as a special phenomenon, formed based on the current needs of society and deciding the tasks significant for it, including the tasks of education, the formation of certain values and patterns of behavior" [7: 80].

CONCLUSION

Representatives of the German authorities stated that the applicant's assessment judgment, that is, the denial of the Holocaust, is contrary to the text and spirit of the Convention, in connection with which he could not appeal to Art. 10 of the Convention, and the national court found Pasteurs guilty of a criminal offense which constitutes "justifiable interference in accordance with cl. 10 Art. 2 of the Convention".

Agreeing with the arguments of the German courts, the Strasbourg court ruled that the applicant had intentionally included false facts in his speech with

the aim of "discrediting the Jewish people and the fact of persecution to which they were subjected during the Second World War".

Thus, the court noted, Pasteurs' speech affected the dignity of the Jews to such an extent that the interference of German authorities with the subsequent initiation of a criminal case and punishment in form of imprisonment had sufficient grounds and was proportionate to the legitimate aim pursued.

Accordingly, there was no violation of Art. 10 of the Convention; the complaint must be rejected as manifestly ill-founded in accordance with cl. 3 (a) and 4 Art. 35 of the Convention.

FINAL CONCLUSIONS

Summing up the research conducted in this article, we should note that the Holocaust denial in Germany is a criminal act. The author's findings confirm that in Germany, the issue of criminal responsibility for Holocaust denial is complex. In judicial practice, this issue is resolved ambiguously. However, in modern society, where often arise opinions and judgments that are different from the prevailing notions of historical events, in particular denial of the role of certain peoples, legislative experience and the practice of law enforcement in foreign countries, including Germany, become particularly relevant.

REFERENCES

1. *Antipin N.A.* 50th Anniversary of the Russo-Japanese War in the USSR: Commemorative Practices 1954–1955. URL: http://roii.ru/dialogue/40/roii-dialogue-40_5.pdf (date access: 05.01.2020).
2. *Heuchemer*. In: BeckOK of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany, 37th ed., as of 01.02.2018, par. 10 of art. 140.
3. Based on materials from the Bundestag of the Federal Republic of Germany "Öffentliches Billigen oder Gutheißen von Straftaten Strafrechtliche Aspekte". URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BiyEQeTdZ0kJ:https://www.bundestag.de/blob/565442/fdaadce8f747f3226a83824d2039aa28/wd-7-128-18-pdf-data.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru
4. Decision of December 18, 2017, case number (2) 161 Ss 104/17 (6/17). Of the article "The politician-representative of the Left Party was found guilty by the court for calling for dismantling the railway track". *Spiegel Online*. 04.23.2013. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/linken-abgeordnete-wegen-aufruf-zum-schottern-verurteilt-a-896141.html
5. The court decision of 11.15.2013, case number 32 Ss 135/13. URL: https://www.in.gov/judiciary/3478.htm (date access: 05.11.2020).
6. *Shub M.L.* Modern commercial practices: Educational and educational potential. *Chelyabinsk Humanitarian University*. 2016. No. 3 (36). P. 80. (In Russ.)
7. "Deputy immunity does not always protect a deputy", Legal Tribune Online dated 11/18/2013. URL: https://www.lto.de/recht/nachrichten/n/olg-celle-urteil-32-ss-135-13-immunitaet-indemnitaet-landtagsabgeordneter-schottern-castor-internetaufruf/ (date access: 05.15.2020).
8. A politician from the Left Democratic Party was found guilty by the court for calling for dismantling the railroad track. *Sueddeutsche.de*. 05.21.2013. URL: http://www.sueddeutsche.de/politik/protest-gegen-castor-transport-linke -politiker-dehm-wegenschotter-aufruf-verurteilt-1.1677149
9 *Pastörs V. Germany*. European Court of Human Rights, decided on October 3, 2019. Retrieved October 8, 2019. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":["001-196148"]
10. BVerfG, 25.01.2016 – 1 BvR 1373/15. URL: https://dejure.org/dienste/rechtsprechung?gericht=BVerfG&seite=34 (date access: 20.05.2020).
11. Case of European Court of Human Rights, October 3, 2019 (case Pastörs V. Germany). URL: https://international.vlex.com/vid/pastors-v-germany-816667225 (date of access: 11.05.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипин Н.А.* 50-летие русско-японской войны в СССР: Коммеморативные практики 1954–1955 гг. URL: http://roii.ru/dialogue/40/roii-dialogue-40_5.pdf (дата обращения: 01.05.2020).
2. *Гойхемер*. В: BeckOK УК ФРГ, 37 редакция, по состоянию на 01.02.2018, п. 10 ст. 140.
3. По материалам Бундестага ФРГ «Öffentliches Billigen oder Gutheißen von Straftaten Strafrechtliche Aspekte». URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BiyEQeTdZ0kJ:https://www.bundestag.de/blob/565442/fdaadce8f747f3226a83824d2039aa28/wd-7-128-18-pdf-data.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru
4. Решение от 18.12.2017, номер дела (2) 161 Ss 104/17 (6/17). См. статьи «Политик-представительница Левой партии признана судом виновной за призыв к разборке железнодорожного полотна» // Spiegel Online. 23.04.2013. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/linken-abgeordnete-egen-aufruf-zum-schottern-verurteilt-a-896141.html
5. Решение суда от 15.11.2013, номер дела 32 Ss 135/13. URL: https://www.in.gov/judiciary/3478.htm (дата обращения: 11.05.2020).
6. *Шуб М.Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80.
7. «Депутатский иммунитет защищает депутата не всегда», Legal Tribune Online от 18.11.2013. URL: https://www.lto.de/recht/nachrichten/n/olg-celle-urteil-32-ss-135-13-immunitaet-indemnitaet-landtagsabgeordneter-schottern-castor-internetaufruf/
8. Политик из Левой демпартии признан судом виновным за призыв к разборке железнодорожного полотна. *Sueddeutsche.de*. 21.05.2013. URL: http://www.sueddeutsche.de/politik/protest-gegen-castor-transport-linke-politiker-dehm-wegenschotter-aufruf-verurteilt-1.1677149)
9 *Pastörs V. Germany*. European Court of Human Rights, decided on October 3, 2019. Retrieved October 8, 2019. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":["001-196148"]
10. BVerfG, 25.01.2016 – 1 BvR 1373/15. URL: https://dejure.org/dienste/rechtsprechung?gericht=BVerfG&seite=34 (дата обращения: 20.05.2020).
11. Case of European Court of Human Rights, October 3, 2019 (case Pastörs V. Germany). URL: https://international.vlex.com/vid/pastors-v-germany-816667225 (дата обращения: 11.05.2020).

Статья поступила в редакцию 10.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 10.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Serebrennikova, Dr. Sci. (Law); professor of Criminal Law and Criminology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, Russian Federation. ORCID: http://orcid.org/0000-00021064-4171. E-mail: serebranna@hotmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Серебренникова Анна Валерьевна, доктор юридических наук; профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Российская Федерация. ORCID: http://orcid.org/0000-00021064-4171. E-mail: serebranna@hotmail.com

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-121-127

Закономерности развития запретительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву

В.К. Андрианов ©

Центр исследования проблем правосудия ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: andrianov_vk@mail.ru

Аннотация. *Постановка проблемы.* Само наличие и роль объективных закономерностей в обществе, в том числе в правовой сфере, вызывает у некоторых мыслителей сомнение, вплоть до полного отрицания каких-либо закономерностей в социальной жизни. Но даже неглубокий анализ, проводимый с позиции общенаучного понятия закономерности, не оставляет сомнений в том, что в развитии и функционировании права, в самой его материи, образующих ее элементах, в их соотношении существуют объективные закономерности, которые подобно закономерностям в любой иной материи, имеют характер необходимых и устойчивых связей и зависимостей. Поэтому, безусловно, что свои специфические закономерности присущи правовой действительности, в том числе и уголовному праву как ее компоненту. Возникновение уголовного права закономерный процесс, который в свое время был пережит любым современным обществом. Он был обусловлен развитием системы социального регулирования и объективными потребностями охраны социальных интересов от наиболее опасных посягательств. ***Цели написания статьи***. Данная статья посвящена анализу процесса появления уголовного права, рассматриваются понятия генезиса и генетических закономерностей уголовного права, выясняются предпосылки уголовного права в системе социального регулирования первобытной эпохи. ***Выводы.*** Проведенное исследование позволило сформулировать ряд конкретных закономерностей возникновение уголовного права, в частности: закономерность генетической зависимости уголовно-правовых запретов от системы сакральных табу и запретов догосударственного общества; закономерность появления уголовно-правовых норм лишь в государственно-организованном обществе; закономерность зависимости возникновения уголовного права от формирования представления о преступлении как деянии, причиняющем вред всему обществу как целостному организму; закономерность обусловленности норм о преступном и наказуемом нравственными представлениями общества о добре и зле; закономерность, выражающаяся в последовательном закреплении в уголовном законе вначале преступлений mala in se (по своей природе), затем преступлений mala prohibita (согласно закону).

Ключевые слова: система первобытной нормативки, табу, закономерности возникновения уголовного права, история уголовного права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Андрианов В.К. Закономерности развития запретительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 121–127. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-121-127

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-121-127

Patterns of development of prohibitive-punitive institutions of social regulation: From taboo to criminal law

V.K. Andrianov ©

Center for the Study of justice issues, Russian State University of Justice (RSUJ),
Moscow, Russian Federation

E-mail: andrianov_vk@mail.ru

Abstract. ***Formulation of the problem.*** The very existence and role of objective patterns in society, including in the legal sphere, causes doubt among some thinkers, up to the complete denial of any patterns in social life. However, even a shallow analysis, conducted from the perspective of the general scientific concept of patterns, leaves no doubt that in the development and functioning of law, in its matter, its constituent elements, in their correlation there are objective laws that, like laws in any other matter, have the nature of the necessary and stable relationships and dependencies. Therefore, it is clear that their specific laws are inherent in legal reality, including criminal law as its component. The emergence of criminal law – a natural process, which at one time was experienced by any modern society. It was due to the development of the system of social regulation and the objective needs of protecting social interests from the most dangerous attacks. ***Purpose of article.*** This article analyzes the process of the emergence of criminal law, examines the concepts of genesis and genetic patterns of criminal law, it turns out the preconditions of criminal law in the social regulation of the primitive era. ***Results.*** The study made it possible to formulate a number of specific patterns of the emergence of criminal law, in particular: the pattern of the genetic dependence of criminal law prohibitions on the system of sacred taboos and prohibitions of pre-state society; the regularity of the emergence of criminal law norms only in a state-organized society; the regularity of the dependence of the emergence of criminal law on the formation of the idea of a crime as an act that causes harm to the whole society as an integral organism; regularity of conditionality of norms on criminal and punishable by moral ideas of society about good and evil; regularity, expressed in the sequential consolidation in the criminal law of crimes of mala in se (by nature), then mala prohibita (according to law).

Keywords: system of primitive standards, taboo, patterns of criminal law, history of criminal law

FOR CITATION: Andrianov V.K. Patterns of development of prohibitive-punitive institutions of social regulation: From taboo to criminal law. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 121–127. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-121-127

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение какого-либо явления составляет начальный этап его генезиса. Генезис есть история становления, изменения и развития явления, представляющая собой органическое единство его различных исторических состояний (этапов). Эти этапы как структурные элементы генезиса представляют собой звенья в последовательном ряду качественных изменений, которые характеризуются относительной самостоятельностью и специфическими закономерностями[1].

Генезис уголовного права – это история его возникновения и развития, неразрывно связанная с историей российского государства, характеризующая становление, последующий процесс формирования и переходы уголовного права от одного качественного состояния к другому, осуществляемые в соответствии с определенными генетическими закономерностями.

Закономерности генезиса уголовного права представляют собой такие существенные и необходимые связи факторов общественно-исторической среды и правовых явлений, которые выражают особенности возникновения уголовного права как качественно нового, относительно самостоятельного феномена, а также особенности его дальнейшего формирования и развития.

В данной статье поставим перед собой задачу выявить закономерности, вызвавшие к жизни уголовное право. Для этого требуется установить те социальные явления, с которыми решающим, существенным и необходимым образом было связано возникновение позитивного уголовного права как особого нормативного регулятора. Представляется, что этими явлениями, предпосылками возникновения уголовного права, во взаимодействии выступили – «табу», «государство» и «потребности общества в охране его интересов от наиболее опасных посягательств».

[1] См.: *Добриянов В.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М.,1968. С.20.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ ОТ СИСТЕМЫ САКРАЛЬНЫХ ТАБУ И ЗАПРЕТОВ ДОГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Первые предпосылки появления отрасли начали складываться еще в эпоху первобытного общества и коренились в системе его социального регулирования, поскольку являемый системой первобытных обычаев нормативно-регулятивный опыт (регламентации поступков людей посредством общих правил, установления запретов на совершение тех или иных действий, подкрепляемых санкцией, их строгость и обязательность, применения наказания, определяемого степенью общественной опасности совершенного деяния) был затем, по достижении государственной ступени развития общества, существенно востребован в процессе начального формирования позитивного уголовного права, а сами обычаи, санкционируемые государством, послужили его первоисточником, «строительным материалом». Правильно пишет С.С. Алексеев, что «позитивное право при переходе общества к цивилизации возникло не вдруг, не на пустом месте: его появление в какой-то мере было подготовлено развитием системы социального регулирования первобытных обществ» [1: 188].

В этнографической и исторической литературе отмечается, что в первобытности каждая община управлялась на основе не только свободного, меняющегося от случая к случаю волеизъявления ее взрослых членов, совета старейших, главарей. С необходимостью существовали и социальные нормы, т.е. обязательные, общественно-охраняемые правила поведения, которые «вырастали из стихийной потребности людей держаться вместе и действовать сообща»[2]. Эти нормы – правила разделения труда, сотрудничества, распределения, взаимозащиты, экзогамии и т.п. – отвечали жизненно важным интересам коллектива и, как правило, неукоснительно соблюдались. Кроме того, применяясь из поколения в поколение, они приобретали силу привычки, т.е. становились обычаями. Наконец, они были подкреплены идеологически – религиозными предписаниями и мифами.

Однако, как и теперь, и в первобытном обществе находились нарушители общепринятых норм. Это требовало применения мер общественного воздействия – не только убеждения, но и принуждения. Практиковались самые различные способы принуждения – от порицания, осмеяния или ругани до физической расправы. Случаи проступков, не имевших большого общественного значения, наказывались менее строго. Крупные проступки влекли за собой серьезные наказания: побои, увечья, а в особо тяжких случаях даже умерщвление или, что, по сути, было тем же самым, изгнание из коллектива. Главенствующим принципом принуждения к порядку служила эквивалентная компенсация («око за око, зуб за зуб»), на чем и основывались всевозможные выплаты и штрафы за понесенный ущерб, кровная месть и т.д. Вместе с тем при вынесении решения о том или ином наказании люди учитывали и личность преступника, прежде всего его родственные и общинные связи. Поэтому отношение к проступкам родичей или членов своей общины коренным образом отличалось от реакции на преступления чужаков. Убийство чужака вообще не считалось преступлением. Зато родичи убитого в этом случае жестоко мстили убийце и его близким, чаще всего устраивали вооруженное нападение. В плане изучения истоков и корней уголовного права важно также отметить в качестве достоверного факта, что, по крайней мере, в некоторых обществах существовала фиксированная шкала санкций [9: 218].

Таким образом, именно первобытные нормы стали предтечей основных инструментов, использованных позитивным уголовным правом – запретов, наказаний, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Еще одна закономерность (помимо отмеченной генетической связи) выявляется в той очередности, в которой нормы первобытнообщинного строя и правовые нормы государственно-организованного общества появлялись на свет. Как полагают ученые, само формирование норм-обычаев исторически происходило так, что первоначально сформировались запреты, и лишь потом появились позитивные обязывания и дозволения[3]. Н.И. Пикуров справедливо отмечает, что первым условием существования общества было соблюдение запретов: не убей, не укради, не желай жены ближнего [10: 32]. В такой же последовательности нормы складывалась и в истории собственно правового развития. Как пишет Ю.А. Денисов, есть все основания полагать, что изначальной формой, в которой право рождалось как право, являлся именно запрет, обеспеченный государством, что изначальными правоотношениями были деликтные, а изначальным юридическим фактом – деликт[4]. Н.М. Кропачев свидетельствует, что исходя из древнейших источников права, запрет исторически и логически был первичен[5].

Из того предположения, что первые шаги к порядку в первобытных обществах выражались в установлении строжайших запретов, можно вывести еще одну закономерность: чем более примитивен уровень развития общества, тем более его право (система социального регулирования в широком смысле) тяготеет (сводится) к уголовному (запретительному, охранительному) праву.

Однако, несмотря на то, что возникновение уголовного права было подготовлено процессом развития системы социального регулирования первобытного общества в целом, «степень родства» уголовного права с различными элементами регулятивной культуры этого общества неодинакова. Как представляется, наиболее тесная и глубокая генетическая связь в процессе становления позитивного уголовного права существовала

[2] Подробнее о первобытных нормах см.: *Токарев С.А.* Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. Л., 1972. С. 265; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 394–395, 554.

[3] См.: *Явич Л.С.* Право и социализм. М., 1982. С. 12–13.

[4] См.: *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л., 1983. С. 65.

[5] См.: *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 66.

между уголовно-правовыми запретами и табу, их свойствами, элементами и характером регулятивного воздействия. Табу как древнейший тип и форма запрета представляли собой своего рода «генотип других нормативных регуляторов» [6: 117], являли собой «зародыш правовых норм»[6]. Более точно – юридических запретов, как их разновидностей.

Имеются серьезные основания полагать, что именно табу, со свойственными им категоричностью и неукоснительным требованием соблюдения, выступили в системе первобытных норм в качестве предпосылки появления в дальнейшем уголовно-правовых запретов и, следовательно, «прародителей» самого уголовного права, которое началось с их формулирования.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

На последнем, распадном этапе первобытнообщинного строя, в эпоху обострения процессов социальной дифференциации (деление общества на большие группы, слои, страты) и образования государства начинается и процесс становления права. Как пишет А.И. Першиц, ход этих процессов не следует понимать упрощенно – так, будто сперва возникли классы, затем их антагонизм привел к появлению государства и, наконец, государство установило правовые нормы. Все эти процессы шли параллельно, диалектически взаимодействуя и стимулируя друг друга. Право возникло в процессе расщепления мононорм, из которых помимо него выделилась и мораль [9: 219].

Приобретение нормами особых юридических свойств, обособляющих их среди других социальных регуляторов, органически связано с возникновением государственной власти. Существенный, всеобщий, устойчивый и необходимый характер связи государства с правом, придающей этому регулятору такие особые свойства, как формальная определенность, общеобязательность, обеспеченность государственным принуждением, которые выделяют его в системе социального регулирования в качестве особого нормативного института – позитивного права, может быть отражен как закономерность генетической взаимообусловленности государства и права.

Однако далеко не всеми авторами, изучающими происхождение права, признается наличие этой закономерной зависимости права от государства. Многие усматривают закономерность появления права в его связи с другими явлениями человеческой истории. В литературе выделяются три основных варианта возникновения права – правогенеза: первый – ubi societas, ibi jus est (где общество, там право, т.е. право возникает вместе с обществом); второй – ubi civitas, ibi jus est (где государство, там и право, т.е. право возникает вместе с государством); наконец, третий, согласно которому право возникает позже, чем общество, но раньше, чем государство.

[6] См.: *Дроздов М.А.* Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 90.

Несмотря на то, что первая закономерность «где общество, там право» имеет значительное число сторонников[7], мы считаем, что права в строгом смысле этого слова, который только и применим к уголовному праву, не могло быть там, где еще не было государства. Поэтому признаки объективной закономерности (существенный, всеобщий, устойчивый и необходимый характер) имеет связь права именно с государством. Мысль о том, что в процессе становления государства формировалось и неотделимое от него право, находит поддержку у ведущих специалистов по нормативной этнографии и права[8]. Но как бы то ни было, по крайней мере, уголовно-правовое регулирование по своим свойствам как никакое другое наиболее тесно связано с государством, не существует без него. В уголовном праве наиболее явственно ощущается «рука» государства. Все это позволяет усматривать закономерность в самом появлении уголовно-правовых норм лишь в государственно-организованном обществе.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПОТРЕБНОСТЬЮ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ САМОГО ГОСУДАРСТВА ОТ УГРОЗ, СВЯЗАННЫХ С НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫМИ ДЛЯ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ДЕЯНИЯМИ

Изучая историю развития любого общества и государства можно увидеть, что уголовное право, где и когда бы оно ни возникало, обусловлено одинаковыми по своей сути причинами. Они выражались в наличии таких деяний, которые причиняя вред личности, обществу или государству, требовали его (государства) централизованной и жесткой запретительно-карательной реакции на такие деяния. Общество в целях самосохранения и государство для оправдания своего существования должно было наказывать тех, кто ему вредит. Так возникло уголовное право, чтобы защитить своими специфическими средствами (главным образом угрозой наказания и его применением) личность,

[7] «Следуя старой формуле ubi societas, ibi jus est («Где общество, там право»), мы заключаем, что всегда и везде общества существовали в рамках определенного юридического порядка» (см.: *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. М., 2000. С. 17). «Правовое появляется вместе с социальным и выступает как всеобщий элемент социального… Любое человеческое общество определяется правом и невозможно без определенного правопорядка» (см.: *Пэнто Р.*, *Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972. С. 53, 54). «О феномене права уместно говорить начиная с самых ранних стадий развития человеческого общества» (см.: *Мачин И.Ф.* К вопросу о происхождении права // Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 329).

[8] См., например: Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 19–20. Автор гл. – А.И. Бойко. Так, С.С. Алексеев пишет, что «учитывая влияние на возникновение права многообразных факторов, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что непосредственной силой, при помощи которой оно сформировалось и приобрело принципиально новые свойства, явилось государство» (см.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 2008. С. 41–42).

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

общество и государство от этих деяний. Верно утверждает А.Э. Жалинский, что уголовное право «возникло в качестве ответа на потребности как населения в безопасности, предсказуемости, повышении – в возможных пределах – комфортности социальной жизни, хотя бы минимальной, так и власти, стремящейся к легитимации необходимого ей насилия» [4: 10].

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ НОРМ О ПРЕСТУПНОМ И НАКАЗУЕМОМ НРАВСТВЕННЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ОБЩЕСТВА О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Поскольку уголовное право обусловлено не только факторами общественного бытия, но и сознания, то необходимо отметить еще один существенный момент идеологического характера, относящийся к возникновению уголовного права. Его возникновение – это такой социальный процесс, который связан с коллективным осознанием того, что преступление это не только частное зло, но и общественное, что преступным должно быть признано то, что причиняет или может причинить существенный вред какому-либо социально значимому благу, интересу, то есть то, что представляет социальную опасность для всего общества, и требует особого регулятора – уголовного права. Следовательно, в самой зависимости возникновения уголовного права от формирования представления о преступлении как деянии, причиняющем вред всему обществу как целостному организму, обнаруживается еще одна закономерность.

Анализируя уголовное право под углом зрения его связи с общественным сознанием, можно установить еще одну закономерность – взаимосвязь преступного и аморального. Она заключается в том, что существенное и необходимое влияние на формирование представления о преступном и наказуемом во все времена оказывали принятые в обществе нравственные представления о добре и зле, моральном и аморальном, справедливом и несправедливом.

Поэтому не случайно, что проблема соотношения преступности и аморальности, а более широко, моральных и уголовно-правовых явлений, всегда привлекала внимание ученых. Современные российские ученые также отмечают нравственную и религиозную заданность уголовного права [3: 22–23; 11; 13].

Таким образом, представляется, что уголовное право в своем возникновении было связано с институтом табу, назревшими потребностями общества по охране его интересов от наиболее опасных посягательств, а также с государством, верховные представители которого осознали эту потребность и, базируясь на опыте запретительно-карательной деятельности догосударственной эпохи, начали осуществлять ее с помощью средств уголовного права. Все это приводит к выводу о том, что обусловленность появления уголовного права указанными социальными явлениями содержит в себе ряд генетических закономерностей, поскольку имеет существенный, необходимый, повторяющийся в любом обществе характер.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, ВЫРАЖАЮЩАЯСЯ В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ВНАЧАЛЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ MALA IN SE (ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ), ЗАТЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ MALA PROHIBITA (СОГЛАСНО ЗАКОНУ)

Уголовное право исторически зарождается у всех народов с установления запретов на такие посягательства, как убийства, нападения на здоровье, имущественные преступления и прежде всего кражи. Поэтому они и получили наименование первичных (или традиционных) уголовно-правовых запретов. На этот момент обращает внимание М.В. Владимирский-Буданов, оценивая уголовные постановления договоров Руси с Византией (имеются в виду договоры Олега 911 г. и Игоря 944 г. – примеч. автора): если право народа столь первобытного, каковы были руссы X в., легко могло быть согласовано с правом народа такой дряхлой цивилизации, какими были византийцы, то очевидно, что основные уголовные понятия тождественны у людей всяких ступеней развития. И младенческие народы признают, что убивать, наносить побои, красть непозволительно[9]. Изначально уголовное право исходит из общих законов физической и психической природы человека, а не из искусственных воспрещений законом тех или других деяний. Поэтому здесь, на начальном этапе становления уголовного права любого государства обнаруживается еще одна закономерность: чем древнее уголовное право, тем более оно связано с удовлетворением естественных потребностей людей и, следовательно, тем более оно едино у всех народов, и, напротив, чем развитей уголовное право, тем более оно связано с конкретной экономической и социально-политической обстановкой в стране и, следовательно, тем более оно обретает национальное своеобразие.

Существование этой закономерности дало основание для (пусть и не бесспорного) выделения, прежде всего в англо-американском уголовном праве, двух категорий преступлений – mala in se и mala prohibita[10]. Первые – это те, которые, нарушая нормы естественного права, объявляемого вечным и универсальным, сами по себе представляют зло, общественно опасны по своей природе (убийства, изнасилования, хищения и др.). Вторые – это деяния, которые норм морали, как правило, не нарушают (неправильная эксплуатация «технических» средств, нарушение правил изготовления и реализации товаров и др.). Их противоправность производна от «позитивного» права, они являются преступными в силу принятых государством запретов. Преступления группы mala in se одинаковы во всех обществах, преступления же группы mala prohibita обусловлены культурой, экономическим и политическим строем страны, и в разных обществах весьма различны. Из того факта, что человек прежде сложился как природное, а затем социальное существо, и жизнь его в первую очередь была связана с природной, а затем

[9] См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 367.

[10] См.: *Фокс В.* Введение в криминологию / пер. с англ.; под ред. В.М. Когана, Б.С. Никифорова. М, 1980. С. 266.

и с социальной средой, вытекает еще одна закономерность, выражающаяся в последовательном закреплении в уголовном законе вначале преступлений mala in se (по своей природе), затем преступлений mala prohibita (согласно закону).

Как писал Н.Д. Сергеевский: «область преступных деяний изменяется в истории; но при том важнейшие преступные деяния отличаются несравненно меньшей изменчивостью, чем преступные деяния маловажные. Изменение первых зависит от крупных, коренных реформ и переворотов в государстве и обществе; между тем, вторые могут изменяться и действительно меняются быстро под влиянием самых скоропреходящих условий»[11]. Данную закономерность подтверждает и развитие современного уголовного права. Особенная часть уголовных законов 1960 и 1996 гг. наиболее существенно отличаются нормами, предусматривающими ответственность за преступления, связанными с экономическим строем, и мало отличаются преступлениями, выражающими посягательства на непреходящие, общечеловеческие ценности. Как известно, ценности делятся на универсальные (общечеловеческие), культурные и индивидуальные. Универсальные ценности не зависят от времени, места, языка и культуры. Они представляют собой константы, неизменные блага и упоминаются во всех великих книгах человечества: в Библии, Коране, Талмуде и т.д. Эти ценности не утратили своей актуальности и в наши дни. Универсальные ценности поднимаются на многообразием социально-экономических и политических условий. Культурные ценности создаются для поддержания и укрепления существующего порядка. Они отражаются в философских доктринах и образовании, языке, общественных системах, правилах и нормах. Отсюда следует закономерность: чем более универсальными являются те ценности (блага), на которые посягают преступные деяния, тем более стабильно они охраняются уголовным законом, и наоборот.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИММАНЕНТНОСТИ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КАТЕГОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ И НАКАЗАНИЙ КАК ИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Однако такие явления, как запреты конкретных видов опасного поведения и наказания за их нарушения, с властно-документального закрепления которых началось уголовное право, имеют для данной отрасли значительно большее значение, чем просто точка отсчета ее жизни. Они органически присущи уголовному праву подобно тому, как сделки свойственны гражданскому праву, а властные акты – административному. Без запретов и наказаний уголовное право также немыслимо, как жизнь человека без мозга или сердца. Если, скажем, наличие или отсутствие институтов соучастия, множественности, стадий – это вопрос более или менее эффективного функционирования уголовного права, то наличие или отсутствие в уголовном праве безусловных запретов и наказаний это вопрос его существования как такового.

Такой анализ показывает, что для каждой отрасли права есть определенная разновидность явлений, с которых она началась и без которых в принципе невозможна. Уголовное право зародилось с признания определенных деяний преступными и наказуемыми и без этого немыслимо.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет выделить ряд закономерностей, характеризующих возникновение уголовного права:

- закономерность генетической зависимости уголовно-правовых запретов от системы сакральных табу и запретов догосударственного общества;
- закономерность появления уголовно-правовых норм лишь в государственно-организованном обществе;
- закономерность обусловленности возникновения уголовного права потребностью в обеспечении защиты внутренней безопасности самого государства от угроз, связанных с наиболее опасными для интересов человека, общества и политической власти деяниями;
- закономерность зависимости возникновения уголовного права от формирования представления о преступлении как деянии, причиняющем вред всему обществу как целостному организму;
- закономерность обусловленности норм о преступном и наказуемом нравственными представлениями общества о добре и зле;
- закономерность, выражающаяся в последовательном закреплении в уголовном законе вначале преступлений mala in se (по своей природе), затем преступлений mala prohibita (согласно закону);
- закономерность имманентности уголовному праву преступлений как категории юридических фактов и наказаний как их юридических последствий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таковы общая логика и закономерности становления уголовного права, прокладывающие себе дорогу и в истории России, дорогу, хотя и проторенную этими общими закономерностями, но вымощенную конкретными социально-политическими и политико-правовыми событиями нашей страны.

[11] См.: *Сергеевский Н.Д.* Уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. СПб., 1905. С. 60.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
2. *Андрианов В.К.*, *Пудовочкин Ю.Е.* Закономерности уголовного права. М., 2019.
3. *Бойко А.И.* Системная среда уголовного права: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008.
4. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
5. История первобытного общества. В 3 т. Т. 1: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
6. *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002.
7. *Маркунцов С.А.* Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов. М., 2012.
8. *Маркунцов С.А.* Теория уголовно-правового запрета. М., 2015.
9. *Першиц А.И.* Проблемы нормативной этнографии. В кн.: Исследование по общей этнографии. М., 1979.
10. *Пикуров Н.И.* Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998.
11. *Пудовочкин Ю.Е.* Об этических вопросах уголовно-правового запрета // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
12. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902.
13. *Тер-Акопов А.А.* Христианство. Государство. Право. К 2000-летию христианства. М., 2000.
14. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М.,1999.
15. *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 2015.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Law: Alphabet – theory – philosophy. Experience a comprehensive study. Moscow, 1999.
2. *Andrianov V.K.*, Pudovochkin Yu.E. The laws of criminal law. Moscow, 2019.
3. *Boyko A.I.* The system environment of criminal law: dis. … Dr. Sci. (Law). Moscow, 2008.
4. *Zhalinsky A.E.* Criminal law in anticipation of change: an instrumental analysis. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2009.
5. The history of primitive society. In 3 vols. T. 1: General issues. Problems of anthroposociogenesis. Moscow, 1983.
6. *Kovler A.I.* Anthropology of law. Moscow, 2002.
7. *Markuntsov S.A.* The oldest Russian criminal law: the emergence of primary criminal law prohibitions. Moscow, 2012.
8. *Markuntsov S.A.* Theory of criminal law prohibition. Moscow, 2015.
9. *Pershits A.I.* Problems of normative ethnography. In: Research on general ethnography. Moscow, 1979.
10. *Pikurov N.I.* Criminal law in the system of intersectoral relations. Volgograd, 1998.
11. *Pudovochkin Yu.E.* On the ethical issues of criminal law prohibition. *Criminalist Library. Science Magazine*. 2012. No. 3 (4). (In Russ.).
12. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. Part is common. T. 1. St. Petersburg, 1902.
13. *Ter-Akopov A.A.* Christianity. State. Right. To the 2000th anniversary of Christianity. Moscow, 2000.
14. Criminal law. General Part. V.N. Petrasheva (ed.). Moscow, 1999.
15. *Freud Z.* Totem and taboo. Moscow, 2015.

Статья поступила в редакцию 10.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 10.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрианов Владимир Константинович, кандидат юридических наук; старший научный сотрудник (научное направление уголовно-правовых исследований) Центра исследования проблем правосудия ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Москва, Российская Федерация. E-mail: andrianov_vk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir K. Andrianov, Cand. Sci. (Law); senior researcher in criminal law, Center for the Study of Justice Issues, Russian State University of Justice (RSUJ. Moscow, Russian Federation. E-mail: andrianov_vk@mail.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-128-132
УДК: 347.73

К вопросу об отношении человека к животным в современной России: уголовно-правовой и нравственный аспект

М.И. Кольцов[a] ©, Е.А. Попова[b] ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

[a] E-mail: koltsovmi@yandex.ru

[b] E-mail: elenap2672@yandex.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает существующие проблемы, возникающие в случае применения положений действующей редакции ст. 245 УК РФ. На основе анализа теории и судебной практики данной сферы общественных отношений авторами раскрыты условия наступления уголовной ответственности за предусмотренное рассматриваемой статьей преступное посягательство. Кроме того, в статье содержатся сравнительные характеристики российского и зарубежного законодательства в части ответственности за жестокое обращение с животными. В статье были использованы следующие методы: логический метод познания, сравнительно-правовой метод исследования, формально-юридический метод, который позволил раскрыть сущность и признаки жестокого обращения с животными, а также метод толкования правовых норм. Использование данных методов позволило осмыслить рассматриваемые в статье нормы уголовного права и определить основные направления их дальнейшего развития. Авторами предложены возможные пути решения проблем, возникающих в процессе доказывания факта преступного посягательства по ст. 245 УК РФ, раскрываются способы устранения пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, уголовная ответственность, нравственность, проблемы квалификации жестокого обращения с животными, садистские методы, гибель животных

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кольцов М.И., Попова Е.А. К вопросу об отношении человека к животным в современной России: уголовно- правовой и нравственный аспект // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 128–132. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-128-132

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-128-132

To the question of the relation of man to animals in modern Russia: The criminal, legal and moral aspect

M.I. Koltsov[a] ©, E.A. Popova[b] ©

Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin",
Tambov, Russian Federation

[a] E-mail: koltsovmi@yandex.ru

[b] E-mail: elenap2672@yandex.ru, 8-902-732-74-89

Abstract. This article examines the existing problems that arise in the case of applying the provisions of the current version of article 245 of the criminal code of the Russian Federation. Based on the analysis of the theory and judicial practice of this sphere of public relations, the authors reveal the conditions for criminal responsibility for the criminal offense provided for in this article. In addition, the article

contains comparative characteristics of Russian and foreign legislation in terms of liability for cruelty to animals. The following methods were used in the article: logical method of cognition, comparative legal method of research, as well as formal legal method, which allowed to reveal the essence and signs of cruelty to animals, the method of interpretation of legal norms. The use of these methods allowed us to understand the institutions of criminal law and determine the main directions of development. The authors suggest possible ways to solve problems that arise in the process of proving the fact of criminal infringement under article 245 of the criminal code of the Russian Federation, and reveal ways to eliminate gaps in legislation.

Keywords: animal cruelty, criminal liability, morality, problems of qualification of animal cruelty, sadistic methods, death of animals

FOR CITATION: Koltsov M.I., Popova E.A. To the question of the relation of man to animals in modern Russia: The criminal, legal and moral aspect. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 128–132. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-128-132

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время потребительское отношение к природным, животным ресурсам становится все более распространенным явлением. Зоозащитники, экологи, не только в нашей стране, но и во всем мире, пытаются привлечь внимание общественности, государственных структур к проблемам в области охраны природы, бережного и гуманного отношения к животным. Безнаказанность, правовая неурегулированность поступков людей, нередко приводят к тому, что человечество теряет взаимосвязь со средой обитания.

Правовая защита животных является одним из основных показателей развитости общества, его критерием нравственной зрелости.

Отношения человека с животными существуют на протяжении всей его истории, а закрепление таких отношений в правовом аспекте получило распространение еще при зарождении российской государственности. Еще правовые акты Древней Руси пытались регулировать способы истребления животных.

1. О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ

В Уголовном кодексе 1960 г. в ст. 230.1 устанавливалась ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных. Отметим то обстоятельство, что субъектом данного преступления могло быть только лицо, к которому в течение года была применена мера административного взыскания за аналогичные действия.

Согласно ст. 58 Конституции Российской Федерации каждый обязан сохранять природу и окружающую среду. В соответствии со ст. 137 ГК РФ при осуществлении гражданских прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности, ст. 40 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» обязывает применять при пользовании животным миром гуманные способы.

После долгих обсуждений был принят и вступил в силу Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, призванный, в том числе, защитить животных от жесткого обращения. В ст. 3 названного закона жестокое обращение с животным определяется как такое обращение с ним, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), а также нарушение требований к содержанию животных, установленных законодательством (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии.

Закон, который прошел длительный путь своего принятия и вступления в силу, в итоге, по мнению некоторых специалистов, зоозащитников, оказался не пригодным к реальному исполнению. Его сложные, не всегда точные формулировки не способствуют практическому применению, что создает предпосылки для возникновения ошибок и злоупотреблений.

Нарушение требований к содержанию животных, причинившее вред их здоровью, неоказание при наличии возможности помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии должно найти правовое закрепление.

Защита животных предусмотрена нормами Уголовного кодекса РФ. В гл. 25 УК РФ Преступления против здоровья населения и общественной нравственности содержится ст. 245, предусматривающая при несоблюдение нравственных норм, осуждающих причинение страданий и боли животным, привлечение виновных к уголовной ответственности. Рассматриваемое нами преступление характеризуется высокой степенью общественной опасности, поскольку совершающие его лица, как правило, не останавливаются на данном преступном посягательстве, а совершают впоследствии и другие, зачастую более тяжкие деяния не только по отношению к животным, но и к людям.

Жестокость по отношению к животным является насильственным преступлением. Сама по себе жестокость – это проявление насилия через причинение боли, физических и психических травм.

Законодательство признает, что животные способны чувствовать, страдать от боли и нуждаются в правовой защите. Безнаказанность актов насилия по отношению к животным нередко является показателем склонности проявления насилия по отношению

к другим беззащитным категориям – несовершеннолетним, женщинам, пожилым людям.

Психологи утверждают, что проявление жестокости в детстве по отношению к животным является одной из основных причин проявления насилия во взрослой жизни. Агрессия закрепляется как форма поведения, ведет к формированию чувства равнодушия к страданиям других, а может проявляться и в психологических травмах в виде садизма. Чаще всего такие акты насилия по отношению к животным проходят в детском возрасте безнаказанно, что ведет к деформации личностного развития, изменению нормальных психологических качеств личности.

Профессор лондонского «Института здоровья детей» Д. Скьюз утверждает, что «каждый третий педофил в детстве жестоко обращался с животными» [Бальтанова, Кривошеева, 2019].

Таким образом, можно констатировать, что жестокое обращение с животными является своеобразной, чаще всего неосознанной подготовкой подростков к совершению жестоких преступлений в отношении людей и если своевременно и правильно не отреагировать на такие правонарушения, последствия будут самыми тяжкими.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ НОРМ СТАТЬИ 245 УК РФ («ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ»)

В Российской Федерации довольно продолжительное время общественность буквально требовала от законодателя реформирования статьи «жестокое обращение с животными», однако соответствующие изменения были введены только в 2017 г.: субъективная сторона дополнена мотивом причинения животному боли и (или) страданий, введены новые квалифицирующие признаки (с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») и в отношении нескольких животных), а также ужесточена санкция (первая часть дополнена наказанием в виде лишения свободы, а квалифицирующие признаки приобрели категорию средней тяжести вместо прежней — небольшой).

Несмотря на то, что ответственность за рассматриваемое преступное посягательство, предусмотренная законодателем, как нам представляется, является достаточно справедливой и соразмерной, преступление, предусмотренное ст. 245 УК РФ, представляет серьезную опасность для общества, требует научного осмысления и совершенствования его применения практическими работниками.

Такая необходимость возникает в связи с тем, что, во-первых, законодатель не раскрывает понятия «жестокое обращение» применительно к данному составу, во-вторых, выявление преступного посягательства, как показывает судебная практика, обычно сопряжено с его демонстрацией самим преступником (что свидетельствует о высокой латентности), в-третьих, доказать причастность конкретного лица к совершению рассматриваемого деяния весьма сложно по ряду объективных причин. Кроме того, как отмечает В.Н. Китаева, в настоящий момент все еще не сформирована единая методика расследования жестокого обращения с животными, что подтверждает сложность данного состава и необходимость его изучения [Китаева, 2015: 129].

В зарубежных странах правовому регулированию ответственности за жестокое обращение с животными уделяется немало внимания, в ряде стран законодательная база, направленная на искоренение подобных деяний, разработана весьма детально и скрупулезно, вследствие чего количество совершаемых преступлений составляет в разы меньшее число, чем в Российской Федерации. К сожалению, в международных конвенциях, содержащих вопросы защиты животных от жестокого обращения, Российская Федерация не состоит, хотя в них сформулированы детальные подходы к конструированию признаков составов рассматриваемого преступления. По мнению Р.В. Свиридова, законодатель не коснулся требований международного права, криминализируя жестокое обращение с животными, хотя это могло бы способствовать устранению пробелов и коллизий законодательства при доказывании факта рассматриваемого преступного посягательства [Свиридов, 2018: 123].

Вместе с тем, анализ действующего законодательства и судебной практики свидетельствует о том, что уголовная ответственность для виновного лица наступает в основном вследствие причинения смерти животному. При этом в Российской Федерации до сих пор нет ни одного обвинительного приговора за совершение таких действий, как, например, жестокость при дрессировке цирковых животных, создание неприемлемых для жизни условий в зоопарках, аквапарках, океанариумах и иных зрелищно-развлекательных учреждениях и т.д., если это не привело к смерти животных. Как отмечает Н.П. Кисенко, показательной в этом плане является судебная практика в США, где уголовная ответственность наступает даже за пропаганду жестокого обращения с животными [Кисенко, 2014].

Анализ судебной практики Российской Федерации, в подтверждение данного аргумента, свидетельствует о том, что в большинстве случаев уголовная ответственность виновных лиц наступает в результате их публичной демонстрации в сети «Интернет» фото и видеоматериалов с приведшими к гибели истязаниями животных, т.е., как правило, предусмотренные рассматриваемым составом преступные посягательства совершаются в отсутствии свидетелей и единственным условием доказательства их совершения является их демонстрация самим преступником и наступление смерти животного. Ролики, демонстрирующие жестокость по отношению к животным, нередко снимают и выкладывают несовершеннолетние, стремясь таким образом получить одобрение и повысить свою популярность среди сверстников.

В этом плане весьма показательной является ситуация, произошедшая в 2016 г. в Хабаровске и вызвавшая не просто широкий общественный резонанс, но взбудоражило всю страну. Две несовершеннолетние девушки убили более 15 животных, часть из которых намеренно для этой цели брали из приютов. Они использовали самые жестокие способы истязания: забивали их камнями, резали, топили, вешали, выкалывали животным глаза, стреляли в них. Довольно продолжительное время девушкам удавалось скрывать свои

деяния, однако после публикации фото и видеоматериалов в сети «Интернет», послуживших доказательной базой по данному делу, преступницам было назначено заслуженное уголовное наказание. Заметим, что по настоящему уголовному делу проведено более 400 следственных действий, допрошено более 150 лиц, проверено 39 судебных экспертиз, однако доказать вину еще трем лицам не представилось возможным. В материалах по «хабаровским живодеркам» отмечается также, что они параллельно с указанным преступлением совершали и другие – оскорбляли чувства верующих танцами у церкви, участвовали в разбойном нападении на жителя Хабаровска.

Кроме того, действующее законодательство не позволяет однозначно определить, какие именно действия подпадают под понятие садистских методов. Зачастую объективно квалифицировать деяние по ч. 2 ст. 245 УК РФ не представляется возможным в связи с тем, что понятие садизма в данном контексте является сугубо оценочной категорией, точных и единых признаков которой нет даже в научной литературе. Неотъемлемым свойством садизма является причинение особых страданий.

По мнению И.А. Кудрявцева и Н.А. Ратинова, понятие садизма подразумевается в трех значениях: в специальном (причинение физической боли и мучений как способ удовлетворения полового влечения), в медицинском (самостоятельное психиатрическое расстройство) и в обыденном (ненормальная страсть к чужим страданиям). Вероятно, именно последний смысл законодатель подразумевает в ч. 2 ст. 245, однако при квалификации преступного посягательства по рассматриваемому составу все равно возникают определенные проблемы в связи с отсутствием в законодательстве однозначно раскрытого понятия садизма [Кудрявцев, Ратинова, 2000: 82].

Также при квалификации деяния по рассматриваемому составу законодатель учитывает, что уголовная ответственность наступает как за действие, так и за бездействие. Если в первом случае однозначно определить преступное посягательство, подпадающее под ст. 245 УК РФ, довольно просто, то в случае бездействия уголовная ответственность наступает лишь тогда, когда на виновное лицо была возложена обязанность по соблюдению содержания животного. Однако, в таком случае при доказывании причастности конкретного лица к совершению преступления, предусмотренного анализируемой статьей, возникают определенные сложности. Во-первых, не всегда возможно установить факт принадлежности животного виновному лицу, во-вторых, довольно сложно определить, был ли в действительности у преступника умысел на совершение рассматриваемого деяния. А.Ю. Чернигова считает, что данный вопрос до сих пор остается открытым при применении действующего законодательства, и в ряде случаев уголовная ответственность за бездействие вообще не наступает [Чернигова, 2019: 158].

Кроме того, как нами уже было отмечено, законодатель не раскрывает самого понятия «жестокое обращение с животными». Исходя из существующей судебной практики, под данную категорию подпадают действия, причиняющие животному любое физическое насилие (удары, порезы, выбрасывание с высоты, утопление и т.д.). Однако состава преступления не образуют такие действия виновного лица, как, например, эвтаназия животного, убой сельскохозяйственных животных, отлов и охота и иные подобные действия, формально не противоречащие закону. Вследствие этого доказать факт преступного посягательства по ст. 245 УК РФ в результате совершения таких деяний (например, если они совершаются ненадлежащими способами) не представляется возможным. По мнению Р.Д. Шарапова, данные действия «явно противоречат принципам нравственного и гуманного отношения к животным», однако уголовная ответственность за их совершение законодателем не предусмотрена из-за пробела в законодательстве в части определения жестокого обращения [Шарапов, 2019: 54].

Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ в общем количестве преступлений против нравственности невелико. Но практически каждое из них приобретает большой общественный резонанс, негативно отражаясь на нравственном развитии молодых людей, особенно несовершеннолетних, так как зачастую происходит на их глазах.

Так, события, произошедшие в поселке Новый Тамбовского района в 2011 г. шокировали местных жителей. Глава администрации днем, на глазах у окружающих людей, в том числе и детей, привязал на шею веревку собаке и на машине отволок ее в лес. Следствие по этому делу завершили. Главе администрации предъявили обвинение по ст. 245 УК РФ. Уголовное дело с обвинительным заключением было направлено территориальному прокурору. Но прокуратура, к сожалению, не увидела здесь состава преступления.

В сентябре 2016 г. в г. Котовске мужчина на глазах несовершеннолетних смертельно ранил кошку и выбросил ее в окно. В январе 2017 г. он был осужден на 7 месяцев ограничения свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что доказывание факта преступного посягательства по ст. 245 УК РФ сталкивается с рядом проблем и недоработок. В первую очередь, связано это с тем, что действующее законодательство содержит в себе ряд оценочных категорий, которые суд определяет исходя из конкретного преступного посягательства, опираясь исключительно на собственные внутренние убеждения. Кроме того, в действующей редакции статьи не раскрывается основное понятие, которое и составляет объективную сторону состава. Вследствие этого, в настоящее время судебная практика по одному и тому же составу может существенно разниться, и зачастую виновные лица не получают того наказания, которое соответствовало бы степени общественной опасности совершенного ими преступления.

На наш взгляд, дополнение действующей редакции статьи однозначными определениями понятий «жестокое обращение» и «садистские методы» позволило бы устранить возникающие вследствие такого пробела проблемы при доказывании и квалификации деяния. Существенным препятствием при доказывании факта преступного посягательства по рассматриваемой статье является отсутствие уголовной ответственности

за жестокое обращение с животными, не приведшее к их гибели или увечью. Исключение данного условия наступления ответственности из уголовного закона позволило бы существенно снизить количество совершаемых преступлений, а также обеспечить превентивное воздействие на склонных к совершению подобных преступлений лиц.

Вместе с совершенствованием уголовного закона, устранить жесткое обращение по отношению к животным возможно только при проведении воспитательной работы, широкой пропаганды ответственного и бережного отношения к окружающему миру. Полноценное развитие нравственной личности невозможно без гуманного и милосердного отношения к животным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бальтанова Г.Ж.*, *Кривошеева А.С.* Отношение молодежи к жестокому обращению с животными // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. Спецвыпуск № 6. URL: http://ejournal. omgau.ru/images/issues/2019/S06/00656.pdf
2. *Кисенко Н.П.* О некоторых особенностях квалификации жестокого обращения с животными // Вестник университета. 2014. № 2. С. 247–250.
3. *Китаева В.Н.* Криминалистическая характеристика жестокого обращения с животными // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1. С. 127–134.
4. *Кудрявцев И.А.* Криминальная агрессия: (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М.: МГУ, 2000.
5. *Свиридов Р.В.* Основания криминализации деяний, сопряженных с жестоким обращением с животными // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 121–124.
6. *Шарапов Р.Д.* Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 51–61.
7. *Чернигова А.Ю.* Общественная опасность жестокого обращения с животными // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 155–158.

REFERENCES

1. *Baltanova G.Zh.*, *Krivosheeva A.S.* Attitude of youth to cruelty to animals. *Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State University*. 2019. Special issue No. 6. URL: http:// ejournal. omgau.ru/images/issues/2019/S06/00656.pdf
2. *Kisenko N.P.* about some features of qualification of cruelty to animals. *Bulletin of the University*. 2014. No. 2. Pp. 247–250. (In Russ.)
3. *Kitaeva V.N.* Criminalistic characteristics of cruelty to animals. *Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings*. 2015. No. 1. Pp. 127–134. (In Russ.)
4. *Kudryavtsev I.A.* Criminal aggression: (expert typology and forensic psychological assessment). Moscow: MSU, 2000.
5. *Sviridov R.V.* Grounds for criminalization of acts involving cruelty to animals. *Bulletin of Economic Security*. 2018. No. 4. Pp. 121–124. (In Russ.)
6. *Sharapov R.D.* Criminal liability for cruelty to animals. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2019. No. 1 (47). Pp. 51–61. (In Russ.)
7. *Chernihiv A.Yu.* Public danger of cruelty to animals. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 6. Pp. 155–158. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 10.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольцов Михаил Иванович, кандидат юридических наук; доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. AuthorID: 348466. E-mail: koltsovmi@yandex.ru

Попова Елена Альбертовна, кандидат юридических наук; доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. AuthorID: 671434. E-mail: elenap2672@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail I. Koltsov, Cand. Sci. (Law); associate professor, Department of Civil Law, Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin". Tambov, Russian Federation. AuthorID: 348466. E-mail: koltsovmi@yandex.ru

Elena A. Popova, Cand. Sci. (Law); associate professor, Department of Civil Law, Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin". Tambov, Russian Federation. AuthorID: 671434. E-mail: elenap2672@yandex.ru

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Forensics; Forensic expertise; Operational and search activities

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-133-137

УДК: 343.911

Лидеры организованной преступности как объект исследования криминалистики

С.А. Потапов[a] ©, Н.А. Попова[b] ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

[a] E-mail: potapov.1995@yandex.ru

[b] E-mail: nad-popova-62@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена комплексным исследованием понятия лидеров организованной преступности. Цель статьи – проанализировать криминалистические аспекты характеристики данного правового явления в целом, а также рассмотреть имеющиеся в ней проблемные элементы. Реализация поставленной цели достигается использованием законов диалектики, формальной логики и применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. В статье используется системный подход в изучении рассматриваемого объекта. Дается понятие лидера, рассматриваются основные, присущие ему качества, при этом делается вывод, что эти качества ярко проявляются, или при неимении вырабатываются, в ходе осуществления ими преступной деятельности. Отмечается, что лидеры организованной преступности как общеуголовной, так и экономической направленности имеют разный набор этих качеств. Выделяются признаки, присущие лидерам этих направленностей организованной преступной деятельности. Исследуются проблемы уголовно-правового характера, оказывающие негативное воздействие на привлечение их к уголовной ответственности, вносятся предложения по устранению выявленных проблем.

Ключевые слова: организованная преступность, лидеры организованной преступности, организованная преступная деятельность, направления организованной преступной деятельности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Потапов С.А., Попова Н.А. Лидеры организованной преступности как объект исследования криминалистики // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 133–137. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-133-137

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-133-137

Leaders of organized crime as an object of criminalistic research

S.A. Potapov[a] ©, N.A. Popova [b] ©

Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", Tambov, Russian Federation

[a] E-mail: potapov.1995@yandex.ru

[b] E-mail: nad-popova-62@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to a comprehensive study of the concept of organized crime leaders. The purpose of the article is to analyze the forensic aspects of the characteristics of this legal phenomenon as a whole, as well as to consider the problematic elements that exist in it. The realization of this goal is achieved by using the laws of dialectics, formal logic and the application of general scientific and special scientific research methods. The article uses a systematic approach to the study of the object in question. The concept of a leader is given, the basic qualities inherent in him are considered, and it is concluded that these qualities are clearly manifested, or if they are lacking, they are developed in the course of their criminal activity. It is noted that the leaders of organized crime, both general criminal and economic, have a different set of these qualities. The features inherent in the leaders of these areas of organized criminal activity are highlighted. The problems of a criminal-legal nature that have a negative impact on bringing them to criminal responsibility are investigated, and proposals are made to eliminate the problems identified.

Keywords: organized crime, organized crime leaders, organized criminal activity, areas of organized criminal activity

FOR CITATION: Potapov S.A., Popova N.A. Leaders of organized crime as an object of criminalistic research. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 133–137. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-133-137

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к личности преступника, как человека, являющегося носителем определенного набора характеризующих его свойств, присутствовал на всех этапах развития криминалистической науки и практики. Достаточно привести высказывание о ней ее основателя, австрийского следователя Ганса Гросса, который по этому вопросу отмечал следующее: «Важным условием «точной» деятельности судебного следователя является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия»[1: 44]. Исторический анализ становления системы науки криминалистика показывает, что она определилась не сразу, а поэтапно. Первоначально сформировался раздел «криминалистическая техника», в котором, в частности, решалась задача поиска личности преступника по его следам, оставленным на месте совершения преступления. Данные следы, например, рук, ног человека содержат в себе информацию об определенных его признаках, что позволяет его идентифицировать. В дальнейшем процесс исследования личности преступника перешел в раздел «криминалистическая тактика», здесь решалась тактическая задача работы с уже известными лицами – подозреваемыми и обвиняемыми. В данном разделе стали изучаться такие закономерности, касающиеся личности преступника как, построение версий о совершении преступления конкретным лицом, установления с подозреваемым или обвиняемым психологического контакта, применения в отношении них тактических приемов, тактических операций и комбинаций и т.д. При этом интерес к личность преступника в основном проявлялся исследованием принадлежащих ей определенных индивидуально-психологических свойств.

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИДЕРОВ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение личности преступника, а особенно лидеров организованных преступных формирований, имеет большое значение, как для теории, так и правоприменительной деятельности. Этот интерес не случаен, поскольку по данным уголовной статистики динамика преступлений, совершенных организованными группами и сообществами, постоянно растет, и составляет в 2016 г. – 12,1 тыс., в 2017 г. – 12,9 тыс., в 2018 г. – 15,1 тыс., в 2019 г. – 15,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений[1].

С позиции социальной психологии понятие группового лидера определяется следующим образом: это ее член, который спонтанно выдвигается на роль неофициального руководителя в условиях определенной, специфической и, как правило, достаточно значимой

[1] Министерство внутренних дел. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 22.04.2020).

ситуации, чтобы обеспечить организацию коллективной деятельности людей для наиболее быстрого и успешного достижения общей цели.

Однако отсутствие легальной, правовой формулировки смыслового значения таких терминов как «лидер», «руководитель», «организатор» создает предпосылки для возникновения проблем их привлечения к уголовной ответственности правоохранительными органами России. Существующее положение приводит к разным позициям в использовании указанных терминов, что отрицательно сказывается на конечном результате – борьбе с данным явлением. Например, существует мнение определенных ученых, которое заключается в следующем: «если преступное формирование характеризуется с позиции социальной психологии, то правильно использовать термин «лидер», если дается его уголовно-правовая характеристика, то в соответствии с терминологией данной науки уместно лидера оценивать как организатора» [2: 34].

Между тем практическое исследование организованной преступности показывает, что понятия «лидер» и «организатор» не однозначны. При этом их наличие в преступном формировании напрямую зависят от таких его характеристик, как иерархическая структура организации, направление и масштабность ее преступной деятельности, количественный состав и т.д. Например, опрос лиц осужденных по данной категории преступлений показал, что около 40% из них считают понятия «лидер» и «организатор» разными по значению. При этом, по их мнению, функции лидера значительно шире, чем у организатора. На наш взгляд, лидер действительно является более значимой фигурой преступного формирования, так как именно с его потерей оно обычно распадается либо его место сразу занимает другое лицо, пользующееся в ней большим авторитетом. Данный факт также подтверждается деятельностью правоохранительных органов, осуществляющих противодействие преступному сообществу по таким направлениям, как внедрение в группу нового лидера, развенчание лидера и создание авторитета одному из членов группы, переориентация лидера, его дискредитация и т. д.

История развития структуры организованного преступного объединения из его примитивного состояния в развитое и современное показывает, что постоянной ее характеристикой всегда остается только наличие в ней фигуры лидера. Характер остальных нижестоящих участников организованной преступности изменяется по мере развития ее системы. Поэтому дальнейший прогноз ее развития может предполагать появление новых типов участников организованной преступной деятельности.

Под лидерством обычно понимается способность оказывать влияние на отдельных лиц и коллектив в целом и объединять их усилия на достижение поставленных целей. Отсюда можно выделить те требования, которые должны предъявляться к лидеру преступного формирования, такие как наличие непререкаемого авторитета, умение организовывать криминальную деятельность, быть ее идеологом. Кроме этого ему также присущи такие личные качества, как преступный профессионализм, коммуникабельность; умение объединять лиц и подчинять их определенной цели, противостоять правоохранительным органам и социальному контролю. По мнению других авторов, к ним также можно отнести умение лидера обеспечить конспиративность преступной деятельности формирования, знание его условий функционирования, быстроту и правильность принятия решений в критических для нее ситуациях.

Вышеуказанные качества лидеров ярко проявляются или при неимении вырабатываются в ходе осуществления ими преступной деятельности, которую условно можно разделить на следующие направления: информационное, организаторское, стратегическое, нормативное и дисциплинарное.

Без информационной осведомленности лидера об обстановке складывающейся как внутри, так и вне преступного формирования, невозможно его продолжительное существование и безопасное функционирование. Поэтому основной задачей лидера является создание эффективной организации поступления данной информации, ее анализ и передача для исполнения определенным членам организации. Эта функция позволяет лидеру всегда владеть складывающейся обстановкой, принимать правильные решения и контролировать действия ее членов.

Организаторское направление деятельности лидера заключается в создании, организации и руководстве, как самого преступного формирования, так и подготовкой и совершением конкретных преступлений.

Разработку планов преступной деятельности сообщества обеспечивает стратегическая функция лидера. Данное направление помогает ему видеть и правильно определять цели и задачи, прогнозировать преступную деятельность, устанавливать ценовую политику и варианты использования преступного дохода, применять способы отмывания «грязных» денег.

Нормативная функция лидера имеет важное значение для организации преступной деятельности формирования. С ее помощью он определяет правила поведения в сообществе, применяет санкции за их нарушение. Касаясь данного вопроса, И.В. Годунов в своей работе отмечает следующее: «Строгая вертикальная дисциплина, основанная на предписанных правилах и законах; суровое наказание, включая физическое устранение отступников и нарушителей» [3: 9]. Нормативно-ценностные положения этой функции обеспечивают преступному сообществу возможность согласованных действий в непредсказуемых и критических ситуациях.

Дисциплинарная функция лидера тесно связана с нормативной и является ее продолжением. Эта функция особенно важна в организованных сообществах, где согласованность действий значительно выше, чем в группах более низкого уровня. Через данную функцию осуществляются такие жизненно важные для преступного формирования обязанности, как соблюдения ее членами конспирации, исполнительной дисциплины, порядка разрешения существующих конфликтов, отчисления взносов в общий денежный фонд, выхода из ее состава и т.д.

Все рассмотренные социально-психологические функции, выполняемые лидером, обеспечивают преступному формированию сравнительно продолжительное и эффективное существование.

Проведенные исследования показывают, что состав лидеров неоднороден. Причиной данной неоднородности выступают разные направления преступной деятельности, требующие от них определенных личных качеств, необходимых для ее эффективной организации. В связи с чем, типичные качества, присущие лидерам преступных формирований, совершающих общеуголовные и экономические преступления, имеют существенные различия.

Обычно преступные формирования общеуголовной направленности возглавляются лидером, имеющим такие личностные качества как властность, честолюбие, агрессивность, упорство в достижении цели, нетерпимость к критике, скрытность и недоверие к окружающим, жестокость. Эти лица кроме этого обладают значительным криминальным авторитетом, основанным на своем преступном опыте и финансовой поддержке. Данный тип лидера обычно использует авторитарные методы управления сообществом.

Преступные формирования, действующие в сфере экономики имеют более сложную организацию по сравнению с общеуголовной. В их состав могут входить собственники и управленцы предприятий производства, банков, торговли и др. Кроме этого данные формирования имеют коррупционные связи не только в правоохранительных органах, но и в органах власти и управления экономикой разного уровня. Отсюда лидер таких формирований является более образованным и творческим человеком, которому присущи такие личные качества, как высокий профессиональный уровень, предприимчивость, коммуникабельность, способность влиять на окружающих его людей.

Общей личностной чертой, присущей для всех типов лидеров преступных организованных формирований, является наличие у них жадности и ориентация на получение максимальных преступных доходов.

Среди лидеров преступных сообществ особое положение занимают профессиональные преступники – «воры в законе». По результатам исследования Ю.В. Трунцевского и А.Н. Сухаренко, в России, в настоящее время, насчитывается свыше 250 «воров в законе», примерно 30% из них находится за рубежом, около 80 отбывают наказание в местах лишения свободы [4: 44].

Исследование истории становления и развития данного института позволяет выделить в нем следующие присущие ему признаки: «лидер наделяется статусом с соблюдением правил определенной процедуры; его статус признается всеми членами преступной иерархии; он участвует и принимает решения в собраниях лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; лидер соблюдает и поддерживает идеологию в преступном мире; распоряжается финансовыми и материальными накоплениями преступного сообщества.

2. ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИДЕРОВ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Следственная практика раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными сообществами показывает, что у следователя в настоящее время существует проблема, связанная с привлечением к уголовной ответственности его лидера. Решению данной проблемы во многом способствуют качественные криминалистические рекомендации, включающие в себя имеющиеся проблемы уголовного, процессуального и криминалистического характера. При этом уголовное право является для криминалистики базовой наукой, задающей для нее определенные правовые категории, в частности, касающиеся организованной преступности, которые она исследует для достижения своих целей, раскрытия и расследования. В связи с чем, интересны по этому поводу рассуждения Р.С. Белкина, который по этому вопросу отмечал следующее: «Криминалистика не разрабатывает вопросов уголовного права, а берет готовые решения этой науки» [5: 265].

Действительно криминалистика не занимается разработкой теоретических вопросов касающихся уголовного права, но обозначить имеющиеся проблемы уголовно-правового характера мешающие расследованию, она обязана. Например, в 2009 г. была введена в действие ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая законодательно закрепило понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»[2]. Этим лицом является специальный субъект преступления, создавший и руководящий преступным сообществом.

Пленум ВС Российской Федерации[3], в своем постановлении по рассматриваемому вопросу указал, что судам при правовой оценки субъекта преступления ч. 4 ст. 210 УК РФ, необходимо установить, в чем конкретно выражались его действия. Они могут заключатся, в организации, руководстве преступным формированием, координации его деятельности, разделу в сфере влияния или преступных доходов. Кроме этого суд в данном документе расширил круг этих действий, указав на тот факт, что они могут носить любой другой характер, но при этом свидетельствовать о его авторитете и лидерстве данного лица в преступном образовании. Из этого разъяснения видно, что оно дополнительно вводит в оборот такие понятия, как авторитет, лидерство в преступном сообществе, лидерство в преступной иерархии, но не раскрывает их. При этом правоприменитель отмечают тот факт, что термины, в которых описываются признаки лидерства, относятся больше к сфере криминологии, нежели к уголовному праву. В связи с чем, данная норма фактически не работает, что порождает проблему привлечения данных лиц к уголовной ответственности. Например, анализ статистики применения судами указанной нормы показывает, что за весь период ее действия, а это более 10 лет, был зафиксирован только один факт осуждения по ней преступного лидера[4]. Следователи, комментируя данную сложившуюся на практике ситуацию поясняют, что этих лиц, легче привлекать к ответственности за организацию конкретного преступления, чем за организацию или руководство организованными преступными

[2] Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

[4] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. по делу № 51-АПУ18-4.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

формированиями. Суды в своих решениях, по этому вопросу, обычно ссылаются на факт, оценочного определение законом специального субъекта ч. 4 ст. 210 УК РФ, что в свою очередь вызывает существенные трудности судопроизводства. При этом многие специалисты по данным делам указывают на необходимость аутентического толкования этого термина.

Данную проблему, по мнению законодателя, должна была решить новая ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» введенная в УК РФ в 2019 г.[5] Конструкция рассматриваемой нормы относится к формальному составу преступления. Поэтому признание самого факта, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, уже влечет за собой его уголовную ответственность.

Однако данная норма, по мнению ученых, также имеет ряд недостатков, наличие которых могут привести к проблемам, как толкования, так и реализации на практике ст. 210 и 210.1 УК РФ. Так, одним их основных обстоятельств, препятствующим привлечения лица к ответственности по указанным статьям, является отсутствие разъяснение законодателя, что именно следует понимать под высшим положением в преступной иерархии и какими признаками данное лицо должно обладать. Сам УК РФ, к сожалению, не раскрывает данного понятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы отметить следующее, устранению вышеуказанных проблем влияющих на привлечения к уголовной ответственности лидеров преступных формирований может способствовать только легальное уголовно-правовое толкование данного термина на законодательном уровне, чему есть примеры в международной практике.

[5] Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СЗ РФ. 08.04.2019. № 14 (ч. I). Ст. 1459.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики (по изд. 1908 г.). М., 2002. С. 44.
2. *Меретуков Г.М.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями): учеб. пособие. Краснодар, Кубанский гос. аграрный ун-т, 2010. 295 с.
3. *Годунов И.В.* Организованная преступность – знамение века или чума современности? / И.В. Годунов. М., 2002.
4. *Трунцевский Ю.В.*, *Сухаренко А.Н.* Правовое регулирование борьбы с «ворами в законе» в странах СНГ // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 43–47.
5. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х т. Т. 1. М., 2001. С. 265.

REFERENCES

1. *Gross G.* guidelines for court investigators as the system of criminalistics (according to ed. 1908). Moscow, 2002. P. 44.
2. *Meretukov G.M.* Criminalistic support for the investigation of crimes committed by organized criminal groups (criminal organizations): Textbook. Krasnodar, Kuban State Agrarian University, 2010. 295 p.
3. *Godunov I.V.* Organized crime-the sign of the century or the plague of modernity? M., 2002.
4. *Truntsevsky Yu.V.*, *Sukharenko A.N.* Legal regulation of the fight against “thieves in law” in the CIS countries. *International Public and Private Law*. 2016. No. 2. Pp. 43–47. (In Russ.)
5. *Belkin R.S.* Course of criminalistics: General theory of criminalistics. In 3 vols. Vol. 1. M., 2001. P. 265.

Статья поступила в редакцию 10.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 10.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапов Сергей Александрович, кандидат юридических наук; доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4364-7694. E-mail: potapov.1995@yandex.ru

Попова Надежда Анатольевна, кандидат юридических наук; доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. E-mail:nad-popova-62@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Potapov, Cand. Sci. (Law); associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law and National Security FSBEI HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4364-7694. E-mail: potapov.1995@yandex.ru

Nadezhda A. Popova, Cand. Sci. (Law); associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law and National Security FSBEI HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. E-mail: nad-popova-62@mail.ru

12.00.08

Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Criminal law and criminology;
Criminal enforcement law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-138-142

К вопросу о противодействии преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека

Л.Ю. Таова ©, Л.А. Геляхова ©

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, Российская Федерация

E-mail: Lel4993@mail.ru

Аннотация. Современная медицина активно развивается, что позволяет использовать достижения науки и техники в целях обеспечения здоровья и жизни человека. Медицинские услуги в настоящее время соответствуют основным потребностям охраны здоровья людей и большое внимание уделяется развитию инновационных отраслей медицины, таких как биоэтика и др. Во врачебной практике часто возникают ситуации, когда проблемы со здоровьем человека нельзя решить путем традиционных медицинских манипуляций и возникает необходимость пересадки органов или тканей. Трансплантация органов и тканей человека в современном мире становится распространенным способом медицинской деятельности, позволяющим сохранить жизни многим пациентам. Однако указанный процесс, несмотря на его существенное значение для сферы здравоохранения, сопровождается целым рядом преступных деяний. Современные преступные сообщества совершают противоправные действия с целью получения прибыли за счет реализации донорских органов, в которых в настоящее время существует острая необходимость. Данные действия наносят существенный урон медицинской сфере и создают серьезные угрозы жизни и здоровью людей. Целью написания работы является анализ действующих механизмов противодействия преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека. Автор приходит к выводу о наличии целого ряда проблем правового регулирования в указанной сфере, что негативно влияет не только на развитие трансплантологии в России, но и способствует росту количества преступлений, напрямую связанных с трансплантацией органов и тканей человека. Акцентируется внимание на фрагментарности уголовного законодательства, в части закрепления ответственности за преступления в сфере трансплантации органов и тканей человека, что существенно влияет на неэффективность противодействия данным противоправным деяниям.

Ключевые слова: трансплантация органов и тканей человека, изъятие органов или тканей человека для трансплантации, противодействие преступлениям в сфере трансплантации, незаконный оборот органов и тканей человека, российское уголовное законодательство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Таова Л.Ю., Геляхова Л.А. К вопросу о противодействии преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 138–142. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-138-142

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-138-142

To the question of countering crimes in the sphere of transplantation of human bodies and tissues

L.Yu. Taova ©, L.A. Gelyakhova ©

North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russian Federation

E-mail: Lel4993@mail.ru

Abstract. In the modern world, medicine is actively developing, which allows using the achievements of science and technology in order to ensure human health and life. Medical services meet the basic needs of protecting human health and much attention is paid to the development of innovative branches of medicine, such as bioethics and others. However, in medical practice there are often situations when problems with human health cannot be solved by traditional medical procedures and the need arises to transplant organs or tissues. Transplantation of human organs and tissues in the modern world is becoming a common method of medical activity, which allows many patients to save lives. However, this process is accompanied by a number of criminal acts. Criminal communities commit unlawful actions in order to profit from the sale of donor agencies. These actions cause significant damage to the medical sphere and pose serious threats to human life and health. The purpose of this work is to analyze the existing mechanisms for countering crimes in the field of transplantation of human organs and tissues. Attention is focused on the fragmentation of criminal legislation in the field of transplantation of human organs and tissues, which significantly affects the ineffectiveness of counteraction to these illegal acts.

Keywords: transplantation of human organs and tissues, removal of human organs or tissues for transplantation, counteraction to crimes in the field of transplantation, illegal circulation of human organs and tissues, Russian criminal law

FOR CITATION: Taova L.Yu., Gelyakhova L.A. To the question of countering crimes in the sphere of transplantation of human bodies and tissues. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 138–142. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-138-142

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь человека напрямую связана с его здоровьем, которое по различным причинам может значительно ухудшаться. Современные экологические проблемы, экономические кризисы, изменение образа жизни людей в целом негативно влияют на их здоровье, в связи с чем возникает потребность в совершенствовании сферы здравоохранения с целью соответствия всем вызовам реальности. В отдельных ситуациях в связи с врожденными пороками развития или в результате каких-то происшествий жизнь человека может быть спасена лишь при условии трансплантации ему органов или тканей другого человека.

В настоящее время трансплантология является одним из наиболее динамично развивающихся направлений медицины во многих развитых странах, и Российская Федерация в данном вопросе не является исключением. За последние двадцать лет произошли существенные изменения не только во врачебной практике, которые связаны с внедрением новых медицинских техник, но и данные нововведения коснулись российского законодательства, где произошло становление и развитие правового регулирования трансплантации органов и тканей человека. Однако, несмотря на весьма прогрессивное законодательство в указанной сфере, в настоящее время для российского государства характерны проблемы развития преступности, связанной с трансплантацией органов и тканей человека [1: 53].

В правовой литературе встречаются исследования, посвященные проблемам указанных преступлений. Одни правоведы акцентируют внимание на правовых аспектах необходимости получения согласия на изъятие органов и тканей человека, другие считают наиболее актуальной тему создания искусственных органов и правовых основ данного процесса, третьи уделяют особое внимание появлению новых форм преступного донорства [4: 128]. По нашему мнению, все вышеназванные вопросы представляют интерес для современной науки, однако особенно важным в практическом плане на этапе развития трансплантологии в современном мире и в России представляется эффективное функционирование механизмов противодействия преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека, т.к. указанные противоправные деяния негативно влияют на развитие указанной медицинской сферы и создают серьезные угрозы жизни и здоровью людей.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Учитывая специфичность процесса трансплантации органов и тканей человека, данные медицинские процедуры требуют подробного правового регулирования. Однако несмотря на актуальность данного вопроса для многих государств, в настоящее время отсутствуют единые международные стандарты, регулирующие правоотношения, возникающие в процессе трансплантации органов и тканей человека. Несмотря на активную деятельность международных организаций в указанном направлении, в настоящее время приняты лишь отдельные акты по вопросам донорства, которые носят рекомендательный характер. Среди таковых следует выделить Рекомендации Совета Европы по широкому кругу вопросов донорства органов и трансплантации, которые не носят характер юридически обязывающих документов, но их востребованность очень высока среди профессиональных сообществ во всем мире [3: 172]. Отдельное внимание в указанных международных документах уделяется проблемам торговли органами и необходимости организации внутригосударственных систем в сфере трансплантации с учетом принципа запрета на извлечение финансовой выгоды из использования человеческого тела и его частей.

Важно отметить, что в настоящее время отсутствует единый подход во внутригосударственных правовых системах к механизмам противодействия преступности в сфере трансплантации. Большинство современных государств регулируют отношения в указанной сфере посредством медицинского законодательства или с помощью принятия специального закона [2: 85]. Российская Федерация в данном случае не является исключением и с 1992 г. действует Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»[1].

Анализ российского законодательства позволяет выделить следующие современные механизмы противодействия преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека:

1) обязательность получения согласия на изъятие органов и тканей у живого донора и особые требования к указанной процедуре в отношении трупов;
2) ограничение круга учреждений, которые осуществляют подготовительные манипуляции с донорскими органами и тканями, а также непосредственно проводят их трансплантацию;
3) ограниченный доступ к информации о донорах и реципиентах;
4) контрольно-надзорная деятельность компетентных органов в сфере здравоохранения;
5) профилактическая работа медицинских учреждений и общественных организаций по вопросам недопустимости продажи органов и тканей человека, а также незаконных их трансплантаций;
6) материальная ответственность медицинских учреждений за вред, причиненный здоровью донора или реципиента;
7) уголовная ответственность за отдельные преступления в сфере трансплантации.

Среди действующих механизмов противодействия анализируемым преступлениям особое значение имеет эффективность применения уголовно-правовых норм [9: 71]. Так, в действующем российском законодательстве регламентированы отдельные противоправные деяния, которые связаны с трансплантацией органов и тканей человека, и за которые предусмотрено привлечение к уголовной ответственности:

1) убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
2) причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ);
3) принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ);
4) торговля людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей (п. «ж» ч. 2. ст. 127.1 УК РФ)[2].

Указанные преступления имеют различный объект, а именно – жизнь, здоровье и свобода человека, однако их совершение имеет единую цель – получение органов или тканей человека без его согласия и вне зависимости от его состояния.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Несмотря на пристальное внимание, которое уделяется в современном мире проблемам незаконных изъятий органов и тканей, а также нелегальных их трансплантаций, действующие механизмы противодействия указанным преступлениям иногда оказываются неэффективными. Даже при наличии прогрессивного законодательства в указанной сфере во многих странах сохраняется проблема «черного рынка донорских органов», т.е. биоматериалов, которые были изъяты незаконным путем или без соблюдения процессуальных и медицинских требований к данному процессу [10: 406]. Существование указанного рынка в первую очередь связано со спросом на отдельные органы и ткани в связи с их реальной нехваткой в медицинских учреждениях для законной трансплантации. Учитывая часто безысходное положение людей, которые нуждаются в пересадке органов или тканей, когда встает вопрос о смерти человека в случае отсутствия медицинских манипуляций с биоматериалом в короткие сроки, последнее о чем задумываются близкие люди данного лица – это легальность изъятия органов. Данная психологическая уязвимость людей в такой ситуации используется представителями преступного сообщества, которые находят покупателей на соответствующие биоматериалы. В настоящее время ни одно государство не может в полной мере устранить проблему нехватки

[1] Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 23.05.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62; СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3097.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2003.

человеческих органов для их пересадки. Однако в данной ситуации лица, которые соглашаются на нелегальные манипуляции с органами, совершенно не задумываются о том какой риск для жизни и здоровья других людей создает спрос на те или иные биоматериалы.

Помимо этого, на практике распространена и иная ситуация, когда люди, обладающие хорошим здоровьем, но оказавшиеся в трудной жизненной ситуации ищут выход из нее путем продажи собственных органов или тканей. Особенно данная ситуация распространена в странах с низким уровнем жизни, где единственным вариантом для выживания оказывается обращение к преступникам с целью изъятия органов и тканей [6: 191]. Несмотря на согласие со стороны данных лиц на произведение соответствующих манипуляций, не всегда они осуществляются с учетом всех медицинских требований, что может привести к серьезным осложнениям для здоровья человека, решившего продать свой биоматериал, или даже его смерти.

Важно также отметить, что в настоящее время проблемы преступных действий в сфере трансплантации органов и тканей человека носят транснациональный характер, т.е. затрагивают одновременно интересы нескольких государств, или часть из них, например, изъятие органов и тканей совершается в одном государстве, а продается данный биоматериал и непосредственно пересаживается в частной медицинской организации в другом государстве [5: 20]. В данном контексте для эффективного противодействия указанным преступлениям особое значение приобретает единый международный подход к вопросам противоправных действий с органами и тканями человека, а также унификация внутригосударственного законодательства в данной сфере.

ВЫВОДЫ

Международный опыт показывает, что действующие разрозненные нормативные акты в данной сфере не полностью решают ряд проблем, связанных с пересадкой органов и тканей человека. На данный момент международные организации рассматривают проблемы этического, социально-экономического, и юридического характера. Данные вопросы возникают вследствие того, что на настоящее время не принято единого международного акта, регламентирующего все сферы практической трансплантологии.

Среди наиболее уязвимых механизмов противодействия преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека следует выделить несовершенство действующего уголовного законодательства. Даже при наличии вышеперечисленных преступных деяний в УК РФ, нельзя говорить о всестороннем уголовно-правовом регулировании в сфере трансплантологии в Российской Федерации, так как до настоящего времени не введена норма, устанавливающая ответственность за незаконное изъятие органов или тканей умершего человека для трансплантации или использования в других целях [8: 87].

Наряду с преступлениями в сфере трансплантации существуют и иные общественно опасные деяния, которые УК РФ не признаются преступлениями, однако в соответствии с другими источниками российского права относятся к таковым. Например, купля-продажа органов или тканей человека.

Некоторые правоведы считают, что уголовная ответственность за куплю-продажу органов или тканей человека может наступать по ст. 175 УК РФ, однако, целый ряд общественно опасных деяний до сих пор не находит самостоятельной уголовно-правовой оценки. Например, такие деяния как: незаконное хранение, перевозка, передача, получение, ввоз и вывоз органов и (или) тканей человека и их сбыт. Действующая на сегодняшний день система уголовно-правовых норм не может в полной мере соответствовать сложившейся криминологической обстановке в стране, и данная область применения уголовно-правовых норм имеет значительные пробелы [7: 81]. По нашему мнению, необходимо устранить указанные пробелы в законодательстве и ввести ответственность за такие деяния как: незаконное хранение, перевозка, передача, получение, ввоз и вывоз органов и (или) тканей человека, а также их сбыт. Наиболее приемлемой формой закрепления ответственности за указанные преступные деяния представляется единая норма, регулирующая незаконный оборот органов и тканей человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа действующих механизмов противодействия преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации следует отметить несовершенство уголовного законодательства, что не позволяет полноценно применять институт ответственности в указанной сфере. Также существенной проблемой является нехватка донорских органов и тканей человека, из-за чего стремительно растет спрос на незаконное изъятие биоматериалов. Вышеназванные проблемы существенно влияют на эффективность противодействия преступлениям в сфере трансплантации органов и тканей человека и подлежат скорейшему решению посредством внесения соответствующих изменений в российское законодательство и организации донорской сферы с учетом поиска необходимого количества биоматериалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василевич Д.Г.* Противодействие преступности в сфере здравоохранения // Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе: сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х т. / Редколл.: И.В. Вегер [и др.]. 2019. С. 53–57.
2. *Гаджимагомедова Ш.С.*, *Магомедова А.М.*, *Омарова Д.Р.* Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации // Московский экономический журнал. 2019. № 10. С. 85–89.

REFERENCES

1. *Vasilevich D.G.* Combating crime in the health sector. *Theoretical and applied issues of the development of pre-trial criminal proceedings at the present stage*: A *collection of articles of an international scientific and practical conference*. In 2 vols. Ed. board: I.V. Veger [et al.]. 2019. Pp. 53–57.
2. *Gadzhimagomedova Sh.S.*, *Magomedova A.M.*, *Omarova D.R.* Forcing the removal of human organs or tissues for transplantation. *Moscow Economic Journal*. 2019. No. 10. Pp. 85–89. (In Russ.)

3. *Гильфанова А.Ш.* Правовые проблемы трансплантации органов и тканей человека в России и зарубежных странах // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 172–174.
4. *Дорогин Д.А.* Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. М., 2016. 224 с.
5. *Жерештиева Д.А., Бетокова Ф.Б.* Проблемы установления уголовной ответственности в сфере использования органов и тканей человека // Вопросы науки и образования. 2020. № 2 (86). С. 18–23.
6. *Жерж Л.А.* Зарубежный опыт предупреждения и предотвращения преступлений, связанных с незаконной трансплантацией // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 2 (56). С. 183–191.
7. *Козлова А.А.* Незаконный оборот человеческих органов как транснациональная проблема современности // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI Междунар. конгресса «Блищенковские чтения». В 3-х ч. Российский университет дружбы народов. М., 2019. С. 76–81.
8. *Орлов К.О.* Некоторые проблемы правового регулирования донорства органов и тканей человека // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 87–89.
9. *Чернышева Ю.А.* Проблемы уголовной ответственности за преступления в сфере донорства органов и тканей человека и их трансплантации (пересадка) в РФ // Журнал юридических исследований. 2019. Т. 4. № 1. С. 70–74.
10. *Щукина Н.Е., Баглай Ю.В.* К вопросу о принуждениях, связанных с изъятием органов и тканей человека // Наука среди нас. 2018. № 1 (5). С. 405–407.

3. *Gilfanova A.Sh.* Legal problems of transplantation of human organs and tissues in Russia and foreign countries. *Gaps in Russian Legislation*. 2014. No. 5. Pp. 172–174. (In Russ.)
4. *Dorogin D.A.* Unlawful acts related to organs and (or) human tissues: criminal law investigation. M., 2016. 224 p.
5. *Zhereshtieva D.A., Betokova F.B.* Problems of establishing criminal liability in the use of human organs and tissues. *Problems of Science and Education*. 2020. No. 2 (86). Pp. 18–23. (In Russ.)
6. *Zherzh L.A.* Foreign experience in the prevention and prevention of crimes related to illegal transplantation. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2019. No. 2 (56). Pp. 183–191. (In Russ.)
7. *Kozlova A.A.* Illegal circulation of human organs as a transnational problem of our time. *Actual problems of modern international law*: *Proceedings of the XVI International Congress* "*Blishchenkov Readings*". In 3 parts. Peoples Friendship University of Russia. Moscow, 2019. Pp. 76–81.
8. *Orlov K.O.* Some problems of the legal regulation of donation of organs and human tissues. *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 5. Pp. 87–89. (In Russ.)
9. *Chernysheva Yu.A.* Problems of criminal liability for crimes in the field of donation of human organs and tissues and their transplantation (transplantation) in the Russian Federation. *Journal of Legal Studies*. 2019. Vol. 4. No. 1. Pp. 70–74. (In Russ.)
10. *Schukina N.E., Baglay Yu.V.* On the issue of coercion associated with the removal of organs and tissues of a person. *Science Among Us*. 2018. No. 1 (5). Pp. 405–407. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.05.2020, принята к публикации 24.06.2020
The article was received on 12.05.2020, accepted for publication 24.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Таова Лилия Юрьевна, кандидат юридических наук, полковник полиции; доцент кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России. Нальчик, Российская Федерация

Геляхова Лейла Абдуллаховна, кандидат юридических наук, старший лейтенант полиции; преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД. Нальчик, Российская Федерация. E-mail: Lel4993@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Liliya Yu. Taova, Cand. Sci. (Law), police colonel; associate professor, Department of Special Disciplines, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nalchik, Russian Federation

Leila A. Gelyakhova, Cand. Sci. (Law), Senior Lieutenant of Police; lecturer, Department of Special Disciplines, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nalchik, Russian Federation. E-mail: Lel4993@mail.ru

12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс
Civil procedure; Arbitration procedure

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-143-148
УДК: 347.931

Основания для отмены незаконных судебных решений

К.А. Лебедь ©

Институт государства и права РАН,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: konst.leb@gmail.com

Аннотация. *Задача.* Автор статьи поставил задачу выявить и проанализировать некоторые судебные ошибки, которые являются основаниями для отмены или изменения судебных решений по гражданским делам. ***Модель.*** Для решения поставленной задачи необходимо исследовать случаи ошибочного применения судами норм права, которые являются следствием невыполнения требований, предъявляемых законом к судебным решениям. ***Выводы.*** Основные процессуальные формы защиты прав и законных интересов используют незаконность и необоснованность как главные основания для отмены (или изменения) судебных решений. Неправильное применение норм материального и процессуального права (незаконность) относится к числу основных судебных ошибок. Наряду с этим, к отмене незаконных судебных решений приводит установленное проверочными судебными инстанциями несоблюдение судами принципа единства судебной практики. ***Рамки исследования.*** Ограничены отношениями, которые складываются между участниками гражданского и арбитражного процесса. ***Практическое значение***. Выявление и изучение оснований для отмены или изменения ошибочных решений будет способствовать повышению качества выносимых судебных решений и уменьшению количества незаконных решений. ***Социальные последствия.*** Выявление случаев неправильного применения норм материального и процессуального права будет способствовать обеспечению единообразия в толковании и применении судами норм права и повышению доверия граждан к закону и суду. ***Оригинальность***, ***ценность.*** Исследование оснований для отмены или изменения судебных решений позволит сделать выводы о проблемах правоприменительной деятельности на практике. Анализ процессуальных норм будет способствовать усилению гарантий защиты прав граждан и организаций.

Ключевые слова: основания для отмены решений, незаконность судебного решения, судебная ошибка, гражданский процесс, арбитражный процесс

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лебедь К.А. Основания для отмены незаконных судебных решений // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 143–148. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-143-148

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-143-148

Grounds for canceling illegal judicial decisions

K.A. Lebed ©

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

E-mail: konst.leb@gmail.com

Abstract. ***Task.*** The author of the article has set several tasks – identification, description and analysis of some judicial errors that are grounds for canceling court decisions in civil cases. To solve these problems, the content of grounds for cancellation and related features of the main properties of judicial decisions are studied. ***Model.*** To solve this task, it is necessary to investigate cases of erroneous application of legal norms by courts, which are the result of non-compliance with the requirements imposed by law to judicial decisions. ***Findings.*** The main procedural forms of protection of rights and legitimate interests use illegality and unreasonableness as the main grounds for canceling (or changing) court decisions. Improper application of substantive and procedural law (illegality) is one of the main judicial errors. At the same time, the failure of the courts to observe the principle of unity of judicial practice established by the verification courts leads to the cancellation of illegal court decisions. ***The scope of the study***. They are limited by the relations that develop between participants in civil and arbitration proceedings. ***Practical value***. Identifying and studying the grounds for canceling or changing erroneous decisions will help to improve the quality of court decisions and reduce the number of illegal decisions. ***Social consequences***. The detection of cases of improper application of substantive and procedural law will help to ensure uniformity in the interpretation and application of legal norms by courts and increase the confidence of citizens in the law and the court. ***Originality, value.*** Systematic study and study of the reasons for the improper performance of maintenance obligations, the identification of common problems that impede the proper fulfillment of obligations in practice, will help to formulate general approaches to the enforcement of court decisions on the recovery of alimony. The analysis of the norms of the legislation of the Russian Federation makes it possible to identify additional opportunities for the implementation of the protection of the property rights of the child.

Key words: grounds for canceling the decision of the justice, error of the court, civil procedure, arbitress procedure

FOR CITATION: Lebed K.A. Grounds for canceling illegal judicial decisions. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 143–148. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-143-148

ВВЕДЕНИЕ

Предоставление гражданам и организациям эффективной судебной защиты невозможно без постоянного совершенствования процессуального законодательства и судебной практики. Основные итоги правоприменительной деятельности отражаются в принимаемых судами решениях по существу рассмотренных дел. Изучение специфических особенностей судебного решения относится к числу основных проблем теории судебного решения. Многие известные ученые проявляли интерес как к отдельным вопросам, так и к решению суда в целом [1: 94, 8].

В части 1 статьи 195 ГПК и в части 4 статьи 15 АПК предусмотрены основные требования к судебным решениям, среди которых на первом месте требование о законном судебном решении (постановлении). В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» дано разъяснение правила о законном решении – решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права.

Анализ процессуальных норм о судебных решениях, изучение теоретических разработок с учетом опыта судебной практики предопределяет актуальность выбранных для исследования вопросов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Положения процессуального законодательства, основные теоретические разработки позволяют констатировать, что основаниями для отмены незаконного судебного решения являются:

- несоблюдение норм процессуального права;
- несоответствие (выводов, умозаключений) нормам материального права, подлежащим применению к спорному правоотношению;
- неправильное применение аналогии закона или аналогии права.

1. *Проблема законности и теоретические разработки основных свойств решений.* Если судом проверочной инстанции будет установлено отсутствие оснований для отмены или изменения, то решение суда тем самым признается законным. О законности как о соответствии решения материальным и процессуальным нормам права в основном речь идет в процессуальной литературе [2: 103, 360, 366], включая современные монографические исследования [3: 297], учебную

литературу [4: 275, 340]. В комментариях процессуального законодательства специалисты отмечают то же самое [5: 417, 61].

Н.Б. Зейдер указывал, что требование законности и обоснованности вытекает из самой природы судебного решения как акта правосудия [6: 67].

Соблюдение судом норм процессуального права может осуществляться по-разному. В теоретических работах также выделяют применение, использование, исполнение [7: 125, 69, 111].

Касательно несоблюдения норм процессуального права следует отметить, что процессуальное законодательство претерпевает изменения, и некоторые совершаемые судом процессуальные действия, которые ещё несколько лет назад являлись основанием для отмены решения, теперь таковыми не являются.

Например, в соответствии с принципом непрерывности (ч. 3 ст. 157 ГПК в редакции до вступления в действие Федерального закона от 29.07.2017 № 260-ФЗ о внесении изменений в ГПК) суды не вправе, до окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства, рассматривать другие дела. В то же время Лыткаринский городской суд, не окончив слушание дела по иску Б. к администрации г. Лыткарино, во время объявленного перерыва рассматривал иные дела, чем нарушил часть 3 статьи 157 ГПК РФ. Судебная коллегия это решение отменила, отметив, что нарушение прямого запрета, установленного законом, в силу части 1 статьи 364 ГПК РФ (в ранее действовавшей редакции) является самостоятельным основанием к отмене решения по делу, при рассмотрении которого имело место нарушение правила о непрерывности процесса [8: 17].

В настоящее время суд вправе рассматривать другие дела во время перерыва, объявленного в судебном заседании по начатому делу.

Представляется более обоснованной позиция, согласно которой процессуальное регулирование, исключающее нормы о непрерывности судебного разбирательства, обладает рядом серьезных недостатков [9: 5]. В текущей ситуации наиболее сбалансированным воспринимается мнение о том, что вряд ли следует «полностью отказываться от процессуальных правил, составляющих содержание принципа непрерывности судебного разбирательства и представляющих собой дополнительную гарантию вынесения законного и обоснованного решения. <…> Например, возможно исключить из статьи 169 ГПК РФ часть 4, а часть 3 изложить в следующей редакции: «Разбирательство дела после его отложения продолжается с того момента, с которого оно было отложено, если никто из лиц, участвующих в деле, не заявит ходатайство о повторном исследовании доказательств» [10: 126].

2. *Разъяснения высшей судебной инстанции.* В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» остается не совсем понятной фраза о «точном соблюдении норм процессуального права». Ведь в части 3 статьи 330 ГПК РФ определено, что «нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения». Процессуальное правило части 3 статьи 330 ГПК РФ означает, в том числе, что судом могут быть допущены ошибки, но если они не являются существенными (критическими), то решение суда нельзя отменять, в интересах тех же сторон, для сохранения той же правовой определенности. Получается, таким образом, что авторы разъяснений, пытаясь повысить ответственность судей указанием на точность, скорее не повышают эту ответственность, а укрепляют осознание участниками процесса допустимости несоответствующих закону действий суда, ведь практически в любом судебном деле можно отыскать хоть какое-нибудь несоблюдение (неточное соблюдение) норм процессуального права, начиная с подготовки к судебному разбирательству и заканчивая составлением судебного решения. Такая крайность чем-то напоминает известное начало советского гражданского процесса, обязывавшее суд установить действительные обстоятельства по делу.

Например, в Кодексе есть правило, обязывающее суды вести протокол – статья 228 ГПК (Обязательность ведения протокола), согласно которой «в ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций … ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) и составляется протокол в письменной форме».

Между тем, отсутствие в деле протокола в письменной форме, в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания, в любом случае является основанием для отмены решения суда. Думается, что отсутствие в деле протокола в письменной форме, даже при наличии аудиопротокола, вряд ли можно отнести к точному соблюдению норм процессуального права.

При этом протокол, составленный при выполнении судебного поручения, должен отражать все существенные обстоятельства, которые поручено выяснить суду, и содержать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы; в протоколе должны быть отражены и другие имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, установленные при выполнении поручения [11: 2]. Суд апелляционной инстанции может оказаться в затруднительном положении при установлении оснований для отмены решения, если в основном судебном заседании велось аудиопротоколирование, а при выполнении судебного поручения никакой протокол не составлялся.

Любопытно, что в арбитражном процессе безусловным основанием для отмены решения является «отсутствие в деле протокола судебного заседания … в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания» (ст. 270 АПК в ред. ФЗ от 28.11.2018 № 451-ФЗ). Что же делать в этом случае судье апелляционного арбитражного суда при пересмотре решения, если при отсутствии протокола есть только видеозапись судебного заседания? Представляется, что в данном случае решение не подлежит отмене, если видеозапись полноценно отражает состоявшее судебное заседание в первой инстанции.

3. *Расширение круга оснований для отмены – обусловленность появлением новых технологий и технических средств контроля.* Увеличивается количество споров, связанных с обжалованием постановлений должностных лиц, вынесенных на основании данных, полученных при помощи дорожных камер фото и видеофиксации.

И не всегда судам удается принимать правосудные решения, защищая права граждан, незаконно привлеченных к административной ответственности [12: 1].

Так, при оформлении постановления ГИБДД о наложении штрафа данный документ не был подписан электронной подписью инспектора.

Гр. Алесковский В.Р. обратился в Ленинский районный суд г. Перми с жалобой действия инспектора, который вынес постановление без его участия и без надлежащего извещения о времени и месте рассмотрения дела. Помимо этого, на фотографии, сделанной с применением автоматического режима, плохо видно, выехал ли автомобиль заявителя на перекресток на запрещающий сигнал светофора.

Судом вынесено решение об отказе в удовлетворении жалобы. Решением судьи Пермского краевого суда и постановлением заместителя председателя Пермского краевого суда были поддержаны выводы суда первой инстанции.

Заявитель обратился с жалобой в Верховный Суд РФ, который отменил принятые постановления, указав на то, что из имеющейся в материалах дела копии постановления инспектора по исполнению административного законодательства в области дорожного движения ГИБДД ГУ МВД России по Пермскому краю усматривается, что это постановление не соответствует требованиям части 3 статьи 28.6 и частей 6 и 7 статьи 29.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях, поскольку названное постановление «не содержит сведений об электронной цифровой подписи должностного лица, вынесшего постановление, которая подтверждала бы юридическую силу этого документа» [13: 1].

Определение законодателем безусловных норм для отмены решения объясняется важнейшим значением указанных норм в деле защиты прав лиц, участвующих в деле. Однако наличие безусловных правил не снижает значения иных процессуальных норм, невыполнение которых также может означать серьезную судебную ошибку и влечь отмену решения.

Вынесение законного судебного решения (апелляционного решения, в той мере, в какой суд апелляционной инстанции даёт оценку доказательствам) зависит от того, учитывает ли суд постановления или определения Верховного Суда РФ.

Судебной практике знакомы случаи, когда суд не только выносит незаконное и необоснованное постановление, но при этом ещё и не учитывает позицию Верховного Суда РФ, высказанную по конкретному делу.

Так, по делу о признании недействительными доверенности и основанного на этой доверенности договора дарения стороны спорили в нескольких инстанциях. Когда дело дошло до рассмотрения Судебной коллегией Верховного Суда РФ, по результатам было вынесено определение от 21 августа 2018 г. об отмене апелляционного определения Мособлсуда, которым суд второй инстанции признал доверенность и договор дарения недействительными на основании того, что истец (лицо, выдавшее доверенность) не осознавала значения своих действий. Следует отметить, что суд апелляционной инстанции выбирал из двух противоречащих друг другу судебно-психиатрических экспертиз, и вынес апелляционное определение об отмене решения суда первой инстанции, удовлетворив иск о признании недействительными доверенности и договора дарения, основываясь на результатах психолого-психиатрической экспертизы Института психического здоровья и аддиктологии.

В определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 г. было отмечено, что в заключении экспертов не даны ответы на все вопросы, и предложил суду апелляционной инстанции при новом рассмотрении дела решить вопрос о назначении повторной комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Данная экспертиза была проведена экспертами Центральной клинической психиатрической больницы, и согласно заключению комиссии экспертов от 11 декабря 2018 г. лицо, выдавшее доверенность и являющееся дарителем, не обладала способностью понимать значение своих действий и руководить ими.

Казалось бы, все понятно – на основании обоснованного заключения экспертов суду апелляционной инстанции следует признать недействительными доверенность и договора дарения. Однако, суд апелляционной инстанции вынес апелляционное определение об оставлении решения суда первой инстанции без изменения (т.е. признал доверенность и договор действительными) [14: 1].

Представляется, что отказ суда использовать такое существенное доказательство, как психолого-психиатрическая экспертиза, является грубейшим нарушением законности, влечет вынесение незаконного и необоснованного постановления, и является существенным основанием для его отмены или изменения.

Апелляционное определение Мособлсуда от 11 марта 2019 г. было обжаловано в вышестоящие суды, однако безуспешно. В определении об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в заседании судебной коллегии судья Верховного Суда РФ, также как и апелляционный суд, не привел мотивов того, почему считает правильным отказ апелляционного суда использовать назначенную им же самим экспертизу [15: 1]. Сложившаяся печальная ситуация с законностью усугубляется ещё и тем, что определение судьи Верховного Суда РФ от 4 декабря 2019 г. фактически противоречит определению Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 г. по этому же делу, обязавшему апелляционный суд совершить ряд действий, включающих в себя назначение психолого-психиатрической экспертизы.

Думается, что противоречие судебного постановления акту более высокой судебной инстанции, принятому до этого, также может рассматриваться как основание для отмены или изменения судебного постановления, хотя бы как обстоятельство, свидетельствующее о нарушении принципа единства судебной практики.

ВЫВОДЫ

Невыполнение судами общей юрисдикции и арбитражными судами требования законного судебного решения проявляется по-разному. Несоблюдение норм процессуального права и неправильное применение

норм материального права дополняются неиспользованием, в тех случаях, где это нужно, аналогии закона или аналогии права.

Особое значение имеют разъяснения Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, и выносимые по конкретным делам акты высшей судебной инстанции. Принятие судебного решения с учётом правовой позиции, выработанной Верховным Судом РФ, также позволяет снизить вероятность принятия незаконного решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ соблюдения судами законности, оснований для отмены или изменения судебных решений позволяет отметить, что перечень рассматриваемых оснований не является исчерпывающим, сами основания могут существенно отличаться друг от друга по форме и содержанию, а также подразделяться на виды по критерию существенности.

Судебная практика показывает, что судами проверочной инстанции чаще вскрываются неправильное применение норм материального права и неправильная реализация норм процессуального права. В ряде случаев, при отмене судебного решения указывается, что судом, решение которого отменено, не были учтены разъяснения Верховного Суда РФ.

Выполнение судами всех правил процедуры является залогом принятия законных решений и, таким образом, гарантией обеспечения принципа законности гражданского и арбитражного процесса.

Соблюдение принципа законности в отдельно взятом гражданском деле будет способствовать и сохранению законности как режима общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурвич М.А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит-ра, 1976; *Щеглов В.Н.* Законность и обоснованность судебного решения по гражданско-правовому спору. 1958.
2. *Авдюков М.Г.* Судебное решение. М., 1959; *Клейнман А.Ф.* Обжалование и опротестование судебных решений и определений, не вступивших в законную силу // Труды первой научной сессии ВИЮН. М., 1940; *Гурвич М.А.* Решение советского суда в исковом производстве. М., 1955; *Гурвич М.А.* Избранные труды. Т. I., 2006.
3. *Загайнова С.К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007.
4. Гражданское процессуальное право / под ред. проф. М.С. Шакарян. М., 2004; Арбитражный процесс / отв. ред. проф. В.В. Ярков. М., 2003
5. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова, В.К. Пучинского, М.К. Треушникова. М., 2003; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Ф. Яковлева и М.К. Юкова. М., 2003.
6. *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966.
7. *Мельников А.А.* Советский гражданский процессуальный закон. М., 1973; *Ткачев Н.И.* Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. Саратов, 1987; *Комиссаров К.И.* Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971.
8. Определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 2 февраля 2012 г. по делу № 33-2810 // Бюллетень судебной практики Московского областного суда за IV квартал 2011 г. (утв. президиумом Мособлсуда 04.04.2012).
9. *Вилкова Т.Ю.* Непрерывность судебного разбирательства как межотраслевой принцип судопроизводства // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 94–104. (Источник: СПС «КонсультантПлюс».)
10. *Шеменева О.Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. (Источник: СПС «КонсультантПлюс».)
11. Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.
12. ВС признал недействительными квитанции из ГИБДД без электронной подписи // Российская газета. URL: https://rg.ru/2016/04/16/voditeliu-otmenili-shtraf-iz-za-otsutstviia-elektronnoj-podpisi-inspektora.html

REFERENCES

1. *Gurvich M.A.* The judicial decision. Theoretical problems. Moscow: Yurid. lit. 1976; *Shcheglov V.N.* Legality and validity of a court decision on a civil dispute. 1958.
2. *Avdyukov M.G.* Judicial decision. M., 1959; *Kleinman A.F.* Appeal and protest of court decisions and rulings that have not entered into force. *Proceedings of the first scientific session VIYuN*. Moscow, 1940 (In Russ.); *Gurvich M.A.* The decision of the Soviet court in the claim proceedings. Moscow, 1955; *Gurvich M.A.* Selected works. Vol. I. 2006.
3. *Zagainova S.K.* Judicial acts in the mechanism of implementation of judicial power in civil and arbitration proceedings. Moscow, 2007.
4. Civil procedural law. Ed. by prof. M.S. Shakarian. Moscow, 2004; Arbitration process. Ed. prof. V.V. Yarkov. Moscow, 2003.
5. Scientific and practical commentary on the civil procedural code of the Russian Federation. Eds. V.M. Zhuikov, V.K. Puchinsky, M.K. Treushnikov. Moscow, 2003; Commentary on the Arbitration procedural code of the Russian Federation. Eds. V.F. Yakovlev and M.K. Yukov. Moscow, 2003.
6. *Zeider N.B.* Judicial decision in a civil case. Moscow, 1966.
7. *Melnikov A.A.* Soviet civil procedural law. Moscow, 1973; *Tkachev N.I.* Legality and validity of judicial decisions in civil cases. Saratov, 1987; *Komissarov K.I.* Tasks of judicial supervision in the sphere of civil proceedings. Sverdlovsk, 1971.
8. Determination of the judicial Board for civil cases of the Moscow Regional Court of February 2, 2012 in case No. 33-2810. *Bulletin of judicial practice of the Moscow Regional Court for the IV quarter of 2011* (approved by the Presidium of the Moscow Regional Court 04.04.2012). (In Russ.)
9. *Vilkova T.Yu.* Continuity of judicial proceedings as an intersectoral principle of legal proceedings. *Journal of Russian Law*. 2018. No. 2. Pp. 94–104. (In Russ.) (Source: SPS "ConsultantPlus".)
10. *Shemeneva O.N.* The role of agreements of the parties in civil proceedings. Moscow: Infotropik Media, 2017. (Source: SPS "ConsultantPlus".)
11. Paragraph 8 of the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26 2008 No. 13 "About application of norms of civil procedural code of the Russian Federation in the consideration and resolution of cases in the court of first instance". *Bulletin of the Supreme Court*. 2008. No. 10. (In Russ.)
12. The supreme court has invalidated the receipt from the traffic police without electronic signature. *Russian Newspaper*. URL: https://rg.ru/2016/04/16/voditeliu-otmenili-shtraf-iz-za-otsutstviia-elektronnoj-podpisi-inspektora.html

13. Постановление Верховного Суда РФ от 11.11.2016 № 44-АД16-28. (Источник: СПС «КонсультантПлюс».)
14. Апелляционное определение Мособлсуда от 11 марта 2019 г. № 33-221/2019.
15. Определение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2019 г. № 4-КГ19-64.

13. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44-AD16-28 of 11.11.2016. (Source: SPS "ConsultantPlus".)
14. Appeal ruling of the Moscow Regional Court of March 11, 2019. No. 33-221/2019.
15. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2019 No. 4-KG19-64.

Статья поступила в редакцию 17.05.2020, принята к публикации 24.06.2020
The article was received on 17.05.2020, accepted for publication 24.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедь Константин Александрович, кандидат юридических наук; старший научный сотрудник Института государства и права РАН. Москва, Российская Федерация. ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6027-4607. ResearcherID: I-4579-2016. E-mail: konst.leb@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin A. Lebed, Cand. Sci. (Law); senior researcher at the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6027-4607. ResearcherID: I-4579-2016. E-mail: konst.leb@gmail.com

12.00.09

Уголовный процесс

Criminal procedure

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-149-154

Некоторые особенности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в России в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)

Ю.В. Франциформов[a] ©, М.А. Баранова[b] ©

Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация

[a] E-mail franciforov@mail.ru

[b] E-mail marina2008-78@mail.ru

Аннотация. *Целью* статьи служит рассмотрение особенностей производства следственных и судебных действий, которые обусловлены их отложением, невозможностью привлечения защитника, а также приостановлением предварительного расследования в период принятия правительством Российской Федерации чрезвычайных мер, в ответ на вспышку пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). ***Авторы анализируют*** особенности деятельности судов в связи с пандемией коронавируса, связанной с минимизацией личного приема граждан и подачей документов через электронные интернет-приемные судов или по Почте России, возможностью осуществления судебных онлайн-заседаний. ***Авторы приходят к выводам***, что судебная система к пандемии оказалась недостаточно подготовлена, в связи с этим насущно необходимо принятие специального нормативного акта, который регулировал бы вопросы реализации судопроизводства во внештатных ситуациях, позволяющий продолжать рассматривать дела безотлагательного характера, отнеся к числу таковых материалы об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, коронавирусная инфекция, органы предварительного расследования, суды, следственные и судебные действия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Франциформов Ю.В., Баранова М.А. Некоторые особенности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в России в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 149–154. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-149-154

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-149-154

Some features of criminal procedure in Russia in connection with the spread of coronavirus infection (COVID-19)

Yu.V. Franciforov[a] ©, M.A. Baranova[b] ©

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

[a] E-mail franciforov@mail.ru

[b] E-mail marina2008-78@mail.ru

Abstract. *The purpose* of the article is to consider the peculiarities of investigative and judicial actions that are caused by their postponement, the inability to attract a lawyer, as well as the suspension of the preliminary investigation during the period of emergency measures taken by the government of the Russian Federation in response to the outbreak of the coronavirus infection pandemic (COVID-19). *The authors analyze* the features of the courts activity in connection with the coronavirus pandemic, which is associated with minimizing the personal reception of citizens and submitting documents via electronic Internet reception offices of courts or by Russian Post, as well as the possibility of conducting online court sessions. The authors come *to the conclusion* that the judicial system was not sufficiently prepared for the pandemic, and therefore it is urgently necessary to adopt a special normative act that would regulate the implementation of judicial proceedings in emergency situations, allowing to continue to consider urgent cases, including materials on the election, extension, cancellation or change of a preventive measure.

Keywords: criminal procedure, coronavirus infection, preliminary investigation bodies, courts, investigative and judicial actions

FOR CITATION: Franciforov Yu.V., Baranova M.A. Some features of criminal procedure in Russia in connection with the spread of coronavirus infection (COVID-19). *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 149–154. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-149-154

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время человечество столкнулось с существенной проблемой, связанной с пандемией COVID-19. Принятые в РФ меры были направлены на снижение роста заболеваемости и уменьшение очагов распространения вируса. В связи с этим деятельность во многих сферах оказалась временно приостановлена или существенным образом изменена. Одновременно из-за экономической нестабильности, приостановления или прекращения работы ряда предприятий, и, как следствие – резкого снижения уровня доходов граждан увеличилось количество совершаемых преступлений имущественного характера, что возложило дополнительную нагрузку на органы предварительного расследования и суды.

В рамках чрезвычайных мер, принятых в ответ на вспышку пандемии коронавирусной инфекции, многие страны были вынуждены разработать альтернативные способы осуществления судебной деятельности. К примеру, в одних странах (Великобритания, США) количество судов было сокращено, но они по-прежнему продолжили рассмотрение неотложных дел, в том числе, проведение открытых судебных заседаний[1]. В других государствах (Италия, Испания) деятельность судебной системы была полностью приостановлен[2].

Многие страны пытаются смягчить последствия развития пандемии, переходя на дистанционные технологии проведения судебных слушаний. Однако у электронного режима рассмотрения дел есть свои проблемы, связанные со сложностью реализации международных правил о транспарентности судебной системы, которые в своей совокупности позволяют осуществить гражданский контроль за эффективностью деятельности судебной власти в пределах, установленных законом. Это предполагает не только открытость, доступность информации о деятельности судебной системы и возможность осуществления общественного контроля, но и качественное повышение уровня

[1] Coronavirus could cause “unexpected” backlog of court cases. URL: https://www.theguardian.com/law/2020/apr/29/coronavirus-could-cause-unprecedented-backlog-court-cases (дата обращения: 09.05.2020).

[2] U.K. Courts Carry on While Virus Halts EU Cases, Lawsuits. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-16/virus-closes-european-courts-but-can-t-stop-u-k-tradition (дата обращения: 09.05.2020).

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

правосудия за счет его широкого освещения в качестве постоянного предмета общественного дискурса. Однако в сложившейся ситуации происходит реальное ограничение доступа общественности и прессы к деятельности суда, в связи с чем полагаем, что нарушается конституционный принцип гласности при осуществлении правосудия, который является необходимой составляющей эффективной деятельности судебной системы.

Возможное решение во избежание судебного разбирательства за «закрытыми дверями», заключается в предоставлении общественности доступа к судебному разбирательству через различные электронные платформы, например, Skype, Zoom, WhatsApp. Программа Zoom предусматривает возможность создавать два вида видеоконференций – общедоступную и частную. Так, судья из США Р.К. Сэндилл предполагал использовать общедоступный вариант конференции при проведении судебного заседания, но возникла сложность в том, что любое присоединившееся к видеоконференции лицо могло сохранить видео. Однако закон штата запрещает хранение видеозаписи судебного заседания иными лицами, помимо секретаря судебного заседания, в этой связи судья провел частные видеоконференции со сторонами по делу и их представителями, а также использовать видеохостинг YouTube для обнародования слушаний [Науменко, 2020]. Общедоступный способ проведения судебного заседания порождает еще одну проблему: свидетель не должен знать содержание уже исследованных в судебном заседании доказательств до тех пор, пока его не вызовут для дачи показаний, что невозможно обеспечить при свободной видеотрансляции проводимого судебного заседания на различных Интернет-платформах.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Судебная система РФ пошла по иному пути: было принято решение об отложении рассмотрения тех судебных дел и материалов, которые не относятся к категории срочных с 19 марта по 11 мая 2020 г.[3] Письмом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ А.В. Гусева от 07 мая 2020 г. № СД-АГ/667 всем судам с 12 мая 2020 г. предлагается осуществлять судопроизводство в обычном штатном режиме [Гусев, 2020]. Суды вновь «открыли свои двери», но только лишь для непосредственных участников процесса. Все лица, не являющиеся участниками судебного разбирательства, по-прежнему не допускаются в залы судебных заседаний.

Многие страны, имея намерение соблюсти сроки производства по делу и интересы участников процесса, стали рассматривать вопрос об освобождении некоторых заключенных под стражу до суда под залог (например, Индия)[4]. Профессор Илиас Бантекас высказал предложение о том, чтобы в отношении тех, кто совершил преступление впервые, применялись такие меры пресечения как домашний арест, электронная маркировка и применение других устройств слежения, а не заключение под стражу[5]. Однако в России не достаточна техническая база для повсеместного массового внедрения домашнего ареста, запрета определенных действий взамен заключения под стражу, поскольку применение данных мер пресечения связано с использованием устройств слежения местонахождения подозреваемого, обвиняемого лица. В публицистике отмечается, что повсеместное откладывание рассмотрения уголовных дел может иметь ряд неблагоприятных последствий для соблюдения принципа справедливости. Такие задержки могут усложнить и непосредственное осуществление процесса доказывания, так как со временем показания свидетелей могут стать менее информативными в силу естественных причин, отдельные свидетели могут стать недоступными[6]. В РФ сотрудники следственных отделов МВД РФ и СК РФ получили инструкции, существенно скорректировавшие обычный ход уголовного судопроизводства. Так, в сложившейся эпидемиологической обстановке следователи были управомочены откладывать допросы свидетелей, очные ставки и другие следственные действия, если они не имеют принципиального значения для расследования уголовного дела и не существенно влияют на сроки расследования. В соответствии с распоряжением главного государственного санитарного врача ФСИН России от 16.03.2020 «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», были приостановлены все краткосрочные и длительные свидания лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН, с родственниками[7].

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И АДВОКАТОВ-ЗАЩИТНИКОВ

Усложнился порядок взаимодействия следователей, дознавателей и адвокатов с лицами, находящимися в следственных изоляторах. Так, в соответствии с п. 12.1 приказа УФСИН по Москве от 20.03.2020 № 168, все судебно-следственные действия со следователями, дознавателями и свидания с защитниками, адвокатами и иными лицами на территории СИЗО УФСИН по Москве с подозреваемыми, обвиняемыми и допускаются только в помещениях комнат для краткосрочных свиданий через прозрачное стекло в присутствии сотрудника следственного изолятора. Таких комнат в помещениях следственных изоляторов ограниченное

[3] Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 03.05.2020).

[4] COVID-19: Here's How Many Prisoners Will Be Temporarily Released From Jail, By State. URL: https://thewire.in/government/covid-19-prisoners-release-jail (дата обращения: 09.05.2020).

[5] How courts are navigating the coronavirus outbreak. URL: https://www.aljazeera.com/indepth/features/courts-navigating-coronavirus-outbreak-200405112809135.html (дата обращения: 09.05.2020).

[6] Споры через Skype и Zoom: как работают суды при коронавирусе. URL: https://pravo.ru/story/220052/ (дата обращения: 09.05.2020).

[7] Информация Официального сайта ФСИН РФ// URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=503889 (дата обращения: 09.05.2020).

количество, следственные действия за пределами следственного изолятора не возможны, и адвокат, соответственно, не может реализовать свое право на конфиденциальность при работе с подзащитным обвиняемым лицом.

Так, согласно разъяснениям Управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Москве на запрос следователя СО ОМВД России по району Бибирево, проведение следственных действий с обвиняемым Г. не представляется возможным в связи с угрозой завоза и распространения в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ новой коронавирусной инфекции, возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью подозреваемых, обвиняемых и осужденных, персонала и иных лиц, а также в целях недопущения распространения среди сотрудников и лиц содержащихся в следственных изоляторах в соответствии с требованиями законодательства. До особого распоряжения временно приостановлены вывозы подозреваемых, обвиняемых и осужденных на судебно-следственные мероприятия, краткосрочные и длительные свидания, свидания со следователями, дознавателями и адвокатами происходит с ограничениями[8].

Отмечается, что в связи с возникшей ситуацией, следователи не только откладывают производство следственных действий, но и отказывают в удовлетворении ходатайств защиты об отложении следственных действий ввиду угрозы распространения коронавирусной инфекции, руководствуясь сроками предварительного расследования уголовных дел.

Так, если следователь вызовет обвиняемого и его защитника для участия в следственном действии на территорию другого субъекта РФ, то им нужно будет находиться в этом субъекте на самоизоляции не менее 14 дней. К примеру, в Чувашии следователь вызвал подозреваемого и адвоката на допрос, в ходе которого защитник выяснил, что у подозреваемого на руках имеется предписание о необходимости изоляции, как прибывшего из Прибалтики и имеющего первичные симптомы заболевания короновирусной инфекцией. Адвокат потребовал незамедлительно прекратить допрос, однако следователь настаивал на проведении данного следственного действия. На следующий день подозреваемого из изолятора временного содержания срочно госпитализировали в связи с подозрением на коронавирус [Никонов, 2020].

В случае отказа в удовлетворении ходатайства об отложении следственных действий, защитник вправе обратиться с жалобой в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, так как ст. 11 УПК РФ запрещает осуществление действий, создающих опасность для жизни и здоровья их участников. В ходе рассмотрения жалобы суд должен установить, было ли при проведении следственного действия нарушено конституционное право на охрану здоровья в каждом конкретном случае с учетом данных о лице, вызываемом для участия в следственном действии: его возрасте, состоянии здоровья, в том числе, на момент рассмотрения жалобы, месте и условиях проживания. Кроме того, суд должен учесть характер предполагаемого следственного или процессуального действия, его неотложность, значимость для расследования, место производства, количество участников, возможности соблюсти необходимые санитарно-эпидемиологические требования. В случае отсутствия возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в уголовном деле, предварительное расследование должно быть приостановлено в соответствии со ст. 208 УПК РФ. По уголовным делам, по которым в отношении подозреваемых (обвиняемых) избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, следует принять действенные меры по окончанию расследования и направлению их в суд в установленные законом сроки, без неоправданной задержки. А в случае невозможности закончить предварительное расследование и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения – ходатайствовать о продлении срока содержания под стражей.

Некоторые ограничения в работе коснулись и адвокатов – они должны соблюдать запреты и ограничения в связи с пандемией, которые распространяются на них в силу возраста или иных критериев. Посещение следственных изоляторов производится адвокатами в масках, перчатках и бахилах, а также встречи с подзащитным осуществляются через стекло в помещениях, назначенных для свиданий с родственниками.

УКАЗАНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ

В связи с пандемией коронавируса была ограничена деятельность всех звеньев судебной системы. Суды минимизировали личный прием граждан и рекомендовали подавать документы через электронные интернет-приемные судов или по Почте России. Отмечается, что всем судьям и работникам аппаратов судов надлежит осуществлять самоизоляцию при малейших признаках заболевания. Суды в настоящее время преимущественно проводят онлайн-заседания. Согласно Постановлению Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821[9], для участия в онлайн-заседании следует направить скан-копии паспортов, ордеров (для адвокатов по назначению), доверенностей (для защитников по соглашению). Кроме того, Президиум Верховного Суда РФ постановил обеспечить соблюдение в судах правил, предусмотренных Постановлениями Главного государственного санитарного врача России, и правил поведения граждан при введении в субъекте режима повышенной готовности, в том числе, правил социального дистанцирования. Данное Постановление действовало до 11 мая 2020 г. включительно. Президиум Верховного Суда РФ разрешил использовать в судебных заседаниях системы видеоконференции с учетом опыта Верховного Суда РФ. Так, на практике суды проводят заседания с применением Skype и WhatsApp. В случае возникновения обстоятельств, которые исключают возможность

[8] Информационное сообщение ФСИН России от 31.03.2020 // Официальный сайт ФСИН России. URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=503889 (дата обращения: 20.05.2020).

[9] Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 03.05.2020).

участия обвиняемого в судебном разбирательстве, необходимо приостановить производство по делу[10]. В некоторых случаях суд рассматривает дела в отсутствие участников, что увеличивает риск судебных ошибок и нарушает конституционные права граждан, обвиняемых в совершении преступлений. Так, к примеру, на практике есть случаи рассмотрения ходатайств следствия о продлении сроков заключения под стражу без какого-либо участия обвиняемых. При этом суды ссылаются на документы ФСИН о невозможности их доставки. Обвиняемому в сложившейся обстановке должна быть предоставлена возможность участия в судебном заседании посредством использования систем видеоконференцсвязи, однако многие следственные изоляторы не оснащены необходимым технический оборудованием, что приводит к невозможности обеспечения связи. В таком случае обвиняемый вправе обжаловать постановления суда о продлении срока меры пресечения, когда суд не обеспечил надлежащую видеоконференцсвязь или сослался на коронавирус, как причину не доставления обвиняемого в суд. Если же подсудимый действительно заразился коронавирусным заболеванием, суд должен вынести постановление о приостановлении производства по делу, это следует из п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, при этом необходимо представить медицинское заключение.

Суд самостоятельно решает вопрос о необходимости отложения разбирательства дела, приостановлении производства по делу, продлении срока рассмотрения дела в каждом конкретном случае. Отмечается, что нерабочие дни в период самоизоляции не исключаются из течения процессуальных сроков. Сроки, пропущенные в связи с введенными мерами по противодействию распространению COVID-19 (ограничение свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, изменения в работе органов и организаций) подлежат восстановлению[11].

Следует отметить, что судебная система к пандемии оказалась недостаточно подготовлена, в связи с этим насущно необходимо принятие специального нормативного акта, который регулировал бы вопросы реализации судопроизводства во внештатных ситуациях (эпидемии, массовые беспорядки, технологические аварии и т.д.). Президиум Верховного Суда РФ рекомендовал судам рассматривать дела безотлагательного характера, отнеся к числу таковых материалы об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, Также, согласно разъяснениям, данным в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, к числу безотлагательных необходимо относить решение вопроса об аресте имущества по правилам, изложенным в ст. 160.1 УПК РФ в случае установления факта причинения преступлением имущественного вреда[12].

ВЫВОДЫ

Ходатайство органов предварительного расследования о наложении ареста и продлении срока ареста имущества следует относить к безотлагательным, потому что это обуславливается необходимостью защиты прав лиц, пострадавших от преступления, а также связано с ограничением конституционного права на частную собственность.

Следует отметить, что и ходатайства осужденных и их защитников, представления учреждений или органов, исполняющих наказание, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 Уголовного Кодекса РФ, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УК РФ подлежат безотлагательному рассмотрению. Так как право осужденных просить о смягчении наказания и право осужденных, страдающих тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, просить суд об освобождении от отбывания наказания, не может быть ограничено какими-либо обстоятельствами, в том числе связанными с распространением коронавирусной инфекции[13]. Следует обратить внимание, что указанный перечень является открытым. Поэтому суд с учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима повышенной готовности, введенного в соответствующем субъекте РФ, вправе самостоятельно принять решение о рассмотрении дел и процессуальных вопросов как безотлагательных. На наш взгляд, необходимо регламентировать понятие «категории дел и материалов безотлагательного характера», ввести режимы ограничения деятельности судов в различных чрезвычайных ситуациях и провести разграничение рассмотрения отдельных категорий дел при каждом режиме. Также целесообразно принятие регламентов введения, продления и отмены режима ограничения работы судов. В УПК РФ необходимо закрепить механизм получения согласия лица на рассмотрение уголовного дела в его отсутствие, например, при помощи электронной подписи, а также механизм получения доказательств и ходатайств в режиме повышенной готовности.

[10] Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах»// СПС Консультант плюс (дата обращения: 03.05.2020).

[11] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.05.2020).

[12] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.05.2020).

[13] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.05.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, осуществление предварительного расследования и порядок деятельности судов при распространении COVID-19 является на сегодняшний день допустимым вариантом реализации правил уголовного судопроизводства. Однако должен быть гарантирован учет мнения сторон и обеспечиваться право обвиняемого на судебную защиту, а вся судебная система в своей деятельности должна руководствоваться правилами транспарентности, а не закрытости.

На наш взгляд, сложившаяся внештатная ситуация в настоящее время выявила проблемы в работе судов и органов предварительного расследования, к которым никто не был готов и их деятельность перестраивается «здесь и сейчас».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гусев А.В.* Письмо Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 07 мая 2020 г. № СД-АГ/667. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352096/ (дата обращения: 20.05.2020).
2. *Науменко Е.* Споры через Skype и Zoom: как работают суды при коронавирусе. // Право.RU. URL: https://pravo.ru/story/220052/ (дата обращения: 09.05.2020).
3. *Никонов М.А.* Отмена приговора по видеоконференц-связи // Уголовный процесс. URL: https://www.ugpr.ru/article/1860-otmena-prigovora-po-videokonferents-svyazi (дата обращения: 07.05.2020).

REFERENCES

1. *Gusev A.V.* Letter of the General Director of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated May 07, 2020 No. SD-AG/667. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352096/ (data accessed: 20.05.2020).
2. *Naumenko E.* Disputes via Skype and Zoom: how courts work with coronavirus // Right.RU. URL: https://pravo.ru/story/220052/ (data accessed: 09.05.2020).
3. *Nikonov M.A.* Cancellation of the sentence by video-conferencing // Criminal proceedings. URL: https://www.ugpr.ru/article/1860-otmena-prigovora-po-videokonferents-svyazi (data accessed: 07.05.2020).

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 11.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Францифоров Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, Российская Федерация. Индекс Хирша – 20. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3739-128X. SPIN код: 9803-9599. E-mail: franciforov@mail.ru

Баранова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, Российская Федерация. Статьи в Web of Science: DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593. ResearcherID: L-5682-2013. ORCID ID: 0000-0003-0159-7542. E-mail: marina2008-78@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Franciforov, Dr. Sci. (Law), Professor; professor at the Department Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy. Saratov, Russian Federation. The H-Index is 20. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3739-128X. SPIN: 9803-9599. E-mail: franciforov@mail.ru

Marina A. Baranova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; associate professor at the Department Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy. Saratov, Russian Federation. In Web of Science: DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593. ResearcherID: L-5682-2013. ORCID ID: 0000-0003-0159-7542. E-mail: marina2008-78@mail.ru

Петрушенков А.Н.

12.00.08

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminal law and criminology; Criminal enforcement law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-155-163

Кодификационные проблемы необходимой обороны, влияющие на ее реализацию

А.Н. Петрушенков ©

Дзержинский филиал ННГУ имени Н.И. Лобачевского,
г. Дзержинск, Нижегородская область, Российская Федерация

E-mail: sekret-005@mail.ru

Аннотация. ***Цели***. Целью подготовленного научного исследования является выработка предложений по внесению изменений в уголовно-правовые нормы Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие необходимую оборону. В научной статье указаны законодательные пробелы и противоречия, мешающие эффективной реализации необходимой обороны и требующие оперативного решения. ***Методы***. В научной статье анализируются такие понятия как «необходимая оборона», «общественно опасное посягательство», «превышение пределов необходимой обороны», «нарушение условий правомерности необходимой обороны», «неожиданность посягательства», «права обороняющегося или другого лица», «интересы государства». Применение логического и сравнительно-правового методов позволили выработать предложения по внесению изменений в уголовно-правовые нормы, закрепляющие необходимую оборону. ***Выводы***. В научной статье показаны коллизии и пробелы законодательного закрепления необходимой обороны и, в связи с этим, сложности ее реализации в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и применения на практике. Предлагаются изменения в уголовно-правовые нормы, регламентирующие необходимую оборону, как в Общей, так и в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. ***Значение***. Содержание научной статьи может использоваться профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений при преподавании курса «Уголовное право». Результаты работы могут быть полезны лицам, которые осуществляют законотворческую деятельность в области уголовного права. Лейтмотив статьи может использоваться при подготовке диссертационных исследований.

Ключевые слова: необходимая оборона, общественно опасное посягательство, превышение пределов необходимой обороны, нарушение условий правомерности необходимой обороны, неожиданность посягательства, права физического лица, интересы общества, интересы государства

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петрушенков А.Н. Кодификационные проблемы необходимой обороны, влияющие на ее реализацию // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 155–163. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-155-163

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-155-163

Codification problems of necessary defense affecting its implementation

A.N. Petrushenkov ©

Dzerzhinsk branch of the Lobachevsky State University,
Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region, Russian Federation

E-mail: sekret-005@mail.ru

Abstract. *Objectives*. The goal of scholarly research is to develop proposals for amendments in criminal law General and Special part of Criminal code of the Russian Federation governing self-defense. The scientific article identifies legislative gaps and contradictions that hinder the effective implementation of the necessary defense and require prompt solutions. *Methods*. The article analyzes such concepts as "self-defense", "public assault", "excess of limits of necessary defense", "violation of the conditions of lawfulness of necessary defense", "surprise assault", "rights defending or other persons, interests of the state". The use of logical and comparative legal methods allowed us to develop proposals for making changes to the criminal law norms that establish the necessary defense. *Conclusions*. The article shows the conflicts and gaps legislative recognition of self-defense and, in this regard, the complexity of its implementation in the articles of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation and practical application. Changes are proposed to the criminal law norms regulating the necessary defense, both in the General and in the Special part of the Criminal code of the Russian Federation. *Sense*. The content of the scientific article can be used by the teaching staff of higher educational institutions when teaching the course "Criminal law". The results of the work can be useful to persons who carry out legislative activities in the field of criminal law. The leitmotif of the article can be used in the preparation of dissertation research.

Keywords: necessary defense, socially dangerous encroachment, exceeding the limits of necessary defense, violation of the conditions of legality of necessary defense, surprise encroachment, the rights of an individual, the interests of society, the interests of the state

FOR CITATION: Petrushenkov A.N. Codification problems of necessary defense affecting its implementation. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 155–163. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-155-163

ВВЕДЕНИЕ

Необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) является для физического лица одним из самых важных обстоятельств, исключающих преступность деяния, потому что, как правило, затрагивает самое ценное для человека – жизнь и здоровье. Эффективность реализации права на необходимую оборону зависит от качества соответствующих уголовно-правовых норм, то есть от наличия или отсутствия в нормативном материале кодификационных проблем (коллизий, пробелов, оценочных понятий и т.п.). Заставляет задуматься обороняющегося применять или не применять необходимую оборону и негативная статистика: порядка 94% уголовных дел, где фигурировала норма о необходимой обороне, заканчивались приговором для обороняющегося [1: 88–91].

Правильная кодификация необходимой обороны напрямую взаимосвязана с соблюдением конституционного права любого человека на защиту его прав и свобод (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Для некоторых категорий граждан определенные формы необходимой обороны также являются еще и обязанностью (например, сотрудники полиции). Необходимая оборона с обязательным учетом положений ст. 12 и гл. 5 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» подробно регламентирует порядок и основания применения огнестрельного оружия, физической силы, а также специальных средств при выполнении сотрудниками полиции своих обязанностей. Поэтому мы поддерживаем мнение К.А. Волкова, что право на необходимую оборону у сотрудников полиции выглядит несколько уже по сравнению с обычными гражданами [2: 11–15]. Например, сотрудник полиции должен всегда при применении необходимой обороны стремится к минимизации любого ущерба (ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции»), у обычных граждан такого ограничения нет (ст. 37 УК РФ). Требование о минимизации любого ущерба при применении оружия, специальных средств и физической силы также закреплены и в ст. 14.2 Федерального закона № 40-ФЗ от 03.04.1995 «О федеральной службе безопасности». Возникает коллизия между указанными Федеральными законами и Уголовным кодексом РФ, которая должна разрешаться в пользу последнего, так как он имеет большую юридическую силу как кодифицированный нормативный правовой акт.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Является неприемлемым попытка некоторых ученых пропустить акты необходимой обороны через сито состава преступления и признавать его наличие при каждом правомерном поведении [3: 67–77; 4; 5: 635–643]. Не следует отождествлять общественно

опасное посягательство (общественно опасное деяние) с признаками конкретного состава преступления в рамках ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» [6: 31–33]. В силу правомерного поведения обороняющегося нельзя усматривать в действиях, совершенных в состоянии необходимой обороны, состав преступления [7: 421]. Понятие состава преступления в уголовном праве понимается и применяется только в отношении общественно опасных, противоправных, виновных и наказуемых деяний. Смешение негативного и позитивного отрицательно скажется на эффективности применения необходимой обороны и ее оценке. Более того, в ч. 2 ст. 37 УК РФ термин «посягательство» в отличие от первой части применяется без такой характеристики как «общественная опасность». Следовательно, законодатель закрепил право на необходимую оборону при отсутствии угрозы для жизни от любого вида посягательства и не обязательно, чтобы оно охватывалось какой-либо статьей Особенной части УК РФ. Некоторые авторы придерживаются иного мнения. Например, Э.В. Кабурнеев считает, что начало общественно опасного посягательства совпадает со стадией приготовления к тяжким и (или) особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ), т.е. сущность рассматриваемого посягательства должна быть связана только с понятием преступления [8: 14–16].

При любом применении необходимой обороны следует, чтобы условия ее правомерности были общедоступны, т.е. закреплены в уголовном законодательстве. Ст. 37 УК РФ следует дополнить следующим предложением: «Применение необходимой обороны допускается при защите от общественно опасного, наличного и действительного деяния. Защита охраняемых законодательством интересов личности, организации, общества или государства допустима при условии причинения вреда только нападающему (нападающим) и недопущении превышения условий правомерности необходимой обороны».

В ч. 1 ст. 37 УК РФ законодатель закрепил такое понятие как «общественно опасное посягательство». В данном случае нарушается системность кодифицированного уголовного законодательства, так как относительно вредного поведения человека, достигшего уровня и иных показателей преступления, должно применяться понятие «общественно опасное деяние» (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

К сожалению, «общественно опасное посягательство» органами следствия и судом, как правило, понимается как непосредственное применение насилия. Причем, например, такие предшествующие общественно опасные действия как незаконное проникновение в жилище не считаются основанием применения необходимой обороны к соответствующим лицам [9: 22–23; 10: 15–19]. Некоторые авторы также считают, что такие термины как «насилие», «посягательство», «нападение» из ст. 37 УК РФ, свидетельствуют только о физических насильственных преступлениях, которые совершаются в отношении обороняющегося [11: 18–19]. Часть исследователей в ст. 37 УК РФ выделяют физическое или психическое воздействие на человека либо угрозу такого воздействия, которое представляет опасность для его жизни, а также все остальные формы насилия, не представляющие опасности для жизни человека [12: 28].

Конкретных признаков данного вида насилия уголовный закон не закрепляет, что создает сложности для правоприменителя по его оценке. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 определяет рассматриваемый вид насилия через деяние, которое во время его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося и (или) другого лица [13]. Опасность конкретного посягательства для жизни физического лица сегодня оценивается следующими способами:

1) через причиненный вред здоровью, создающий реальную угрозу для жизни обороняющего и (или) другого лица;
2) через посягательство, создавшее реальную угрозу для жизни обороняющегося и (или) другого физического лица.

Раскрывая первый способ следует указать, что защищающийся имеет право лишить жизни нападающего. Но возникает вполне логичный вопрос: как обороняться человеку, которому причинили «критический» вред здоровью? Если же предупреждая причинение такого вреда здоровью, обороняющийся лишит жизни нападающего, то в данном случае возможны ошибки в применении необходимой обороны.

Например, в апелляционной жалобе адвокат М. просит приговор суда отменить, изменив квалификацию действия Ш. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ. Адвокат написал, что суд не учел показания свидетелей, указывающие на противоправное поведение потерпевшего. Более того, подзащитный Ш. причинил потерпевшему вред здоровью только после того, как начал терять сознание от удушающих действий потерпевшего.

В итоге суд указал, что нельзя изменить квалификацию «осужденного Ш. на ч. 1 ст. 108 УК РФ. Во-первых, в заключении судебно-медицинской экспертизы в отношении Ш. закреплено, что у него не установлены телесные повреждения, за исключением ссадины в области правого локтевого сустава. Во-вторых, показания свидетелей подтверждают показания осужденного Ш., что потерпевший пытался убежать, однако Ш. дважды его догонял, неоднократно нанося удары неустановленным колюще-режущим предметом» [14].

В данном примере следует говорить об объективном вменении в нарушении принципа вины, так как подробно обосновываются объективные признаки посягательства и вовсе не анализируются субъективные признаки произошедшего. Возможно, что в рассматриваемой ситуации защищающийся не стал ждать причинения ему вреда здоровью, создающего реальную угрозу для его жизни, и причинил вред нападающему несовместимый с жизнью. Но суд не рассмотрел указанную версию, так как не исследовал все имеющиеся фактические данные, подтверждающие субъективные признаки необходимой обороны.

Второй метод оценки нападения как создающего реальную угрозу для жизни защищающегося и (или) другого лица основан на анализе способа посягательства, которым предпринимается попытка причинения соответствующего вреда. Такие способы посягательства можно разделить на два вида:

1) применение при общественно опасном нападении оружия и (или) предметов, используемых в качестве оружия;

2) избрание такого способа нападения, который сам по себе представляет серьезную общественную опасность, создающую реальную угрозу для жизни защищающегося и (или) другого лица.

В любом случае следует установить реальную возможность причинения указанными предметами или избранными способами таких последствий, которые создают реальную угрозу для жизни защищающегося и (или) другого лица. В следственно-судебной практике, как правило, не возникает проблем при уголовно-правовой оценке применения нападающим оружия или предметов используемых в качестве оружия.

Например, между гражданином В. и потерпевшим в пивном баре произошла ссора из-за того, что первый назвал второго «мужиком». Несмотря на принесенные гражданином В. извинения в адрес потерпевшего и попытку покинуть место ссоры, потерпевший первый нанес удар гражданину В. в лицо. Во время драки потерпевший упал головой об асфальт и разбил бутылку пива. Держа в руках горлышко разбитой бутылки, потерпевший нанес им гражданину В. несколько ударов по лицу. Гражданин В., обороняясь, нанес потерпевшему несколько ударов руками по лицу и ногами по телу и убежал.

Таким образом, из показаний свидетелей и показаний осужденного В. видно, что инициатором драки был потерпевший. Его поведение в состоянии алкогольного опьянения носило агрессивный характер, и в его руках находился предмет, который использовался в качестве оружия. Потерпевший осколком от разбитой бутылки нанес несколько ударов в жизненно-важные органы – голову и шею. Подсудимый же гражданин В. пытался избежать драки и применил силу только в качестве обороны от общественно опасного посягательства потерпевшего. Приговор нижестоящего суда в отношении гражданина В. по ч. 4 ст. 111 УК РФ был отменен и с применением ст. 37 УК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ вынесен новый оправдательный приговор [15].

При оценке способа посягательства, который сам по себе представляет повышенную общественную опасность, создающую реальную угрозу для жизни обороняющегося и (или) другого лица, на практике возникают сложности. Проблемы в уголовно-правовой оценке обстоятельств, исключающих преступность деяния, выражаются, как правило, в неправильном анализе общественно опасного способа посягательства (например, нанесение многократных ударов по различным частям тела, поджог, удушение и др.). Перечисленные способы посягательства не всегда способны создать реальную угрозу для жизни защищающегося и (или) другого лица, поэтому возникают ошибки в квалификации содеянного.

Например, гражданка Ш. и гражданин Б. после совместного распития спиртного с гражданином Д. собрались ехать домой. Последний перекрыл выход из подсобного помещения и беспричинно нанес гражданину Б. несколько ударов кулаками по лицу и ногами по туловищу. Затем гражданин Д. безосновательно обвинил граждан Ш. и Б. в пропаже его кошелька с деньгами и нанес еще несколько ударов руками и ногами по туловищу Б., а также кружкой по лицу Б.

Затем гражданин Б. в целях защиты нанес Д.. несколько ударов руками в область шеи, туловища и конечностей. Гражданин Д. взял в руки металлическую решетку от газовой плиты и сделал несколько шагов в сторону гражданина Б.. Последний воспринял действия гражданина Д. как общественно опасное посягательство на его жизнь и здоровье и, взяв в руки деревянный брусок, нанес им несколько ударов по голове гражданина Д., причинив ему смерть. Гражданин Б. был признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ [16].

Наиболее сложной для уголовно-правового анализа является угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося и (или) другого лица. В Общей части уголовного закона данный вид общественно опасного воздействия также не определяется, что приводит к ошибкам в правоприменении.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, например, в высказываниях о желании незамедлительно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, в демонстрации посягающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом реальных событий имелись основания опасаться реализации этой угрозы.

Практика показывает, что подавляющее большинство судебных решений в подобных случаях в пользу превышения пределов необходимой обороны [12: 28–31]. Приведем пример судебной ошибки при уголовно-правовой оценке угрозы.

Так, между отцом и сыном, которые находились в состоянии алкогольного опьянения, возникла ссора. Сын, высказывая намерения лишить жизни отца, стал душить последнего руками. Отец в целях обороны оттолкнул от себя сына, взял нож со стола и ударил им ему в живот.

После полученного ножевого ранения сын не успокоился и взял в руки табурет, чтобы ударить им отца. Последний осознавая, что посягательство со стороны сына не закончилось и что он физически слабее его, в целях самообороны ножом нанес последнему несколько ударов в грудную клетку, от которых последний скончался [17].

В данном примере нет превышения пределов необходимой обороны. Угроза словами подкреплялась также иными общественно опасными действиями. В данной ситуации соответствующие рекомендации Верховного Суда РФ следователем и нижестоящим судом не применялись.

В ст. 37 УК РФ нет конкретизации относительно того, что посягательство должно быть сопряжено только с физическим насилием, следовательно, можно вести речь, например, и о психическом насилии, либо об угрозе применения насилия, которое выразилось в незаконном проникновении в жилище. Необходимо учитывать, что право на неприкосновенность жилища является также конституционным правом (ст. 25). Незаконное проникновение в жилище следует считать разновидностью угрозы применения насилия и одновременно основанием для применения необходимой обороны [18: 111; 4: 118; 19: 22]. Предлагаем в ст. 37 УК РФ внести изменения относительно правомерности

использования необходимой обороны от незаконного проникновения в жилище или от противоправного нахождения в нем, если не были нарушены условия правомерности необходимой обороны.

Следует учитывать, что посягательство может совершаться как одним лицом, так и группой лиц. Поэтому в ч. 1 ст. 37 УК РФ словосочетание «посягающему лицу» необходимо заменить словосочетанием «посягающему лицу (лицам)». Защита, так же как и посягательство может осуществляться как одним, так и несколькими обороняющимися, но данное положение не учтено в уголовном законодательстве. В связи с этим, предлагаем в ч. 1 ст. 37 УК РФ заменить фразу «обороняющегося или других лиц» на словосочетание «обороняющегося (обороняющихся) или другого лица (лиц)».

Думаем, большинство исследователей согласятся, что, с одной стороны, невозможно все интересы общества или государства записать в федеральное законодательство, а с другой, даже один интерес общества или государства подлежит уголовно-правовой защите. Поэтому предлагаем в ч. 1 ст. 37 УК РФ словосочетание «охраняемых законом интересов» заменить словосочетанием «охраняемого нормативными правовыми актами интереса (интересов)». Данная мера позволит расширить круг защищаемых правоохраняемых интересов общества или государства независимо от их количества.

Анализируя перечень защищаемых интересов в ч. 1 ст. 37 УК РФ, мы не увидим в нем интересов организаций. Относить интересы организаций к интересам общества или государства является непоследовательным решением, противоречащим системе уголовного законодательства. Изначальная, исторически обоснованная позиция законодателя является однозначной: интересы организаций являются значимыми для Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельно выделяются в диспозициях уголовно-правовых норм. Например, интересы организаций отдельно закреплены в ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочий», в ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», в ст. 293 УК РФ «Халатность» и др. Следовательно, в целях исправления имеющегося пробела в законодательстве, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 37 УК РФ интересами организаций наряду с интересами личности, общества, а также государства.

На сегодняшний день трудно представить себе ситуацию, когда в рамках необходимой обороны защищаются интересы иностранного государства вопреки интересам России. Но ст. 37 УК РФ предоставляет такое право физическому лицу, так как в ней закреплены «интересы государства», а не «интересы Российской Федерации». Мы не против, например, чтобы иностранный гражданин на территории России защищал свои государственные интересы, но это не должно осуществляться в противовес интересам России, интересам российских граждан и организаций. Поэтому в ст. 37 УК РФ пределы интересов государства следует ограничить пределами своих национальных интересов.

В п. 3 постановления Пленума от 27.09.2012 № 19 Верховный Суд России придерживается неоднозначного, противоречивого мнения, считая, что под посягательством в ч. 2 ст. 37 УК РФ понимаются общественно опасные деяния, сопряженные с насилием, которые не опасны для жизни обороняющегося или другого лица [13, п. 3]. В двух других решениях Верховный Суд России уже так не считает и предлагает в насилие, не опасное для жизни и (или) здоровья, включать так же любые насильственные действия, связанные с причинением физической боли либо с ограничением свободы [20, п. 2; 21, п. 21]. Считаем мнения данного суда противоречивыми и не соответствующими уголовно-правовой политике и Уголовному кодексу РФ и, следовательно, ограничивающими конституционное право человека на защиту своих прав и законных интересов.

Сравнивая ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ не трудно заметить, что в первой части ничего не говорится о превышении пределов необходимой обороны. Получается, что в случае превышения пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 37 УК РФ имеется два возможных варианта квалификации содеянного: либо лицо, применившее необходимую оборону, привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях, так как в данной ситуации Общая часть УК РФ не предусматривает применение привилегированных составов; либо данное лицо не привлекается к уголовной ответственности, так как превысить пределы необходимой обороны по ч. 1 ст. 37 УК РФ невозможно. Какое же решение следует принять? Общая часть УК РФ ответа на данный вопрос не дает. Также об этом ничего не говорится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19.

Несмотря на отсутствие в ч. 1 ст. 37 УК РФ нормативной возможности применения положения о превышении пределов необходимой обороны при защите жизни, Особенная часть УК РФ содержит привилегированный состав преступления за превышение соответствующих пределов – ст. 108 УК РФ. Следовательно, на лицо коллизия между Общей частью и Особенной частью УК РФ. В целях преодоления соответствующего противоречия, предлагаем в ч. 1 ст. 37 УК РФ также ввести положение о возможности превышения пределов необходимой обороны при защите жизни, что должно выражаться в Особенной части УК РФ в привилегированном составе преступления.

В продолжении выше рассмотренной коллизии следует сказать, что необходимая оборона дает право физическому лицу защищать не только жизнь и здоровье, но и собственность, половую неприкосновенность, свободу, честь, достоинство, деловую репутацию, безопасность Российской Федерации, экономическую безопасность, обороноспособность и т.д. Но, к сожалению, привилегированные составы преступлений за превышение пределов необходимой обороны касаются только жизни и здоровья (ст. 108 и 114 УК РФ). Следовательно, в случае, например, если лицо при защите собственности превысит пределы необходимой обороны и причинит несоизмеримо больший вред собственности посягающего или лишит его свободы на продолжительное время, то в отношении таких случаев в УК РФ не предусмотрено привилегированных составов преступлений и обороняющийся будет подлежать уголовной ответственности на общем основании, что противоречит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ). Единственное, на что может надеяться обороняющийся в данном случае – это на применение обстоятельства, смягчающего

уголовное наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Реальное состояние норм о необходимой обороне не соответствует требованиям, которые предъявляются к кодифицированному уголовному законодательству. Возможность применения привилегированных составов преступлений при превышении пределов необходимой обороны должна быть всегда, независимо от объекта, которому причинен вред. Данное требование следует указать либо в общей уголовно-правовой норме к гл. 8 УК РФ, либо закрепить рассмотренное положение в ст. 37 УК РФ.

Вопрос о критериях превышения пределов необходимой обороны давно назрел и его необходимо решать в кратчайшие сроки. Установив определенные понятные границы дозволенного, субъектам правоприменения будет проще принимать судьбоносные решения в отношении лиц, реализующих свое конституционное право на необходимую оборону. Более того, по данным ученых-практиков в 84% случаев необходимой обороны следователи допускают неверную квалификацию, что приводит к негативным результатам [8: 14–16]. Некоторые ученые предлагают наличие или отсутствие превышения пределов необходимой обороны устанавливать при помощи сравнения санкций, закрепляющих наказание за определенные деяния, а именно путем сопоставления максимальных размеров наиболее строгих наказаний [22: 37–39].

При разграничении таких понятий как «необходимая оборона», «превышение пределов необходимой обороны» и «неправомерная необходимая оборона» следует, прежде всего, определиться с отличием «несвоевременной необходимой обороны» от «запоздалой необходимой обороны» [8: 14–16]. Все случаи запоздалой обороны являются несвоевременными, но не все варианты несвоевременной необходимой обороны на сегодня признаются неправомерными. На данном положении акцентирует внимание и Верховный суд РФ, указывая на то, что необходимая обороны возникает, когда защита последовала непосредственно за оконченным посягательством, но из обстоятельств происходящего для обороняющегося лица не был ясен момент окончания посягательства и лицо ошибочно полагало, что оно продолжается [13, п. 8].

На наш взгляд данную проблему можно решить следующими последовательными действиями. Например, во-первых, следует признать отсутствие какой-либо уголовной ответственности при защите жизни человека, т.е. превышение необходимой обороны в данном случае невозможно. Во-вторых, при защите иных прав и ценностей превышение пределов необходимой обороны возможно, но только, если посягательство относится к преступлениям небольшой или средней тяжести и обороняющееся лицо при этом причиняет вред, относящийся к тяжким или особо тяжким преступлениям. В-третьих, при защите иных прав и ценностей от общественно опасных деяний, которые отнесены законодателем к тяжким или особо тяжким преступлениям, превышение пределов необходимой обороны возможно только в случае умышленного лишения жизни посягающего. Соответствующий алгоритм реализации положений о превышении пределов необходимой обороны позволит сделать прозрачным данную сферу действия уголовного законодательства, как для граждан, так и для правоохранительных органов.

Проблему оценочности превышения пределов необходимой обороны можно также решать, используя так называемую перечневую (казуальную) систему, которая успешно применяется в некоторых зарубежных странах. Основное содержание данной системы заключается в том, что на законодательном уровне закрепляется перечень защищаемых интересов (благ, ценностей) и максимально допустимого вреда, который может быть причинен посягающему лицу со стороны обороняющегося [23: 100]. Следует согласиться с Э. Побегайло, что перечневая (казуальная) система оценки пределов необходимой обороны при невысоком современном уровне правосознания у населения позволит существенно повысить определенность и доступность к восприятию уголовно-правовых норм о необходимой обороне [24: 69 – 74].

В ч. 2 ст. 37 УК РФ законодатель превышение пределов необходимой обороны соединяет лишь с умышленными поведением лица, которое явно не соответствуют характеру и опасности посягательства. Необходимо превышение пределов необходимой обороны связать не только с умышленными действиями, но и с умышленным причинением последствий, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства [24: 69–74]. Акцентируем внимание и на иных пробелах и противоречиях, имеющихся в ч. 2 ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона».

1. Закреплена «защита от посягательства», но не указано, от какого именно. Видимо идет речь также об общественно опасном посягательстве. Предлагаем следующую формулировку: защита от общественно опасного деяния. В продолжение данной идеи словосочетание в ч. 2 ст. 37 УК РФ «явно не соответствующих характеру и опасности посягательства» заменить на словосочетание «явно не соответствующих характеру и (или) степени общественно опасного деяния».
2. Не совсем уместным является применение оценочного термина «правомерность». Как ее оценивать, если до сих пор нет закона о необходимой обороне? Это синоним вседозволенности или иммунитета от уголовной ответственности? Учитывая то, что необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) является частью института обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), предлагаем в ч. 2 ст. 37 УК РФ словосочетание «является правомерной» заменить на словосочетание «не является преступлением».
3. Непонятно место прилагательного «непосредственной» в ч. 2 ст. 37 УК РФ перед словом «угроза». В чем отличие непосредственной угрозы применения насилия, от просто угрозы применения насилия? На данный вопрос уголовное и иное законодательство ответа не дает. Более того, в Особенной части УК РФ нет ни одной статьи, где бы закреплялось такое оценочное понятие как «непосредственная угроза». Особенная часть содержит лишь термин «угроза», например, угроза убийством (ст. 119 УК РФ), угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ), угроза применения насилия при вымогательстве (ст. 163 УК РФ), угроза убийством в отношении судьи (ст. 296 УК РФ) и др. Предлагаем слово «непосредственной» исключить из ч. 2 ст. 37 УК РФ.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

4. В продолжение выше сказанного, считаем противоречивым применение слова «предел» в необходимой обороне при рассмотрении признаков превышения. Под данным термином следует понимать некие границы дозволенного, правомерного поведения. Но законодатель является не последовательным при реализации словосочетания «пределы необходимой обороны». Дело в том, что в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание» закреплены не «пределы необходимой обороны», а «нарушение условий правомерности необходимой обороны». Последняя фраза является более точной, так как затрагивает содержательную сторону необходимой обороны, а не формальные ее границы. Если предположить, что нарушение условий правомерности необходимой обороны никогда не выходит за ее пределы, то тогда правоприменитель зайдет в тупик. И наоборот, неправильно считать, что при нарушении пределов необходимой обороны нельзя нарушить ее условия правомерности. Скорее всего, законодатель и в ст. 37 и в ст. 61 говорит об одном и том же. Предлагаем в целях унификации рассматриваемых понятий остановиться на формулировке, которая закреплена в ст. 61 УК РФ – «нарушение условий правомерности необходимой обороны», внеся соответствующие изменения в ст. 37, 108 и 114 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершении предлагаем следующую редакцию рассматриваемой уголовно-правовой нормы с учетом современных дискуссий относительно возможности применения ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» к лицам, которые не могут осознавать позитивной сущности своего поведения (например, несовершеннолетние, невменяемые), а также поддерживая озабоченность относительно уголовно-правовой незащищенности собственников жилых помещений и земельных участков.

«Статья 37. Необходимая оборона

1. Не является преступлением причинение вреда в состоянии необходимой обороны лицу (лицам), совершающему (совершающим) общественно опасное деяние, при защите личности и прав обороняющегося (обороняющихся) или других лиц (лица), охраняемых нормативными правовыми актами интересов (интереса) общества, организации или Российской Федерации. При защите от насилия, опасного для жизни обороняющегося (обороняющихся) или другого лица (лиц), либо с непосредственной угрозой применения такого насилия допускается причинение любого вреда посягающему (посягающим).
2. Защита от иного (иных) общественно опасного деяния (деяний) не является преступлением, если при этом не было допущено нарушения условий правомерности необходимой обороны либо превышения ее пределов, то есть умышленных действий и умышленного причинения вреда, явно не соответствующих характеру и (или) степени общественной опасности деяния.
3. Применение необходимой обороны допускается при защите от общественно опасного, наличного и действительного деяния. Защита охраняемых законом интересов личности, организации, общества или Российской Федерации допустима в случае, если вред в результате таких действий причиняется только лицу (лицам), совершающему (совершающим) общественно опасное деяние, и недопущения превышения условий правомерности и (или) пределов необходимой обороны.
4. При нарушении условий правомерности необходимой обороны уголовная ответственность наступает в соответствии с привилегированными составами преступлений Особенной части настоящего Кодекса либо по конкретным статьям Особенной части настоящего Кодекса с применением п. «ж» ч. 1 ст. 61 настоящего Кодекса. В случае умышленного превышения пределов необходимой обороны уголовная ответственность наступает на общем основании в соответствии со ст. 8 настоящего Кодекса.
5. Не являются нарушением условий правомерности необходимой обороны или превышением ее пределов действия обороняющегося (обороняющихся) лица (лиц), если это лицо (лица) вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить его степень и характер общественной опасности.
6. Положения уголовно-правовой нормы о необходимой обороне в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их возможности осознавать позитивный характер своего поведения, профессиональной или иной специальной подготовки и служебного (должностного) положения обороняющегося, а также независимо от возможности избежать общественно опасного деяния или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.
7. Применение необходимой обороны возможно при защите от общественно опасного деяния, совершенного лицом, не подлежащим уголовной ответственности или не содержащего всех признаков преступления.
8. Презумпция состояния необходимой обороны возникает при незаконном проникновении лица в жилище, помещение или иное хранилище, либо при незаконном нарушении лицом границ земельного участка независимо от формы собственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьева Н.А.* Проблемы применения законодательства о необходимой обороне // Современное право. 2018. № 5. С. 88–91.
2. *Волков К.А.* Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 11–15.
3. *Церетели Т.В.*, *Макашвили В.Г.* Состав преступления как основание уголовной ответственности // Советское государство и право. 1954. № 5. С. 67–77.

REFERENCES

1. *Vorobyova N.A.* Problems of application of legislation on necessary defense. *Modern Law*. 2018. No. 5. Pp. 88–91. (In Russ.)
2. *Volkov K.A.* Necessary defense in the activities of the police: theory and judicial practice. *Russian Judge*. 2013. No. 4. Pp. 11–15. (In Russ.)
3. *Tsereteli T.V.*, *Makashvili V.G.* Crime structure as the basis of criminal responsibility. *Soviet State and Law*. 1954. No. 5. Pp. 67–77. (In Russ.)

4. *Меркурьев В.В.* Состав необходимой обороны. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 216 с.
5. *Колосовский В.В.* Необходимая оборона: проблемы уголовно-правовой квалификации // Право и политика. 2008. № 3. С. 635–643.
6. *Гарбатович Д.А.* Необходимая оборона от непреступных побоев // Российский судья. 2017. № 6. С. 31–33.
7. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит-ра, 1961. 666 с.
8. *Кабурнеев Э.В.* О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2007. № 1. С. 14–16.
9. Решение Президиума Верховного Суда РФ в отношении Волкова (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 4.
10. *Винокуров В.*, *Шелестюков В.* Нарушение неприкосновенности жилища как основание причинения вреда в состоянии необходимой обороны // Уголовное право. 2006. № 6. С. 15–19.
11. *Ефимович А.А.* К вопросу квалификации общественно опасного деяния, являющегося основанием необходимой обороны // Российский следователь. 2010. № 8. С. 18–19.
12. *Клюев А.А.* Насилие, опасное для жизни, или угроза применения такого насилия как разновидность общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Российский судья. 2015. № 7. С. 28–31.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 03.10.2012. № 227.
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 17.05.2013 по делу № 22-3559/2013. http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/472560090 (дата обращения: 26.11.2018).
15. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 22.04.2014 по делу № 22-2424/2014. http://sudact.ru/regular/doc/Jdmn6hV7HIdw/ (дата обращения: 26.11.2018).
16. Приговор Бийского городского суда Алтайского края от 16.04.2014 по делу № 1-183/2014. http://sudact.ru/regular/doc/f2f0vvKYnZgQ/ (дата обращения: 26.11.2018).
17. Приговор Промышленного районного суда г. Курска от 03.02.2014 по делу № 1-50/2014. http://sudact.ru/regular/doc/7sLWK3wOlpVv/ (дата обращения: 26.11.2018).
18. *Звечаровский И.Э.*, *Пархоменко С.В.* Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону. Иркутск: ИГУ, 1997. 118 с.
19. *Юсупов Р.М.* Необходимая оборона в законодательстве и судебной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 1999. 24 с.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Российская газета. 12.12.2014. № 284.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 18.01.2003. № 9.
22. *Гарбатович Д.* Необходимая оборона при защите права собственности // Уголовное право. 2007. № 2. С. 37–39.
23. *Дмитренко А.П.* Пределы правомерности права на необходимую оборону. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2000. 144 с.
24. *Побегайло Э.* О пределах необходимой обороны // Уголовное право. 2008. № 2. С. 69–74.

4. *Merkuriev V.V.* The composition of the necessary defense. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 216 p.
5. *Kolosovsky V.V.* Necessary defense: problems of criminal law qualification. *Law and Politics*. 2008. No. 3. Pp. 635–643. (In Russ.)
6. *Garbatovich D.A.* The necessary defense against unassailable beatings. *Russian Judge*. 2017. No. 6. Pp. 31–33. (In Russ.)
7. *Piontkovsky A.A.* The doctrine of crime under Soviet criminal law. Moscow: Legal literature, 1961. 666 p.
8. *Kaburneev E.V.* About some problems of qualification of the facts of causing death when exceeding the limits of necessary defense. *Russian Investigator*. 2007. No. 1. Pp. 14–16. (In Russ.)
9. The decision of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to Volkov (paragraph "a" part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2004. No. 4. (In Russ.)
10. *Vinokurov V.*, *Shelestyukov V.* Violation of the inviolability of the home as a basis for causing harm in the state of necessary defense. *Criminal Law*. 2006. No. 6. Pp. 15–19. (In Russ.)
11. *Efimovich A.A.* On the question of qualification of a socially dangerous act, which is the basis of necessary defense. *Russian Investigator*. 2010. No. 8. Pp. 18–19. (In Russ.)
12. *Klyuev A.A.* Violence, dangerous for life, or the threat of such violence as a kind of socially dangerous encroachment with the necessary defense. *Russian Judge*. 2015. No. 7. Pp. 28–31. (In Russ.)
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime". *Rossiyskaya Gazeta*. 03.10.2012. No. 227.
14. The determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 05.17.2013 in case No. 22-3559/2013. URL: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/472560090 (data accessed: 11.26.2018).
15. Appeal verdict of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 04.22.2014 in case No. 22-2424/2014. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Jdmn6hV7HIdw/ (data accessed: 11/26/2018).
16. The verdict of the Biysk city court of Altai Krai dated April 16, 2014 in the case No. 1-183/2014. URL: http://sudact.ru/regular/doc/f2f0vvKYnZgQ/ (data accessed: 11/26/2018).
17. The verdict of the Industrial District Court of Kursk dated 03.02.2014 in case No. 1-50/2014. URL: http://sudact.ru/regular/doc/7sLWK3wOlpVv/ (data accessed: 11/26/2018).
18. *Zvecharovsky I.E.*, *Parkhomenko S.V.* Criminal legal guarantees for the exercise of the right to necessary defense. Irkutsk: ISU, 1997. 118 p.
19. *Yusupov R.M.* Necessary defense in the legislation and judicial practice: Author. dis.… Cand. Sci. (Law). M.: Moscow State Law Academy, 1999. 24 p.
20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.12.2014 No. 16 "On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of an individual". *Rossiyskaya Gazeta*. 12.12.2014. No. 284. (In Russ.)
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002. No. 29 "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery". *Rossiyskaya Gazeta*. 01.18.2003. No. 9. (In Russ.)
22. *Gorbatovich D.* Necessary defense in the protection of the rights of ownership. *Criminal Law*. 2007. No. 2. Pp. 37–39. (In Russ.)
23. *Dmitrenko A.P.* The limits of validity of the right to necessary defense. Stavropol: Stavropol service School, 2000. 144 p.
24. *Pobegaylo E.* About the limits of the necessary defense. *Criminal Law*. 2008. No. 2. Pp. 69–74. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.05.2020, принята к публикации 20.06.2020
The article was received on 13.05.2020, accepted for publication 20.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Петрушенков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала ННГУ имени Н.И. Лобачевского. Дзержинск, Нижегородская область, Российская Федерация. E-mail: sekret-005@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexandr N. Petrushenkov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor; assistant professor of the Department of Humanities and Legal Disciplines, Dzerzhinsk branch of the Lobachevsky State University. Nizhny Novgorod Region, Dzerzhinsk, Russian Federation. E-mail: sekret-005@mail.ru

12.00.09

Уголовный процесс

Criminal procedure

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-164-169

Методология и объекты оценки заключения эксперта прокурором – государственным обвинителем

Е.В. Павлова ©

Уголовно-судебное управление прокуратуры Московской области,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: evpavlova12@yandex.ru

Аннотация. *Цель исследования.* Рассмотрение проблем, существующих в практике анализа, оценки и использования заключений экспертов прокурорами – государственными обвинителями, и их причин. Исследование методологии выполнения этой деятельности как совокупности: а) теоретических положений и практических методов, приемов исследования, которые прокурор применяет для оценки относимости, допустимости, достоверности заключения эксперта; б) систему принципов и способов изучения тех закономерностей, в соответствии с которыми протекает процесс этой оценки. Совокупность принципов как общеобязательных исходных положений, в соответствии с которыми она должна осуществляться эта оценка, базируется на принципах: а) законности; б) научности; в) системности; г) объективности. Содержание каждого из них сжато рассматривается автором. Автором предлагается последовательность решения задачи анализа и оценки заключения эксперта, рассматриваемая как наиболее рациональный способ этой деятельности. Совокупность выясняемых при этом вопросов рассматривается и как задача, и как совокупность объектов оценки. Эти объекты делятся на две группы, в зависимости от характера основных решаемых при этом вопросов; 1) касающихся оценки возможности использования того или иного заключения эксперта как доказательства обвинения в судебном следствии; 2) относящих в определению тактики их представления суду и участия в их исследовании. В статье приводятся примеры использования отдельных методов исследования и оценки заключений экспертов: сравнительно-правового, аналогии, анализа и синтеза. ***Результаты исследования.*** Анализ и оценка заключения эксперта – сложный познавательный процесс, требующий от прокуроров должных правовых и специальных знаний, практического опыта, безусловного владения методикой и методологией выполнения этой работы. Ее использование при соблюдении принципов, на которых она базируется, является одним из путей повышения профессионального уровня их подготовке и участия в судебных процессах по уголовным делам.

Ключевые слова: государственное обвинение, заключение эксперта, оценка доказательств, анализ доказательств, методология оценки, принципы, методы оценки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Павлова Е.В. Методология и объекты оценки заключения эксперта прокурором – государственным обвинителем // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 164–169. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-164-169

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-164-169

Methodology and objects of assessment of the expert's opinion by the state prosecutor

E.V. Pavlova ©

Criminal Justice Department of the Prosecutor's Office of the Moscow Region,
Moscow, Russian Federation

E-mail: evpavlova12@yandex.ru

Abstract. *Purpose of the study.* Consideration of the problems existing in the practice of analysis, assessment and use of expert opinions by public prosecutors, and their causes. The study of the methodology for the implementation of this activity as a combination of: a) theoretical principles and practical methods, research methods that the prosecutor applies to assess the relevance, admissibility, reliability of the expert's opinion; b) a system of principles and methods for studying the laws in accordance with which the process of this assessment proceeds. The author briefly considers the principles of: a) legality; b) science; c) systemic; d) objectivity included in the set of principles on which the assessment of the expert's opinion is based. The author proposes the sequence of the prosecutor's decision to analyze and evaluate the expert's opinion, considered as the most rational way of this activity. The set of questions clarified in this case is considered both as a task and as a set of objects of assessment. These objects are divided into two groups, depending on the nature of the main issues to be solved; 1) concerning the assessment of the possibility of using one or another expert opinion as evidence of a charge in court; 2) relating to the definition of tactics of their submission to the court and participation in their research. The article provides examples of the use of individual research methods and assessment of expert opinions: comparative legal, analogy, analysis and synthesis. *The results of the study*. The analysis and assessment of the expert's opinion is a complex cognitive process that requires legal and special knowledge, practical experience, knowledge of the methodology of this work from prosecutors. Its use in compliance with the principles that it is based on is one of the ways to increase the professional level of public prosecutors.

Keywords: state prosecution, expert opinion, assessment of evidence, analysis of evidence, assessment methodology, principles, assessment methods

FOR CITATION: Pavlova E.V. Methodology and objects of assessment of the expert's opinion by the state prosecutor. *Socio-political Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 164–169. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-164-169

ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ ПРОКУРОРА К ПОДДЕРЖАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

В соответствии с ч. 3 ст. 37, а также ст. 246 УПК РФ при рассмотрении судом уголовного дела по существу прокурор поддерживает по нему государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность[1]. Выполнение данной задачи зависит от уровня квалификации государственного обвинителя, степени его подготовленности к участию в состязательном судебном процессе, знания материалов уголовного дела, умения всесторонне и объективно оценить каждое доказательство в отдельности, так и всю их совокупность. Очевидно, что до начала судебного разбирательства у прокурора должно быть сформировано твердое личное убеждение в обоснованности своей позиции[2], в надежности каждого доказательства, которое он намеревается представить суду. Это требование распространяется и на заключения экспертов с учетом их важности в установлении обстоятельств предмета доказывания. Материалы проведенного автором исследования показывают, что их оценка представляет для прокуроров – государственных обвинителей наибольшие трудности в ходе подготовки к судебному рассмотрению уголовного дела. Такой же вывод позволяет сделать и анализ содержания норм главы 27 УПК РФ, согласно которым данная процедура назначения и производства экспертизы является достаточно сложной, многоэтапной и не во всех случаях четко регламентированной законом.

[1] Согласно приказу Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» прокурор обязан при этом оказывать суду содействие в вынесении законного, обоснованного и справедливого приговора. В.Н. Исаенко. анализируя содержание данных требований, выделяет следующие их взаимосвязанные составляющие: а) основную задачу этой деятельности прокурора – всемерное способствование принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения; б) необходимое условие ее решения – активная позиция и профессионализм прокурора, всестороннее исследование доказательств в судебном следствии, от которых в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела. См.: [4: 69].

[2] Как обоснованно подчеркивал А.Р. Ратинов, внутреннее убеждение «должно представлять собой категорический однозначный вывод из материалов дела, не допускающий никаких сомнений. Сомнение есть состояние колебания нашей мысли утверждением и отрицанием каких-либо фактов или какой-либо связи между ними». См.: *Ратинов А.Р.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств: монография / отв. ред. Н.В. Жогин; изд. 2-е, испр. и доп. // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит-ра, 1973. С. 479.

Прокуроры – государственные обвинители на данном этапе часто сталкиваются с фактами направления в суд уголовных дел с неполными, недостоверными либо процессуально уязвимыми экспертными заключениями, которыми органы предварительного расследования обосновывают предъявленное обвинение и которые не получили принципиальной оценки прокурорами, утвердившими обвинительные заключения, обвинительные акты, обвинительные постановления. Усугубляет ситуацию и поддержание обвинения прокурорами, либо недостаточно владеющими спецификой оценки заключений экспертов, либо не имеющие практического опыта оценки заключений экспертов отдельных видов. При таких условиях сторона защиты нередко оказывается более подготовленной к участию в процессе. Например, Московским областным судом рассмотрено уголовное дело в отношении К. и Г., обвиняемых, в том числе, в краже у Л. и Р. ювелирных изделий. Ни одно из похищенных украшений в ходе расследования не было установлено. В обоснование размера причиненного ущерба государственный обвинитель представил суду 27 заключений эксперта А. по оценке похищенных ювелирных изделий, допустимость и достоверность которых не вызвали у него сомнений при изучении дела до начала судебного процесса. В ходе судебного следствия защитник З. заявил ходатайство о признании заключений всех экспертиз недопустимыми доказательствами, поскольку следователь грубо нарушил процессуальный порядок их назначения. Кроме того, защитник поставил под сомнение компетентность эксперта А. в области оценки ювелирных украшений, так как согласно имеющимся в деле документам он не имел специальных познаний в области геммологии и минералогии драгоценных камней, а в ходе исследования использовал устаревшие Федеральные стандарты оценки. Эти доводы защитника были проверены и подтвердились, в связи с чем заключения эксперта А. признаны судом недопустимыми доказательствами. По результатам проведенной по ходатайству защитника повторной оценочной товароведческой экспертизы стоимость похищенных ювелирных украшений и, соответственно, размер причиненного Л. и Р. ущерба, были значительно снижены, что нашло отражение в приговоре суда[3]. Перечисленные недостатки экспертных заключений могли быть выявлены государственным обвинителем при подготовке к судебному процессу, однако этого он не сделал, что повлекло названные последствия[4].

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПРОКУРОРАМИ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ

Одной из причин трудностей, возникающих при анализе и оценке прокурорами заключений эксперта в досудебном производстве, нередко является отсутствие достаточного опыта такой работы. Так 12% опрошенных государственных обвинителей не смогли ответить на вопрос о том, как она проводится. Только 6% респондентов сообщили об использовании при этом соответствующих пособий или методических рекомендаций. 61% опрошенных указали, что пользуются такими рекомендациями эпизодически, а 33% пояснили, что не прибегают к их помощи ввиду их отсутствия либо недостаточной пригодности для использования прокурором.

Существенным пробелом в профессиональной подготовке определенной части прокуроров в данном вопросе является также недостаточное владение методологией анализа и оценки заключений экспертов[5]. Если применяемая при этом методика представляет собой совокупность мыслительных операций, осуществляемых с целью установления относимости, допустимости, достоверности и возможности использования заключения эксперта в доказывании, то соответствующая методология – это совокупность теоретических положений и приемов исследования, которые субъект оценки применяет с этими целями[6]. Ее можно рассматривать также как систему принципов и способов изучения тех закономерностей, в соответствии с которыми протекает процесс этой оценки. Если говорить о принципах рассматриваемой методологии как основных исходных положениях, с соблюдением которых должна осуществляться эта оценка, то представляется, что ими являются:

а) принцип законности;
б) принцип научности;
в) принцип системности;
г) принцип объективности.

Соблюдение принципа законности обусловлено тем, что требования к доказательствам и их оценке в уголовном процессе установлены Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом. Принцип научности представляет собой правило, требующее, с одной стороны, использования научно обоснованных методов и приемов оценки, а с другой – проверки научной обоснованности заключения эксперта. Принцип системности проявляется в том, что оценка заключения эксперта представляет собой имеющую многообъектную

[3] Архив Московского областного суда. Уголовное дело № 12-17/2020.

[4] В соответствии с п. 1.11 приказа Генерального прокурора РФ от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокуроры обязаны обращать внимание на компетентность эксперта, включая наличие аттестации на право самостоятельного производства экспертизы, проведенной в порядке, установленном соответствующими федеральными органами исполнительной власти, и лицензии, если этого требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности. В приведенном примере прокурор, осуществляющий надзор в досудебном производстве по рассматриваемому делу, не выполнил данное требование. Поэтому есть основание считать, что в данном случае упущения в оценке заключений экспертов имели системный характер, в том числе со стороны следователя и руководителя следственного органа.

[5] Метод представляет собой способ теоретического исследования или практического исследования чего-нибудь Методология есть учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук. См.: *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: АСТ: Мир и Образование, 2018. С. 292.

[6] Безотносительно к конкретной отрасли знания метод представляет собой прием и изучения реальной действительности и получения о них объективных знаний. Совокупность же методов научного познания действительности формируют методологию исследования. См.: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2017. С. 15. В философской литературе считается правомерным выделение для каждой области относительно автономной методологии в качестве дисциплины, описывающей или теоретически обосновывающей методы, применяемые в этой области. См.: [1: 372].

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

направленность деятельность. В ее рамках подлежат анализу и оценке взаимосвязанные действия следователя, назначившего экспертизу, а также эксперта, производившего исследование и давшего заключение по его результатам. Принцип объективности обусловлен обязанностью недопущения тенденциозного (обвинительного или оправдательного) уклона при оценке заключения эксперта как любого другого доказательства[7].

О МЕТОДОЛОГИИ И ОБЪЕКТАХ АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ ПРОКУРОРОМ – ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ

Анализ содержания деятельности по оценке заключения экспертов указывает на то, что для этого применимы не все научные методы познания[8]. Это же подтверждают материалы собственной практики автора статьи, а также результаты проведенного исследования. Оценка заключения эксперта прокурором – государственным обвинителем заключается в установлении:

- его соответствия общим критериям относимости, допустимости, научной состоятельности и достоверности;
- его взаимосвязи с конкретными обстоятельствами предмета доказывания по уголовному делу, государственное обвинение по которому предстоит поддерживать;
- отсутствия противоречий между ним и другими доказательствами и достаточности в совокупности с ними для формирования внутреннего убеждения об установлении того или иного обстоятельства предмета доказывания или составляющего его факта;
- возможности его использования при поддержании обвинения;
- определения места и очередности при представлении других доказательств обвинения суду;
- содержания возражений на возможные ходатайства защитника о признании анализируемого заключения эксперта недопустимым доказательством;
- определения необходимости допроса эксперта по содержанию анализируемого заключения, заявления ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

По нашему мнению, приведенная последовательность решения названных вопросов является наиболее рациональным способом ее осуществления. Их можно рассматривать и как задачу, и как совокупность объектов оценки. Эти объекты делятся на две группы. В первой группе основными проверяемыми прокурором вопросами являются:

1) соблюдение следователем и экспертом установленных уголовно-процессуальным законом предписаний при назначении и производстве экспертизы;
2) использование экспертом современных и научно обоснованных методик исследования, в том числе изложенных в соответствующих организационно-распорядительных документах федеральных министерств и служб, в системе которых действуют судебно-экспертные учреждения и подразделения;
3) соответствие выводов эксперта результатам исследования, отраженным в исследовательской части его заключения.

Основными вопросами второй группы являются:

1) разработка тактики представления заключений экспертов суды в сочетании с другими доказательствами;
2) участия в их исследовании в судебном следствии.

Каждый из них индивидуален, обладает специфическими свойствами, требует от прокурора применения самостоятельного метода оценки или их совокупности. Без оценки каждого из них невозможно считать решений задачу подготовки к поддержанию обвинения.

Рассмотрим возможности использования отдельных методов при оценке заключения эксперта[9]. Так оценка государственным обвинителем относимости заключения эксперта[10], требует комплексного подхода, т.е. использования совокупности методов описания, сравнения, анализа и синтеза. При этом производится сопоставление выводов эксперта с другими доказательствами, результатами исследования их носителей. Например, экспертом идентифицировано конкретное лицо как оставившее следы рук на месте происшествия, а оперативными работниками установлен свидетель, который показал на допросе, что видел это лицо рядом с местом происшествия во время, совпадающее с временем совершения преступления. Анализируя эти сведения в совокупности, можно сделать вывод, что обнаруженные следы имеют отношение к исследуемому преступлению.

Проверка допустимости заключения эксперта предполагает использование сравнительно-правового метода для установления соответствия требованиям уголовно-процессуального закона действий следователя:

а) при обнаружении и изъятии будущего объекта исследования;
б) его осмотре и фиксации характерных признаков, индивидуализирующих этот объект;
в) по составлению постановления о назначении экспертизы;
г) по соблюдению прав лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 198 УПК РФ, которые должны быть ознакомлены с постановлением о ее назначении;
д) по рассмотрению их ходатайств.

---

[7] В данной статье дана сжатая характеристика принципов методологии оценки заключения эксперта.

[8] Исходя из результатов анализа содержания юридической литературе, методы научного познания в сфере уголовного судопроизводства можно разделить на следующие: а) всеобщий диалектический метод: б) общенаучные методы – наблюдение, сравнение, описание, эксперимент, моделирование, аналогия, анализ и синтез, индукция, дедукция; специальные методы – фиксация процесса доказывания техническими средствами, использование систем уголовной регистрации и др. См., например: [2: 30–51; 6: 167–168, 193–194; 7: 22–33].

[9] Практические рекомендации по их оценке содержатся в работах многих авторов. См., например: [8: 168–181; 9: 221–262; 10: 181–198 и др.].

[10] Как отмечают В.М. Бозров и Н.В. Костовская, оценка относимости доказательства состоит в определении его пригодности своим содержанием устанавливать факты, являющиеся предметом доказывания, и производится путем сопоставления информации, содержащейся в этом доказательстве, с тем кругом обстоятельств, которые необходимо установить. См.: [3].

Таким образом государственный обвинитель также удостоверяется в отсутствии процессуальных нарушений при назначении следователем экспертизы. Используя данный метод, прокурор выясняет также соответствие содержания исследования и заключения эксперта требованиям ст. 204 УПК РФ, а также Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», организационно-распорядительных документов Минюста России, МВД России, Минздрава России и других ведомств, которыми регламентирован порядок проведения судебных экспертиз отдельных видов[11]. Сравнительно-правовой метод эффективно используется и при проверке государственным обвинителем квалификации эксперта и правомочности экспертного учреждения, в котором проводилась судебная экспертиза, для оценки заключения как на предмет допустимости, так и достоверности.

Распространенным при оценке заключения эксперта является использование приема аналогии на основании собственного опыта оценки заключений экспертов либо путем обращения к материалам судебной практики. Например, нередко в уголовных делах содержатся заключения полиграфологических экспертиз для установления наличия или отсутствия признаков лжи в показаниях подозреваемого, обвиняемого. В прокуратуре Московской области не практикуется представление этих заключений суду ввиду их противоправности и отсутствия научной обоснованности подобных экспертиз. При этом мы ориентируемся в том числе на соответствующую практику Верховного Суда РФ, не признающего их допустимыми доказательствами[12].

Использование метода анализа и синтеза – необходимый компонент оценки заключения эксперта. Он заключается в последовательном изучении вводного, исследовательского и резолютивного разделов для выяснения вопросов: поступления на исследование именно тех объектов, которые указаны в постановлении следователя о назначении экспертизы; проведения исследования надлежащим субъектом – компетентным в данной области специалистом; использования экспертом научно обоснованной и наиболее эффективной методики исследования; соответствия промежуточных результатов исследования, отраженных в исследовательском разделе, их изложению в резолютивном разделе и т.д. Суммарная оценка всех установленных при изучении эксперта обстоятельств ложится в основу выводы о его относимости, допустимости и достоверности. При установлении недостаточной полноты или ясности заключения государственный обвинитель решает вопросы об их устранении допросом эксперта в суде или заявлением ходатайства о назначении дополнительной экспертизы, а при наличии оснований, предусмотренных в ч. 2 ст. 207 УПК РФ – о назначении повторной экспертизы. Использование метода анализа и синтеза происходит также при оценке заключения эксперта в совокупности с другими доказательствами для выявления возможного противоречия между ними.

ВЫВОДЫ

Анализ и оценка заключения эксперта – сложный познавательный процесс, требующий от государственных обвинителей должных правовых и специальных знаний, практического опыта, знания судебной и прокурорской практики, безусловного владения методикой и методологией выполнения этой работы. Ее использование при соблюдении принципов, на которых она базируется, является одним из путей повышения профессионального уровня их подготовке и участия в судебных процессах по уголовным делам. В то же время результаты проведенного исследования наглядно показали существование значительных проблем в подготовке прокуроров – государственный обвинителей в этой области. Не изжиты недостатки в их оценке, выборе тактики представления в ходе судебного следствия, недостаточное умение компетентно и обоснованно возражать на ходатайства защитников о признании заключений недопустимыми доказательствами, о назначении дополнительных или повторных экспертиз при отсутствии к тому оснований и т.д. Это требует активизации соответствующего методического обеспечения их работы на данном участке, проведения комплекса целенаправленных учебных мероприятий с акцентированием внимания на методологических вопросах оценки заключений экспертов с использованием материалов практики поддержания государственного обвинения с анализом различных встречающихся в ней ситуаций.

[11] См., например: Порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: утвержден приказом Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н; Порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы (утв. приказом Минздрава России от 12.01.2017 № 3н).

[12] Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.01.2014 № 66-АПУ12-85СП указано, что психофиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей (СПС «КонсультантПлюс) (дата обращения: 05.06.2020). Данное определение не публиковалось. Автор разделяет также следующее мнение В.Н. Исаенко: «поскольку заключение эксперта является разновидностью доказательств в уголовном судопроизводстве, возникают тривиальные вопросы: какие именно обстоятельства предмета доказывания из числа названных в ст. 73 УПК РФ, могут быть установлены в результате экспертизы показаний; может ли рассматриваться в качестве объекта экспертного исследования (исходя из перечня обстоятельств предмета доказывания) достоверность или недостоверность показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; возможна ли в принципе оценка их показаний экспертом. См.: [5: 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев П.В.*, *Панин А.В.* Философия: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
2. *Белкин Р.С.*, *Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид. лит-ра, 1969.
3. *Бозров В.М.*, *Костовская Н.В.* Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 11. (СПС «КонсультантПлюс) (дата обращения: 01.06.2020).
4. *Исаенко В.Н.* Содействие суду в установлении истины – задача поддержания государственного обвинения // Вестник Университета прокуратуры Рос. Федерации. 2020. № 1 (75).
5. *Исаенко В.Н.* Экспертная оценка показаний в уголовном судопроизводстве // Законность. 2020. № 2.
6. *Кириллов В.И.*, *Старченко А.А.* Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004.
7. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016.
8. *Орлов О.К.* Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: науч.-учеб. пособие. М.: Проспект, 2017.
9. *Петрухин И.Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит-ра, 1964.
10. *Рахунов Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. Изд. 2–3, перераб. и доп. М.: Госюриздат, 1953.
11. Теория доказательств в советском уголовном процессе: монография / отв. ред. Н.В. Жогин; изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит-ра, 1973.
12. Экспертиза в уголовном судопроизводстве: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2019.

REFERENCES

1. *Alekseev P.V.*, *Panin A.V.* Philosophy: textbook. 4th ed., rev. and add. Moscow: Prospect, 2017.
2. *Belkin R.S.*, *Vinberg A.I.* Forensics and evidence (methodological problems). Moscow: Yurid. lit-ra, 1969.
3. *Bozrov V.M.*, *Kostovskaya N.V.* Some problematic issues of assessment of evidence by the court. *Justice of the Peace*. 2012. No. 11. (ATP "Consultant Plus") (date access: 01.06.2020).
4. *Isaenko V.N.* Assisting the court in establishing the truth is the task of maintaining state prosecution. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office Rus. Federation*. 2020. No. 1 (75).
5. *Isaenko V.N.* Expert assessment of evidence in criminal proceedings. *Legality*. 2020. No. 2.
6. *Kirillov V.I.*, *Starchenko A.A.* Logic: a textbook for law schools. Ed. 5th, rev. and add. Moscow: Lawyer, 2004.
7. *Marchenko M.N.* Problems of the theory of state and law: a textbook. Moscow: Prospect, 2016.
8. *Orlov O.K.* Modern problems of proving and using special knowledge in criminal proceedings: a scientific and training manual. Moscow: Prospect, 2017.
9. *Petrukhin I.L.* Examination as a means of proof in the Soviet criminal process. Moscow: Yurid. lit-ra, 1964.
10. *Rakhunov R.D.* Theory and practice of examination in the Soviet criminal process. Publ. 2–3, rev. and add. Moscow: Gosyurizdat, 1953.
11. Theory of evidence in the Soviet criminal process: monograph. N.V. Zhogin (ed.); 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurid. lit-ra, 1973.
12. Expertise in criminal proceedings: textbook. E.R. Rossinsky (ed.). Moscow: Prospect, 2019.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 14.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Елена Витальевна, заместитель начальника уголовно-судебного управления прокуратуры Московской области. Москва, Российская Федерация. E-mail: evpavlova12@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Pavlova, deputy head of the Criminal Justice Department of the Prosecutor's Office of the Moscow Region. Moscow, Russian Federation. E-mail: evpavlova12@yandex.ru

12.00.01

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Theory and history of law and state; History of law and state teachings

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-170-176

Цифровизация в тенденциях правового регулирования и правоприменении на современном этапе

Д.В. Шепелев ©

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет)», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: denn0508@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования, изложенного в настоящей статье, является изучение перспектив развития правовой институционализации цифровых технологий в условиях проводимой государственной политики. Это предполагает решение таких исследовательских задач как анализ международных требований и тенденций правового регулирования цифровых процессов и правоприменения, выявление проблем и перспектив правового регулирования в условиях цифровизации, а также характеристика тенденций развития правоприменительной практики в условиях цифровизации. Проведенное исследование позволило отметить ряд выводов. Автором отмечается, что международные требования и тенденции правового регулирования цифровых процессов и правоприменения создают стандарты для внедрения информационных технологий в государственное управление и экономику. В качестве одного из направлений, отражающих эффективность мер по внедрению цифровых технологий, применяемых на национальном уровне, называется повышение конкурентоспособности внутренней юрисдикции. Выявление проблем и перспектив правового регулирования в условиях цифровизации позволило отметить автору, что в сложившихся условиях очевидно дальнейшее развитие признания цифровых технологий и действий в качестве юридических фактов, идентификации субъектов права, оснований и порядка реализации субъективных прав и юридических обязанностей в информационной среде. Подчеркивается, что в дальнейшем требуется решить вопросы об объектах интеллектуальной собственности, правовом положении искусственного интеллекта как объекта правоотношений. В качестве тенденций развития правоприменительной практики в условиях цифровизации отмечается, что следует ожидать продолжения мер по цифровизации судопроизводства, которые требуют принятия организационных решений, в том числе идентификация сторон процесса, удостоверение полномочий, получение заверенных судебных актов дистанционным путем. В сфере деятельности органов исполнительной власти продолжается внедрение электронных способов осуществления властных полномочий для оказания государственных и муниципальных услуг, а также осуществления государственных и муниципальных функций.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, регуляторика цифровых технологий, цифровое правительство, цифровое правосудие

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шепелев Д.В. Цифровизация в тенденциях правового регулирования и правоприменении на современном этапе // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 170–176. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-170-176

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-170-176

Digitalization in the trends of legal regulation and law enforcement at the present stage

D.V. Shepelev ©

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation,

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University),
Moscow, Russian Federation

E-mail: denn0508@yandex.ru

Abstract. The purpose of the research presented in this article is to study the prospects for the development of legal institutionalization of digital technologies in the context of public policy. This involves solving such research tasks as analyzing international requirements and trends in the legal regulation of digital processes and law enforcement, identifying problems and prospects of legal regulation in the context of digitalization, as well as describing trends in the development of law enforcement practice in the context of digitalization. The study made it possible to note a number of conclusions. The author notes that international requirements and trends in the legal regulation of digital processes and law enforcement create standards for the introduction of information technologies in public administration and the economy. Improving the competitiveness of domestic jurisdictions is one of the areas that reflect the effectiveness of measures to introduce digital technologies applied at the national level. Identification of problems and perspectives of legal regulation in the conditions of digitization has allowed the author to note that in the current circumstances, it is evident the further development of the recognition of digital technologies and actions as legal facts, identification of subjects, bases and procedure for the implementation of subjective rights and legal obligations in the information environment. It is emphasized that in the future it is necessary to solve questions about intellectual property, the legal status of artificial intelligence as an object of legal relations. As trends in the development of law enforcement practice in the context of digitalization, it is noted that we should expect the continuation of measures to digitalize legal proceedings, which require organizational decisions, including identification of the parties to the process, certification of credentials, obtaining certified judicial acts remotely. In the sphere of activity of Executive authorities, the introduction of electronic methods of exercising power for the provision of state and municipal services, as well as the implementation of state and municipal functions, continues.

Keywords: digitalization, public administration, regulation of digital technologies, digital government, digital justice

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

FOR CITATION: Shepelev D.V. Digitalization in the trends of legal regulation and law enforcement at the present stage. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 170–176. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-170-176

ВВЕДЕНИЕ

Развитие цифровых технологий создает новые условия для возникновения и институционализации «новой», цифровой реальности, где субъекты правоотношений могут приобретать, изменять и прекращать свои субъективные права и юридические обязанности. Однако влияние цифровизации на правовые отношения возможно только в случаях, закрепленных нормами права. Внедрение и признание цифровых технологий в «правовое» поле является результатом государственной политики. Причем практика применения внедряемых положений может привести к диссонансу между планируемым и итоговым эффектом. Минимизировать такие ситуации представляется возможным только в случаях, когда проводимая политика и принимаемые государством меры, в том числе в ходе осуществления правотворческих полномочий, продуманы, взвешены и позволяют прогнозировать развитие практики применения. В связи с этим, возникает целесообразность выявить и охарактеризовать перспективы развития правовой институционализации цифровых технологий в условиях проводимой государственной политики.

На сегодняшний день в Российской Федерации сложилась практика принятия подзаконных нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, либо актов, одобренных или утвержденных совещательными органами при главе государства, которые носят программный характер, находят свое выражение в Концепции, Стратегии или иных формах, и содержат последовательный перечень мер, применяемых в рамках реализации государственной политики. Такие акты содержат и меры, предусматривающие реализацию правотворческих полномочий органов государственной власти, начиная с разработки законопроекта в ведомственном министерстве и его представления

в Правительство Российской Федерации для реализации им права законодательной инициативы. Кроме того, в таких актах могут быть предусмотрены направления правоприменительной практики, а также рекомендации по реализации властных полномочий в рамках выполнения органами публичной власти своих полномочий. Таким образом, формируются два направления перспектив развития правовой институционализации цифровых технологий в условиях проводимой государственной политики – в правотворчестве и в правоприменительной практике.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Цифровизация как явление стирает территориальные границы между государствами и между субъектами хозяйственной деятельности. Это предопределено тем, что все больше транзакций проводятся автоматически, без участия человека, а подобные издержки снижаются до минимума. В современной реальности появляются новые институты, такие как поисковые системы, социальные сети, платформы электронной торговли, цифровые платежные системы, электронные книги [7: 47]. Безусловно, это явление носит не локальный характер, а распространяется на весь цивилизованный мир. Всемирный банк, характеризуя уровень цифровизации в том или ином государстве, выделяет три аспекта, отражающие уровень внедрения цифровых технологий в общественное публичное пространство [10]. Во-первых, это возможность создавать личные кабинеты онлайн в системе взаимодействия с органами государственного и муниципального управления. Во-вторых, это возможность подавать налоговую отчетность, включая, в первую очередь, подоходный налог. В-третьих, возможность осуществить регистрацию организации. Цифровизация в сфере государственного управления проявляется в таких отраслях как налоговое администрирование, таможенное оформление, оказание государственных услуг. Особые условия предопределяются федеративным устройством, в рамках которого требуется создать межведомственный информационный обмен не только по вертикали, но и по горизонтали[1]. При этом развитие правового регулирования цифрового пространства невозможно без создания условий для идентификации пользователей как субъектов права. Это ставит вызов по обеспечению безопасности данных пользователей.

Тем самым, тренды цифровизации требуют создания средств автоматизации и административных функций, в том числе для межведомственного взаимодействия, так и для оказания публичных услуг гражданам и организациям. Имеющиеся на сегодняшний день тенденции предполагают эволюцию концепции «Электронного правительства» и ее принципов в концепцию и принципы «Цифрового правительства»[2]. Одним из факторов, влияющих на такую трансформацию, стала политика использования открытых данных[3].

Цифровизация и ее последствия по-разному сказываются и проявляются в тех или иных отраслях промышленности и сферах оказания услуг, что меняет и экономику. Это предопределяет изменения правового регулирования и практики применения на национальном уровне. В этом контексте с учетом нивелирования географических территориальных границ для экономических операций следует учитывать и понимать, что государства стремятся создать преимущества для своей юрисдикции и привлечения иностранных инвестиций[4], что также требует конструктивных решений, обеспеченных нормами права.

Очевидно, что в условиях мировой интеграции анализируемые процессы не могут быть скованны территориальными границами национальных государств и сами государства стремятся удерживать управление, в том числе за счет международного сотрудничества в рамках образованных объединений. Так, в Российской Федерации создание и развитие правовых, технических, организационных и финансовых условий для цифровой экономики и ее интеграции в пространство цифровой экономики государств-членов ЕАЭС отражено в качестве направления реализации программных документов, принятых главой

[1] Так, специалисты Всемирного банка отмечают, что в странах с федеративным устройством такие базы данных должны быть доступны не только для государственных органов национального уровня, но также и для органов регионального и муниципального уровней. Так как уведомления об изменении основных данных могут поступать в адрес других государственных органов, важно обеспечить наличие надежных процессов ведения и сопровождения основных данных с оперативным учетом уведомлений о внесении изменений, что даже более важно для федеральных систем, где уведомления о существенных изменениях, например, изменение адреса, могут поступать сначала на местном уровне. Ключевой шаг, по мнению представителей Всемирного банка, который предпринимают сейчас ведущие правительства, состоит в признании не выполняемых функций и полномочий, а баз данных в качестве ключевых активов органов власти, а также в разработке стратегических планов внедрения стандартов интероперабельности и программного обеспечения промежуточного слоя, делающего возможной полную интеграцию таких баз данных через открытые интерфейсы программирования приложений. См. подробнее: [12].

[2] В научной литературе это связывают с переходом от использования технологий для поддержки процессов в органах власти к использованию технологий для формирования результатов государственного управления. В указанных условиях становится возможным формирование полноценной системы, состоящей из органов государственного управления, бизнес-структур, граждан и организаций, в которой цифровое правительство выступает в качестве связующего звена, обеспечивая взаимодействие между указанными элементами. См. подробнее: [8].

[3] Аналитики отмечают, что политика открытых данных фокусировалась главным образом на повторном использовании для других целей сведений, собранных в ходе оказания государственных услуг. В цифровом правительстве также признается, что при предоставлении данных на условиях открытости и во все большей степени через интерфейсы программирования приложений правительство может оптимизировать обращения третьих сторон, каналы и использование инноваций для содействия достижению целей деятельности государственных служб. См. подробнее: [12].

[4] В частности, Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, среди основных задач по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, называет улучшение инвестиционного климата, повышение привлекательности российской юрисдикции для осуществления предпринимательской деятельности. См. подробнее: [3].

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

государства в рассматриваемой сфере [4], что предопределено Цифровой повесткой Евразийского экономического союза [11]. Обмен опытом и выработка предложений по охране интеллектуальной собственности, а также разработка нормативно-правовой основы базы цифровой экономики государств-членов ЕАЭС являются одними из центральных пунктов Заявления о цифровой повестке указанного межгосударственного объединения.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Нельзя не признать, что процессы цифровизации внедряются в государственное управление и экономику уже в течение нескольких лет. Нельзя и игнорировать результаты и достижения проделанной работы, массив которой отражен в изменении правового регулирования административных и гражданских правоотношений, а также в создании организационных и нормативных основ деятельности органов публичного управления. Так, в результате реализации Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002–2010), Государственной программы «Информационное общество» на 2011–2020 гг., Концепции региональной информатизации, а также иных актов создана архитектура информационного пространства государственного управления, торги с государственным и муниципальным участием полностью переведены в электронную форму, развивается система управления государственными и муниципальными финансами.

Все это требует внедрения новых требований и условий для возникновения, изменения и прекращения правоотношений в цифровом пространстве, а, следовательно, преобразований в регуляторе общественных отношений. Эти преобразования могут быть направлены как на внутреннее, национальное пространство[5], так и на охрану территориального и экономического суверенитета и угроз извне[6].

Сегодня меры, предпринимаемые и планируемые государством, по развитию правового регулирования цифровых технологий нашли системное отражение в федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» [5], курируемом Министерством экономического развития Российской Федерации.

Признание цифрового пространства как юридически значимого, то есть действий, которые воплощены с помощью цифровых технологий, признаются юридическими фактами, требует надлежащей, достоверной и защищенной идентификации субъектов правоотношений. Возникают риски ограничения свободы человека, гражданина и личности, угрозы безопасности персональных данных, что создает условия для развития острого социального конфликта, широкого дискурса о целесообразности новых внедрений. В этом направлении государством учреждены удостоверяющие центры, определен их правовой статус, институционализирована электронная цифровая подпись. К настоящему моменту принят Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»[7], призванный обеспечить сбор, хранение, систематизацию и использование персональных пользовательских данных для совершенствования системы организации и оказания публичных услуг, а также расширить и верифицировать возможности и способы аутентификации для вступления в правоотношения и совершения действий в информационном пространстве, имеющих юридическое значение и последствия.

Развивается электронный гражданский оборот. Кроме перевода всех торгов с участием государства и муниципалитетов в электронную форму, о чем было отмечено выше, определены порядок, условия и последствия совершения электронных сделок, созданы условия для признания автоматизации исполнения договоров («самоисполняемые» договоры), установлено правовое значение использования электронных образов документов, в целом унифицированы требования к процедурам хранения электронных документов, определен правовой статус финансовых цифровых активов, установлен порядок их оборота. Немаловажным фактором стало появление в гражданском законодательстве понятия «цифровые права»[8].

Электронный документооборот также законодательно признан в сфере труда. Он позволяет не только вести трудовые книжки в электронной форме, но и заключать, изменять, прекращать трудовые договоры, а также хранить кадровые документы в электронном виде.

Кроме того, на нормативном уровне создаются меры стимулирующего характера по поддержке и развитию инвестиций в высокие технологии.

---

[5] Например, совершенствование норм и нормативов применения инновационных технологий (в том числе технологий цифровой экономики) и материалов в производственной и хозяйственной деятельности. См. подробнее: [3].

[6] Например, юридическое закрепление границ исключительной экономической зоны Российской Федерации (включая арктический континентальный шельф и морские акватории), защита прав и интересов российских хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в этой зоне. См. подробнее: [3].

[7] Федеральный закон устанавливает организационно-правовые основы формирования и ведения единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации, в том числе сбора, обработки, хранения, получения, использования и защиты указанных сведений, а также обеспечения актуальности и достоверности иных содержащих сведения о населении Российской Федерации государственных информационных ресурсов и муниципальных информационных ресурсов (ст. 1). Федеральный регистр сведений о населении представляет собой совокупность сведений о населении Российской Федерации, сформированных в соответствии с настоящим Федеральным законом на основе сведений о гражданах Российской Федерации, об иностранных гражданах и лицах без гражданства, которые содержатся в государственных информационных системах органов государственной власти Российской Федерации, органов управления государственными внебюджетными фондами (ст. 2). См. подробнее: [2].

[8] Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. См. подробнее: [1].

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Правовое регулирование ведет к возникновению новых правоотношений, установлению оснований и порядка их изменения и прекращения, что в процессе их реализации на том или ином этапе или при определенных условиях требует осуществления компетентными органами и должностными лицами правоприменительных функций.

Рассматривая тенденции развития правоприменительной практики в условиях цифровизации, необходимо обратить внимание на перспективы преобразований деятельности судов. К сегодняшнему дню создана информационная инфраструктура для реализации гражданами и организациями своих процессуальных прав – подачи исков, ходатайств, заявлений, дистанционного участия в судебных заседаниях посредством систем видеоконференцсвязи[9]. В научной литературе обосновано отмечается, что «электронное правосудие принадлежит к числу специальных правовых институтов, обеспечивающих цифровой экономике современные юридические условия, что обусловлено тесной взаимосвязью социально-экономического развития государства и сферы правосудия» [9: 130]. Но также вызывают вопросы порядок идентификации сторон, подтверждения полномочий, защиты каналов связи.

В результате административной реформы деятельность органов исполнительной власти унифицировалась в оказание услуг и осуществление функций, что в условиях современных информационных технологий предполагает активное вовлечение цифровых способов и средств осуществления властных полномочий. Административные регламенты, детализирующие работу органов исполнительной власти, содержат не только порядок оказания услуг и осуществления функций в режиме «оффлайн», но и регулируют порядок этой деятельности с помощью информационных технологий.

При этом в системе государственного управления сегодня заметен тренд перехода от бумажных носителей к цифровым, что должно привести к первичности и приоритету цифровых данных, то есть цифровых реестровых записей, приходящих на смену бумажным документам.

Также трансформацию терпит контрольно-надзорная система[10]. Кроме активного введения риск-ориентированного подхода происходит внедрений информационных технологий, направленных на сокращение реального контакта между проверяющим и проверяемым, что, в свою очередь, должно привести к минимизации коррупционных проявлений. В сфере обеспечения безопасности и правопорядка в правоприменительной практике используются данные полученные с помощью средств фото-, видеофиксации. Сейчас такие данные имеют непосредственное значение в применении законодательстве об административной ответственности в части правонарушений в сфере безопасности дорожного движения и благоустройства территорий, однако, полагаем, что перечень таких сфер будет расширяться, и технологии позволят осуществлять правоприменительные функции на основе данных, полученных автоматизированными средствами и системами, что, в частности, становится реальным посредством технологий «интернета вещей».

В рассматриваемом контексте также следует отметить развитие нотариата в цифровом пространстве, что заключается в возможности и признании нотариальных действий в электронной форме, дистанционном совершении нотариальных действий, а также в создании и функционировании специализированных информационных систем и баз данных.

ВЫВОДЫ

Проведя анализ влияния цифровизации на тенденции правового регулирования и правоприменении на современном этапе, мы пришли к следующим выводам.

1. Международные требования и тенденции правового регулирования цифровых процессов и правоприменения создают стандарты для внедрения информационных технологий в государственное управление и экономику. Одним из направлений, отражающих эффективность мер по внедрению цифровых технологий, применяемых на национальном уровне, является повышение конкурентоспособности внутренней юрисдикции. Также заметны тенденции создания с помощью цифровых технологий единого экономического пространства внутри государств, объединенных в международные организации (например, Евразийский экономический союз).
2. Проблемы и перспективы правового регулирования в условиях цифровизации свидетельствуют о том, что в сложившихся условиях очевидно дальнейшее развитие признания цифровых технологий и действий в качестве юридических фактов, идентификации субъектов права, оснований и порядка реализации субъективных прав и юридических обязанностей в информационной среде, обеспечения безопасности личных сведений, введение мер ответственности за неправомерное пользование персональными данными, а также принятие мер, направленных на повышение конкурентоспособности национальной юрисдикции. Остается нерешенным вопрос об объектах интеллектуальной собственности. Также требуется определение правового положения искусственного интеллекта как объекта права, правовых последствий действий, совершенных автоматизированными системами. Полагаем, что

[9] Д.Х Валеев и А.Г. Нуриев отмечают, что в каждом из видов судопроизводства возможность использования цифровых технологий как определенный инструмент достижения правового результата различна, но во всех четырех формах отправления правосудия такие инструменты присутствуют. Поэтому все изменения, происходящие в процессуальной сфере, обусловленные внедрением цифровых технологий, получили собирательное название «электронное правосудие». См. подробнее: [6: 477].

[10] См. подробнее: Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности: (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 № 12) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ (дата обращения: 10.06.2020).

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

на подзаконном уровне следует ожидать развития электронных административных регламентов, а также конкретизации и детализации использования цифровых данных в оказании государственных и муниципальных услуг, а также в осуществлении публичных функций.

3. В качестве тенденций развития правоприменительной практики в условиях цифровизации следует ожидать продолжения мер по цифровизации судопроизводства, которая требует принятия организационных решений: идентификация сторон процесса, удостоверение полномочий, получение заверенных судебных актов дистанционным путем. В сфере деятельности органов исполнительной власти продолжается внедрение электронных способов осуществления властных полномочий для оказания государственных и муниципальных услуг, а также осуществления государственных и муниципальных функций. Следует отметить перспективы развития цифровых технологий в контрольно-надзорной сфере, в сфере обеспечения безопасности и правопорядка, расширения случаев применения данных полученных с помощью автоматизированных систем и средств в правоохранительной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил утверждать, что цифровизация только входит в правовое пространство и наше государство находится, по сути, только в начале этого пути. Несмотря на то, что работа в этом направлении проводится несколько лет, решена только часть основных вопросов, связанных с идентификацией субъектов права, организацией и выстраиванием процессов оказания публичных услуг и осуществления государственных и муниципальных функций, установлением новых институтов в частном праве. Все это объясняется двумя основными направлениями тенденций цифровизации – государственное управление и экономика. С одной стороны, принимаются организационные и установочные меры для деятельности органов управления в цифровом пространстве, с другой стороны, неминуемы изменения, связанные с трансформацией гражданского оборота. При этом стирание территориальных границ предполагает принятие решений, направленных на безопасность данных и каналов связи, развитие преимуществ национальной юрисдикции, принятие мер для создания единого экономического пространства внутри межгосударственных объединений с помощью информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
2. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Российская газета. 11.06.2020. № 126.
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс] // https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения: 14.06.2020).
5. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) [Электронный ресурс] // https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf (дата обращения: 14.06.2020).
6. *Валеев Д.Х.*, *Нуриев А.Г.* Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 467–489.
7. Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы: монография / коллектив авторов; под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Юстиция, 2018. 306 с.
8. *Сидоренко Э.Л.*, *Барциц И.Н.*, *Хисамова З.И.* Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.

REFERENCES

1. Federal Law dated March 18, 2019 No. 34-ФЗ “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2019. No 12. Art. 1224. (In Russ.)
2. Federal Law of 08.06.2020 No. 168-ФЗ “On the Unified Federal Information Register Containing Information on the Population of the Russian Federation”. *Rossiyskaya Gazeta*. 06/11/2020. Number 126. (In Russ.)
3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 “On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030”. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 20. Art. 2902. (In Russ.)
4. Passport of the national project “National Program Digital Economy of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes No. 7 dated 06/04/2019 [Electronic resource]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (date accessed: 06.14.2020).
5. Passport of the federal project “Normative regulation of the digital environment” (approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the use of information technologies to improve the quality of life and the conditions for doing business, protocol No. 9 dated 05/28/2019) [Electronic resource]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf (date accessed: 06.14.2020).
6. *Valeev D.Kh.*, *Nuriev A.G.* Electronic document management in the field of justice in the digital economy. *Bulletin of Perm University. Jurisprudence*. 2019. No. 45. Pp. 467–489. (In Russ.)
7. Legal administration in the economy. Actual problems: monograph. Team of authors; under the editorship of Yu.A. Tikhomirova. Moscow: Justice, 2018. 306 p.
8. Sidorenko E.L., Bartsits I.N., Khisamova Z.I. The effectiveness of digital public administration: theoretical and applied aspects. *Issues of State and Municipal Administration*. 2019. No. 2. Pp. 93–114. (In Russ.)

9. *Соловяненко Н.И.* Вопросы развития электронного правосудия в условиях цифровой экономики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 130–131.
10. Обзор и оглавление Доклада о мировом развитии «Цифровые дивиденды» [Электронный ресурс]. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf (дата обращения: 14.06.2020).
11. Цифровая повестка ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/default.aspx (дата обращения: 14.06.2020).
12. Цифровое правительство 2020. Перспективы для России: доклад Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf (дата обращения: 14.06.2020)

9. Solovyanenko N.I. Issues of development of e-justice in the digital economy. *Humanitarian*, *Socio-economic and Social Sciences*. 2017. No. 11. Pp. 130–131. (In Russ.)
10. Review and table of contents of the World Development Report Digital Dividends [Electronic resource]. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf (date accessed: 06/14/2020).
11. Digital Agenda of the EAEU [Electronic Resource]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/default.aspx (date accessed: 06/14/2020).
12. Digital Government 2020. Prospects for Russia: World Bank Report [Electronic resource]. URL: http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf (date accessed: 06.14.2020).

Статья поступила в редакцию 15.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 15.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шепелев Денис Викторович, кандидат юридических наук; доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); доцент Департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет). Москва, Российская Федерация. SPIN-код: 4295-4196. AuthorID: 977569. ORCID 0000-0001-5305-8044. E-mail: denn0508@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Denis V. Shepelev, Cand. Sci. (Law); associate professor at the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL); associate professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University). Moscow, Russian Federation. SPIN: 4295-4196. AuthorID: 977569. ORCID 0000-0001-5305-8044. E-mail: denn0508@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

CHILD PROTECTION ISSUES

12.00.08

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminal law and criminology; Criminal enforcement law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-177-180

УДК: 343.8

Молодежная криминальная субкультура как фактор становления личности несовершеннолетнего преступника

В.А. Шуняева ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

E-mail: vera1705@mail.ru, 89107565387

Аннотация. Статья посвящена исследованию молодежной криминальной субкультуры и ее влиянию на личность несовершеннолетнего. В ходе анализа указанного негативного влияния было предложено определение криминальной субкультуры несовершеннолетних. Дана характеристика такого направления криминальной субкультуры, как арестантский уклад един, определенны основные ее принципы. Выявлены причины, способствующие развитию данного негативного явления, обозначены типичные черты несовершеннолетнего, разделяющего идеологию АУЕ[1], предложены направления противодействия распространению АУЕ. Методологическую основу исследования составляют такие общенаучные методы, как диалектический, системный метод исследования, анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и др., а также такие частно-научные методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический, структурно-функциональный, статистический. В работе над темой автор опирался на результаты исследований российских и зарубежных правоведов, социологов, психологов в рассматриваемой области знаний.

Ключевые слова: арестантский уклад един, девиации, криминальная субкультура, несовершеннолетний, правосознание, преступность, противодействие преступности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шуняева В.А. Молодежная криминальная субкультура как фактор становления личности несовершеннолетнего преступника // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 177–180. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-177-180

[1] В российском уголовном мире аббревиатура АУЕ означает «арестантский уклад един». Первоначальный вариант расшифровывался как «Арестантское уголовное единство».

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-177-180

Youth criminal subculture as a factor in the formation of the personality of a minor criminal

V.A. Shunyaeva ©

Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", Tambov, Russian Federation

E-mail: vera1705@mail.ru, 89107565387

Abstract. The article is devoted to the research of the youth criminal subculture and its impact on the personality of under-aged. In the course of analysis of this negative impact, a definition of the criminal subculture of under-aged was proposed. The main principles of such a criminal subculture as AUE (the acronym, transcribed from Russian: АУЕ or А.У.Е., comes from «Арестантский уклад един» / "Prisoners Unity (Solidarity)" are defined. The reasons contributing to the development of this negative phenomenon and the typical features of a minor sharing the ideology of the AUE were identified. The methods for counteracting the AUE were proposed. The methodological basis of the research is formed by general scientific methods: dialectical, system research method, analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, etc., as well as such private scientific methods as comparative legal, formal legal, structural and functional, statistical ones. The authors relied on the results of research by Russian and foreign legal scholars, sociologists, psychologists.

Keywords: AUE, Prisoners Unity, deviation, criminal subculture, minor, legal consciousness, criminality, counteraction of crime

FOR CITATION: Shunyaeva V.A. Youth criminal subculture as a factor in the formation of the personality of a minor criminal. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 177–180. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-177-180

ВВЕДЕНИЕ

Человек как социальное существо находит свое отражение в различных проявлениях культуры. Обоюдное воздействие человека и культуры имеет древнюю историю, создавая определенные духовные, социальные и материальные ценности, он также подвергается воздействию со стороны этих ценностей, что приводит к формированию его мировоззрения и поведения.

Процессу социализации личности, то есть его положительной инкультурации, способствует закрепление ею норм и правил, характерных для определенной культуры, что в дальнейшем помогает ее идентификации. Однако, культура не может быть однородной, так как ее формируют различные индивиды, создающие основу для развития ее множества деталей и проявлений в виде всевозможных субкультур, при этом очень важно сохранить ее национальное ядро.

Вместе с тем существуют также виды субкультур, которые находятся вне времени и направления национальной принадлежности. В частности криминальная субкультура сохраняет и распространяет наследие преступного мира вне государств, имея универсальные обычаи, понятия и формы проявления.

По мнению Н.Л. Денисова «Криминальная субкультура – это разновидность субкультуры, нормы которой противопоставляются общепринятым социальным нормам и связаны с нарушением уголовно-правовых норм» [Денисов, 2002]. Как видим, автор противопоставляет нормы криминальной субкультуры общепринятым. Д.А. Корецкий в основе криминальной субкультуры видит криминальные традиции, как некие правила поведения, передаваемые от одного криминального поколения другому [Корецкий, 1989].

На наш взгляд, криминальная субкультура это совокупность асоциальных ценностей, норм, правил, возникших в преступной среде и направленных не только на их трансляцию с целью расширения своей сферы действия, но и с целью управления своими сторонниками.

Разнообразную точку зрения относительно влияния криминальной субкультуры на личность несовершеннолетнего высказывали: В.Ф. Пирожков (1994), Н.Л. Денисов (2002), О.Б. Панова (2005), Р.Н. Грошева (2006), В.В. Тулегенов (2006), В.В. Шемякина (2010), О.В. Лещенко (2016), М.В. Минстер (2017) и другие.

ТИПИЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ АУЕ И ЧЕРТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СТОРОННИКОВ АУЕ

Охарактеризуем такое наиболее радикальное направление криминальной субкультуры, как АУЕ (арестантский устав/уклад един). К основным принципам данного направления относят:

- *неподчинение системе власти*, проявляющееся не только в отрицании самой системы государства, но и в не признании общепринятых морально-нравственных и духовных ценностей;
- *абсолютно негативное отношение к работе*. Любая официальная работа для сторонников АУЕ

унизительна, возможны только воровство, грабеж, вымогательство, мошенничество и иной криминальный способ получения заработка;

- *жестокая иерархия*. Несмотря на полное отрицание государственной системы, сторонники криминальной субкультуры подчиняются строгому преступному порядку, где во главе стоит лидер, имеющий неограниченную власть и его помощники, руководящие всеми остальными членами. Таким лидером, на наш взгляд, не может быть сам несовершеннолетним, так как у него есть четкое представление о том, как воспитать молодое поколение, которое будет разделять тюремную субкультуру;
- *зона как наиболее желательное место обитания*. Тюрьма или колония это те места, в которых, по мнению сторонников АУЕ, они могут пройти настоящую школу жизни. При этом наиболее предпочтительным считается попасть в места лишения свободы, совершив преступление против полиции.

Это далеко не все принципы, которым следуют сторонники АУЕ, однако именно они четко отражают суть данной субкультуры.

Особое место в криминальной субкультуре занимают такие ее сторонники, как несовершеннолетние, придающие ей определенную специфику. Несмотря на одни корни криминальная культура несовершеннолетних во многом зависит от их возрастных психологических особенностей, которым присущи крайние проявления каких-либо качеств и черт.

Выделим наиболее типичные черты, присущие сторонникам АУЕ среди несовершеннолетних. Возраст таких лиц не ограничивается официальным возрастом уголовной или административной ответственности, на криминальный путь встают несовершеннолетние и 10–12 лет, которыми наиболее легко манипулировать. Как правило, это несовершеннолетние из неблагополучных семей, стремящиеся не только к неполученному в семье вниманию, но и желающие изменить свое финансовое положение. Такие подростки весьма агрессивны, с низким порогом эмпатии, они фанатично преданы разделенным взглядам и сообществу их окружающему.

ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Особенности личности несовершеннолетнего во многом объясняют широкое распространение в таких возрастных кругах криминальной субкульутры. Так личность несовершеннолетнего, как правило, подвержена крайней степени эгоцентризма, что является благоприятной почвой для развития различных девиаций. Он может проявляться в «нежелании считаться и ориентироваться на интересы и ценности других, а также в равнодушии по отношению к окружающим в сочетании с ожиданием быть, безусловно принятыми в обществе, получить социальное одобрение и принятие» [Власова, Новокрещенова, 2019].

Еще одной психологической причиной, способствующей укоренению преступных механизмов в молодежной среде, является стремление к самоутверждению. Такое желание, исходя из деформированных представлений, реализуется, в том числе, через жестокость и насилие. С.В. Шпак отмечает, что подобные характеристики в большей степени присущи лидерам криминальных подростковых группировок, для которых их демонстрация напрямую зависит от удержания власти и авторитета в них [Шпак, 2012].

С точки зрения психологии, подросткам также свойственно в большей степени коллективно-групповое сознание, так как реализации естественной потребности общения способствует развитие криминальных информационных каналов, а также девиантно-специфических видов деятельности.

Низкий уровень правосознания несовершеннолетних выступает самостоятельным фактором развития и укрепления криминальной субкультуры в указанной среде. Это, прежде всего, связано с деформациями, в основе которых лежит искаженность либо несформированность определенных структурных элементов правового сознания, порождаемая правовой дезинформированностью [Долгова, 1979].

Немаловажным социальным фактором развития криминальной субкультуры несовершеннолетних стала деградации семьи как основного механизма положительной социализации ребенка. Нередко происходит нивелирование семейных ценностей, а также искажение роли родителей, которые не только не способны к выполнению минимальных педагогических функций, но и напрямую перекладывают свои обязанности на плечи несовершеннолетних, например, по финансовому обеспечению семьи, а порой и воспитательные функции в отношении ее младших членов. Зачастую несовершеннолетние не осознают уровень собственной ответственности за совершаемое правонарушение в рамках деятельности сторонников АУЕ.

Это подтверждают и статистические данные, приведенные Л.П. Лобачевой (к сожалению, она не обозначила конкретный период указанных сведений, но их количественная характеристика говорит о многом). Так, ежегодно представляют к лишению родительских прав не менее 50 000 человек, 113 000 родителей находятся на учете в органах Министерства внутренних дел как асоциальные элементы, негативно влияющие на детей, 70% детского травматизма имеет семейно-бытовую причину, более 2000 детей ежегодно кончают жизнь самоубийством, в том числе из-за непонимания родителей, а 30 000 убегает из семьи в поисках лучшей жизни [Лобачева, 2018].

Истоки криминальной субкультуры находятся в местах лишения свободы, где происходит активное развитие арестантских норм, традиций, обычаев, а также неформальная стратификация, переносимая из указанных мест при освобождении из них несовершеннолетних и транслирования их в обычную среду, где они не только передают свой преступный опыт, но и активно насаждают воровские понятия.

Причинами распространения криминальной субкультуры могут быть также проблемы экономического характера, порождающие низкий уровень доходов определенной категории семей, где воспитываются несовершеннолетние, не получающие в достаточной степени основных средств к существованию, политического характера, когда различные оппозиционные

структуры искусственно создают себе армию сторонников, изначально настроенных против государственной системы, а также идеологические, когда в условиях абсолютного отсутствия общегосударственной идеологии, проецирующей общечеловеческие ценности, возможно распространение криминальной идеологии, не только подменяющей вышеуказанные ценности, но и навязывающей криминальный романтизм и уголовное мировоззрение. Немаловажное значение имеют социальные причины, где, как мы уже отмечали, теряется не только роль семьи, но и происходит все большее распространение таких социальных явлений, как алкоголизм и наркомания.

Указанные причины не исчерпывающи, на наш взгляд, они наиболее очевидные и значительны.

Необходимость изменения сложившейся ситуации, бесспорно. И в этом направлении следует проводить планомерную политику по раскрытию истинной сущности криминальной субкультуры несовершеннолетних и формированию устойчивого ее неприятия. Важно также соблюдать принцип неотвратимости ответственности, используя все необходимые меры исходя из возраста конкретной личности несовершеннолетнего, либо совершеннолетних, которые способствуют распространению такого рода субкультуры. В образовательных учреждениях ввести обязательное, повсеместное, регулярное, анонимное анкетирование с целью выявления и пресечения случаев совершения правонарушений сторонниками АУЕ. Правоохранительным органам необходимо выявлять таких лиц по месту жительства и осуществлять регулярный контроль за их жизнедеятельностью, а также вести пресекательно-разъяснительную политику в воспитательных колониях для несовершеннолетних.

Лишь эффективная реализация всех профилактических мероприятий позволит сократить число сторонников данного направления субкультуры, а также значительно снизить ее преступное влияние на несовершеннолетних.

ВЫВОДЫ

В настоящее время наблюдается распространение криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, что приводит к формированию специфических девиаций личности, разделяющей радикальные взгляды криминальной субкультуры в целом, так и такого ее направления как идеологии АУЕ. Разнообразные причины, способствующие распространению такой субкультуры, связаны во многом с отсутствием в государственной политике четкой программы противодействия криминальным проявлениям уголовной субкультуры несовершеннолетних. В связи с чем возникает необходимость создания и эффективной реализации такой стратегии с максимальным вовлечением в нее всех субъектов профилактики преступности несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власова Н.В.*, *Новокрещенова Г.А.* Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков с разными видами аддиктивного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 4 (79). С. 362–368. DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-14002
2. *Денисов Н.Л.* Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. 194 с.
3. *Долгова А.И.* Правовое воспитание молодежи. М.: Юрид. лит-ра, 1979. 85 с.
4. *Корецкий Д.А.* Тяжкие бытовые преступления и их предупреждение. М., 1989. С. 45.
5. *Лобачева Л.П.* Становление личности несовершеннолетнего преступника. Факторы подростковой преступности // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 8 (43). С. 99–102.
6. *Шпак С.В.* Криминальная субкультура молодежи в условиях современного общества: социально-философский аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 271.

REFERENCES

1. *Vlasova N.V.*, *Novokreschenova G.A.* Comparative analysis of value orientations of teenagers with different types of addictive behavior. *Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*. 2019. Vol. 24. No. 4 (79). C. 362–368. DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-14002. (In Russ.)
2. *Denisov N.L.* Influence of the criminal subculture on the formation of the personality of a minor criminal: Dis. … Cand. Sci. (Law): 12.00.08: Moscow, 2002. 194 c.
3. *Dolgova A.I.* Legal education of youth. Moscow: Legal Literature, 1979.
4. *Koretsky D.A.* Serious domestic crimes and their prevention. Moscow, 1989. P. 45.
5. *Lobacheva L.P.* Formation of the personality of a minor criminal. Factors of juvenile delinquency. *Education and Science in Russia and Abroad*. 2018. No. 8 (43). Pp. 99–102. (In Russ.)
6. *Shpak S.V.* Criminal subculture of youth in the conditions of modern society: socio-philosophical aspect. *Historical And Socio-Educational Thought*. 2012. No. 1 (11). P. 271. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2020, принята к публикации 24.06.2020
The article was received on 14.05.2020, accepted for publication 24.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шуняева Вера Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент; директор Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-0035-8013. E-mail: vera1705@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vera A. Shunyaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Director at the Institute of Law and National Security FSBEI HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”. Tambov, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0035-8013. E-mail: vera1705@mail.ru

12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Civil law; Business law; Family law; Private international law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-181-185

УДК: 347.63

Правовое положение незаконнорожденных детей в Российской Империи

Н.А. Придворов[a] ©, Н.А. Иванова[b] ©

Институт права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

[a] E-mail: kafedra_gp@mail.ru, 89606571992

[b] E-mail: Nelli1004@yandex.ru,89107581085

Аннотация. Целью написания статьи является историко-правовой анализ правового положения незаконнорожденных детей в Российской империи. В статье проанализировано понятие «незаконнорожденный» и прослежено его закрепление в российском законодательстве. Исследованы нормативные правовые акты, определявшие правовой статус незаконнорожденных детей. Показаны основные особенности правового положения незаконнорожденных детей в Российской империи. Сделан вывод о том, что запрет на узаконение внебрачных детей, продиктованный не только необходимостью охраны сословной организации общества, но и потребностью в укреплении нравственных начал в обществе, способствовал появлению в российском обществе явлений, прямо противоположных морали и закону. Отмечается, что некоторые изменения, направленные на возможность узаконения незаконнорожденных детей, а также улучшение их положения к началу XX в. были обусловлены демократизаций и гуманизацией законодательства под влиянием общественно-политической борьбы, активности массовых движений, просветительской деятельности. Методологическую основу работы составили диалектико-материалистический, исторический, формально-юридический, конкретно-социологический методы.

Ключевые слова: ребенок, родитель, родство, незаконнорожденный, брак

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Придворов Н.А., Иванова Н.А. Правовое положение незаконнорожденных детей в Российской Империи // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 181–185. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-181-185

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-181-185

Legal status of illegitimate children in the Russian Empire

N.A. Pridvorov[a] ©, N.A. Ivanova[b] ©

Institute of Law and National Security FSBEI HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", Tambov, Russian Federation

[a] E-mail: kafedra_gp@mail.ru, 89606571992

[b] E-mail: Nelli1004@yandex.ru,89107581085

Abstract. The purpose of this article is a historical and legal analysis of the legal status of illegitimate children in the Russian Empire. The article analyzes the concept of "illegitimate" and traces its consolidation in the Russian legislation. The normative legal acts defining the legal status of illegitimate children are studied. The main features of the legal status of illegitimate children in the Russian Empire are shown. It is concluded that the ban on legalizing illegitimate children, dictated not only by the need to protect the class organization of society, but also by the need to strengthen moral principles in society, contributed to the emergence of phenomena in Russian society that are directly opposite to morality and the law. It is noted that some changes aimed at the possibility of legalizing unborn children, as well as improving their situation by the beginning of the XX century were due to the democratization and humanization of legislation under the influence of socio-political struggle, the activity of mass movements, educational activities. The methodological basis of the work consists of dialectical-materialistic, historical, formal-legal, concrete-sociological methods.

Keywords: child, parent, kinship, illegitimate, marriage

FOR CITATION: Pridvorov N.A., Ivanova N.A. Legal status of illegitimate children in the Russian Empire. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 181–185. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-181-185

ВВЕДЕНИЕ

Основанием возникновения правоотношений родителей и детей является сложный юридический состав, элементами которого являются происхождение ребенка от конкретных лиц, а также признание государством юридической связи между родителем и ребенком. Узаконение отношений между родителями и детьми находится в зависимости от политических, социально-экономических, культурных и иных факторов.

Следует отметить, что до принятия христианства семейные отношения регулировались обычным правом, и законность происхождения ребенка не имела решающего значения. В этот период правовое положение детей, рожденных как от законных жен, так и от наложниц, служанок было одинаковым, но при условии, если мужчина признавал ребенка.

Рецепция византийского брачно-семейного законодательства стала придавать значение только законному родству. Таинство брака и зачатия обуславливало различие в правовом положении брачных и внебрачных детей [Antokolskaya, 2000].

Признание правовых отношений между родителями и детьми, рожденными только в законных браках, было продиктовано окончательным закреплением моногамного брака после принятия христианства, необходимостью укрепления нравственных устоев в семье, потребностью в упорядочении наследственных отношений и закреплении сословных различий.

1. ПОНЯТИЕ НЕЗАКОННЫХ ДЕТЕЙ И ИХ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Термин «незаконные дети», появившись после крещения Руси, окончательное закрепление нашел в Соборном Уложении 1649 г. По этому поводу К.А. Неволин отмечает, что понятие незаконнорожденный, «явившись и утвердившись вместе с Христианством, из церковных законов и судов перешло в мирские законы, прежде всего в Русскую Правду, а потом в Уложение царя Алексея Михайловича» [Неволин, 1857: 363].

Незаконными в Российской империи считались дети, рожденные матерями, не состоящими в браке, либо родившиеся по истечении 306 дней с момента прекращения брака. В последнем случае возникали сомнения по поводу того, что зачатие произошло до момента прекращения брака. Незаконнорожденными считались дети, появившиеся на свет в результате прелюбодеяния, а также родившиеся в браках, которые впоследствии были признаны недействительными и незаконными [Канторович, 1899: 20]. К незаконнорожденным могли причисляться дети, родившиеся в браке, который был расторгнут по причине «доказанной неспособности мужа к супружескому сожитию»[1]. Кроме того, незаконными могли быть признаны дети, рожденные

[1] Свод законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 134. С. 27.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

хоть и в браке, но ранее положенного срока (180 дней) в случае, если муж не признает ребенка своим [Загоровский, 1903: 9]. Таким образом, законнорожденными могли считаться дети, предполагаемое зачатие которых произошло только от законного супруга.

Если рождение ребенка произошло в браке, заключенном в результате обмана или насилия, то законность происхождения ребенка зависела от усмотрения высочайшей власти[2].

Законодатель предоставлял право доказывать законность рождения, ссылаясь на законность и действительность брака, а также на происхождение от данного брака[3]. При этом сроки исковой давности не устанавливались[4].

В период империи благодаря реформам Петра I усиливается роль светского брачно-семейного законодательства. Подведомственность дел о незаконнорожденных была передана от духовных властей светским. Однако исследователи указывают, что при разрешении спорных вопросов, связанных с незаконнорожденными детьми, продолжает применяться каноническое право [Черкашина, 2013: 8].

Относительно прав состояния закон приписывал незаконнорожденных к податным сословиям до достижения совершеннолетия, после чего они могли «оставаться в том звании, в какое приписаны воспитателями, или же избрать по собственному усмотрению другое звание», т. е. приписаться к мещанскому или цеховому обществу. Незаконнорожденные дети казачьих вдов, жен и девок зачислялись в казачье сословие[5].

Незаконные дети дворянок не приобретали привилегий, предусмотренных для лиц дворянского сословия.

Признаваясь родственниками только своей матери, внебрачные дети не имели правовой связи с отцом. Такие дети не могли носить фамилию отца, наследовать его имущество, претендовать на предоставление содержания. Незаконные дети также не имели возможности наследовать имущество матери, которое относилось к родовому. К.А. Неволин отмечает, что «в родовом имении матери незаконнорожденные никогда не имели право наследовать» [Неволин, 1857: 372].

Помимо этого в отношении незаконнорожденных законодательством предусматривались ограничения для принятия на государственную службу[6].

Сословный принцип комплектования учебных заведений препятствовал получению образования детьми, имевших статус незаконнорожденных.

Исключением являлись льготы по отбыванию воинской повинности, которые предоставлялись Высочайше утвержденным мнением государственного Совета от 4 октября 1875 г. как для законных, так и для незаконнорожденных детей[7].

Обязанность по содержанию незаконнорожденных детей возлагалась на мать. В научной литературе отмечается, что правительство искало способы снять с них это бремя, например, путем создания приютов, предоставления возможности передать незаконнорожденных детей всем, кто возьмет их с обязательством уплачивать подушную подать [Полянский, 2013: 50]. Указами Петра I были созданы приюты для незаконнорожденных детей [Загоровский, 1909: 431.]. При Екатерине II дети, попавшие в Воспитательные дома, не могли быть закрепощены. Они могли покупать дома, фабрики и становиться купцами [Там же: 432.]. Однако эти меры в массовом порядке не решали проблемы незаконнорожденных детей. Зайцева С.В. в своем исследовании показывает бедственное положение таких детей и их матерей [Зайцева, 2014].

В Артикуле 176 XX главы Воинских уставов 1716 г. предусматривалось возложение обязанности по содержанию матери и младенца «по возможности и состоянию своему» на холостых мужчин в случае рождения у них внебрачных детей. Данная обязанность, закрепленная в Своде Законов Уголовных и в Уложении о наказаниях, по своей правовой природе являлась скорее мерой ответственности за совершенное правонарушение, чем разновидностью алиментов.

Как отмечал А. Загоровский, вместо того, чтобы решить вопрос о внебрачных детях, законодатель пытается обойти его [Загоровский, 1903: 3].

Между тем, потребность в защите прав незаконнорожденных детей выражалась в принятии казуальных указов в отношении представителей дворянского сословия. В XVIII в/ узаконения незаконнорожденных детей возможны были в индивидуальном порядке по указу монарха, принимаемого в результате подачи ходатайства. Александр I узаконение внебрачных детей считал справедливой мерою [Гуревич, 1896: 116].

Однако при Николае I Указом от 28 января 1829 г. предписывалось подаваемые на имя императора прошения об узаконении незаконнорожденных детей, а также о причислении к законным детям, рожденных до брака с действительной женой «оставлять без движения» [Там же: 118].

Следует согласиться с А.Ф. Кистяковским, который отмечал, что улучшение положения внебрачных детей наталкивается в России на сословность гражданских законов [Кистяковский, 1889: 35]. Сословная организация общества ограничивала возможности проникновения «посторонних» лиц в привилегированные слои.

Таким образом, незаконнорожденный ребенок, как правило, оказывался вне семьи и рода и по сути был обречен на бесправие и унизительное положение.

2. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Правовое положение незаконнорожденных детей, а также возможность их узаконения стали предметом обсуждения ученых, юристов, общественных и государственных деятелей во второй половине XIX в. Для решения данного вопроса одни предлагали заимствовать опыт зарубежных стран [Загоровский, 1882: 391],

[2] Свод законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 133. С. 27.

[3] Там же. Ст. 120. С. 25.

[4] Там же. Ст. 126. С. 26.

[5] Там же. Ст. 140. С. 28.

[6] Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об искоренении нищенства в здешней столице» от 6 июля 1837 г. // ПСЗ II. Т. 13. № 10425.

[7] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке зачисления в контингент новобранцев лиц, получивших отсрочку до следующего призыва» от 4 октября 1875 г. // ПСЗ II. Т. 50. № 55118.

другие призывали относиться с осторожностью к заимствованиям и считали, что необходимо создать свой уникальный проект способов узаконения незаконнорожденных детей [Филатов, 1883: 72].

Особенно дискуссионными являлись вопросы о возможности узаконения детей, рожденных в результате прелюбодеяния, а также о правах узаконенных детей, прежде всего, в сфере наследования.

Великие реформы XIX в, которые затронули практически все сферы жизни российского общества, не разрешили накопившиеся противоречия в Российской империи. Бесправие незаконнорожденных детей повышало социальную напряженность в обществе. В 1880 г. Государственный совет вынужден был признать, что незаконнорожденные лица могут увеличивать число лиц, недовольных существующим строем и правительством [Ошанин, 1912: 12].

Запрет на узаконение внебрачных детей, продиктованный, как отмечалось выше, не только необходимостью охраны сословной организации общества, но и потребностью укрепления нравственных начал в обществе, способствовал появлению в российском обществе явлений, прямо противоположных морали и закону. Не имея возможности содержать внебрачного ребенка, лишенные ощутимой государственной поддержки и осуждавшиеся обществом женщины всячески старались избавиться от нежеланного ребенка, что приводило к подбрасываниям детей в различные учреждения, в другие семьи, изгнаниям плода, а иногда и к детоубийствам. Исследователи также отмечают, что лица, имеющие статус незаконнорожденного, часто оказывали «негативное влияние на различные сферы жизни» [Зайцева, 2014: 54].

Принятое 12 марта 1891 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 марта «О детях узаконенных и усыновленных» вводило институт узаконения в судебном порядке внебрачных детей посредством последующего брака их родителей[8]. При этом закон не допускал возможности узаконить детей, рожденных от прелюбодеяния, которое считалось преступной связью.

Такую возможность предоставил Закон «Об утверждении правил об улучшении положения незаконно рожденных детей»[9], который был подписан Николаем II 3 июня 1902 г.

Новый закон вместо постыдного термина «незаконный» водил термин «внебрачный» ребенок. Кроме того, по закону 1902 г. внебрачному ребенку могла быть присвоена фамилия матери с ее согласия, в этом случае также требовалось согласие отца, если он был жив. Закон закреплял родительскую власть над внебрачным ребенком, прежде всего, в отношении матери.

Наследственных прав внебрачные дети по закону 1902 г. так и не приобрели. Они, по-прежнему, не имели прав наследовать имущество отца, также как и родовое имущество матери. Внебрачный ребенок мог претендовать только на наследование «благоприобретенного имущества матери» [Загоровский, 1909: 494].

Обязанность отца содержать внебрачного ребенка, имея субсидиарный характер, возникала только при отсутствии у матери материальной возможности по содержанию ребенка.

Таким образом, закон 1902 г. не уравнивал в правах детей, рожденных в браке и вне его. Между тем данный закон вызвал в обществе бурные обсуждения. Его противники видели в нем опасность «расшатывания законов семьи» [Розанов, 1903: 469]. Сторонники закона указывали на то, что дети не должны нести ответственность за грехи родителей [Верещагин, 1907: 19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности правового положения детей в Российской империи зависели не только от правового статуса родителей, но и от нахождения последних в законном браке, наличие которого формировало предположение о происхождении ребенка от мужа матери.

К началу XX в. деление детей на законных и незаконных продолжало сохраняться, являясь важным критерием определения их правового положения в российском обществе. Некоторые изменения, направленные на возможность узаконения внебрачных детей, а также улучшение их положения в конце началу XX в. были обусловлены демократизаций и гуманизацией законодательства под влиянием общественно-политической борьбы, активности массовых движений, просветительской деятельности.

Законодательство Российской империи, определявшее правовое положение незаконнорожденных детей, отражало противоречия государственной политики данного периода. Формирование зачатков основных демократических институтов в результате Великих реформ тормозилось сословным законодательством Российской империи. Процесс наделения российских подданных равными правами в целом носил половинчатый и непоследовательный характер.

Полное уравнивание в правах внебрачных детей и детей, рожденных в браках, произошло только после свержения царского режима и установления советской власти. Принятый 18 декабря 1917 г Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния[10], а также иные советские нормативные правовые акты, закрепив принципиально новые подходы в регулировании брачно-семейных отношений, отменяли дореволюционные законы, которые ставили в зависимость правовое положение ребенка от брака его родителей.

[8] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 марта 1891 г. // ПСЗ. Собрание 3-е (1881–1913). Т. XI (1891). С. 111–114.

[9] Закон «Об утверждении правил об улучшении положения незаконно рожденных детей» // ПСЗ. Собрание 3-е. Т. XXII. 1902. № 21566. СПб., 1904. С. 492.

[10] Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния от 18.12.1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Antokolskaia M.V*. The process of modernization of family law in Eastern and Western Europe: Difference in timing, resemblance in substance // Electronic J. of Comparative Law. 2000. Vol. 4. No. 2.
2. *Верещагин В.А*. Закон 3 июня 1902 года об улучшении положения незаконнорожденных детей, с мотивами Государственного Совета. СПб.: Издание Юрид. Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1907. 55 с.
3. *Гуревич И*. Родители и дети: С прил. постановлений действующего законодательства, определяющих взаимоотношения родителей и детей. СПб.: Я. Канторович, 1896. 211 с.
4. *Загоровский А*. Курс семейного права. Одесса, 1909. 554 с.
5. *Загоровский А*. О внебрачных детях по новому закону (3 июня 1902 г.) в связи с постановлениями о них в западноевропейских гражданских кодексов. Одесса, 1903. Кн. IV. 85 с.
6. *Загоровский А*. О незаконных детях по русскому законодательству // Вестник Европы. 1882. № 3. С. 379-404.
7. *Зайцева С.В*. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX вв.: на примере Санкт-Петербургской губернии: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014. 202 с.
8. *Канторович Я.А*. Законы о детях: Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних, с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената. СПб., 1899. 330 с.
9. *Кистяковский А*. О незаконнорожденных (начало): январь и февраль // Журнал гражданского и уголовного права. Январь и февраль. Издание С.-Петербургского Юрид. Об-ва. СПб.: Тип. Правит. Сената. 1880. Кн. 1. С. 35–79.
10. *Неволин К.А*. Полное собрание сочинений. Т. 3: История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзных семейственных. СПб., 1857. 444 с.
11. *Ошанин М*. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912. 284 с.
12. *Полянский П.Л*. Определение правового статуса незаконнорожденных детей в XVIII–XIX вв // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2013. № 1. С. 46–61.
13. *Розанов В.В*. Семейный вопрос в России. СПб., 1903. С.469.
14. *Филатов С*. Положение незаконнорожденных по русскому законодательству // Друг женщин. 1883. № 9. С. 72.
15. *Черкашина Н.В*. Законодательная хроника о правовом положении незаконнорожденных детей // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 3. С. 7–11.

REFERENCES

1. *Antokolskaia M.V*. The process of modernization of family law in Eastern and Western Europe: Difference in timing, resemblance in substance. *Electronic J. of Comparative Law*. 2000. Vol. 4. No. 2. (In Russ.)
2. *Vereshchagin V.A*. The Law of June 3, 1902 on improving the situation of illegitimate children, with the motives of the State Council. St. Petersburg: Publication of the Legal Bookstore of N.K. Martynov, 1907. 55 p.
3. *Gurevich I*. Parents and children: With ADJ. resolutions of current legislation that define the relationship between parents and children. St. Petersburg: Ya. Kantorovich, 1896. 211 p.
4. *Zagorovsky A*. Course of family law. Odessa, 1909. 554 p.
5. *Zagorovsky A*. About illegitimate children under the new law (June 3, 1902) in connection with the decisions about them in the Western European civil codes. Odessa, 1903. Book IV. 85 p.
6. *Zagorovsky A*. About illegal children under the Russian legislation. *Bulletin of Europe*. 1882. No. 3. Pp. 379–404. (In Russ.)
7. *Zaitseva S.V*. Activity of the state and society in the field of organization of care for illegitimate children in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: On the example of the Saint Petersburg province: Dis.… Cand. Sci. (Hist.): 07.00.02. St. Petersburg, 2014. 202 p.
8. *Kantorovich Ya.A*. Laws on children: Collection of resolutions of the current legislation relating to minors and minors, with the Appendix of a Set of explanations on cassation decisions of the Senate. St. Petersburg, 1899, 330 p.
9. *Kistyakovsky A*. about illegitimate children. (Beginning): January and February. *Journal of Civil and Criminal Law*: *In January and February*. Publication of the St. Petersburg Law Society. St. Petersburg: Typ. of the Governing Senate. 1880. Book 1. Pp. 35–79. (In Russ.)
10. *Nevolin K.A*. Complete works. Vol. 3: History of Russian civil laws. Part 1: Introduction and book one of the allied families. St. Petersburg, 1857. 444 p.
11. *Oshanin M*. About the care of abandoned children. Yaroslavl, 1912. 284 p.
12. *Polyansky P.L*. Determination of the legal status of illegitimate children in the XVIII–XIX centuries. *Vestn. Mosk. Un-ta*. *Ser. 11*: *Law*. 2013. No. 1. Pp. 46–61. (In Russ.)
13. *Rozanov V.V*. Family question in Russia. St. Petersburg, 1903. P. 469.
14. *Filatov S*. The position of illegitimate children under Russian law. *Friend of Women*. 1883. No. 9. 72 p. (In Russ.)
15. *Cherkashina N.V*. Legislative chronicle on the legal status of illegitimate children. *Problems of Economics and Legal Practice*. 2013. No. 3. Pp. 7–11. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2020, принята к публикации 24.06.2020
The article was received on 14.05.2020, accepted for publication 24.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Придворов Николай Антонович, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3937-3678. E-mail: kafedra_gp@mail.ru

Иванова Нелли Александровна, кандидат юридических наук, доцент; заведующая кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Тамбов, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4601-6249. E-mail: Nelli1004@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikolai A. Pridvorov, Dr. Sci. (Law), Professor; professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law and National Security of the "Tambov State University named after G.R. Derzhavin". Tambov, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3937-3678. E-mail: kafedra_gp@mail.ru

Nelli A. Ivanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; head of the Department of Civil Law of the Institute of Law and National Security of the "Tambov State University named after G.R. Derzhavin". Tambov, Russian Federation. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4601-6249. E-mail: Nelli1004@yandex.ru

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-186-193

Interpretation of Sino-Russian culture and humanities cooperation in the new era

Ren Yanyan ©

Shanghai University of Political Science and Law, National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation, Shanghai, China

E-mail: renyanyan@shupl.edu.cn

Abstract. The friendship between nations lies in the mutual affinity of the people, and the people's affinity lies in the communion of hearts. The cultural and humanities cooperation between China and Russia has a long history. In recent years, under the role of the "Belt and Road" initiative, the SCO, and the Sino-Russian Humanities Cooperation Committee, Sino-Russian culture and humanities cooperation has continued to deepen. Entering a new era, taking the opportunity to promote Sino-Russian relations into a "new era China-Russia comprehensive strategic cooperative partnership", the development of human relations between the two countries has entered a new historical starting point, while also facing a series of problems and challenges. This article is based on the current status of Sino-Russian human relations in the new era, interprets the characteristics of Sino-Russian human relations in the new era, analyzes the problems and challenges of Sino-Russian human relations in the new era, and tries to propose solutions and solutions with a view to further developing Sino-Russian cultural and humanities relations in the new era. It is a useful reference, and provides a reference for future related research, and ultimately helps the Sino-Russian cultural and humanities relations in the new era to be stable and far-reaching.

Keywords: the new era, Sino-Russian cultural relations; characteristics, problems and challenges, suggestions and countermeasures

FOR CITATION: Ren Yanyan. Interpretation of Sino-Russian culture and humanities cooperation in the new era. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 186–193. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-186-193

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-186-193

Интерпретация китайско-российских гуманитарных отношений в новую эпоху

Ren Yanyan ©

Шанхайский политико-юридический университет,
Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай),
Шанхай, Китай

E-mail: renyanyan@shupl.edu.cn

Аннотация. Суть межгосударственных отношений заключается в дружеских чувствах между народами, а суть дружеских чувств между народами — во взаимном общении душ. Китай и Россия имеют давнюю историю гуманитарного сотрудничества. В последние годы в результате воздействия таких многосторонних и двусторонних механизмов как инициатива «Один пояс и один путь», ШОС и комитет по китайско-российскому гуманитарному сотрудничеству, гуманитарное сотрудничество между Китаем и Россией неуклонно продолжает углубляться. С вхождением в новую эпоху, китайско-российские межгосударственные отноше-

ния перешли на новый уровень, стимулом которой является «Китайско-российские всесторонние отношения стратегического партнерства в области новой эпохи». Развитие гуманитарных и культурных связей между двумя странами вступило в новую историческую отправную точку, столкнувшись при этом с целым рядом вопросов и вызовов. В данной статье, исходя из нынешнего состояния гуманитарных отношений между Китаем и Россией в новую эпоху, дается интерпретация характеристик этих отношений, проводится анализ их вопросов и вызовов. Также в экспериментальном порядке предлагается соответствующий план решения с целью дальнейшего развития китайско-российских культурных и гуманитарных отношений в новую эпоху. Приводится полезный справочный материал для дальнейшего развития гуманитарных взаимоотношений на этапе новой эпохи. Кроме того, в целях последующих соответствующих исследований выдвигается идея заимствований. Также, в конечном итоге, помогает китайско-российским гуманитарным отношениям в новую эпоху приобрести стабильный и долгосрочный характер.

Ключевые слова: новая эра, китайско-российские гуманитарные отношения, характерные черты, проблемы и проблемы, предложения и контрмеры

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ren Yanyan. Интерпретация китайско-российских гуманитарных отношений в новую эпоху // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 186–193. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-186-193

1. INTRODUCTION

Sino-Russian relations have a long history. After the Cord War, Sino-Russian relations have witnessed continuous development from "each regarding the other as a friendly country" to the "constructive partnership", and then from the "all-round strategic cooperative partnership" to a "new era China-Russia comprehensive strategic cooperative partnership". The levels of bilateral relations have been continuously improved, the space for political mutual trust has been strengthened, economic cooperation has been deepened, and cultural and humanities exchanges have been increasingly close at a continuously increasing level. Sino-Russian human relations are an important part of the new era China-Russia comprehensive strategic cooperative partnership and has become one of its three pillars. "After years of concerted efforts from both sides, cultural and humanities exchanges and cooperation has become one of the highlights of China-Russia relations, as well as the basis for the lasting development of bilateral relations".[1]

Cultural and humanities exchanges between China and Russia play an increasingly important role in enhancing the mutual affinity of both peoples. Since the proposal of the Belt and Road Initiative, China has been actively cooperating with countries along the Belt and Road in the field of humanities to promote communications, exchanges and inclusiveness among the people of all countries. Russia is a critical country along the Belt and Road, as well as China's good neighbor, close partner and bosom friend. In particular, since heads of state of China and Russia signed a joint statement in 2015, starting the process of connecting the "Belt and Road" with the Eurasian Economic Union, all-round cooperation between China and Russia has been has progressed steadily. Promoting practical cooperation between the two countries in the field of humanities is of great significance for enhancing the traditional friendship between the two countries and the two peoples and strengthening the effectiveness of the exchanges between the two countries and the two peoples.

Liu Limin studies on the Sino-Russian cultural and humanities exchanges and cooperation under the framework of the Belt and Road Initiative and the concept of Great Russian in the Silk Road Economic Belt, and proposes that Sino-Russian cultural and humanities cooperation in the field of education must be emphasized, and Sino-Russian university cooperation and friendly exchanges between Chinese and Russian youth should be strengthened, and at the same time, emphasis should also be laid on the cultivation of interdisciplinary talents in Russian language [1].

Wu Sai and Zhang Jianhua study on the characteristics, problems and countermeasures of the Sino-Russian humanities cooperation mechanism under the framework of the Belt and Road Initiative, and put forward that China and Russia should further consolidate the foundation of cultural and humanities cooperation in the future, enhance cultural influence, give full play to different subjects, establish effective error correction mechanism, and make full use of resources and opportunities under the Belt and Road framework to promote Sino-Russian cultural and humanities cooperation to a higher level [2].

Gao Yi studies on the challenges and reflections on the transformation and development of people-to-people exchanges between China and Russia, and points out that Sino-Russian exchanges and cooperation in the field of culture and humanities are important parts of the new era China-Russia comprehensive strategic cooperative partnership. The transformation and updating of the Sino-Russian cultural exchange model must be accelerated to lay a solid social foundation for the construction of the Belt and Road [3].

Yang Lei studies on the role of cultural exchanges in the construction of Sino-Russian partnership, and points out that both governments have made great efforts to strengthen cultural and humanities exchanges and achieved certain results. However, due to the cultural differences between China and Russia, both governments still need to make clear their positions and strengthen planning, so as to pave the way for cultural and humanities exchanges [4].

[1] Xinhuanews. http://www.xinhuanet.com/world/2016-04/29/c_1118775287.htm (data access: 01.03.2020).

Zhang Shuhua and Zhao Weitao study on how the Belt and Road Initiative can promote the deepening of comprehensive strategic cooperation between China and Russia, and point out that China and Russia are positive drivers for the construction of a new international order and the Belt and Road Initiative injects new impetus into the development of Sino-Russian relations in the new era. We should take the Belt and Road Initiative as an opportunity to open up a new situation of the comprehensive strategic cooperation between China and Russia [5].

Liu Shuhua and Song Yonghua study on Sino-Russian higher education cooperation in the context of the Belt and Road. They suggest that the advantages of such unprecedentedly high level of political relations between China and Russia should be translated into practical cooperation in the field of culture and humanities, especially in the field of education [6].

Sheng Haiyan studies on the prospects of regional cooperation between China and Russia under the Belt and Road Initiative, and points out that regional cooperation between China and Russia is an important part of their comprehensive cooperative partnership. Both China and Russia should take proactive measures to promote the all-round development of regional cooperation between them [7].

Li Jingyu and Xu Hua study on the regional cooperation between China and Russia, including Sino-Russian cultural and humanities cooperation. They point out that only by cooperating in speeding up the exchanges between border areas, can China and Russia promote the cross-border strategic connectivity between Northeast China and Russia's Far East and East Siberia, and then create a development and revitalization belt for the cross-border regional economic cooperation between China and Russia, so as to provide an example of cross-national strategic connectivity for the cooperation and development of the Northeast Asia [8].

Luo Huijun and Dai Weiwei study on the drives, risks and prospects of Sino-Russian cooperation in the context of the Belt and Road Initiative. They point out that due to the cultural differences between China and Russia and the limitations of exchange space, it is necessary to innovate the exchange mechanism with an inclusive attitude and expand the scope of cultural cooperation [9].

Stanislavovich studies on the current Sino-Russian cultural and humanities cooperation and points out the cooperation between China and Russia in the areas of culture, education, health, sports, tourism and media is an important reflection of both countries' soft power, as well as an important factor that affects the lasting friendly relationship between the two countries [10].

Zwick studies on the humanities cooperation between China and Russia under the framework of the Shanghai Cooperation Organization, expounds the development progress of the Sino-Russian cultural and humanities cooperation under the Shanghai Cooperation Organization framework and points out that the increasingly diverse cultural and humanities cooperation between China and Russia in recent years is of great significance for the construction of a harmonious humanistic space in the Shanghai Cooperation Organization region [11].

2. CHARACTERISTICS OF SINO-RUSSIAN CULTURAL AND HUMANITIES RELATIONS IN A NEW ERA

Entering the new century, the cultural and humanities exchanges and cooperation between China and Russia have continued to advance with rich and diverse contents and forms as well as expanding participants. This is inseparable from the two countries highly consistent humanistic strategy and the continuous improvement of the cultural and humanities cooperation mechanism between the two countries. At the same time, this is also the main characteristic of Sino-Russian cultural and humanities relations existing in the current stage.

1. Highly consistent humanistic strategy. Both China and Russia view cultural and humanities relations and plan cultural and humanities cooperation from a strategic perspective. The Belt and Road Initiative takes the mutual affinity of the people as an important component. In order to promote the implementation of people-to-people communication, China has issued relevant policy documents to do the top-level design for actively building a humanities cooperation mechanism. *Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road*[2] clearly defines the positioning of people-to-people communication in the construction of the Belt and Road Initiative and proposes that people-to-people communication is the social foundation for the construction of the Belt and Road, and cooperation in the fields of education, culture, tourism, sports, health, science and technology, vocational skills training, political parties, and non-governmental organizations is regarded as an important channel for people-to-people communication. The release of the *Belt and Road Cultural Development Action Plan* (*2016–2020*) draws a roadmap for the in-depth development of cultural communication and cooperation along the Belt and Road. As China's comprehensive strategic partner of coordination for a new era, Russia also attaches great importance to the role of culture in its development strategy. In 2010, the Russian Federation signed a presidential decree to determine the implementation of the *Main Policy Directions of the Russian Federation in the Field of International Cultural and Humanitarian Cooperation* (Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества)[3], which points out that cultural exchanges play a special role in the implementation of Russia's foreign policies and international cultural and humanities cooperation can make great contribution to the realization of the basic goals of Russia's foreign policies and the improvement of the effectiveness of Russia's foreign policies. In 2016, the Russian government signed a government order to determine the implementation of *Strategy of the State Cultural Policy for the Period Until 2030* (Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года)[4].

[2] Belt and Road portal. https: //www.yidaiyilu.gov.cn/yw/qwfb/604.htm/ (data access: 10.01.2020).

[3] Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://www.mid.ru/eu/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550/pop_up?_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_viewMode=tv&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_qrIndex=0 (data access: 09.03.2020).

[4] Government of the Russian Federation. http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (data access: 09.03.2020).

With the introduction of this strategy, Russia has formed clear national cultural strategy and reshaping the domestic cultural conditions and expanding the international influence of Russian culture have become the fundamental objectives of Russia's cultural strategy. In 2012, China and Russia launched the *Action Plan on China-Russia Humanities Cooperation* and gradually implemented it. In September 2019, the Chinese Premier and Russian Prime Minister held the 24th regular meeting in St. Petersburg. During the meeting, the two prime ministers signed a series of important documents, such as the *Joint Communiqué of the 24th Regular Meeting Between Chinese and Russian Prime Ministers*[5] and *Minutes of the 20th meeting of the Sino-Russian Humanities Cooperation Committee*. The signing of relevant documents have greatly promoted the development of the cultural and humanities cooperation between the two countries. This shows that China and Russia are highly consistent in their respective cultural strategies. This not only laid a solid policy foundation for the further development of the cultural and humanities relations between China and Russia in the new era, but also pointed out the direction for the concrete development of the cultural and humanities cooperation between the two countries.

2. Constantly improving cooperation mechanism. In addition to the cooperation in the field of culture and humanities under the frameworks of the Belt and Road Initiative and Shanghai Cooperation Organization, China and Russia also have other extensive cultural and humanities cooperation mechanisms, which are constantly being improved. Relevant mechanisms include the regular meeting mechanism between the Chinese Premier and Russian Prime Minister, the Sino-Russia Humanities Cooperation Committee, the China-Russia Friendship Committee for Peace and Development, the China-Russia Friendship Association, the Russia-China Cultural and Educational Development Foundation, Russian Cultural Centre in Beijing, China Cultural Center in Moscow, and a series of specific agreements, alliances, forums, foundations and regional cooperation mechanisms in the field of humanities cooperation. Among them, Mechanism of Regular Meeting Between Chinese and Russian Prime Ministers the meeting mechanism with the highest specifications and the most complete organizational structure. "Under this mechanism, in-depth exchanges can be carried out on everything, including contradictions and differences. In the course of this exchange, more willingness and new directions for cooperation can be generated, thus promoting practical cooperation between the two countries".[6] The Sino-Russia Humanities Cooperation Committee is an important manifestation of the sustained high-level development of the comprehensive strategic partnership of cooperation between China and Russia, and has promoted the relationship between the two sides to enter a new stage in the field of humanities cooperation. The China-Russia Friendship Committee for Peace and Development has played an active role in promoting China-Russia non-governmental friendly exchanges. China has established 17 Confucius Institutes in 14 Russian cities, which have played an important role in strengthening the cultural interaction and integration between China and Russia. The two regional cooperation mechanisms – "Northeast-Far East" and "Yangtze River-Volga River", Local Cooperation Council of the China-Russia Friendship Committee for Peace and Development, and 140 pairs of friendly provinces, states and cities bring new opportunities for promoting local and border cooperation including cooperation in the field of culture and humanities.

3. Rich and diverse forms and contents. Under the extensive function of the cultural and humanities cooperation mechanism between China and Russia, especially after the Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union started to integrate and cooperate, the results of the cultural and humanities cooperation between China and Russia have been increasingly splendid. The two countries successfully co-hosted the China-Russia Youth Friendly Exchange Year for 2014–2015, the China-Russia Media Exchange Year for 2016–2017, and the Year of China-Russia Local Cooperation and Exchange for 2018–2019. From the awarding of Friendship Medal of the Russian Federation to the awarding of Friendship Medal of the People's Republic of China, from the mutual evaluation of the top ten outstanding figures in the field of cultural and humanities exchanges between China and Russia to the "Road of Friendship" Beijing-Moscow motorcycle riding activities, from the mutual hosting of film festivals to the mutual translation and publication of classic and modern literary works, from the mutual landing of Sino-Russian TV channels to the joint establishment of the Youth Symphony Orchestra, and then to the frequent interactions among the scientific circles, medical circles, art circles and sports circles of the two countries, all the above have constantly enriched the forms and connotations of cultural and humanities exchanges between China and Russia. The Sino-Russian cultural forums and the Sino-Russian Cultural Collection activities have become a brand project of cultural and humanities and cooperation between the two countries under the Belt and Road Initiative. At the same time, China and Russia issued the *Sino-Russian declaration of the Youth Friendship from Generation to Generation* to realize the long-lasting friendship between China and Russia and promote cooperation in the fields of education, culture, health, sports, movie, media, tourism, youth and archives to achieve more pragmatic results.

4. An increasing number of participants. Driven by the high-level demonstrations and policy guarantees of China and Russia, the participants in Sino-Russian humanities cooperation are becoming increasingly diverse. More and more organizations, institutions and individuals are involved, including governmental and non-governmental organizations, profit-making organizations and non-profit organizations, as well as other types of institutions and individuals. "The cooperation involves all aspects of the humanities: education, culture, health, sports, tourism, media, movies, archives, youth, and so forth, and there is tangible cooperation in every field". In addition to the official participants of the state, more and more local and private actors have participated in the cooperation between China and Russia in the fields of tourism, culture, education, sports, media,

[5] Belt and Road portal. https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/sbwj/103713.htm (data access: 09.03.2020).

[6] The Central People's Government of the People's Republic of China. http://www.gov.cn/xinwen/2019-09/17/content_5430723.htm (data access: 09.03.2020).

and movies. The cultural and humanities exchanges under the framework of the two regional cooperation mechanisms – "Northeast-Far East" and "Yangtze River-Volga River" are being constantly active. A large number of students, scholars, literary and art workers, and industry practitioners from media, film and television, and tourism, have played their roles in their respective fields, which greatly promote the continuous development of cultural and humanities cooperation between China and Russia. In particular, the conclusion of the 140 pairs of friendly provinces, states and cities has enabled more and more private individuals to participate in the process of Sino-Russian cultural and humanities cooperation, which has played an important role in strengthening Sino-Russian grass-roots cultural and humanities exchanges and mutual learning of civilizations, and enhancing people-to-people friendship. According to the latest data in October 2019 from the Levada center, an authoritative Russian pollster, China has become the friendliest country in the eyes of the Russian people. This has laid a solid public opinion foundation for the two sides to further carry out cultural and humanities cooperation. In 2018, under the guidance of the China-Russia Friendship Committee for Peace and Development, its Media Council launched a public opinion survey report on Sino-Russia relations. "According to the results of the survey, both Chinese people and Russian people generally have a high evaluation and mutual recognition of each other's national image."

3. PROBLEMS AND CHALLENGES OF SINO-RUSSIAN CULTURAL AND HUMANITIES COOPERATION IN THE NEW ERA

China and Russia, both governments in particular, have made tremendous efforts in the field of cultural and humanities exchanges and have fulfilled significant achievements. However, due to the inherent differences existing between the two countries, China and Russia still have problems in the field of cultural and humanities cooperation, such as the weak foundation for non-governmental cooperation and the ineffectiveness of cooperation. At the same time, there are also emerging challenges, for example, the suspicion of non-governmental cooperation from the elites and the civil society has also affected and hindered the normal development of cultural and humanities relations between the two countries to a certain extent.

1. Strong political emphasis, weak grass-roots foundation. Some scholars used "Three Hots and Three Colds" to summarize Sino-Russian relations, that is, "hot at top level but cold at the grassroots level, hot in politics but cold in economics, hot in bordering regions but cold in inland regions". However, the author believes that from the perspective of development, such summary is inevitably biased, although it also reflects the reality of Sino-Russian relations to a certain extent, including the reality of Sino-Russian cultural and humanities relations of course. China and Russia have a wide range of cooperation mechanisms in the field of culture and humanities, but most of these mechanisms are promoted by the high-level actors and the participation of other levels and types of subjects is relatively insufficient, which leads to the problem of "strong political emphasis, weak grass-roots foundation" in the cultural and humanities cooperation between China and Russia. Cultural and humanities cooperation needs government guidance, not government leadership, and needs more market-oriented participation. Korean dramas, Japanese animations and Hollywood blockbusters can trigger collective effects in a certain group of Chinese people, and then trigger "Korean wave", "Japanese wave" and "Hollywood blockbuster flow" in China. We have martial arts (Kungfu), traditional Chinese medicine, delicious cuisine, and festival folklores in China, while in Russia there are many world-renowned art and sports forms, such as ballet, synchronized swimming, circus, and music. Unfortunately, these precious cultural and artistic wealth have not yet produced a broad and deep influence between the people of China and Russia like Korean dramas, Japanese animations and Hollywood blockbusters. The root cause lies in the large cultural differences between the two countries and the weak grassroots foundation. As the most important organic component of national soft power, culture is a symbol of national spirit. Cultural output cannot be separated from publicity and exchange, but high-level publicity and communication are often more serious and stylized, the scope of communication is fixed, the influence is narrow, and it is difficult to sink into the hearts of the people. Therefore, the mode of cultural and humanities exchanges between China and Russia is in urgent need of transformation and upgrading, so as to complete the shift "from government level to social society level, form policies to markets". People-to-people and market-oriented cultural and humanities exchanges are often more deeply rooted in the heart, and creates a kind of intimate and popular appeal in a way of "moistening things quietly". "The connectivity about people-to-people exchanges is an important objective of the Belt and Road Initiative, as well as an important measure for constructing the Silk Road Economic Belt" [2]. Therefore, Sino-Russian cultural and humanities cooperation should be guided from the high levels, based on market demands and public opinion needs, emphasizing on local and civil levels, and attach equal importance to culture and spirit, input and output.

2. The results of cooperation are still insufficient, and the effectiveness of cooperation needs to be improved. China and Russia have highly consistent cultural and humanities strategies, extensive cooperation mechanisms and platforms, and diversified forms and contents. However, However, due to the lack of long-term and in-depth nature of some cooperation mechanisms, the relevant cooperation achievements are insufficient and the cooperation effectiveness needs to be improved. In recent years, although a series of cooperation projects have been cultivated and formed in the cultural and humanities exchanges led by the governments of China and Russia, they have yet to form a market-oriented scale effect and have failed to cultivate branded cultural products. Aiming to comprehensively enhance the level of Sino-Russian cultural and humanities cooperation, China and Russia have established relevant alliances in many areas of cultural and humanities cooperation, including the Sino-Russian Television Arts Cooperation Alliance, the Sino-Russian Science and Technology Cooperation Alliance, the Sino-Russian Medical Alliance,

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

the Sino-Russian Comprehensive University Alliance, and the Sino-Russian Local Business Association, Association of Sino-Russian Technical Universities, the Sino-Russia Transportation and Communications University Alliance, the Sino-Russian Television Arts Cooperation Alliance, and the China-Russia Middle School Alliance. However, due to the lack of long-term and in-depth work, some of them are superficial, which leads to the fact that they do not play a real role as a bridge and bond in their respective fields, and it is difficult to realize resource sharing and win-win cooperation in the culture and humanities field between the two countries. Taking the field of education as an example, the governments of both China and Russia strongly support the exchanges and cooperation in the field of education between the two countries, and have issued relevant policy support. However, for Chinese students, the most popular destinations for studying abroad are still some European and American countries. Similarly, for Russian students, the most popular destinations for studying abroad are still Britain, Germany and the United States, with China temporarily ranking fourth, according to the results of a poll conducted by the all Russian Social Opinion Research Center. Taking the film and television industry as an example, in recent years, with the promotion of the cultural departments of China and Russia, the two countries have carried out a series of cooperation in the film and television industry, including hosting film festivals, co-producing films and television dramas, and television channels. Restricted by market and social factors, the influence of Chinese and Russian film and television works on each other is still very limited. The cultural cognition of the two countries only stays on a few specific materialized symbols, such as vodka, Chinese herbal medicine, dolls, calligraphy, and so on. At the same time, by analyzing the trade structures of China and Russia in recent years, we can clearly understand the cultural and humanities relations between China and Russia, that is, the economic and trade cooperation between China and Russia is mainly based on goods trade, and cultural trade accounts for a very low proportion.

3. Projects find difficulty in driving the industry, and the support for brands and talents are lacking. There are many major projects led by the governments of China and Russia in the field of Sino-Russian cultural and humanities cooperation, among which there are a series of "Theme Year" activities with the most profound effects. In addition, there are also all types of cultural festivals, art festivals, theme forums, and so forth. However, due to the insufficient social and private participation, these major projects failed to form their brand effects and then transformed into cultural industries and cultural trade in the field of cultural and humanities cooperation between the two countries in response to market requirements. The author believes that this is also closely related to the lack of relevant talents. To actively promote the Sino-Russian cultural and humanities cooperation, a large number of compound talents who "understand Russian + have a general national conditions + specialize in certain fields" are required to promote and implement each specific project. Under the current talent training model, colleges and universities develop mostly single-skills talents either do not understand Russian, lack national culture and knowledge, or lack industry background. It is difficult for existing talents to meet the actual needs of Sino-Russian cultural and humanities cooperation for complex talents. At the same time, the lack of ontological thinking is also a prominent problem in the field of cultural and humanities exchanges between China and Russia. Each participating entity should jump out of the stereotypes of cultural and humanities cooperation in serving national strategies and bilateral economic and trade cooperation, re-examine Sino-Russia cultural and humanities cooperation from the height of civilization exchanges and mutual learning, understand the real cultural needs of the people of the two countries, encourage more types of entities to participate, adopt market-oriented operation ways, and develop cultural products that are oriented to the mainstream and close to the people and form brands, so that both peoples can form an objective and complete understanding of each other's culture, and truly achieve the "mutual affinity of both peoples".

4. COUNTERMEASURES AND SUGGESTIONS ON BUILDING A NEW TYPE OF SINO-RUSSIAN CULTURAL AND HUMANITIES RELATIONS IN THE NEW ERA

"The goal of Sino-Russian cultural and humanities exchanges is to pass on generations of friendship, consolidate people-to-people friendly exchanges, and promote mutual learning among civilizations." Exchanges promote cooperation, and the cultural and humanities relations between China and Russia should be based on pragmatic cooperation. Although there are huge cultural differences between China and Russia, the advanced and core parts of the two cultures have obvious advantages and strong complementarity. Therefore, the cooperation potential of the two countries in the field of humanities is huge. The undeveloped and unused reserves of cultural and humanities cooperation between the two countries are tremendous, so we must create conditions to activate these reserves and promote the stable and long-term development of Sino-Russia cultural and humanities relations.

1. We should be pragmatic and set up the ontology of humanistic relations. Humanity is a cultural phenomenon in human society. It is the advanced and core part of human culture. It is also an objective existence. Therefore, cultural and humanities relations should be given the same ontology status as political and economic relations, and should be studied in depth, not only as a means or way to achieve political or economic purposes. The essence of relations is cooperation. From this perspective, the construction of cultural and humanities relations between countries, like the construction of political relations and economic relations, is inseparable from all-round, multi-level and wide-ranging practical cooperation.

Due to the great cultural differences between China and Russia, it is easy to "cause the confrontation and separation in the identity of both sides" [5], which has led to the problems of "relatively weak grass-roots foundation, and the actual effect of cooperation needs to be improved" in the field of cultural and humanities cooperation between the two countries. To promote the construction of a new type of cultural and humanities relations between China

and Russia, we must establish the ontology of cultural and humanities relations and promote the pragmatic development of Sino-Russia cultural and humanities relations from the perspective of civilization exchange and mutual learning. We should change "official dominance" into "official guidance", transform policies into markets, and attract more and more subjects to actively participate in Sino-Russia cultural and humanities cooperation, so as to truly realize the cultural and humanities exchanges and mutual learning of different civilizations between the two countries.

2. We should complete and improve the mechanisms and platforms of Sino-Russia humanities cooperation. China and Russia have relatively sound mechanisms for cultural and humanities exchanges and cooperation, both at the government level and at the non-governmental level. However, there are corresponding problems at the two levels, that is, the government level is too dominant and the non-governmental level is insufficient. In the new era, in order to ensure the healthy and vigorous development of the cultural and humanities relations between China and Russia, it is necessary to further improve the cooperation mechanisms at different levels in the field of cultural and humanities exchanges between the two countries. A healthy bilateral human development mechanism should be that the governments are responsible for overall planning and guidance, the society extensively participates, and the mechanism is operated in a market-oriented way. At the same time, it should also form a coordinated development trend across regions, departments and industries.

At present, the physical facility platforms in the field of Sino-Russian cultural and humanities cooperation mainly include the China Cultural Center in Moscow and the Russian Cultural Center in Beijing, the Sino-Russian Cultural Collection, and some relatively small-scale non-governmental cooperation platforms. It is necessary to make full use of these physical platforms, to organize various activities on the theme of Sino-Russian cultural and humanities exchanges, including forums, exhibitions, trade fairs, and art festivals, to provide public service information and make these facilities platforms function normally and in a standardized manner.

3. The Sino-Russian cultural and humanities exchanges should be "people-oriented" and foster a good foundation of public opinion. To conduct international cultural and humanities exchanges and cooperation, we must be people-oriented. In line with the principle of not only being close to the life of the audience, but also bringing spiritual satisfaction and enjoyment to the audience, both countries present the unique charms of its own culture to each other, cultivate a good foundation of public opinion, and promote the exchange and mutual learning of different civilizations. In recent years, thanks to the close high-level exchanges between China and Russia, the dialogue and exchanges between the two countries in the fields of culture, education, sports, medical treatment, tourism, arts and other fields are deepening. However, there are still a large number of undeveloped and unused reserves for cultural and humanities cooperation between the two countries. The successful activation of these reserves can enable the cultural and humanities relations between China and Russia to achieve a qualitative leap.

To carry out cultural and humanities cooperation in various fields, China and Russia must deeply explore the psychological and cultural characteristics, hobbies, ways of thinking and acceptance habits of the audiences of both countries, and use the communication methods and means that the people of the two countries are willing to accept to truly and objectively present their cultures to each other. We should take practical and effective ways to guide public opinion with the help of traditional media and online public opinion channels. To disseminate the current situation of culture and humanities, social situation and public opinion of the two countries in depth to the people of China and Russia, publicize the fruitful achievements in the field of people-to-people cultural and humanities cooperation between the two countries, eliminate doubts and confusion about issues of concern and interest to the people of the two countries, and enhance the attraction of the cultures to each other's people.

4. We should build cultural and humanities cooperation brands and develop cultural trade between the two countries. Cultural brands are an important means to enhance the national cultural soft power. The creation of the Sino-Russian Cultural and Humanities Cooperation brand is of great significance for further promoting Sino-Russian cultural and humanities exchanges and enhancing the national soft power. We can leverage the Belt and Road Initiative platform to build the Sino-Russian Cultural and Humanities Cooperation brand and enhance the mutual recognition and acceptance of Sino-Russian cultural products. China and Russia are both big cultural countries with unique traditional cultures. We should encourage the Chinese Language, traditional Chinese medicine, martial arts, food, festival folk customs and other intangible cultural heritage to go abroad, and encourage the Russian language, Russian music, mythology, architecture, literature and other forms of Russian culture and arts to come in, so as to form a number of cultural and humanities cooperation brands with domestic characteristics and international influence. We can constantly enrich the connotation of the cultural and humanities relations between the two countries by holding various activities oriented to the mainstream and close to the people's life, so that these cultural brands can become a window for the people of the two countries to understand each other.

It is necessary to develop cultural trade between China and Russia in order to strengthen the cultural and humanities cooperation between China and Russia and promote cultural and humanities exchanges between the two countries. "Cultural trade is the main way of cultural communication and exchange between countries". The government can encourage and support relevant cultural enterprises to enter the Russian market and introduce Chinese culture to the Russian people by formulating comprehensive policies, establishing a Sino-Russian cultural trade service system, and unblocking the China-Russia trade channels. At the same time, we should also encourage and support relevant cultural enterprises to introduce the Russian culture to the Chinese people by introducing excellent Russian cultural works.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

5. CONCLUSION

In the new era, the cultural and humanities cooperation between China and Russia should be aimed at realizing the "people-to-people communication" between the two countries. Under the guidance of high-level demonstration and policy guarantee of the two countries, we should fully explore the potential of cultural and humanities cooperation in all fields and at all levels, especially the potential of cultural and humanities cooperation, carry out high-level practical cooperation, and promote the stability and long-term development of Sino-Russia cultural and humanities relations.

REFERENCES

1. *Liu Limin*. Sino-Russian humanities cooperation and exchanges under the framework of the "Belt and Road". *Russian in China*. 2015. No. 3. Pp. 1–4.
2. *Wu Sai*, *Zhang Jianhua*. Sino-Russian humanistic cooperation mechanism under the framework of the belt and road: characteristics, problems and countermeasures. *Journal of Beijing Institute of Education*. 2019. No. 5. Pp. 36–42.
3. *Gao Yi*. Challenges and reflections on the transformation and development of Sino-Russian humanities exchanges under the background of the "Belt and Road". *Interntional Communications*. 2017. No. 7. Pp. 33–35.
4. *Yang Lei*. The Role of people-to-people exchanges in building China-Russia partnership. *Journal of Northeast Asia Studies*. 2019. No. 4. Pp. 71–82.
5. *Zhang Shuhua*, *Zhao Weitao*. The "Belt and Road" promotes China and Russia to deepen comprehensive strategic cooperation. *Research on Financial and Economic Issues*. 2018. No. 10. Pp. 13–16.
6. *Liu Shuhua*, *Song Yonghua*. Sino-Russian higher education cooperation in the context of "Belt and Road": Problems and countermeasures. *Journal of Higher Education*. 2019. No.4. Pp. 96–103.
7. *Sheng Haiyan*. Prospects for Sino-Russian regional cooperation in the context of the "Belt and Road". *Modern Communication*. 2019. No. 14. Pp. 37–39.
8. *Li Jingyu*, *Xu Hua*. Coordination of the co-development strategy of the border area between China and Russia. *Northeast Asia Forum*. 2010. No. 6. Pp. 15–26.
9. *Luo Huijun*, *Dai Weiwei*. The motivations, risks and prospects of cooperation between China and Russia under the "Belt and Road". *Journal of Central South University*: *Social Science*. 2018. No. 1. Pp. 120–126.
10. *Polozhevich R.S*. Humanitarian cooperation of the Russian Federation with the People's Republic of China at the present stage. *Public Administration*. 2017. No. 63. Pp. 147–170. (In Russ.)
11. *Tsvyk G.I.* Russia-China humanitarian cooperation within the framework of the SCO. *Vestnik RUDN*. *Series*: *International Relations.* 2018. Vol. 18. No. 2. Pp. 415–428.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020, принята к публикации 22.06.2020
The article was received on 12.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

ABOUT THE AUTHOR

Ren Yanyan, lecturer, Shanghai University of Political Science and Law, National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation. Shanghai, China. ORCID: 0000-0003-0953-7560. E-mail: renyanyan@shupl.edu.cn

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ren Yanyan, преподаватель, Шанхайский политико-юридический университет, Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай). Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0003-0953-7560. E-mail: renyanyan@shupl.edu.cn

09.00.11

Социальная философия

Social Philosophy

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-194-198

Об этнических особенностях русского мышления

Ж.В. Андриевская ©

Южный Федеральный Университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: bambinoboom@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специфически русский тип мышления со свойственным ему этническим русским типом рациональности; целью статьи при этом является обнаружение их характерных особенностей. Выявляется, что русское мышление не сводится к выполнению банальных логических операций на уровне рассудочной деятельности «здравого смысла»; указывается, для него характерно легкое пренебрежение рассудочностью, прагматичностью, «здравым смыслом», в нем присутствую некоторые сверх-рациональные элементы, которые не сводятся ни к собственно рациональным, ни к когнитивным вообще, и являются основанием таких феноменов, как, например, «широта русской души» – признаков, которые неспецифичны для носителей ***Западной*** рациональности; отсюда обнаруживается существование русского типа рациональности, который не сводится ни к ***Западным***, ни к ***Восточным*** типам рациональности. Тем самым цель данной статьи – показать несводимость фундаментальных специфик русского мышления – прежде всего, ценностных – к ***Восточным*** и ***Западным*** спецификам мышления – достигается через рассмотрение этих ценностных установок, и прежде всего – к установке на отказ на сведение разумной деятельность к рассудочной, – русский человек «думает сердцем», а не рассудком, и, тем самым, русское (российское) культурное пространство формирует особый тип рациональности, причем ***негибридный*** в координатах «Запад-Восток», не являющийся своего рода синтезом установок ***Западных*** и ***Восточных*** типов рациональности, а представляющий собой некоторый независимый, имманентный, автономный, самобытный, тип рациональности, который прошел через тысячелетия своей исторической кристаллизации, от древних языческих культов до своего современного – постсоветского состояния.

Ключевые слова: культура, ценности, русское мышление, русский этнос, типы рациональности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Андриевская Ж.В. Об этнических особенностях русского мышления // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 194–198. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-194-198

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-194-198

About ethnic features of Russian thinking

Zh.V. Andrievskaya ©

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: bambinoboom@mail.ru

Abstract. This article discusses a specifically ***Russian*** type of thinking with its specific ethnic ***Russian*** type of rationality; the purpose of the article is to detect their characteristic features. It is revealed, that ***Russian*** thinking is not reduced to performing banal logical operations at the level of rational activity of "common sense"; it is indicated that it is characterized by a slight neglect of rationality, pragmatism, "common sense", it contains some super-rational elements, that can not reduced to either rational or cognitive in general, and are the basis of such phenomena as, for example, "breadth of the Russian soul" – signs that are nonspecific for carriers of ***Western*** rationality; this reveals the existence of the ***Russian*** type of rationality, which cannot be reduced to either ***Western*** or ***Eastern*** types

of rationality. Thus, the purpose of this article – to discuss the irreducibility of the fundamental specifics of ***Russian*** thinking – first of all, value – to ***the Eastern*** and ***Western*** specifics of thinking – is achieved through consideration of these value attitudes, and above all, to the installation of refusal to reduce rational activity to rational, – ***Russian*** people "Thinks with the heart", and not with reason, and, thus, the ***Russian*** cultural space forms a special type of rationality, moreover, it is not hybrid in the "***West-East***" coordinates, which is not a kind of an interest in the attitudes of ***Western*** and ***Eastern*** types of rationality, but representing a certain independent, immanent, autonomous, original, type of rationality that passed through a thousand years of its historical crystallization, from ancient pagan cults to its modern – post-Soviet state.

Keywords: culture, values, Russian thinking, Russian ethnos, types of rationality

FOR CITATION: Andrievskaya Zh.V. About ethnic features of Russian thinking. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 194–198. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-194-198

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Тема этнических особенностей мышления, и русского мышления в частности, является сложнейшей темой социально-философского и методологического круга. При том, что «русские "национальные особенности" таят в себе огромные скрытые силы, как конструктивные, так и разрушительные» [4: 44], природа специфики русского мышления сохраняет свою минимальную изученность до настоящего времени. Такие свойства русского мышления, как, например, кардиоцентризм (см.: [5; 8]), панэтизм (см.: [2]) и экстремальность (стремление к крайностям – «все или ничего»), в своем системном единстве до настоящего времени не становились предметом специального исследования. На неудовлетворительном уровне остаются исследования ценностной (аксиологической) детерминации особенностей (или же специфик) русского мышления, природы русской ментальности и менталитета, общественного сознания, национальной психологии русского народа, русского «культурного кода» и символических программ, которые упорядочивают русское мышление в его существе. При этом же проблематику русского мышления нельзя назвать исторически новой. «Она восходит к проблеме определения *исторического феномена русской культуры*, ее архитектоники, особенностей ее культурных практик» [3: 12–13], что крайне рельефно проявляется в продолжении дискуссий, сопровождающих всю отечественную мысль на самых различных исторических этапах ее существования, например, в споре между славянофилами и западниками (см.: [7]), в исторической и современной идеологии евразийцев и проблематики сходных течений. Однако названная проблематика не относится к категории второстепенных или малозначимых. Напротив, от раскрытия этой проблематики зависит решение вопросов самоидентификации и самоистолкования русского человека и русского мышления, вопросов самопознания русского мышления, вопросов и тайн «русской души». Ярко артикулированное вопрошание в этом смысле характерно для философов «Серебряного века, которые произвели процедуру критического переосмысления и рецепции предшествующего исторического опыта русской культуры» [3: 13], способах само-истолкования и само-понимания русского мышления.

РУССКАЯ «ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ»

Так, например, известно, что «в России очень сильна иерархическая система» [4: 45], особенно, что касается вопросов «укрепления вертикали власти»; очень часто эта особенность рассматривается и оценивается негативно, как некоторый исторический «пережиток» или же ментальный «рудимент» архаического типа. Стремление к жестким системам с жесткими механизмами управления (нередко непосредственно «ручного»), вместе с тем, обусловлено Православной религией, в которой государство рассматривается с традиционно-патриархальных позиций, где лидер нации наделяется статусом наместника. Практически никто не сомневается в том, что религиозная составляющая культуры – один из важнейших факторов развития любой национальной ментальности, но при этом «мало кто признает, что крестьянское сознание в странах юго-восточной Европы и России сохранилось из-за византийского наследия» [Там же: 41]; это «крестьянское» сознание нередко получает крайне негативную оценку в трудах либерально-ориентированных мыслителей.

Однако квалифицировать стремление к жесткой власти таким образом, и, уж тем более, именовать эту специфику «крестьянской» представляет недопустимым и неприемлемым. Эта специфика – отнюдь не архаизм, не «рудимент» и не «атавизм»; она (как это упоминают и сами либералы) восходит к Византийскому наследию в русской культуре; при этом именно Византийское мировоззрение видит во власти главу Дома-государства, власть понимается в традиционном смысле. Так, описывая облик средневековой жизни во всех деталях общественной и частной жизни, «"Домострой" освещает нравственный аспект духовного, мирского и домашнего устроения, где в понятие Дома входит и государство, и город, и имение, и семья. Христианская мораль прилагается ко всем бытовым практикам жизни и культурным особенностям социума» [3: 115]. Глава Дома-государства при этом рассматривается как начальствующая сила, ведущая за собой вперед остальных членов семьи – при этом тема и мотив отношений между паствой и поводырем равным образом носит Библейское происхождение, восходя к Ветхозаветному образу *Моисея*, ведущего после Исхода народ из Египта навстречу свободной жизни вне плена (заточения): образ сильной власти в России подвергается сакрализации.

РУССКИЙ КАРДИОЦЕНТРИЗМ

Беря далее, например, кардиоцентризм, нельзя не указать, что «благая природа и высшая красота есть благое сердце. Сердце благое есть то же, что приснотекущий источник, источающий чистые мысли» [8: 115]. Говоря о ценностях самобытного русского человека, нельзя не затронуть такую фундаментальную для него ценность, как *сердечность*. Так, *Барышков В.П.* пишет следующее: «это чувство истины, непререкаемое и не поддающееся опровержению. есть не что иное, как вера, которая тоже имеет своим источником "сердце". Притязания разума имеют свою границу, и не только в бесконечности мира или его частей» [1: 30]. Русским «думает сердцем», а не рассудком – давно известное положение. При этом именно сердечность оказывается критерием выборов, которые принимает на своем жизненном пути русский человек, более того, сердечность оказывается и важнейшей гносеологической категорией – при выборе той или иной теории избирается та, что ближе сердцу, а не рассудку. Показательно, что сердечность синкретически объединяет и эстетический смысл – прекрасное, красивое «близко» сердцу, в отличие от безобразного, которое не лежит «к сердцу»; и именно сердце оказывает средоточием нравственной жизни человека, сердце является инстанцией, отправляющей нравственно-этические начала жизни русского человека. Именно кардиоцентризм (от греч. καρδιά, лат. cor, corde – сердце) оказывается фундаментальной конституирующей основой для всей аксиологии и гносеологии русского сознания и мышления. «Одной из основных идей русской философии было осмысление рационального познания в его органическом единстве с внерациональными формами освоения мира» [Там же: 14]: русские философы вскрыли и наличие внерациональных основ рационального мышления, эти основы можно назвать даже экстра-рациональными; в их контексте разум оказывается лишь частью системы, единство которой обеспечивается за счет активности сердца, которое сводит воедино общее совокупное видение ситуации, и выступает регулятором и координатором активности сознания и мышления; понятно при этом, что русский человек никогда не принимал узко-познавательных установок в философии; он всегда был устремлен к целости, цельности и целостности.

РУССКИЙ ПАНЭТИЗМ

Панэтизм как фундаментальная константа и доминанта русского мышления проходит «красной нитью» через всю историю его становления и развития. Так, напр., вычленяя соответствующее содержание, в Священном Писании всех христиан – Новом Завете, нетрудно увидеть, что «смысл его, начиная с Нагорной проповеди Христа и кончая апостольскими посланиями учеников, заключается в стремлении свести все проблемы бытия к морально-этическому их осмыслению. Эта тенденция панэтизма пронизывает все средневековое мировоззрение, принципиально отличает его от языческого натуралистического сознания» [2: 273] (с последним допустимо не согласиться – русский панэтизм имеет явное выражение уже в языческом периоде становления русского мышления).

Для мышления русского человека этический аспект оказывается уже никогда неотчуждаемым от любого и всякого практического «действия»; всякое «действие» для русского человека – не «голая» и не «формальная» операция или процедура, оно всегда есть этически окрашенный поступок, и в этом отношении неистребимая черта русского мышления – этико-оценочная. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что этический компонент – доминанта средневекового мышления, сформированная как компенсация суровой действительности, – был экстраполирован на Мироздание, и совершенно на «все явления окружающей реальности, создавая своеобразную систему христианского панэтизма. Идея преступления и наказания пронизывала христианское самосознание, равно как идея послушания и воздаяния» [Там же: 274]; это свойство «средневекового мировоззрения» характерно для всего русского мышления вообще, и этот «прибавочный» этико-оценочный аспект уже никогда не подвергнется элиминации из свойств «загадочной русской души». При этом панэтизм, – установка на тотальное господство нравственно-этического начала в мышлении человека, – свойственен не только средневековому мировоззрению, а есть универсальная специфика русского мышления на все времена, и характерен для русского мышления уже на «языческой» стадии его формирования, что находит свое отражение в фольклоре, пословицах, поговорках, строе и устройстве русского языка, – со стремлением последнего к имманентным этическим оценочным смыслам.

«ШИРОТА РУССКОЙ ДУШИ»

«Словосочетание *широта русской души* стало почти клишированным, но смысл в него может вкладываться самый разный. Прежде всего, *широта* – это само по себе название некоторой душевного качества, приписываемого русскому национальному характеру и родственного таким качествам, как хлебосольство и щедрость» [9: 357]; эти качества – хлебосольство и щедрость – уже как бы издали намекают на то, что русский редко думает рассудком, хотя у него до откровенной безрассудности дело редко доходит (хотя и такое встречается – причем как в практике повседневности, так и в некоторых выдающихся событиях). Сама по себе «широта» русского мышления и русской души не являются отвержением рассудка, напротив – на то они и превосходят рассудок, возвышаются над ним, поскольку прекрасно знают, что такое рассудок (как говорил *Терри Пратчетт*, только твердо стоящий на земле человек способен строить прочные воздушные замки). В этом смысле можно с полной уверенностью утверждать, что русское мышление превосходит рассудочность (в кантовском смысле «рассудочность», в смысле фактора, выполняющего элементарные логические операции и дальнейшей основы для «здравого смысла»), а не отрицает ее: если человек Западного типа подчиняет разум рассудку, ищет пути и способы получить выгоду, то русский человек подчиняет разум сердцу: русский, то есть «*широкий* человек – это человек, любящий *широкие* жесты, действующий с размахом и, может быть, даже живущий на *широкую* ногу… Это щедрый и великодушный человек, не склонный *мелочиться*, готовый простить другим

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

людям их мелкие проступки и прегрешения, не стремящийся "заработать", оказывая услугу» [9: 357]. Рассудок русским человеком тем самым не отрицается, а потому и расширяется, поскольку он знает себя изнутри самого себя – на то она и «*широта*», что этот *сверх-рациональный элемент русского мышления – это никогда не «абсурд», не безумие, а некоторый род сверх-разумных оснований поведения и деятельности* – не только сверх-рассудочный, но и сверх-разумный. Именно поэтому в *России* не приживается культура чопорной экономии финансов, русский человек не склонен «считать копейки», хотя отношение к деньгам – и даже денежкам – у него сохраняется вполне себе разумное.

При этом, в принципе справедливо, что «щедрость и хлебосольство иногда могут даже переходить в нерасчетливость и расточительность» [Там же], но, – опять же, – эта нерасчетливость, зная сама себя изнутри себя, точно также превосходит себя, но не через отрицание или отбрасывание, но, скорее, через само-преодоление.

Далее, «существенно, что в системе этических оценок, свойственных русской языковой картине мира, *широта* в таком понимании – в целом положительное качество. Напротив того, *мелочность* безусловно осуждается, и сочетание *мелочный человек* звучит как приговор» [Там же]. При этом «мелочность» – это не только и не столько вопрос «финансового» отношения, сколько *этического*: так, «мелочный» человек – это человек мелких обид, завистливый, ущербный, мстительный, душевно и нравственно малодушный; русское мышление радикально, в зародыше, отвергает все эти душевно-нравственные элементы; возможно, именно поэтому *капитализм* с его «деловыми» подходами не приживается в *России* – он попросту не интересен русскому человеку с характерным для последнего пренебрежением к рассудочной калькуляции процентов, сведением дебета и кредита и т.д.

Вероятно, именно эта аксиологическая доминанта («широта души») и стояла за активным распространением в *России* социалистических и коммунистических идей – ведь, в самом деле, именно социалистические и коммунистические типы устройства социума позволяют добиваться *свободы от* экономии, от характерного высчитывания средств к существованию и пр. – финансовый фактор отходит на задний план, закрывая, так сказать, нужду к чопорной калькуляции и высчитыванию (что, в принципе, может быть расценено как нерасчетливость и расточительность, однако являющиеся скорее вторичными, производными явлениями).

В этом смысле принято цитировать *Толстого* [9: 358]: «Коль любить, так без рассудку // Коль грозить, так не на шутку // Коль ругнуть, так сгоряча // Коль рубнуть, так уж с плеча! // Коли спорить, так уж смело // Коль карать, так уж за дело // Коль простить, так всей душой // Коли пир, так пир горой!»; эти поистине золотые строки как нельзя лучше характеризуют народные особенности русского мышления и русского поведения, русский характер и «*широту*» русской души.

ВЫВОДЫ

Тем самым становится понятным, что русское мышление – т.е. мышление, сформированное в русской культуре – глубоко самобытно и самостийно, независимо ни от Западных, ни от Восточных типов мышления; оно ассимилирует последние, но не сводится (не редуцируется) ни к одному из них. Более того, допустимо указать, что существует специфически русский тип рациональности, который явно отличен и от Западного типа рациональности, и от Восточного. Например, такая ценностная установка, как русское Всеединство, отнюдь не характерна ни для Западного, ни для Восточного типа рациональности; в своем формировании она уходит в глубины веков, и является спецификой исключительно русского мышления. Иной пример – русская устремленность к цельности – точно так же несводима к иным типам рациональности. В этой связи возможно сформулировать следующие выводы:

1) мышление русского человека глубоко самобытно и самостийно, оно порождено синтезом древних языческих и православных традиций; при этом для специфически русского мышления характерна некоторая «алогичность», особенно ввиду того, что русский человек «думает сердцем», и его мышление не сводится к выполнению банальных логический операций; в русском мышлении свойственно легкое пренебрежение к рассудочной деятельности и тяга к иррациональности;
2) такие аксиологические константы и доминанты, как иерархичность, экстремальность, кардиоцентризм, панэтизм, всеединство, цельность, характерны исключительно для специфически русского мышления; русский человек мыслит себя в контексте Дома, который понимается и как собственно дом, и как страна, и как Вселенная; для специфически русского мышления характерно перманентное Домостроительство как придание цельности всему вокруг;
3) существует специфически русский тип рациональности как основание русского мышления; он не сводится ни к Западным, ни к Восточным типам рациональности, и представляет собой особый, уникальный культурный феномен, который еще очень далек от своей изученности; исследование феномена русской рациональности позволит пролить свет на природу рациональности вообще, которая не сводится ни к логичности, ни к прагматичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев такие этнические особенности русского мышления, как стремление к жесткой власти с явно выраженной вертикалью, кардиоцентризм, панэтизм и «душевная широта», можно с полной уверенностью утверждать, что русская (российская) цивилизация породила уникальный типа рациональности, преодолевающей *Западное* подчинение разума рассудку, но сохраняющей саму эту разумность (в отличие от *Восточных* типов рациональности, стремящегося через иррациональные практики эту разумность растворить). Именно *Россия* породила этот уникальный тип рациональности, который не сводится ни к *Западному* образу с его культом разума, ни к *Восточному*, с его пренебрежением к разуму – в самом деле, ведь именно русский человек как никто понимает инструментальный характер разума, и подчиняет этот последний своим витальным потребностям, а не разум рассудку с его стремлением к «слепому» и «голому» обогащению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барышков В.П.* Аксиология личностного бытия / под ред. В.Б. Устьянцева. М.: Логос, 2005.
2. *Громов М.Н.* Панэтизм древнерусской мысли и культуры // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 6. С. 272–289.
3. *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: ООО Изд-во «Согласие», 2017. 624 с.
4. *Кончаловский А.С.* Русское мышление и мировой цивилизационный процесс // Полис. Политические исследования. 2010. № 5. С. 38–47.
5. *Лебеденко А.А.* Философия сердца Григория Сковороды: концепция цельности человека и мира // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. Т. 2. М., 2009. С. 240–253.
6. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.
7. *Рябий М.М.* Об одной из причин разногласий западников и славянофилов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 293–299.
8. *Сковорода Г.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1973.
9. *Шмелёв А.Д.* «Широта русской души». В кн.: Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357–359.

REFERENCES

1. *Baryshkov V.P.* Axiology of personal being. M.: Logos, 2005.
2. *Gromov M.N.* Panethism of ancient Russian thinking and culture. *Paleorossia. Ancient Russia*: In *Time*, in *Persons*, in *Ideas*. 2016. Iss. 6. Pp. 272–289. (In Russ.)
3. *Jukova O.A.* Philosophy of Russian culture. Metaphysical perspective of a human and history. Moscow: Consent, 2017. 624 p.
4. *Conchalovsky A.S.* Russian thinking and civilization process in world. *Polis. Political Researches*. 2010. No. 5. Pp. 38–47. (In Russ.)
5. *Lebedenko A.A.* Philosophy of heart of Grigori Skovoroda: conception of unity of human and world. *Proceedings of the Joint Scientific Center for Space Thinking Problems*. 2009. Vol. 2. Pp. 240–253. (In Russ.)
6. Mental programs and models of social behavior in Russian society: Monograph. Rostov o/D.: Fond of Science and Education, 2016. 392 p.
7. *Ryabiy M.M.* About on of cause of disagreement between Westerners and Slavophiles. *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University.* 2009. No. 5. Pp. 293–299. (In Russ.)
8. *Skovoroda G.S.* Works: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1973.
9. *Shmelev A.D.* "The breadth of the Russian soul". In: Logical language analysis. Space languages. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. Pp. 357–359.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020, принята к публикации 23.06.2020
The article was received on 15.05.2020, accepted for publication 23.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андриевская Жанна Викторовна, кандидат психологических наук; доцент Южного Федерального Университета. Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: bambinoboom@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zhanna V. Andrievskaya, Cand. Sci. (Philos.); associate professor, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: bambinoboom@mail.ru

12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Civil law; Business law; Family law; Private international law

12.00.10 Международное право; Европейское право

International law; European law

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-199-209

Нормы международного права в сфере приложения результатов научных исследований в области биотехнологий (на примере терапевтического и репродуктивного клонирования и редактирования генома человека) и их патентная охрана

М.А. Ахмадова ©

Главное контрольное управление города Москвы,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: 4ernijkvadrat95@gmail.com

Аннотация. Статья нацелена на освещение ряда вопросов в сфере правового регулирования инновационных медицинских технологий, основанных на вмешательстве в геном человека и клонировании (терапевтическом и репродуктивном) в контексте положений международного права (конвенций, деклараций, двусторонних соглашений). В этом формате автором рассмотрены некоторые международные акты, создавшие правовую парадигму регулирования научных исследований в исследуемой области, определяющие границы допустимости внедрения обозначенных достижений современной науки в клиническую медицину, которые призваны выступить эффективным инструментом в борьбе с тяжелыми наследственными заболеваниями и др., что потенциально предопределяет их востребованность. В фокусе авторского внимания находится вопрос о патентоспособности указанных биотехнологий. Актуальность такого исследования обусловлена кругом рассматриваемых вопросов, поскольку в условиях отсутствия должного нормативно-правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений отечественная высокотехнологичная медицина вынуждена будет заниматься «догоняющим» развитием. При исследовании использовались такие методы научного познания, как: общенаучный диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Одновременно автор исходит из субъективно-объективной заданности процессов и явлений, и их взаимосвязанности. Так, автор исследует положения, как нормативных актов, так и актов «мягкого права», подчеркивая особенности правовой природы и тех, и других. В этом формате автором формулируется вывод о том, что система международных принципов и стандартов, сформированная рассмотренными актами и документами, не содержит явно выраженного дозволения осуществлять научные исследования в рассматриваемой области биотехнологий с последующей коммерциализацией результатов, которые могут быть запатентованы в качестве изобретений, что приводит к необходимости создания национального правового фундамента современными государствами, желающими продвигаться в этой области, обязательного для исполнения, вследствие чего правовая карта мира приобретает достаточно мозаичный характер, когда инновационные биотехнологии получат распространение в странах

с лояльным для научных исследований законодательством, являющихся, по сути, «научными офшорами». Теоретическая и практическая значимость полученных результатов определяется тем, что российским читателям будет предоставлена современная научная информация о состоянии международного права в исследуемой сфере, что в практическом плане будет способствовать осознанию достаточности (или недостаточности) существующего международно-правового механизма регулирования сферы биотехнологии, в том числе с позиции патентно-правовой охраны ряда «прорывных» биотехнологий прикладного характера, а также позволит установить уровень гармонизации нормативных подходов стран БРИКС с положениями исследованных международных актах.

Ключевые слова: мягкое право, геномные исследования, принципы регулирования, патент, биотехнологии, международный договор, БРИКС, 3D-биопринтинг, терапевтическое клонирование, репродуктивное клонирование

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №.18-29-15030 мк.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ахмадова М.А. Нормы международного права в сфере приложения результатов научных исследований в области биотехнологий (на примере терапевтического и репродуктивного клонирования и редактирования генома человека) и их патентная охрана // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 199–209. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-199-209

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-199-209

Rules of international law regarding application of the results of scientific researches in the field of biotechnology (on the example of therapeutic and reproductive cloning and human gene editing) and their patent protection

M.A. Akhmadova ©

Main Control Department of the city of Moscow,
Moscow, Russian Federation

E-mail: 4ernijkvadrat95@gmail.com

Abstract. The article is aimed at highlighting a number of issues in the field of legal regulation of innovative medical technologies based on interference in the human genome and cloning (therapeutic and reproductive) in the context of international law (conventions, declarations, bilateral agreements). In this format, the author examined some international acts that created the legal paradigm for regulating scientific research in the field of study, determining the limits of the admissibility of the implementation of the indicated achievements of modern science in clinical medicine, which are designed to be an effective tool in the fight against severe hereditary diseases, etc., which potentially predetermines their demand. The focus of the author's attention is on the patentability of these biotechnologies. The relevance of such a study is due to the range of issues addressed, since in the absence of proper regulatory regulation of the studied sphere of public relations, domestic high-tech medicine will be forced to engage in "catch-up" development. In the study, such methods of scientific knowledge were used as general scientific dialectics, formal logic and comparative legal methods. At the same time, the author proceeds from both subjective and objective presetting of processes and phenomena, and their interconnection. The novelty of the study is determined by its purpose, subject and range of sources considered. Thus, the author explores the provisions of both normative acts and documents (acts of so-called "soft law"), emphasizing the peculiarities of their legal nature. In this format, the author comes the conclusion that the system of international principles and standards, formed by the considered acts and documents, does not contain explicit permission to carry out scientific research in the biotechnology field with the subsequent commercialization of its results, which can be patented as inventions, that leads to the need to create national legal frameworks by modern states wishing to advance in this field that will result in a mosaic legal map of the world. Where innovative biotechnologies will be spread in the countries – "scientific offshores" providing loyal to these kinds of scientific researches legislation. The theoretical and practical significance of the results is determined by the fact that Russian readers will be provided with up-to-date scientific information on the state of international law in the field under study, which in practical terms will contribute to the awareness of the sufficiency (or insufficiency) of the developed international legal mechanism for regulating the sphere of biotechnology, including positions of patent and legal protection of a number of "breakthrough" biotechnologies of applied nature, and will also help to establish the unification level of domestic legislation with the approaches laid down in the studied international acts and documents.

Keywords: soft law, genomic research, regulatory principles, patent, biotechnology, international treaty, BRICS, 3D – bioprinting, therapeutic cloning, reproductive cloning

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-29-15030 mk.

FOR CITATION: Akhmadova M.A. Rules of international law regarding application of the results of scientific researches in the field of biotechnology (on the example of therapeutic and reproductive cloning and human gene editing) and their patent protection. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 199–209. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-199-209

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день некоторые прорывные достижения в области биотехнологий переходят от стадии фундаментальных исследований к клиническим испытаниям и потому требуют адекватного нормативно-правового регулирования, поскольку инновационные технологии в медицине наравне с очевидными преимуществами, как правило, несут в себе и риск возникновения и разрушительных для всей человеческой популяции последствий. В связи с этим, справедливо отмечена [1] возможность сведения на нет плодов прогрессивного развития самим фактом попыток изменения человеческой сущности в результате исследовательских манипуляций генетиков и медиков.

Так, например, открытие технологии CRISP/Cas9, которая, по мнению некоторых специалистов, стала флагманом биотехнологической революции [25], сделало возможным лечение генетически обусловленных заболеваний посредством редактирования генома соматических клеток человека в условиях in *vitro* [3]. На сегодняшний день государства (напр., в России – ст. 4 Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»[1]) допускают внесение в генетический аппарат человека исключительно *ненаследуемых* изменений, в то время как последние достижения в этой области детерминируют уже постановку вопроса о допустимости *наследуемых* модификаций генома, т.е. редактирования генома эмбриона [8] (напр., российский молекулярный биолог Денис Ребриков при получении разрешения от Минздрава готов попытаться отредактировать эмбрион ребенка родителей с наследственной глухотой[2]).

Использование технологии CRISP/Cas9 вызывает определенные опасения у ученых, которые признавая ее значимость, выделяют условно две группы этических проблем, связанных с проведением процедур геноредактирования эмбриона. Первая группа включает в себя проблемы технического характера, обусловленные несовершенством новой и потому малоизученной технологии, когда в ходе эксперимента специалист по ошибке или случайности может разрезать ДНК не там, где нужно, что способно привести к непредсказуемым мутациям. Вторая группа этических проблем связана с мутациями, в том числе наследуемыми, которыми может быть наделен ребенок с отредактированным геномом [20].

Следует также отметить, что продукты биотехнологии, способные изменить всю парадигму современного лечебно-диагностического процесса разрабатываются научными коллективами из различных стран одновременно, а некоторыми из их числа проводятся весьма неоднозначные эксперименты и клинические исследования по апробации новых технологий. Кроме того, правовая карта мира, регулирующая обозначенную область правоотношений, имеет мозаичный характер, поскольку запрет, установленный в одном государстве, может быть легко преодолен в юрисдикции другого. Все это указывает на необходимость создания пласта международно-правовых актов, призванных регламентировать отношения в сфере биомедицины в целом, посредством определения для всего мирового научного сообщества границ дозволенного, где главным постулатом должно стать соблюдение баланса потенциальных выгод и риска причинения непреднамеренного вреда [23].

В этом формате *цель настоящей статьи* состоит в том, чтобы изучить международно-правовые акты и документы (так называемые акты «мягкого права»), в той или иной степени регулирующие вопросы, связанные с применением технологий терапевтического клонирования, геномного редактирования и биопринтинга в практической медицине с позиции установления возможности распространения патентно-правового режима на поименованные инновационные медицинские технологии.

С точки зрения *подходов* к достижению поставленной цели мы исходим из взгляда на предмет исследования с позиции значимости новых медицинских технологий для всего человечества, требующих унифицированного подхода к их правовому регулированию на уровне международных конвенций при соблюдении баланса потенциальных выгод и рисков научно-технического прогресса.

Новизна настоящего исследования в этом формате определяется его целью, предметом и кругом рассматриваемых источников.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов определяется тем, что российским читателям будет предоставлена современная научная информация о состоянии международно-правовой базы по существу рассматриваемых вопросов, результатов порождаемых их положениями дискуссий (этических, правовых), что в практическом плане будет

[1] Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ от 19 апреля 2010 г. № 16. Ст. 1815.

[2] Будем править? В России разразился спор о праве вмешиваться в геном эмбрионов человека. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/6944763 (дата обращения: 27.05.2020).

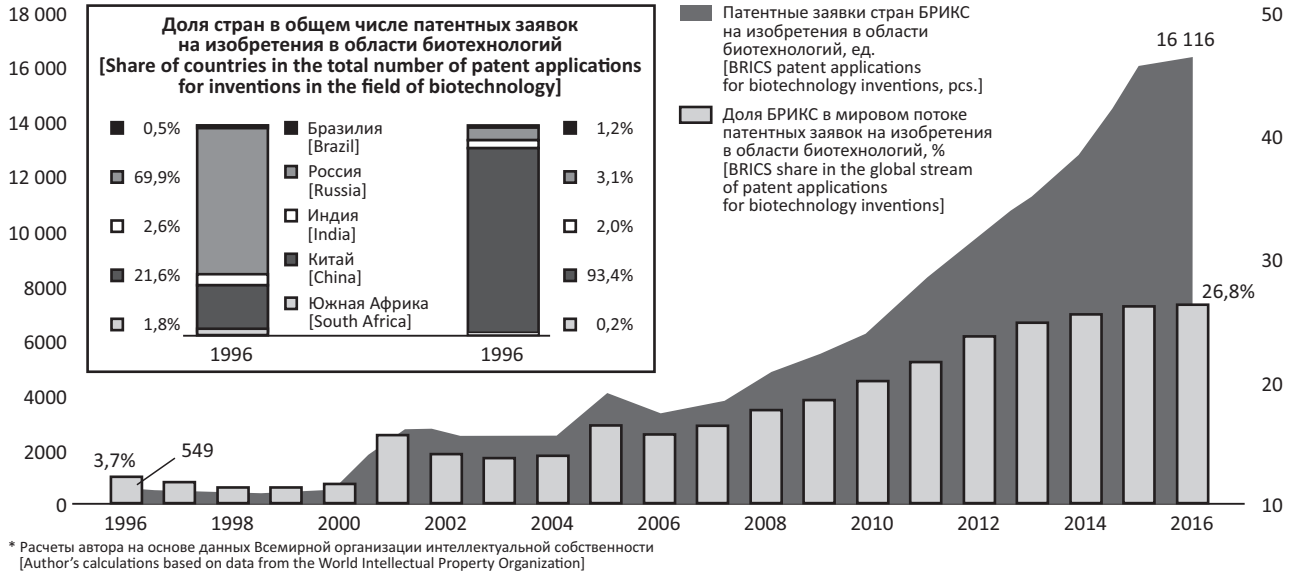

Рис. 1. Патентная активность БРИКС в области биотехнологий.
Источник: Стрельцова Е. Гонка биотехнологий.
URL: http://bricsmagazine.com/ru/articles/gonka-biotehnologiy (дата обращения: 27.05.2020)
[BRICS patent activity in the field of biotechnology. *Source*: Streltsova E. Biotechnology Race.
URL: http://bricsmagazine.com/en/articles/gonka-biotehnologiy (date of access: 05/27/2020)]

способствовать осознанию, во-первых, полноты (неполноты) положений рассматриваемых источников, во-вторых, уровня и степени развитости в контексте установок международного права национального законодательства стран БРИКС.

ДИСКУССИЯ

О патентной активности стран БРИКС в сфере биотехнологий

Для начала отметим, что стабильный экономический рост стран БРИКС не представляется возможным в отрыве от пропорционального роста их вклада в мировой запас знаний и потому в последние годы на полях ежегодных саммитов особое внимание уделяется вопросам развития диалога между странами-партнерами в сфере науки, технологий и инноваций, где одним из приоритетных направлений выступает область биотехнологий. Приверженность стран БРИКС идее развития многосторонней кооперации по ряду стратегических научных направлений, в том числе, и в области медицины и биотехнологий (ст. 3), нашла отражение в Меморандуме о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами стран БРИКС 2015 г.[3], который был принят по итогам встречи представителей министерств науки, технологии и инновации. Положения поименованного меморандума находят детализацию в ежегодных декларациях, принимаемых по итогам встречи руководителей профильных министерств в области науки и инноваций стран БРИКС (напр., Кампинская декларация министров науки, технологий и инноваций 2019 г. [21]), а также в Рабочем плане БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций на 2019–2022 гг.[4]

В свою очередь, страны БРИКС (за исключением Китая) по числу патентуемых изобретений на мировом рынке биотехнологий имеют скромные достижения (рис. 1). По мнению отечественных специалистов, причиной этому служат ограниченные возможности стран БРИКС, обусловленные субъектным составом ключевых игроков на национальных биотехнологических рынках, которые представлены, главным образом, государственными учреждениями (научно-исследовательские институты, университеты и пр.)[5].

О практической значимости возможности патентования биотехнологий

Патентоспособность биотехнологий в качестве изобретений является основным драйвером развития этой отрасли, поскольку научные исследования и последующая коммерциализация полученных результатов требуют больших финансовых вложений. Так, благодаря широкому объему предоставляемой патентной охраны в 1980-х гг. США и Япония смогли стать мировыми лидерами в химической и биологической отраслях промышленности [24].

В научной доктрине отмечаются различные позиции по вопросу о возможности патентования технологий терапевтического клонирования, геномного

[3] Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительством Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики, принятый по итогам встречи представителей министерств науки, технологии и инновации БРИКС (Бразилия, г. Бразилиа, 18 марта 2015 г.). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print =1&nd=102369530&rdk=0&&empire= (дата обращения: 13.06.2020).

[4] Мероприятия в рамках сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций. URL: http://mniop.ru/1578.html (дата обращения: 12.06.2020).

[5] *Стрельцова Е.* Гонка биотехнологий. URL: http://bricsmagazine.com/ru/articles/gonka-biotehnologiy (дата обращения: 27.05.2020).

редактирования и биопринтинга и потому исследование в этом русле имеет актуальный характер [6; 11].

Сторонники лишения патентоспособности таких объектов указывают на необходимость ограничения монополии со стороны ведущих биотехнологических компаний в мире, поскольку свободная конкуренция между научными коллективами и лабораториями, работающими над одинаковыми научными вопросами, должна послужить серьезным стимулом для таких исследований. Как результат это отразится на стоимости и качестве создаваемых «продуктов», что сделает инновационные технологии диагностики и лечения различных заболеваний более доступными для населения [13]. В свою очередь, антагонисты такого подхода главным образом апеллируют к потере привлекательности финансирования подобных научных исследований для частных инвесторов, что может повлечь негативные последствия для науки в целом.

При этом подходы, избираемые законодателем для регулирования обозначенной области правоотношений, равно как и правоприменительная практика находятся под сильным влиянием изменчивых тенденций, обусловленных, в первую очередь, перманентным развитием научного прогресса в данной области. Справедливость этого тезиса можно легко проиллюстрировать на примере знакового судебного дела в США по иску «Association for Molecular Pathology vs Myriad Genetics»[6], по которому Верховным судом США было вынесено решение, противоречащее принятому до этого порядку выдачи патентов по результатам исследования человеческих генов.

О знаковом судебном деле «Association for Molecular Pathology vs. Myriad Genetics»

Открыв последовательность вызывающих рак генов и запатентовав эти результаты, компания «Myriad Genetics» стала владельцем исключительного права по изолированию и исследованию генов BRCA1 и BRCA2, что дало ей возможность создать специальные методы по обнаружению мутаций в этих генах у конкретных людей [4].

В связи с таким ходом событий Ассоциация молекулярной патологии подала иск о признании недействительности выданных патентов на основании раздела 101 «America Invents Act 2013», поскольку созданные природой фрагменты ДНК не могут быть запатентованы на том основании, что они выделены из человеческого организма. Верховный Суд США признал требования истца обоснованными, отметив, что открытие гена не соответствует критериям патентоспособности изобретения. Следовательно, другие лаборатории свободно могут изучать открытые комбинации ДНК человека, не опасаясь судебного преследования со стороны патентообладателей, что в перспективе может снизить стоимость диагностики и лечения. При этом судья Джон Солк (Jonas Salk) в рамках упомянутого судебного дела заявил, что открытие последовательности генов BRCA1 и BRCA2 не может быть запатентовано, равно, как нельзя этого было сделать в отношении вакцины от полиомиелита, поскольку оно принадлежало всему человечеству.

Признавая справедливость такого подхода, на наш взгляд, необходимо отметить и негативные последствия практики по ограничению патентной охраны в области биотехнологии, выражающиеся в потере интереса частных инвесторов финансировать подобного рода научные исследования, что, безусловно, будет тормозить научный прогресс. Эти опасения разделяют и представители научных кругов. Так, например, известный правовед Р. Нотта еще в конце прошлого столетия отмечал, что отрицание возможности запатентовать метод, нацеленный на излечение значительной части наследственных болезней, недальновидно [24]. Как развитие технологии, так и ее ограничение могут затруднить распространение знаний и прогресс в терапии многих болезней, поэтому в решении Верховного суда США говорится о допустимости патентования кДНК, как такой, которую нельзя встретить в природе, тогда как сегмент ДНК – это объект природы, который не может быть запатентован.

Об особенности системы международно-правовых источников в сфере биотехнологий

Прежде чем перейти к непосредственному изучению международных актов, призванных регламентировать отношения в исследуемой области, следует отметить, что в числе таковых преобладают акты мягкого права (soft law). Такая ситуация сложилась, во-первых, из-за специфики сферы их применения, находящейся в стадии своего становления, а, во-вторых, любым общественным отношениям, приобретающим трансграничный характер, свойственно получать политический окрас.

В этой связи одним из основных (но не единственным) инструментов международно-правового регулирования сферы биотехнологий выступают акты «мягкого права», которые не ограничивают суверенитет государств и представляют собой правила поведения, которые а) создаются в одностороннем порядке б) международной организацией (иными субъектами МП) в) в виде политической договоренности и потому г) юридически необязательны [19]. В нашем случае это декларации. Другие акты – это конвенции.

О Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 1997) (далее – Конвенция Овьедо)[7]

Конвенция Овьедо на сегодняшний день является единственным и уникальным в силу обязательности ее положений для присоединившихся стран международным договором, регламентирующим применение

[6] Association for Molecular Pathology vs Myriad Genetics. URL: https://www.oyez.org/cases/2012/12-398 (дата обращения: 20.05.2020).

[7] Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.) // Московский журнал международного права. Июль – сентябрь 1999. № 35. URL: https://base.garant.ru/2562155/ (дата обращения: 26.06.2020).

новых генетических и биологических технологий в отношении человека, которая разработана под эгидой Совета Европы. Несмотря на продолжительность существования поименованного документа, не все государства-члены Совета Европа, в том числе и Россия, подписали и ратифицировали Конвенцию Овьедо, равно как и дополнительные протоколы к ней по вопросам трансплантации органов и тканей человека[8], генетического тестирования в медицинских целях[9], клонирования человека[10] и биомедицинских исследований[11], которые призваны конкретизировать конвенцию применительно к разным отраслям знания и практики.

Такое положение свидетельствует об отсутствии консенсуса между странами на глобальном и региональном уровнях относительно правил, установленных данной конвенцией, когда одни страны придерживаются по существу исследуемых вопросов консервативной позиции, а другие испытывают опасения по поводу возможного ограничения конвенцией стратегически важных в современных условиях научных исследований [5].

Страны БРИКС не являются участниками Конвенции Овьедо, однако она заслуживает нашего внимания, поскольку принципы, лежащие в ее основе, служат ориентиром для глобальных норм и устремлений.

В целом, такой подход нашел отражение и в одном из определений Конституционного Суда РФ, касающемся вопросов российского законодательства о трансплантологии, где суд отметил, что не присоединение к Конвенции Овьедо не исключает возможности учета и использования его положений при формировании отечественного законодательства в соответствующей области общественных отношений[12].

Конвенция Овьедо и дополнительные протоколы к ней формулируют ряд чрезвычайно важных принципов, направленных на охрану основных прав и свобод личности от злоупотреблений, связанных с использованием достижений биомедицины, которые непосредственно касаются предмета исследования и потому заслуживают нашего пристального внимания.

Так, во-первых, запрещение клонирования человека установлено в Дополнительном протоколе к Конвенции Овьедо (12.01.1998) и имеет абсолютный характер. Под клонированием ст. 1 протокола понимает создание существа генетически идентичного другому (живому или умершему) существу, имеющему тождественный набор генов ядра клетки. Во-вторых, в этом международном акте не ограничивается клонирование в терапевтических целях, производимое различными способами: разделением зиготы, соматическими (неполовыми) клетками, пересаживанием ядра соматической клетки в лишенную ядра яйцеклетку донора [16]. Терапевтическое клонирование в итоге направлено на получение стволовых клеток, способных к трансформации и развитию в разные ткани организма человека [1]. Модификация генома человека признана допустимой в целях терапии, профилактики или диагностики при условии, что это изменение не наследуется (ст. 13 Конвенции Овьедо). То есть, установлен запрет вмешательства в период эмбриональной стадии развития человека [8].

Регулирование вопроса о проведении исследований на эмбрионах в условиях in *vitro*, при условии, что создание эмбрионов человека в исследовательских целях строго запрещается, авторами конвенции целенаправленно выводится из сферы действия международного акта. В свою очередь, если государство разрешает такие исследования, то на законодательном уровне обязательно должна быть предусмотрена адекватная защита эмбрионов (ст. 18).

Стоит также отметить некоторые принципы, отраженные в данной конвенции, которые, хоть и имеют к рассматриваемому направлению опосредованное отношение, представляются базовыми при осуществлении любых генетических исследований и генной терапии, а именно:

- допустимость осуществления тестов, позволяющих спрогнозировать наличие или предрасположенность к одному из генетических заболеваний, только по медицинским показаниям или в научных целях (ст. 12) во избежание реализации возможных провокаций и злоупотреблений работодателями и страховыми компаниями;
- недопустимость применения специфических технологий, используемых медициной для деторождения, с намерением выбрать или изменить пол будущего ребенка, кроме ситуаций, в которых этот выбор обусловлен стремлением избежать тяжелой наследственной болезни, связанной с полом будущего ребенка (ст. 14), в противном случае в структуре населения страны может возникнуть гендерная диспропорция [2; 22].

И, наконец, в-третьих, технология биопринтинга в Конвенции Овьедо вовсе не упоминается. Представляется, что такое положение вещей обусловлено спецификой этой сферы биотехнологии, которая находится еще в стадии своего становления. При этом следует согласиться с мнением Д.С. Ксенофонтовой, которая отметила возможность экстраполяции на сферу создания и использования биопринтных органов принципов об изъятии органов и (или) тканей человека, закрепленных в рассматриваемой конвенции.

---

[8] Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения ETS № 186 (Страсбург, 24 января 2002 г.). URL: https://base.garant.ru/4084830/ (дата обращения: 26.06.2020).

[9] Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине касающийся генетического тестирования в медицинских целях (ETS № 186) (Страсбург, 27 ноября 2008 г.). URL: http://docs.cntd.ru/document/901909729 (дата обращения: 26.06.2020). См. подробнее, напр.: *Алтынник Н.А.*, *Комарова В.В.*, *Бородина М.А.* и др. Международно-правовое регулирование предимплантационной генетической диагностики (ПГД) и тенденции развития российского законодательства в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Lex russica (Русский закон). 2019. № 6 (151). С. 9–17.

[10] К Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ ((ETS № 168)) (Париж, 12 января 1998 г.). URL: http://docs.cntd.ru/document/901947041 (дата обращения: 26.06.2020).

[11] Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно биомедицинских исследований от 25 января 2005 г. (ETS № 195) (Стрсбург, 25 января 2005 г.). URL: https://base.garant.ru/70514952/ (дата обращения: 26.06.2020).

[12] Определение КС РФ от 10.02.2016 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав ст. 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс».

В этом смысле предполагаются такие указанные в конвенции принципы, как:

1) исключительность, допускающая изъятие органов у живых доноров только при их отсутствии от умерших доноров и при невозможности осуществления иных способов лечения (ст. 19);
2) недопустимость изъятия органов или тканей у живых доноров при отсутствии их согласия, выраженных явно и конкретно (ст. 19, 20);
3) недопустимость торговли человеческим телом и его частями для получения денежной выгоды (ст. 21) и др. [9].

При этом, по мнению автора этого подхода, в случаях использования для напечатания органа клеточного материала самого реципиента обращение к перечисленным принципам не столь актуально, поскольку потенциальные риски сводятся к минимуму, однако обратная ситуация складывается при использовании клеток третьего лица (донора), когда риски совершения биопреступлений чрезвычайно высоки.

Размышления Д.С. Ксенофонтовой по вопросу регламентирования отношений, связанных с применением 3D-биопринтинга, в контексте Конвенции Овьедо представляются справедливыми. Вместе с тем, на наш взгляд, стремительное развитие медицинских технологий в этой области детерминируют необходимость более детального освещения этого вопроса, посредством разработки специальных принципов в форме дополнительного протокола к поименованной конвенции.

Вопрос патентоспособности медицинских технологий, которые находятся в фокусе авторского внимания, не находит отражения ни в тексте конвенции, ни в положениях дополнительных протоколов к ней. По этой причине нам, как цивилистам, которым присуще мыслить в русле действия общеправового принципа «не запрещенное законом дозволено», представляется возможным патентование технологий биопринтинга, геномного редактирования и терапевтического клонирования при условии соблюдения требований и ограничений, закрепленных в Конвенции Овьедо.

Об актах мягкого права в сфере биотехнологий

Далее рассмотрим основные акты «мягкого права» в рассматриваемой области, которые в своем большинстве разработаны под эгидой ЮНЕСКО, как специализированного учреждения ООН, призванного организовывать на универсальном уровне предметное сотрудничество между странами по вопросам биоэтики и биомедицины. Так, на международном уровне регламентирование исследуемых правоотношений основывается на следующих документах (декларациях):

- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 г.[13];
- Декларация ООН о клонировании человека 2005 г.[14];
- Международная декларация ЮНЕСКО о генетических данных человека 2003 г.[15];
- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и о правах человека 1997 г.[16] (далее – Декларация 1997 г.), в которой гарантии соблюдения прав и свобод человека достаточно хорошо сбалансированы со свободой проведения научных изысканий, направленных на обеспечение здоровья отдельных личностей и популяции в целом. В ст. 1 сформулирована концепция, согласно которой геном человека является общим наследием человечества, и по аналогии, например, с ядерными технологиями и ресурсами, находится в совместном владении и не принадлежат ни одному государству [12]. Юридическая доктрина концепцию общего наследия человечества рассматривает как этическое обеспечение справедливости между разными поколениями людей [28].

Такой подход к регулированию объекта исследования, на наш взгляд, представляется оправданным и обоснованным, поскольку «природа человеческого генома была определена коллективно на протяжении многих столетий через поколения человеческой эволюции» [26], по этой причине процесс формирования генома носит объективный характер, а значит, является наследием всего мирового сообщества и не может принадлежать отдельному государству.

В Декларации 1997 г. нашли отражение главные составляющие концепции общего наследия человечества, которые основываются на совместном извлечении преференций от использования генома посредством создания международной системы управления, основанной на самостоятельных действиях государств по осуществлению данной декларации «всеми возможными средствами» (раздел G). Вместе с тем положения Декларации 1997 г. носят достаточно общий характер, и поэтому не представляется возможным получить более конкретные представления об этих преференциях.

Следует также отметить, что вопросы, связанные с допустимостью распространения на геном патентно-правового режима, хоть и не были разработчиками декларации противопоставлены концепции общего наследия человечества, были «выведены за пределы» самого международного акта. При этом ст. 4 Декларации 1997 г. закрепляет положение, согласно которому геном человека в его естественном состоянии не должен служить источником извлечения доходов.

Одновременно комментарии к этой декларации относят человеческий геном в его естественном состоянии к открытию, а не изобретению. Сочетание отсутствия легальных определений термина «геном человека» и понятия его «естественного состояния» приводит к признанию возможности пребывания «генома человека» в ином состоянии (напр., комплементарная ДНК или кДНК), что создает сложности для правоприменительной практики, в частности по решению вопроса о патентоспособности генома [10; 14].

В конце прошлого столетия стараниями ученых появился первый клонированный организм – овечка Долли. После чего международное сообщество столкнулось с необходимостью урегулирования отношений в этой области путем принятия специального нормативного акта с целью установления для научных исследований

[13] Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Декларация ООН о клонировании человека от 8 марта 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Международная декларация ЮНЕСКО о генетических данных человека от 16 октября 2003 г. // СПС «Гарант».

[16] Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и о правах человека от 11 декабря 1997 г. // СПС «Гарант».

запретов и обозначения пределов дозволенного. На глобальном уровне впервые Декларация 1997 г. установила запрет на репродуктивное клонирование человека, как практики, которая противоречит человеческому достоинству (ст. 11).

В свою очередь после долгих обсуждений 8 марта 2005 г. наконец состоялось принятие специального международного документа по этому вопросу в виде Декларации ООН о клонировании человека[17] (далее – Декларация о клонировании).

В юридической доктрине поименованную декларацию называют «беззубой», поскольку ожидалось, что документ будет содержать ряд обязательных запретов на клонирование человека, в том числе запрет не только на репродуктивное, но и на терапевтическое клонирование. Такой проект декларации по инициативе США был подготовлен несколькими государствами и представлен рабочей группе, однако он не был поддержан другими участниками. В итоговом проекте декларации осуждающие клонирование акценты были заметно смягчены, например, в преамбуле только указывается на озабоченность по поводу этических последствий применения некоторых достижений биологических наук для всего человечества [18].

Таким образом, в Декларации о клонировании нет заявления о необходимости разработать международную конвенцию о запрете клонирования, в ней основные положения отведены к компетенции государств, которые для обеспечения реализации Декларации должны способствовать принятию и соблюдению в своих юрисдикциях национальных законов.

Обозначенные выше акты и документы международного права, по сути, образуют единую систему принципов и стандартов, отличаясь широтой охвата некоторых аспектов регулируемых отношений. В числе таких принципов, которыми должны руководствоваться государства при выработке своих законодательных актов и политики в этой области, следует отметить следующие:

- уважение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод (ст. 1, 2 декларации 1997 г.; ст. 1, 3 декларации 2003 г.; ст. 3 декларации 2005 г., п. «c» декларации о клонировании 2005 г.);
- предварительная оценка потенциальных опасностей и преимуществ (ст. 5 декларации 1997 г.; ст. 15 декларации 2003 г.; ст. 4 и 20 декларации 2005 г.);
- правомерность целей научных исследований (разделы C, D декларации 1997 г.; ст. 5 декларации 2003 г.; ст. 7, 18, 19 декларации 2005 г.);
- предварительное, свободное и ясно выраженное согласие заинтересованного лица (ст. 5 декларации 1997 г.; ст. 8–9 декларации 2003 г.; ст. 6 декларации 2005 г.);
- недискриминация (ст. 6 декларации 1997 г.; ст. 7 декларации 2003 г.; ст. 11 декларации 2005 г.);
- конфиденциальность (ст. 7 декларации 1997 г.; ст. 14 декларации 2003 г.; ст. 9 декларации 2005 г.);
- обеспечение всеобщего доступа к достижениям науки и международного сотрудничества (ст. 12 декларации 1997 г.; ст. 18, 19 декларации 2003 г.; ст. 15, 21, 24 декларации 2005 г.);
- запрет на репродуктивное клонирование (ст. 11 декларация 1997 г.; п. «b» декларации о клонировании 2005 г.) [7].

Все обозначенные международные акты предусматривают свободу проведения научных исследований применительно к разным биотехнологиям, которые имеют прикладной характер и направлены на уменьшение страданий конкретных людей и улучшение состояния здоровья всего человечества. Безусловно, такие инновационные медицинские технологии как терапевтическое клонирование, геномное редактирование и технологии напечатания органов с помощью 3D-принтера, способные создать лекарства, предназначенные для индивидуального излечения, или «напечатать» не отторгаемый из-за генетической идентичности пересаженный орган – все это способствует решению большинства медицинских проблем, например, вызванных наследственными заболеваниями.

О двусторонних межправительственных соглашениях по вопросу научно-технического сотрудничества между странами БРИКС

Международная нормативно-правовая база, регламентирующая различные аспекты предмета нашего исследования, включает в себя также ряд двусторонних межправительственных соглашений о научно-техническом сотрудничестве, заключенных Россией со всеми странами-участниками БРИКС.

На основании проведенного нами детального анализа содержания этих двусторонних соглашений и дополнительных протоколов было установлено, что во всех них содержатся положения, закрепляющие принцип необходимости обеспечения надлежащей правовой охраны, как предшествующей, так и создаваемой в рамках реализации совместных научно-исследовательских проектов интеллектуальной собственности (напр., ст. 3 Межправительственного протокола об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Россией и Индией[18]; ст. 4 Межправительственного протокола о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Россией и Китаем[19] и пр.). Защита результатов интеллектуальной собственности подразумевает под собой, в том числе, получение охранных документов в порядке, установленном национальным законодательством страны, где совместный проект был непосредственно реализован, посредством обращения

[17] Декларации ООН о клонировании человека от 8 марта 2005 г. URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения: 07.06.2020).

[18] Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии об охране и использовании прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о научно-техническом сотрудничестве от 30 июня 1994 г. (Подписан в г. Нью-Дели 04.12.2002) // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. (Подписан в г. Москве 25.02.1999) // СПС «КонсультантПлюс».

в национальное патентное ведомство. В некоторых поименованных соглашениях освящен вопрос определения очередности подачи патентных заявок (напр., ст. 8 Межправительственного протокола о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность к Соглашению между Россией и Китаем и др.).

ВЫВОДЫ

Установлено, что система международных принципов и стандартов, сформированная рассмотренными актами мягкого права не содержит явно выраженного дозволения осуществлять научные исследования в сфере биотехнологий с последующей коммерциализацией результатов, за исключением установления запрета на осуществление репродуктивного клонирования, соответственно, и патентование таких технологий не представляется возможным, что, конечно, сдерживает инвестиции и научный прогресс.

Показано, что рассмотренные международные акты, содержат призыв к государствам обеспечить реализацию положений деклараций в рамках национального законодательства, вследствие чего правовая карта мира приобретает мозаичный характер, поскольку государства, встающие на путь развития биомедицинских исследований, вынуждены создавать правовой фундамент в условиях отсутствия универсального обязательного для исполнения международного договора, а инновационные технологии распространяются именно в странах с лояльным для научных исследований законодательством, при этом страны, которые сразу выступили за запрет исследований в области генной модификации и др. вынуждены снимать установленные запреты. Это отчасти видно на примере группы ученых из Великобритании в 2016 г., которая впервые получила разрешение на проведение исследований в сфере редактирования генома эмбриона человека методом CRISPR/Cas9 после того, как в 2015 г. китайскими учеными были опубликованы результаты успешных исследований в этой области [15; 17].

Исходя из этого продемонстрировано, что России, как и другим странам БРИКС, требуется, с одной стороны, постепенно модернизировать национальное законодательство с целью восполнения пробелов по освещенным в настоящем исследовании проблемам, с другой – прорабатывать вопрос о возможности заключения многостороннего международного договора (или сначала декларации) по вопросам патентования инновационных технологий в указанных области биомедицины, ведь частный бизнес, выступающий одним из источников финансирования такого рода проектов, не склонен делать вложения в долгосрочные проекты с высокой степенью риска, пока не получит правовые гарантии надежной защиты своих разработок от их использования конкурентами путем получения охранных документов. Иначе страны БРИКС рискуют оказаться технологическими аутсайдерами, а граждане этих стран будут вынуждены в обозримом будущем заниматься медицинским туризмом с его известными отрицательными последствиями.

Вместе с тем выявлено, что повышенную сложность в решении вопроса по созданию универсальных международно-правовых регуляторов в сфере биотехнологий, представляет, главным образом, этическая составляющая исследуемого вопроса, когда, с одной стороны, необходимо поддержать научный прогресс, а, с другой – обеспечить права человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хочется отметить, что на сегодня трудно переоценить значение подобных научных исследований, которые объективно могут изменить всю парадигму современного лечебно-диагностического процесса. Основное, к чему нужно стремиться, это сбалансированность и взвешенный подход на основе анализа степени защиты прав индивида, человека, чтобы человек не превращался в средство для целей других (биотехнологических корпораций, каких-либо групп граждан и пр.) и развития научного прогресса, исследований и распространения научного знания ради безопасности, которой, как и защите прав частных лиц, необходимо отдавать приоритет и повышенное внимание. Именно отсутствие на данный момент такого баланса – главная причина того, что тяжело и неповоротливо разрабатываются и принимаются международные акты, которые призваны создать определенный нормативный каркас, на основе которого должно развиваться национальное законодательство во всех государствах. А международные организации, как и общества большинства развитых стран, в правовом регулировании такого этически неоднозначного вопроса занимают «выжидательную» позицию, что представляется недопустимым, поскольку бесконтрольный научный прогресс в исследуемой области может обернуться против всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимирская Е.Б.* Биологические основы и перспективы терапии стволовыми клетками / Е.Б. Владимирская, О.А. Майорова, С.А. Румянцев. М.: Медицина и здоровье. 2007. С. 153 (392 с.).
2. *Выдрин И.В.*, *Ефременкова Д.А.*, *Слюсаренко Т.В.* Пробелы правового регулирования применения медицинских генетических технологий в Российской Федерации как фактор нарушения конституционного права на охрану здоровья // Современное право. 2017. № 12. С. 27–33.
3. *Горяев А.А.*, *Савкина М.В.*, *Мефед К.М.* и др. Редактирование генома и биомедицинские клеточные продукты: современное состояние, безопасность и эффективность // БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2018. Т. 18. № 3. С. 140–149.

REFERENCES

1. *Vladimirskaya E.B.* Biological fundamentals and prospects of stem cell therapy. Eds.: E.B. Vladimirskaya, O.A. Mayorova, S.A. Rumyantsev. Moscow: Medicine and Health, 2007. P. 153 (392 p.). (In Russ.)
2. *Vydrin I.V.*, *Efremenkova D.A.*, *Slyusarenko T.V.* Gaps in the legal regulation of the use of medical genetic technologies in the Russian Federation as a factor of violation of the constitutional right to health protection. *Modern Law*. 2017. No. 12. Pp. 27–33. (In Russ.)
3. *Goryaev A.A.*, *Savkina M.V.*, *Mefed K.M.* et al. Genome editing and biomedical cell products: current status, safety and effectiveness. *Biologics*. *Prevention*, *Diagnosis*, *Treatment*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 140–149. (In Russ.)

4. *Иншакова А.О.* и др. Правовая защита биотехнологий в РФ: преимущества патентования и критерии патентоспособности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруд. 2015. № 3 (28). С. 26–34.
5. *Калиниченко П.А.*, *Косилкин С.В.* Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 108–118. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.108-118.
6. *Калиниченко П.А.* Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 30–36. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036.
7. *Косилкин С.В.* Рекомендации международных организаций (акты «мягкого права») и законодательство Российской Федерации в сфере правового регулирования геномных исследований: общий тренд, разные подходы / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова // Право и современные технологии в медицине. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 128–133.
8. *Ксенофонтова Д.С.* Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 143–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.143-152.
9. *Ксенофонтова Д.С.* Правовые проблемы создания и использования биопринтных человеческих органов // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9. С. 109–118. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.109-118.
10. *Левощенко В.С.* Новый аспект в международной защите прав человека: этика и биомедицина // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2000. № 2. С. 135–142.
11. *Мохов А.А.*, *Бутнару Д.В.*, *Яворский А.Н.* Редактирование генома эмбриона человека: правовой аспект // Образование и право. 2019. № 1. С. 227–234.
12. *Орлов А.С.* Концепция общего наследия человечества и ее влияние на развитие международного права // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2017. Т. 27. Вып. 6. С. 99–106.
13. *Пестрикова А.А.* Новые аспекты правовой защиты генома человека // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 6-2 (11). С. 129–131.
14. Право и современные технологии в медицине / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 154–160.
15. *Прибытков К.* ВОЗ сформировала экспертный комитет для оценки последствий изменения генов человека // ТАСС. 2019. 15 февраля. URL: https://tass.ru/obschestvo/6119748 (дата обращения: 07.06.2020).
16. *Рашидханова Д.К.* О правовом регулировании отношений клонирования генома человека // Медицинское право. 2007. № 1. С. 5–10.
17. *Ребриков Д.В.* Редактирование генома человека // Вестник РГМУ. 2016. № 3. С. 10.
18. *Романовский Г.Б.* Международное право и клонирование // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2014. № 1 (5). С. 1–16. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovsky_gb_14_1_06.pdf (дата обращения: 07.06.2020).
19. *Халафян М.Н.* Влияние «мягкого права» на международную правовую систему // Международное право. 2012. № 2 (48). С. 36–43.
20. *Юдин Б.Г.* Редактирование человека // Человек. 2016. № 3. С. 7–8.
21. Campinas Declaration7th BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministerial Meeting,Campinas, Brazil. September 20, 2019. URL: http://www.brics.utoronto.ca/docs/190920-sti.html (date accessed: 12.06.2020).
22. Explanatory Report to the Convention for the protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. URL: https://rm.coe.int/16800ccde5 (date accessed: 22.05.2020).
23. *João V.* Cordeiro. Ethical and legal challenges of personalized medicine: Paradigmatic examples of research, prevention, diagnosis and treatment. Revista Portuguesa de Saúde Pública. July–December 2014. Vol. 32, Is. 2. Pp. 164–180.

4. *Inshakova A.O.* et al. Legal protection of biotechnologies in the Russian Federation: advantages of patenting and patentability criteria. *Tomsk State University Journal*; *Volgogr. State University. Ser. 5: Law*. 2015. No. 3 (28). Pp. 26–34. (In Russ.)
5. *Kalinichenko P.A.*, *Kosilkin S.V.* Genomic research: Standards of the council of Europe and legal regulation in Russia. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin* (*MSAL*). 2019. No. 4. Pp. 108–118. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.108-118. (In Russ.)
6. *Kalinichenko P.A.* Development of judicial practice in cases in the field of human genomics: world experience and Russia. *Lex Russica* (*Russian Law*). 2019. No. 6. Pp. 30–36. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036. (In Russ.)
7. *Kosilkin S.V.* Recommendations of international organizations (acts of "soft law") and legislation of the Russian Federation in the field of legal regulation of genomic research: General trend, different approaches. *Law and Modern Technologies in Medicine*. Eds.: A.A. Mokhov, O.V. Sushkova. Moscow: RG-Press, 2019. Pp. 128–133. (In Russ.)
8. *Ksenofontova D.S.* Legal bases of gene therapy: In search of a balance of interests. *Lex Russica* (*Russian Law*). 2019. No. 6. Pp. 143–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.143-152. (In Russ.)
9. *Ksenofontova D.S.* Legal problems of the creation and use of bioprint human organs. *Lex Russica* (*Russian Law*). 2019. No. 9. Pp. 109–118. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.109-118. (In Russ.)
10. *Levoshchenko V.S.* A new aspect in the international protection of human rights: ethics and biomedicine. *Vestnik RUDN. Ser.: Jurisprudence*. 2000. No. 2. Pp. 135–142. (In Russ.)
11. *Mokhov A.A.*, *Butnaru D.V.*, *Yavorsky A.N.* Editing the human embryo genome: Legal aspect. *Education and Law*. 2019. No. 1. Pp. 227–234. (In Russ.)
12. *Orlov A.S.* The concept of the common heritage of mankind and its impact on the development of international law. *Bulletin of the Udmurt University. Ser.: Economics and Law*. 2017. Vol. 27. No. 6. Pp. 99–106. (In Russ.)
13. *Pestrikova A.A.* New aspects of the legal protection of the human genome. *National Association of Scientists*. 2015. No. 6-2 (11). Pp. 129–131. (In Russ.)
14. Law and modern technology in medicine. Eds. by A.A. Mokhov, O.V. Sushkova. Moscow: RG-Press, 2019. Pp. 154–160.
15. *Pribytkov K.* WHO formed an expert committee to assess the effects of changes in human genes. *TASS*. February 15, 2019. URL: https://tass.ru/obschestvo/6119748 (date accessed: 06.07.2020).
16. *Rashidkhanova D.K.* On the legal regulation of the relations of the cloning of the human genome. *Medical Law*. 2007. No. 1. P. 5–10. (In Russ.)
17. *Rebrikov D.* Editing the human genome. *Herald of the RSMU*. 2016. No. 3. P. 10. (In Russ.)
18. *Romanovsky G.B.* International law and cloning. *Electronic Scientific Journal* "*Science. Society. The State*". 2014. No. 1 (5). Pp. 1–16. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovsky_gb_14_1_06.pdf (date accessed: 07.06.2020).
19. *Khalafyan M.N.* The influence of "soft law" on the international legal system. *International Law*. 2012. No. 2 (48). Pp. 36–43. (In Russ.)
20. *Yudin B.G.* Editing a person. *Man*. 2016. No. 3. Pp. 7–8. (In Russ.)
21. Campinas Declaration7th BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministerial Meeting,Campinas, Brazil. September 20, 2019. URL: http://www.brics.utoronto.ca/docs/190920-sti.html (date accessed: 12.06.2020).
22. Explanatory Report to the Convention for the protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. URL: https://rm.coe.int/16800ccde5 (date accessed: 22.05.2020).
23. *João V.* Cordeiro. Ethical and legal challenges of personalized medicine: Paradigmatic examples of research, prevention, diagnosis and treatment. Revista Portuguesa de Saúde Pública. July–December 2014. Vol. 32, Is. 2. Pp. 164–180.

24. *Kevles D.J*. The gene patenting controversy: A convergence of law, economic interests and ethics. Eds.: D.J. Kevles, A. Berkowitz. *Brooklyn Law Review*. 2001. Vol. 67. No. 1. Pp. 233–248.
25. *Knott G.J.*, *Doudna J.A*. CRISPR-Cas guides the future of genetic engineering. *Science*. 2018. No. 361 (6405). Pp. 866–869.
26. *Kuppuswamy C.* The international legal governance of the human genome. 1st ed. Routledge, 2009. P. 31 (210 p.).
27. *Nott R*. "You Did It": The European biotechnology directive at last. *European Intellectual Property Review*. 1998. Vol. 20. № 9. P. 349.
28. *Taylor P.* The common heritage of mankind: A bold doctrine kept within strict boundaries. URL: http://wealthofthecommons.org/essay/common-heritage-mankind-bolddoctrine-kept-within-strict-boundaries (date accessed: 07.06.2020).
29. *Knapton S*. British scientists granted permission to genetically modify human embryos. The *Daily Telegraph*. Feb. 1, 2016. URL: https://www.telegraph.co.uk/science/2016/03/12/british-scientists-granted-permission-to-genetically-modify-huma/ (date accessed: 07.06.2020).

24. *Kevles D.J*. The gene patenting controversy: A convergence of law, economic interests and ethics. Eds.: D.J. Kevles, A. Berkowitz. *Brooklyn Law Review*. 2001. Vol. 67. No. 1. Pp. 233–248.
25. *Knott G.J.*, *Doudna J.A*. CRISPR-Cas guides the future of genetic engineering. *Science*. 2018. No. 361 (6405). Pp. 866–869.
26. *Kuppuswamy C.* The international legal governance of the human genome. 1st ed. Routledge, 2009. P. 31 (210 p.).
27. *Nott R*. "You Did It": The European biotechnology directive at last. *European Intellectual Property Review*. 1998. Vol. 20. № 9. P. 349.
28. *Taylor P.* The common heritage of mankind: A bold doctrine kept within strict boundaries. URL: http://wealthofthecommons.org/essay/common-heritage-mankind-bolddoctrine-kept-within-strict-boundaries (date accessed: 07.06.2020).
29. *Knapton S*. British scientists granted permission to genetically modify human embryos. The *Daily Telegraph*. Feb. 1, 2016. URL: https://www.telegraph.co.uk/science/2016/03/12/british-scientists-granted-permission-to-genetically-modify-huma/ (date accessed: 07.06.2020).

Статья поступила в редакцию 14.06.2020, принята к публикации 23.06.2020
The article was received on 14.06.2020, accepted for publication 23.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахмадова Марьям Абдурахмановна, кандидат юридических наук; главный специалист Главного контрольного управления города Москвы. Москва, Российская Федерация. Author ID (РИНЦ): 884232. ORCID: 0000-0003-1423-7044. E-mail: 4ernijkvadrat95@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maryam A. Akhmadova, Cand. Sci. (Law); chief specialist of the Main Control Department of the city of Moscow. Moscow, Russian Federation. Author ID: 884232. ORCID: 0000-0003-1423-7044. E-mail: 4ernijkvadrat95@gmail.com

Правила рецензирования авторских экземпляров статей, поступающих в издательский дом «Юр-ВАК» (в редакцию журнала «Социально-политические науки»). Права и обязанности авторов. Требования к публикациям. Порядок предоставления материалов на публикацию

О ЖУРНАЛЕ

Журнал входит в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по праву. Решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 01.12.2015 г. по следующим специальностям:

12.00.00 – Юридические науки,

23.00.00 – Политология,

09.00.00 – Философские науки.

Журнал востребован как в Российской Федерации, так и за рубежом, о чем свидетельствует география подписки на журнал. Журнал зарегистрирован в следующих базах данных: научная электронная библиотека E-LIBRARY.RU, ULRICHS WEB/GLOBAL SERIALS DIRECTORY, EAST VIEW, ИВИС, ЭБС (издательство «ЛАНЬ»). Также статьи журнала представлены в открытом доступе для обеспечения максимального цитирования в Google-Scholar, OCLC The world's libraries Connected, EBSCO Research Databases, RePEc, OpenAire, BASE Bielefeld Academic Search Engine.

Каждый выпуск журнала содержит не менее 250 стр., и включает не менее 50 научных статей от аспирантов до маститых докторов наук. Подписаться на журнал можно:

1. По каталогу «Газеты и журналы» ОАО Агентства «Роспечать» – индекс 83200. Телефон в Москве: 8 (495) 921-25-50.
2. Альтернативная подписка и курьерская доставка – Агентство «Урал-Пресс». Телефон в Москве: 8 (495) 789-86-36.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

Публикация статей в журнале осуществляется при условии заключения Автором лицензионного договора, условия и порядок заключения которого изложены в публичной оферте. Статьи и подписанный договор оферты следует направлять в электронном виде в Редакцию по E-mail: urvak@urvak.ru

Телефон редакции: +7 (495) 932-47-09, +7(916)577-94-06

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулиро-ванных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), и соблюдает Кодекс этики научных публикаций Некоммерческого партнерства «Комитет по этике научных публикаций».

Рукописи принимаются лишь при условии, что в настоящее время они не рассматриваются для публикации в другом издании, не размещались в Интернете и не были опубликованы ранее, ответственность за достоверность этой информации несет автор.

Авторы гарантируют, что их рукописи являются оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.

Авторы должны уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.

Авторы должны четко указать все источники, используемые в их тексте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статьях, цитат, юридических документов, а также не должны наносить урон чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц.

Авторы должны сообщать о любых ошибках, которые они обнаружат в своей рукописи после публикации.

Статьи по техническим и физико-математическим наукам направляются авторам для сверки до выхода номера. После сверки, авторы должны прислать подтверждение в редакцию о результатах.

КОМПЛЕКТНОСТЬ РУКОПИСИ

1. В начале статьи указывается номер специальности (обязательно).
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Фамилия, имя, отчество (полностью) автора, должность, ученое звание, ученая степень, место работы (все данные об авторах приводятся на русском и английском языках), электронный адрес, телефон.
4. Аннотация на русском языке и английском языках.

   Аннотация должна быть **четко структурированной** и отражать следующие аспекты содержания статьи (не более 100 слов в каж-дом разделе):

   Задача – причины/цели написания исследовательской работы. Обязательны ссылки на иностранных авторов, работающих над исследуемой задачей.

   Модель – методология (как это было выполнено / область исследования.

   Выводы – обсуждение/результаты.

   Рамки исследования/возможность последующего использования результатов научной работы (если применимо) – исключения/следующие шаги

   Практическое значение (если применимо) – применение на практике/что дальше?

   [NEW] Социальные последствия (если применимо) – влияние на общество/политику

   Оригинальность/ценность – кто сможет извлечь пользу из этой работы и что в ней нового? Для кого предназначена работа.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

5. 4–6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами). Используйте релевантные и известные ключевые слова. Ключевые слова должны отражать суть работы, научную новизну.
6. Текст статьи в редакторе Word. Для статей технических и физико-математических специальностей просим направлять также текст в формате pdf для проверки формул при верстке.
7. Список используемых литературных источников в едином формате, установленном ГОСТ Р 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.82–2001; фамилии авторов в алфавитном порядке. Количество цитируемых публикаций не должно превышать 15 источников.
8. Заполненная публичная оферта Издательства, размещенная на сайте: http://www.urvak.ru/upload/oferta-rus.pdf
9. Отчет системы **Антиплагиат** www.antiplagiat.ru в расширенной версии в формате pdf и текстом проверяемой статьи.
   - Рекомендуемая версия программы – система Антиплагиат.Вуз (модули поиска: Интернет (Антиплагиат), **Коллекция eLIBRARY.ru**, Диссертации и авторефераты РГБ, Университетская библиотека онлайн, Модуль поска переводных заимствований, Модуль поиска ЭБС «Лань», Модуль поиска ЭБС «Айбукс», Кольцо вузов, Модуль поиска ЭБС БиблиоРоссика, Цитирования).
   - Если воспользоваться бесплатной версией программы Антиплагиат, установленной в ВУЗе, невозможно, то принимается отчет программы www.antiplagiat.ru в платной версии с модулями проверки: Интернет (Антиплагиат), **Коллекция eLIBRARY.ru**, Диссертации и авторефераты РГБ.
   - Статьи рассматриваются с показателем оригинальности от 80%.
10. Объем публикуемых материалов **неограничен**, шрифт 14, интервал 1,5.
11. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.
12. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном варианте по электронной почте на адрес редакции urvak@urvak.ru или непосредственно на электроном носителе, так и в печатном виде.

Библиографические ссылки к статьям авторы оформляют по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». В библиографических ссылках используют сокращения отдельных слов и словосочетаний по ГОСТ 7.11–2004 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках» и ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила».

Рекомендуем авторам использовать Гарвардский стиль (*Harvard Style – именная – временная система* (*name-date system*): *после цитируемой фразы или ссылки на мнение автора в скобках указываются фамилия автора цитируемой работы и год ее публикации, а в списке литературы источники даются в алфавитном порядке*) с тем, чтобы информация корректнее отображались в международных базах данных.

Все журналы Издательского дома «Юр-ВАК» предоставляются в полнотекстовом виде в базе ведущего мирового агрегатора научной периодики EBSCO Pub-lishing на платформе EBSCOhost.

Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках – указываются **фамилия автора** (без инициалов), **год**. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, указывают номер страницы: [Иванов, 2010: 60]

В списке литературы:

Иванов И.И. Название статьи // Название журнала. год. Т. *номер тома*. № *номер*. С. *страницы*.

Если ссылка содержит сведения о нескольких работах, они разделяются знаком точка с запятой:

[Иванов, Сидоров, Латышев, *Год*; Петров, *Год*]

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Издательский дом «Юр-ВАК» осуществляет обязательное двойное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журналов, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей.

Срок рецензирования – **20 рабочих дней**.

Все статьи проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям и требованиям к оформлению библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям журналов;
- проверяются системой Antiplagiat в полной платной версии на сайте ww.antiplagiat.ru, данные об оригинальности статей печатаются в журналах после текста работы;
- к публикации принимаются тексты, оригинальность которых составляет не менее 80%.

Если в ходе обязательной независимой редакционной проверки будут обнаружены факты некорректного обхода системы проверки Антиплагиат, в публикации будет отказано.

После успешного прохождения первичного отбора статьи направляются **на обязательное внешнее рецензирование**. Рецензенту направляется для рассмотрения статья автора и отчет программы Антиплагиат www.antiplagiat.ru.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании. Подробные правила рецензирования изложены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» http://www.urvak.ru/review/

В своем отзыве на статью рецензент:

1) оценивает соответствие статьи тематике журнала;
2) проводит оценку уровня научной работы представленной рукописи;
3) оригинальные результаты / выводы, полученные в работе;
4) наличие ошибочных утверждений;
5) отсутствие заимствований;
6) актуальность и значимость представленной статьи;
7) наличие ссылок на работы других авторов, в том числе и зарубежных исследователей, работающих по данной тематике;
8) определяет качество оформления работы;

9) соответствие заглавия и аннотации основному содержанию работы;
10) наличие сформулированной во введении цели работы;
11) адекватность и обоснованность основных выводов работы;
12) требуются ли орфографические правки в тексте;
13) дает одно из следующих заключений по работе в целом:
    - статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-ВАК»;
    - статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-ВАК» после доработки текста автором;
    - статью необходимо качественно переработать и рассмотреть вопрос о ее публикации после нового рецензирования.

Отрицательная рецензия оформляется на отдельной странице для отправки авторам с подписью рецензента и главного редактора.

Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция не выплачивает авторам денежные вознаграждения за предоставленные для публикации материалы.

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

СВЕДЕНИЯ О РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ / РЕДАКЦИОННОМ СОВЕТЕ РЕЦЕНЗИРУЕМОГО НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» (КОЛИЧЕСТВО АКАДЕМИКОВ, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТОВ, ДОКТОРОВ НАУК, КАНДИДАТОВ НАУК, ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ)

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (11 докторов наук, 1 кандидат наук, 1 зарубежный ученый)

1 Андреев Валерий Витальевич; д-р ист. наук, профессор;
2 Володина Нина Витальевна; д-р юрид. наук, д-р филос. наук, профессор;
3 Исаев Игорь Андреевич; д-р юрид. наук, профессор;
4 Ковлер Анатолий Иванович; д-р юрид. наук, профессор;
5 Мархгейм Марина Васильевна; д-р юрид. наук, профессор;
6 Мулукаев Роланд Сергеевич; д-р юрид. наук, профессор;
7 Насурдинов Эмом Сайфидинович; канд. юрид. наук, доцент;
8 Нефёдов Борис Иванович; д-р юрид. наук, доцент;
9 Сушкова Юлия Николаевна; д-р ист. наук, доцент;
10 Тонков Евгений Евгеньевич; д-р юрид. наук, профессор;
11 Худойкина Татьяна Викторовна; д-р юрид. наук, профессор;
12 Шульженко Юрий Леонидович; д-р юрид. наук, профессор

12.00.02 Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (6 докторов наук)

1 Ботнев Владимир Константинович; д-р юрид. наук, доцент;
2 Гошуляк Виталий Владимирович; д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор;
3 Еремин Алексей Роальдович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Ковлер Анатолий Иванович; д-р юрид. наук, профессор;
5 Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна; д-р юрид. наук, профессор;
6 Шульженко Юрий Леонидович; д-р юрид. наук, профессор

12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (9 докторов наук, 1 зарубежный ученый)

1 Буянова Марина Олеговна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Занковский Сергей Сергеевич; д-р юрид. наук, профессор;
3 Кудрявцева Елена Васильевна д-р юрид. наук, профессор;
4 Курбанов Рашад Афатович; д-р юрид. наук, профессор;
5 Лабин Дмитрий Константинович; д-р юрид. наук, профессор;
6 Летова Наталья Валерьевна; д-р юрид. наук, профессор;
7 Скачкова Галина Семеновна; д-р юрид. наук, профессор;
8 Хатунцев Олег Александрович; д-р юрид. наук, доцент;
9 Rafal Adamus; д-р юрид. наук, профессор (Польша)

12.00.04 Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (5 докторов наук)

1 Горбунова Ольга Николаевна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Лабин Дмитрий Константинович; д-р юрид. наук, профессор;
3 Петрова Галина Владиславовна; д-р юрид. наук, профессор;
4 Рассолов Илья Михайлович; д-р юрид. наук, профессор;
5 Шмалий Оксана Васильевна; д-р юрид. наук, профессор

12.00.05 Трудовое право; право социального обеспечения (5 докторов наук, 1 зарубежный ученый)

1 Андриановская Ирина Ивановна; д-р юрид. наук, доцент;
2 Буянова Марина Олеговна; д-р юрид. наук, профессор;
3 Занковский Сергей Сергеевич; д-р юрид. наук, профессор;
4 Касумов Алыш Мамиш оглы; д-р юрид. наук, профессор;
5 Скачкова Галина Семеновна; д-р юрид. наук, профессор

12.00.06 Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (7 докторов наук)

1 Агафонов Вячеслав Борисович; д-р юрид. наук, доцент;
2 Бринчук Михаил Михайлович; д-р юрид. наук, профессор;
3 Выпханова Галина Викторовна; д-р юрид. наук, профессор;
4 Гиззатуллин Равиль Хасанович; д-р юрид. наук, доцент;
5 Жаворонкова Наталья Григорьевна; д-р юрид. наук, профессор;
6 Занковский Сергей Сергеевич; д-р юрид. наук, профессор;
7 Макарова Тамара Ивановна; д-р юрид. наук, профессор

12.00.07 Корпоративное право; энергетическое право (4 доктора наук, 1 зарубежный ученый)

1 Выпханова Галина Викторовна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Жаворонкова Наталья Григорьевна; д-р юрид. наук, профессор;
3 Курбанов Рашад Афатович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Rafal Adamus; д-р юрид. наук, профессор (Польша)

12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (10 докторов наук, 1 кандидат наук, 1 зарубежный ученый)

1 Букалерова Людмила Александровна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Зиядова Дурея Зиядовна; д-р юрид. наук, профессор;
3 Иванов Никита Георгиевич; д-р юрид. наук, профессор; Заслуженный юрист РФ
4 Калинкина Любовь Даниловна; канд. юрид. наук, доцент;
5 Капинус Оксана Сергеевна; д-р юрид. наук, профессор;
6 Лесников Геннадий Юрьевич; д-р юрид наук, профессор;
7 Лопашенко Наталия Александровна; д-р юрид. наук, профессор;
8 Осмоналиев Кайрат Медербекович; д-р юрид. наук, профессор;
9 Серебренникова Анна Валерьевна; д-р юрид. наук, профессор;
10 Трунцевский Юрий Владимирович; д-р юрид. наук, профессор

12.00.09 Уголовный процесс (6 докторов наук, 1 кандидат наук; 2 зарубежных ученых)

1 Воскобитова Лидия Алексеевна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Джафаров Азер Мамед оглы; д-р юрид. наук, профессор;
3 Жалыбин Сергей Михайлович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Исаенко Вячеслав Николаевич; д-р юрид. наук, профессор;
5 Калинкина Любовь Даниловна; канд. юрид. наук, доцент;
6 Серебренникова Анна Валерьевна; д-р юрид. наук, профессор

12.00.10 Международное право; Европейское право (7 докторов наук, 1 кандидат наук, 1 зарубежный ученый)

1 Воронин Евгений Ростиславович; канд. юрид. наук, доцент;
2 Гурбанов Рамин Афад оглы; д-р юрид. наук, профессор;
3 Ковлер Анатолий Иванович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Курбанов Рашад Афатович; д-р юрид. наук, профессор;
5 Лабин Дмитрий Константинович; д-р юрид. наук, профессор;
6 Мещерякова Ольга Михайловна; д-р юрид. наук, профессор;
7 Нефёдов Борис Иванович; д-р юрид. наук, доцент;
8 Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна; д-р юрид. наук, профессор

12.00.11 Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (4 доктора наук, 2 кандидата наук)

1 Винокуров Александр Юрьевич; д-р юрид. наук, профессор;
2 Воронин Евгений Ростиславович; канд. юрид. наук, доцент;
3 Воронов Александр Федорович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Калинкина Любовь Даниловна; канд. юрид. наук, доцент;
5 Капинус Оксана Сергеевна; д-р юрид. наук, профессор;
6 Трунцевский Юрий Владимирович; д-р юрид. наук, профессор

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (4 доктора наук, 1 зарубежный ученый)

1. Зигмунт Ольга; PhD по праву, доцент
2 Ищенко Евгений Петрович; д-р юрид. наук, профессор;
3 Кулешов Роман Владимирович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Лесников Геннадий Юрьевич; д-р юрид. наук, профессор

12.00.13 Информационное право (4 доктора наук)

1 Выпханова Галина Викторовна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Рассолов Илья Михайлович; д-р юрид. наук, профессор;
3 Трунцевский Юрий Владимирович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Хатунцев Олег Александрович; д-р юрид. наук, доцент

12.00.14 Административное право; административный процесс (6 докторов наук)

1 Винокуров Александр Юрьевич; д-р юрид. наук, профессор;
2 Гречкина Ольга Владимировна; д-р юрид. наук, профессор;
3 Еремин Алексей Роальдович; д-р юрид. наук, профессор;
4 Рассолов Илья Михайлович; д-р юрид. наук, профессор;
5 Скачкова Галина Семеновна; д-р юрид. наук, профессор;
6 Шмалий Оксана Васильевна; д-р юрид. наук, профессор

12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс (5 докторов наук)

1 Беликова Ксения Михайловна; д-р юрид. наук, профессор;
2 Воронов Александр Федорович; д-р юрид. наук, профессор;
3 Женетль Светлана Закошуовна; д-р юрид. наук, профессор;
4 Кудрявцева Елена Васильевна; д-р юрид. наук, профессор;
5 Летова Наталья Валерьевна; д-р юрид. наук, профессор

23.00.00 ПОЛИТОЛОГИЯ

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки (8 докторов наук, 1 кандидат наук)

1 Грачев Михаил Николаевич; д-р полит. наук, профессор;
2 Доленко Дмитрий Владимирович; д-р полит. наук, профессор;
3 Залысин Игорь Юрьевич; д-р полит. наук, профессор;
4 Курюкин Андрей Николаевич; канд. полит. наук, доцент;
5 Личман Борис Васильевич; д-р ист. наук, профессор;
6 Пихоя Рудольф Германович; д-р ист. наук, профессор;
7 Сундиев Игорь Юрьевич; д-р филос. наук, профессор;
8 Шабров Олег Федорович; д-р полит. наук, профессор;
9 Шашкова Анна Владиславовна, д-р полит. наук, доцент

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии (10 докторов наук, 4 кандидата наук)

1 Бахлов Игорь Владимирович; д-р полит. наук, доцент;
2 Бахлова Ольга Владимировна; д-р полит. наук, доцент;
3 Бочарников Игорь Валентинович; д-р полит. наук, профессор;
4 Грачев Михаил Николаевич; д-р полит. наук, профессор;
5 Гришнова Елена Евгеньевна; д-р полит. наук, профессор;
6 Доленко Дмитрий Владимирович; д-р полит. наук, профессор;
7 Курюкин Андрей Николаевич; канд. полит. наук, доцент;
8 Лебедева Маргарита Леонидовна; канд. полит. наук, доцент;
9 Морозова Елена Георгиевна; д-р полит. наук, профессор;
10 Тимофеева Лидия Николаевна; д-р полит. наук, профессор;
11 Чернякин Владимир Геннадьевич; канд. филос. наук, доцент;
12 Шабров Олег Федорович; д-р полит. наук, профессор;
13 Якушева Ирина Петровна; канд. полит. наук, доцент;
14 Шашкова Анна Владиславовна, д-р полит. наук, доцент

23.00.03 Политическая культура и идеологии (5 докторов наук, 2 кандидата наук)

1 Бельский Виталий Юрьевич; д-р филос. наук, профессор;
2 Залысин Игорь Юрьевич; д-р полит. наук, профессор;
3 Курюкин Андрей Николаевич; канд. полит. наук, доцент;
4 Лебедева Маргарита Леонидовна; канд. полит. наук, доцент;
5 Лепешко Борис Михайлович; д-р ист. наук, профессор;
6 Морозова Елена Георгиевна; д-р полит. наук, профессор;
7 Тимофеева Лидия Николаевна; д-р полит. наук, профессор

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (5 докторов наук, 1 кандидат наук)

1 Воронин Евгений Ростиславович; канд. юрид. наук, доцент;
2 Грачев Михаил Николаевич; д-р полит. наук, профессор;
3 Забияко Андрей Павлович; д-р филос. наук, профессор;
4 Нефёдов Борис Иванович; д-р юрид. наук, доцент;
5 Шабров Олег Федорович; д-р полит. наук, профессор;
6 Шашкова Анна Владиславовна, д-р полит. наук, доцент

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика (5 докторов наук)

1 Бахлов Игорь Владимирович; д-р полит. наук, доцент;
2 Бахлова Ольга Владимировна; д-р полит. наук, доцент;
3 Бочарников Игорь Валентинович; д-р полит. наук, профессор;
4 Мокшин Николай Федорович; д-р ист. наук, профессор;
5 Мокшина Елена Николаевна; д-р ист. наук, доцент

23.00.06 Конфликтология (5 докторов наук)

1 Бельский Виталий Юрьевич; д-р филос. наук, профессор;
2 Бочарников Игорь Валентинович; д-р полит. наук, профессор;
3 Залысин Игорь Юрьевич; д-р полит. наук, профессор;
4 Морозова Елена Георгиевна; д-р полит. наук, профессор;
5 Тимофеева Лидия Николаевна; д-р полит. наук, профессор

09.00.00. ФИЛОСОФИЯ

09.00.01 Онтология и теория познания (5 докторов наук)

1 Калинина Галина Викторовна; д-р филос. наук, профессор;
2 Павельева Татьяна Юрьевна; д-р филос. наук, доцент;
3 Сундиев Игорь Юрьевич; д-р филос. наук, профессор;
4 Тульчинский Григорий Львович; д-р филос. наук, профессор;
5 Хмелевская Светлана Анатольевна; д-р филос. наук, профессор

09.00.03 История философии (5 докторов наук, 1 кандидат наук)

1 Бельский Виталий Юрьевич; д-р филос. наук, профессор;
2 Лепешко Борис Михайлович; д-р ист. наук, профессор;
3 Павельева Татьяна Юрьевна; д-р филос. наук, доцент;
4 Плаксий Сергей Иванович; д-р филос. наук, профессор;
5 Тульчинский Григорий Львович; д-р филос. наук, профессор;
6 Чернякин Владимир Геннадьевич; канд. филос. наук, доцент

09.00.08 Философия науки и техники (4 доктора наук)

1 Павельева Татьяна Юрьевна; д-р филос. наук, доцент;
2 Петрий Петр Владимирович; д-р филос. наук, профессор;
3 Плаксий Сергей Иванович; д-р филос. наук, профессор;
4 Сильвестрова Тамара Яковлевна; д-р филос. наук, профессор

09.00.11 Социальная философия (8 докторов наук, 1 кандидат наук)

1 Аринин Евгений Игоревич; д-р филос. наук, профессор;
2 Володина Нина Витальевна; д-р филос. наук, профессор;
3 Исмуков Николай Аверкиевич; д-р филос. наук, профессор;
4 Калинина Галина Викторовна; д-р филос. наук, профессор;
5 Кирдина Светлана Георгиевна; д-р социол. наук, профессор;
6 Петрий Петр Владимирович; д-р филос. наук, профессор;
7 Сильвестрова Тамара Яковлевна; д-р филос. наук, профессор;
8 Сундиев Игорь Юрьевич; д-р филос. наук, профессор;
9 Чернякин Владимир Геннадьевич; канд. филос. наук, доцент

09.00.13 Философская антропология, философия культуры (5 докторов наук, 1 кандидат наук, 1 зарубежный ученый)

1 Аринин Евгений Игоревич; д-р филос. наук, профессор;
2 Забияко Андрей Павлович; д-р филос. наук, профессор;
3 Исмуков Николай Аверкиевич; д-р филос. наук, профессор;
4 Ксенофонтов Владимир Николаевич; д-р филос. наук, профессор;
5 Насурдинов Эмом Сайфидинович; канд. юрид. наук, доцент;
6 Яблоков Игорь Николаевич; д-р филос. наук, профессор

09.00.14 Философия религии и религиоведение (5 докторов наук)

1 Аринин Евгений Игоревич; д-р филос. наук, профессор;
2 Володина Нина Витальевна; д-р филос. наук, профессор;
3 Забияко Андрей Павлович; д-р филос. наук, профессор;
4 Мокшина Елена Николаевна; д-р ист. наук, доцент;
5 Яблоков Игорь Николаевич; д-р филос. наук, профессор

09.00.04 Эстетика (4 доктора наук)

1 Исмуков Николай Аверкиевич; д-р филос. наук, профессор;
2 Ксенофонтов Владимир Николаевич; д-р филос. наук, профессор;
3 Петрий Петр Владимирович; д-р филос. наук, профессор;
4 Хмелевская Светлана Анатольевна; д-р филос. наук, профессор

09.00.05 Этика (4 доктора наук)

1 Калинина Галина Викторовна; д-р филос. наук, профессор;
2 Ксенофонтов Владимир Николаевич; д-р филос. наук, профессор;
3 Плаксий Сергей Иванович; д-р филос. наук, профессор;
4 Яблоков Игорь Николаевич; д-р филос. наук, профессор

09.00.07 Логика (3 доктора наук)

1 Лепешко Борис Михайлович; д-р ист. наук, профессор;
2 Тульчинский Григорий Львович; д-р филос. наук, профессор;
3 Хмелевская Светлана Анатольевна; д-р филос. наук, профессор